РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. БАСТРЫКИН,
Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ

А.В. Федоров,
заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, генерал-полковник, Заслуженный юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,
ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции

О.Ю. Антонов,
проректор (по учебной и научной работе) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,
главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Л.В. Голоскоков,
ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент

Р.А. Каламкарян,
ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор юридических наук, профессор,
Лауреат премии имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

А.Н. Кузбагаров,
заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,
директор НИИ «Институт правовых исследований и региональной интеграции» РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

С.Я. Лебедев,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

И.М. Мацкевич,
ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почётный работник прокуратуры Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,
ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

И.М. Рассолов,
профессор департамента права Московского городского педагогического университета, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент

А.Л. Санташов,
профессор 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент

А.Ж. Саркисян,
декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент

А.Б. Скаков,
профессор кафедры уголовного права, уголовно-процессуального права и криминалистики Казахского национального университета им. аль-Фараби, профессор кафедры криминологии Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник образования Казахстана

В.Н. Ткачев,
начальник служебно-правового управления Договорно-правового департамента МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

В.Б. Шабанов,
заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

В.А. Шестак,
профессор 25 кафедры Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

Н.Д. Эриашвили,
главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА», доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. BASTRYKIN,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,
Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Juridical Sciences, Professor, Colonel General, Honored Lawyer of the Russian Federation

A.A. Bessonov,
Rector of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Major General of Justice

O.Yu. Antonov,
Vice-Rector (for academic and scientific work) of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

Yu.M. Antonyan,
Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,
Leading Researcher of the Research Department of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

R.A. Kalamkaryan,
Leading Researcher of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia (PFUR), Doctor of Juridical Sciences, Professor, F.F. Martens Prize Laureate (2007)

A.N. Kuzbagarov,
Head of the Department of Civil Law of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Juridical Sciences, Professor

R.A. Kurbanov,
Director of the Research Institute "Institute of Legal Studies and Regional Integration" of Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

I.M. Matskevich,
Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

S.Ya. Lebedev,
Head of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Russian State University named after A.N. Kosygin, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

G.B. Mirzoev,
Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

I.M. Rassolov,
Professor of the Law Department of the Moscow City University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor

A.L. Santashov,
Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the North-Western Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Associate Professor

A.Zh. Sarkisyan,
Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor

A.B. Skakov,
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan

V.N. Tkachev,
Head of the Service and Legal Division of the Department of Treaties and Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

V.B. Shabanov,
Head of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Juridical Sciences, Professor

V.A. Shestak,
Professor of the 25th department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor

N.D. Eriashvili,
Editor-in-Chief of the Publishing House "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, the Russian Federation Government Prize Laureate in the Field of Science and Technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московская академия
Следственного комитета
Российской Федерации
имени А.Я. Сухарева

Ректор Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент, генерал-майор юстиции
А.А. Бессонов

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
д-р экон. наук, канд. юрид. и истор. наук, проф., лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

Научный редактор, ответственный за издание
А.Ж. Саркисян,
декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент

В подготовке номера участвовали:

Редакторы
О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова

Художник
А.П. Яковлев

Верстка номера
М.А. Бакаян

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69322

Подписано в печать 27.12.2024
Цена договорная

Адрес редакции:
125080, Москва,
ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ № 4/2024

А.В. ФЕДОРОВ. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Португалии 9

Юридические науки

Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Региональное законодательство и его роль в обеспечении пограничных аспектов национальной безопасности России 26

С.В. ИВАНЧЕНКО, Л.А. КОХАНЕЦ, А.В. СОЛОДОВНИКОВА. Борьба с идеологией насилия: историко-правовые аспекты противодействия терроризму в России 35

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

А.Г. ВЕНИАМИНОВ. Классификация преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок 43

Н.Т. ИДРИСОВ. Легитимация и легитимность уголовно-правовых запретов: истоки и современный запрос 51

Г.Ф. КОИМШИДИ, Е.А. ШЕКК. Состояние и динамика террористической преступности в России 60

С.В. КРИШТОПОВ, С.Н. ХОРЬЯКОВ. К вопросу о санкции состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ 69

А.Ж. САРКИСЯН. Классификация и типология киберпреступников 74

О.С. СМИРНОВА, Н.С. МИХАЙЛОВА. Проблемы правовой квалификации скулшутинга 84

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

■ Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.

■ Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.

■ При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Расследование преступлений: проблемы и пути их решения» ссылка на журнал обязательна.

■ В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лиц, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 24,25
Печать офсетная
Отпечатано в типографии
ООО «Буки Веди» 117452, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Южное Бутово, ул. Адмирала Руднева, д. 4, помещ. 13/6. Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод – 1000 экз.

Уголовный процесс

Н.В. ОСМАНОВА. О правовой природе уголовного преследования и его месте в системе уголовно-процессуальных функций 90

Т.Ю. САБЕЛЬФЕЛЬД. Процессуальные вопросы возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям 101

И.Б. ТУТЫНИН. Роль процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве как показатель уровня политического развития государства 107

Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

С.В. ВАЛОВ. Организация руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации получения следователями сведений из внешних информационных систем 115

Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-разыскная деятельность

В.А. БИРЮКОВ, Н.В. КОНДРАТКОВА, Н.А. МОРОЗОВА. Противодействие легализации преступных доходов в России: проблемы и приоритетные направления 126

В.И. ЕЛИНСКИЙ, Д.С. ХИЖНЯК. Статистический анализ защит диссертаций по криминалистике (общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика) 133

К.К. КЛЕВЦОВ, С.В. ФИДЕЛЬСКИЙ. Особенности доказывания легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем 145

А.Ф. КУПИН. Правовая регламентация использования электронных документов и возможности их криминалистического исследования 151

И.П. МОЖАЕВА, И.В. ТИШУТИНА. Профессор А.Ф. Волынский: настоящее и будущее российской криминалистики 159

Ф.К. СВОБОДНЫЙ. Представления студентов о понятии «след» 169

Информационное право

В.Д. НИКИШИН, Т.А. САКОВ. Правовая экспертиза материалов, содержащих фейковую и дискредитирующую информацию об использовании Вооруженных Сил РФ и органах государственной власти РФ 175

Исследования молодых ученых

О.Е. РОСЛОВА. Экспериментальное исследование динамического стереотипа при производстве почерковедческих экспертиз подписей, выполненных от имени других лиц 188

FOUNDER

Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

Rector of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, associate professor, Major General of justice
A.A. Bessonov

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief
N.D. Eriashvili,
doctor of economic sciences, candidate of legal and historical sciences, professor, the winner of an award of the Government of the Russian Federation in the field of science and equipment
E-mail: professor60@mail.ru

Scientific editor, responsible for publishing

A.Zh. Sarkisyan,
Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

In preparation numbers involved:

Editors
O.V. Berberova,
I.D. Nesterova

Painter
A.P. Yakovlev

Imposition
M.A. Bakayan

The journal is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of telecom, information technologies and mass communications.

Signed in the press on
27.12.2024

Editorial staff adress:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: **7700153@gmail.com**

INVESTIGATION OF CRIMES: PROBLEMS AND SOLUTION

CONTENT № 4/2024

A.V. FEDOROV. Criminal liability of legal entities according to Portuguese law 9

Legal sciences

Theory and history of law and the State; the history of the teachings of law and the State

L.V. GOLOSKOKOV. Regional legislation and its role in ensuring border aspects of national security of Russia 26

S.V. IVANCHENKO, L.A. KOHANETS, A.V. SOLODOVNIKOVA. Combating the ideology of violence: historical and legal aspects of countering terrorism in Russia 35

Criminal law and criminology; penal enforcement law

A.G. VENIAMINOV. Classification of crimes in the field of public procurement 43

N.T. IDRISOV. Legitimation and legitimacy of criminal law prohibitions: origins and public demand 51

G.F. KOIMSHIDI, E.A. SHEKK. The state and dynamics of terrorist crime in Russia 60

S.V. KRISHTOPOV, S.N. KHORYAKOV. On the sanction of the corpus delicti by Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation 69

A.Zh. SARKISYAN. Classification and typology of cybercriminals 74

O.S. SMIRNOVA, N.S. MIKHAILOVA. Problems of legal qualification of school shooting 84

The original-model is created by publishing house «UNITY-DANA»

■ The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The respon-sibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

■ Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.

■ At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.

■ In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60x84 1/8
Print. sh. 24,25. Offset printing
It is sent for the press 27.12.2024

Printed in the printing house of LLC «Buki Vedi» 117452, Moscow, ext.ter.g. Yuzhnoye Butovo municipal district, Admiral Rudnev str., 4, room. 13/6. Ph.: 7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Order No.

Contractual price
The circulation is 3000 copies
The first plant — 1000 copies

Criminal trial

N.V. OSMANOVA. The legal nature of criminal prosecution and its role in the system of criminal procedure functions 90

T.Yu. SABELFELD. Procedural issues in initiation of criminal case for tax crimes 101

I.B. TUTYNIN. The role of procedural coercion of a property nature in criminal proceedings as an indicator of the level of political development of the state 107

Judicial activities, prosecutorial activities, human rights and law enforcement activities

S.V. VALOV. Organization by the heads of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for the receipt by investigators of information from external information systems 115

Criminalistics; forensic expertise; operational and investigative activities

V.A. BIRYUKOV, N.V. KONDRATKOVA, N.A. MOROZOVA. Countering the legalization of criminal proceeds in Russia: problems and priorities 126

V.I. ELINSKY, D.S. KHIZHNYAK. Statistical analysis of thesis defense in criminalistics (common theory of criminalistics, forensic technics, forensic tactics) 133

K.K. KLEVTSOV, S.V. FIDELSKY. Features of proving the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means 145

A.F. KUPIN. Legal regulation of the use of electronic documents and the possibilities of their forensic research 151

I.P. MOZHAEVA, I.V. TISHUTINA. Professor A.F. Volynsky: the present and future of Russian forensic science 159

CONTENTS

F.K. SVOBODNIY. Students' ideas about the concept of trace 169

Information law

V.D. NIKISHIN, T.A. SAAKOV. Legal examination of materials containing fake and discrediting information about the usage of the Armed Forces and state authorities of the Russian Federation 175

Research by young scientists

O.E. ROSLOVA. An experimental study of a dynamic stereotype in the production of handwriting examinations of signatures made on behalf of other persons 188

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 9—25.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 9–25.

УДК 343.221.51(469)
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.001

NIION: 2015-0064-04/24-247
MOSURED: 77/27-009-2024-04-446

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Португалии

Александр Вячеславович Федоров
Следственный комитет Российской Федерации,
Москва, Россия, 1956af@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена законодательству Португалии об уголовной ответственности юридических лиц. Рассматриваются вопросы формирования португальского уголовного законодательства и включения в него норм об уголовной ответственности юридических лиц. Отмечается, что в Португалии уголовное законодательство кодифицировано лишь частично — помимо Уголовного кодекса имеются и другие законодательные акты (законы и декреты-законы), содержащие уголовно-правовые нормы.

Основанием для законодательного закрепления уголовной ответственности юридических лиц стало принятие в 1982 году нового Уголовного кодекса Португалии, статьи которого не устанавливали такой ответственности за предусмотренные кодексом преступления, но которым допускалось установление уголовной ответственности юридических лиц другими законами. Впервые уголовная ответственность юридических лиц была предусмотрена декретом-законом в 1984 году за преступления в сфере экономики. Рассматриваются предусмотренные этим законодательным актом общие условия привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, а также установленные им основные уголовные наказания для юридических лиц: предупреждение, штраф и ликвидация. Дается краткая характеристика законам, предусматривающим уголовную ответственность за налоговые и террористические преступления. Анализируется дополнение в 2007 году Уголовного кодекса Португалии нормами об уголовной ответственности юридических лиц.

Отмечается, что в Португалии имеет место так называемая избирательная криминализация, когда первоначально законодательно определяются преступления, за которые предусматривается уголовная ответственность физических лиц, а затем в рамках имеющегося перечня преступлений устанавливается, за какие из них возможна уголовная ответственность лиц юридических. Приводятся предусмотренные Уголовным кодексом Португалии преступления, за которые возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. Дается краткая характеристика предусмотренным Уголовным кодексом Португалии общим условиям привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, а также специальным условиям, дополняющим общие, при наличии которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц за отдельные преступления.

Указывается, что в Португалии предусмотрена преемственность уголовной ответственности юридических лиц, когда в случае разделения или присоединения юридического лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, субъектом такой ответственности признается юридическое лицо, образованное в результате разделения, или с которым произошло слияние.

Рассматриваются уголовные наказания, предусмотренные Уголовным кодексом Португалии для юридических лиц.

Ключевые слова: Португалия; юридические лица; Уголовный кодекс Португалии; уголовная ответственность; уголовные наказания для юридических лиц; преступления, за совершение которых привлекаются к уголовной ответственности юридические лица; правопреемство уголовной ответственности.

Для цитирования: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Португалии // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 9—25 . doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.001.

© Федоров А.В., 2024

Criminal liability of legal entities according to Portuguese law

Aleksandr V. Fedorov
Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, 1956af@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Portuguese legislation on the criminal liability of legal entities. The issues of formation of the Portuguese criminal legislation and inclusion of the norms on the criminal liability of legal entities in it are considered. It is noted that in Portugal the criminal legislation is only partially codified — in addition to the criminal code, there are other legislative acts (laws and decree-laws) containing criminal law norms.

The basis for the legislative consolidation of the criminal liability of legal entities was the adoption in 1982 of the new Penal Code of Portugal, the articles of which did not establish such liability for the crimes provided for by the Code, but which allowed the establishment of criminal liability of legal entities by other laws. For the first time, the criminal liability of legal entities was provided for by a decree-law in 1984 for crimes in the economic sphere. The general conditions for bringing legal entities to criminal liability provided for by this legislative act, as well as the main criminal penalties for legal entities established by it are considered: a warning, a fine and liquidation. A brief description of the laws providing for criminal liability for tax and terrorist crimes is given. The article analyzes the addition of provisions on criminal liability of legal entities to the Penal Code of Portugal in 2007.

It is noted that so-called selective criminalization takes place in Portugal, when crimes for which individuals are subject to criminal liability are initially defined by law, and then, within the framework of the existing list of crimes, it is established for which of them legal entities may be subject to criminal liability. The article provides the crimes provided for by the Penal Code of Portugal for which legal entities may be subject to criminal liability. It provides a brief description of the general conditions for bringing legal entities to criminal liability provided for by the Penal Code of Portugal, as well as special conditions supplementing the general ones, under which legal entities may be subject to criminal liability for certain crimes.

It is indicated that Portugal provides for the continuity of criminal liability of legal entities, when in the event of division or accession of a legal entity subject to criminal liability, the subject of such liability is recognized as the legal entity formed as a result of the division or with which the merger occurred.

The criminal penalties provided for by the Penal Code of Portugal for legal entities are considered.

Keywords: Portugal, legal entities, Penal Code of Portugal, criminal liability, criminal penalties for legal entities, crimes for which legal entities are criminally liable, succession of criminal liability.

For citation: Fedorov, A.V. (2024) Criminal liability of legal entities according to Portuguese law. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 9—25. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.001.

Настоящая статья продолжает цикл публикаций в журналах Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева об уголовной ответственности юридических лиц в европейских странах[1] и посвящена уголовному законодательству Португальской Республики (далее по тексту — Португалия).

[1] См.: Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. № 2 (2). С. 13—18; 2015. № 4 (10). С. 13—21; 2019. № 2 (24). С. 17—31; 2020. № 1 (27). С. 9—25; 2021. № 1 (31). С. 17—30; № 3 (33). С. 9—28; 2022. № 1 (35). С. 14—29; 2023. № 3 (41). С. 9—21; № 4 (42). С. 9—23; 2024. № 1 (43). С. 13—25; № 2 (44). С. 9—30; Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015. № 4 (6). С. 33—41; 2017. № 1 (11). С. 15—25; 2018. № 2 (16). С. 13—23; 2020. № 1 (23). С. 17—35; 2021. № 1 (27). С. 16—31; № 2 (28). С. 18—37; 2023. № 2 (36). С. 25—38; № 4 (38). С. 11—22; 2024. № 2 (40). С. 17—29.

Португалия относится к государствам романо-германской (континентальной) системы уголовного права и входит в выделяемую в рамках этой системы итало-иберийскую группу уголовного права[2], включающую законодательно определившие различные модели уголовной ответственности юридических лиц такие европейские государства, как Испания[3], Италия[4] и Турция[5].

Однако если уголовное право указанных государств обстоятельно рассматривалось в российских исследованиях, то по уголовному праву Португалии почти нет российских публикаций.

1. Формирование португальского уголовного законодательства

Начало формирования национального португальского уголовного законодательства связано со становлением португальской государственности в XII веке — выделением Португалии из состава Испанского королевства[6].

Частичная кодификация путем принятия национальных уголовных кодексов началась в Португалии в XIX веке.

Вопрос о кодификации уголовного законодательства Португалии требует пояснения, так как в российских публикациях в этой части имеются разночтения.

Например, Б.С. Утевский отмечал, что в XIX веке в Португалии действовал уголовный кодекс 1832 г. с изменениями 1884 г. и 1886 г.[7] Ф.М. Решетников указывал, что первый уголовный кодекс Португалии был принят в 1852 г., второй — в 1886 г., третий — в 1982 г.[8]

В настоящее время появилась возможность ознакомления со всем массивом законодательных актов Португалии, что позволяет составить более точное представление об основных этапах кодификации уголовного законодательства этой страны.

Декретом от 18 августа 1932 г. была создана комиссия для работы над проектом кодификации уголовных наказаний.

Первый Уголовный кодекс Португалии (далее по тексту — УК Португалии) был принят Декретом от 4 января 1837 г. [Código Penal pelo Decreto de 4 de Janeiro de 1837], но так и не вступил в силу.

Второй УК Португалии был принят Декретом от 10 декабря 1852 г. [Código Penal approvado por Decreto de 10 de Dezembro de 1852][9] и действовал с изменениями и дополнениями (в том числе весьма существенными) в течение 35 лет.

Третий УК Португалии был принят Декретом от 16 сентября 1886 г. [Código Penal approvado por Decreto de 16 de Setembro de 1886][10] и действовал с изменениями и дополнениями более 100 лет.

---

[2] См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 36—37.

[3] Об уголовной ответственности юридических лиц в Испании см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании: становление и общие положения // Российский следователь. 2019. № 11. С. 72—80; Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании: преступления и наказания // Российский следователь. 2020. № 1. С. 74—80.

[4] Об итальянской модели уголовной ответственности юридических лиц см.: Русанов Г.А. Модель уголовной ответственности юридических лиц за посягательства в сфере экономической деятельности // Государство и право. 2023. № 8. С. 118—119.

[5] Об уголовной ответственности юридических лиц в Турции см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Турции // Российский следователь. 2023. № 4. С. 63—68; Федоров А.В. Турецкое уголовное законодательство об ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2023. № 5. С. 65—68; Федоров А.В. Уголовно-процессуальный порядок привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в Турецкой Республике // Российский следователь. 2023. № 6. С. 64—68.

[6] Об истории Португалии см.: Сарайва Ж.Э. История Португалии: пер. с португ. М., 2007; Поляков А.К. Португалия. Полная история страны. М., 2021.

[7] См.: Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. С. 272.

[8] См.: Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М., 1993. С. 161—163.

[9] См.: Código Penal approvado por Decreto de 10 de Dezembro de 1852. Sétima edição oficial. Lisboa: Imprensa Nacional, 1877. 223 p. [Уголовный кодекс, утвержденный указом от 10 декабря 1852 г. Седьмое официальное издание. Лиссабон: Национальная пресса, 1877. 223 с.]

[10] См.: Codigo Penal. Approvado por Decreto de 16 de Setembro de 1886. Edição official. 126 p. [Уголовный кодекс: утвержден Указом от 16 сентября 1886 г. Издание официальное. 126 с.]

Четвертый УК Португалии, заменивший УК Португалии 1886 г., принят Декретом-законом от 23 сентября 1982 г. № 400/82 [Código Penal aprovado pelo Decreto-Lei n.º 400/82, de 23 de Setembro][11] и вступил в силу 1 января 1983 г.

Измененный УК Португалии, действующий в настоящее время, принят Декретом-законом от 15 марта 1995 г. № 63/95[12] и вступил в силу с 1 октября 1995 г.

2. Формирование португальского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц

В российских публикациях, упоминающих о наличии уголовной ответственности юридических лиц в Португалии, также имеются разночтения о времени и актах установления такой ответственности.

Например, В.Н. Додонов указывает, что институт уголовной ответственности юридических лиц существует в законодательстве Португалии с 2007 г.[13] Е.Ю. Антонова отмечает, что институт корпоративной уголовной ответственности регламентирован в Португалии с 1982 г.[14]

Для уяснения вопроса о том, когда и каким актом установлена уголовная ответственность в Португалии, необходимо учитывать, что в этой стране Уголовный кодекс не единственный источник уголовного права. Уголовно-правовые нормы содержатся и в иных законодательных актах — законах и декретах-законах[15]. Эти акты именуются иногда как вторичное уголовное законодательство (legislação penal secundária).

УК Португалии 1982 г. на момент принятия не содержал норм об уголовной ответственности юридических лиц. В то же время в Декрете-законе от 23 сентября 1982 г. № 400/82, которым был принят новый УК Португалии, констатировалось, что значительная часть самых опасных преступлений, которые укрывают и используют юридические лица, подпадает под юрисдикцию уголовного права, и если уголовная ответственность физических лиц определяется с учетом концепции виновности, то в отношении уголовной ответственности юридических лиц возможно установление законом исключений в обоснованных случаях.

Таким образом, УК Португалии 1982 г. не устанавливал непосредственно уголовную ответственность юридических лиц (нормы об уголовной ответственности юридических лиц были включены в УК Португалии в 2007 г.), но в Декрете-законе, которым он был принят, определялось основание для установления такой ответственности другими законами.

Первым национальным законодательным актом Португалии, предусматривающим уголовную ответственность юридических лиц, стал Декрет-закон от 20 января 1984 г. № 28/84 (Decreto-Lei n.º 28/84, de 20 de janeiro)[16], установивший уголовную и административную ответственность за ряд правонарушений (преступлений и проступков) в сфере экономики и общественного здравоохранения.

Декреты-законы, в том числе содержащие уголовно-правовые нормы, принимаются Правительством Португалии на основании ст. 198 Конституции Португалии, устанавливающей, что в области осуществления законодательных функций в компетенцию Правительства входит

[11] В соответствии со ст. 119 Конституции Португалии от 2 апреля 1976 г. законы, декреты-законы и ряд других актов публикуются в издании Diário da República — «Ежедневной газете Республики». Здесь и далее в ссылках на источник опубликования нормативных актов будет указываться это издание. Так, четвертый УК Португалии см.: Diário da República n.º 221/1982, 1º Suplemento, Série I de 1982-09-23.

[12] Diário da República n.º 63/1995, Série I-A de 1995-03-15.

[13] См.: Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 168.

[14] См.: Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб, 2011. С. 18.

[15] Согласно ст. 112 Конституции Португалии общими законодательными актами Португалии являются декреты и декреты-законы, имеющие одинаковую силу. См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. и со вступ. статьей Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 781—782.

[16] Diário da República n.º 17/1984, Série I de 1984-01-20, páginas 240—258.

принятие декретов-законов в областях, отнесенных к относительному ведению законодательной компетенции Ассамблеи Республики, на основании полномочия, предоставленного ему последней, а также принятие декретов-законов, реализующих принципы и общие основы юридического режима, который содержится в законах, предписывающих делать это[17].

Полномочие Правительству на издание Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 было предоставлено Законом от 24 августа 1983 г. № 12/83 (Lei n.º 12/83, de 24 de agosto)[18], уполномочивающим Правительство на изменение существующих режимов, классификацию новых уголовных преступлений и правонарушений, определение новых наказаний или изменение существующих.

3. Основные положения Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 об уголовной ответственности юридических лиц

В Декрете-законе от 20 января 1984 г. № 28/84 указывается, что его важной особенностью является то, что впервые в Португалии признается уголовная ответственность юридических лиц[19], рекомендуемая международными организациями, в частности Советом Европы. Констатируется, что такая ответственность является спорной с точки зрения уголовной догматики, но она обусловлена практическими реалиями, поскольку повсеместно происходит отказ от старого принципа *societas delinquere non potest* (общество не может быть виноватым) применительно к преступлениям в сфере экономики. Кроме того, отмечается, что Декретом-законом закрепляется принцип уголовной ответственности юридических лиц — необходимость связи между поведением агента — физического лица и коллективного субъекта, поскольку первый должен действовать от имени или по поручению второго и в коллективных интересах.

Этот принцип нашел отражение в статье 3 «Уголовная ответственность юридических и приравненных к ним лиц» Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84, согласно которой юридические и приравненные к ним лица (далее по тексту — юридические лица) несут ответственность за преступления, предусмотренные указанным Декретом-законом, если они совершены их органами или агентами (представителями) от их имени и в коллективных интересах. При этом уголовная ответственность юридических лиц не исключает индивидуальной уголовной ответственности соответствующих агентов. Уголовная ответственность исключается, если агент (представитель юридического лица) действовал вопреки прямо выраженным распоряжениям юридического лица.

4. Уголовные наказания для юридических лиц, предусмотренные Декретом-законом от 20 января 1984 г. № 28/84

Декрет-закон от 20 января 1984 г. № 28/84 предусматривает основные и дополнительные уголовные наказания для юридических лиц.

Статьей 7 «Наказания, применяемые к юридическим лицам» Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 за преступления, предусмотренные этим Декретом-законом, установлены следующие основные наказания (penas principais):

1) предупреждение (Admoestação);

2) штраф (Multa);

3) ликвидация (Dissolução).

Статьей 8 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 предусмотрены следующие дополнительные наказания: 1) конфискация имущества; 2) залог; 3) судебный приказ; 4) временный запрет на занятие определенной деятельностью

[17] См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. и со вступ. статьей Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 808.

[18] Diário da República n.º 194/1983, Série I de 1983-08-24, páginas 2993—2994.

[19] Административная ответственность юридических лиц за правонарушения к моменту принятия Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 уже имела место в Португалии. См., напр., Декрет-закон от 16 мая 1983 г. № 191/83. (Decreto-Lei n.º 191/83, de 16 de maio // Diário da República n.º 112/1983, Série I de 1983-05-16, páginas 1769—1776.)

или профессией; 5) временное лишение права участвовать в аукционах или публичных тендерах на поставки; 6) лишение права на субсидии, предоставляемые государственными организациями; 7) лишение права участвовать в ярмарках или рынках; 8) лишение права поставок через органы государственного управления или субъекты государственного сектора; 9) временное закрытие предприятия; 10) окончательное закрытие предприятия; 11) публикация приговора.

Определяется, что наказание в виде предупреждения применяется к юридическому лицу в случаях, когда возможно ограничиться предупреждением и в отношении физического лица, совершившего преступление в интересах юридического лица.

Исходя из того, что штрафы за преступления указываются в штрафо-днях, установлено, что каждый день штрафа соответствует сумме от 1000 до 1 000 000 долларов США[20], которую суд устанавливает в зависимости от экономической ситуации и финансового положения юридического лица[21].

В Декрете-законе от 20 января 1984 г. № 28/84 особо охарактеризовано наказание в виде ликвидации юридического лица. Указывается, что это наказание из-за своей строгости предназначено для очень ограниченных случаев совершения преступлений и его всегда следует применять с должной осторожностью.

Статьей 7 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 установлено, что наказание в виде ликвидации может быть назначено только в том случае, если учредители юридического лица имели исключительное или преобладающее намерение совершить через него преступления, предусмотренные Декретом-законом, либо если юридическое лицо неоднократно использовалось для совершения таких преступлений.

В статьях, устанавливающих ответственность за отдельные преступления, детализировано применение наказания в виде ликвидации юридического лица.

Так, статьей 36 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84, предусматривающей ответственность за мошенничество при получении субсидии, установлено, что, если преступление совершается от имени и в интересах юридического лица или с использованием юридического лица, созданного исключительно или преимущественно для преступной деятельности, суд, помимо назначения денежного штрафа, выносит постановление о его ликвидации. При этом предусматривается публикация приговора.

Статья 37 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84, предусматривающая ответственность за нецелевое использование субсидии (использование её для целей, отличных от тех, для которых она предназначалась), устанавливает, что в случае, если такие деяния совершены неоднократно от имени и в интересах юридического лица и ущерб не был добровольно возмещен, суд выносит постановление о ликвидации юридического лица с публикацией приговора.

Статья 38 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84, предусматривающая ответственность за мошенничество при получении кредита, устанавливает, что за мошенничество при получении кредита на значительную сумму от имени и в интересах юридического лица суд может принять решение о его ликвидации и публикации приговора.

В соответствии со статьей 19 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 публикация приговора в установленном объеме осуществляется за счет осужденного в определенном периодическом издании.

Расследование преступлений, предусмотренных статьями 36—38 Декрета-закона, устанавливающими возможность ликвидации юридического лица, отнесено к исключительной компетенции судебной полиции (ст. 51 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84).

[20] В тот период времени размеры штрафов рассчитывались в Португалии, как и в ряде других стран, не в национальной валюте (португальских эскудо), а в долларах США. В 2002 г. в Португалии введен в наличное обращение евро, в связи с чем размеры штрафов стали определяться в евро.

[21] Размеры сумм приводятся с учетом уточнения Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84, произведенного Декларацией от 31 марта 1984 г. См.: Declaração, de 31 de março // Diário da República n.º 77/1984, 2º Suplemento, Série I de 1984-03-31, páginas 14—14.

Таковы некоторые положения Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84 об уголовной ответственности юридических лиц.

5. Развитие португальского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц после принятия Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84

Декрет-закон от 20 января 1984 г. № 28/84 положил начало принятию законодательных актов об уголовной ответственности юридических лиц за конкретные виды преступлений.

Например, Законом от 5 июня 2001 г. № 15/2001 (Lei n.º 15/2001, de 5 de junho)[22] предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц за налоговые преступления (налоговые мошенничества) и определено, что расследование дел о таких преступлениях производится с учетом положений этого закона в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом. Установлено, что налоговые преступления, совершенные юридическими лицами, подлежат штрафу в размере от 20 до 1920 штрафо-дней. Каждый штрафо-день для юридических лиц соответствует сумме от 5 евро до 5000 евро, которую суд устанавливает в зависимости от экономического и финансового положения осужденного юридического лица.

Законом от 22 августа 2003 г. № 52/2003 (Lei n.º 52/2003, de 22 de agosto)[23] установлена уголовная ответственность юридических лиц за террористические преступления в соответствии с Рамочным решением Совета Европы от 13 июня 2002 г. № 2002/475/ЈНА «О противодействии терроризму». За предусмотренные этим законом террористические преступления[24] юридическое лицо несет ответственность, если они совершены от его имени и в его коллективных интересах органами или представителями соответствующего юридического лица либо если совершение преступления стало возможным вследствие умышленного нарушения возложенных на органы и представителей юридического лица обязанностей по наблюдению или контролю. При этом ответственность юридического лица не исключает ответственности виновных физических лиц. За террористические преступления для юридических лиц в качестве основных наказаний установлены штраф и ликвидация. Штраф определен в размере от 100 до 1000 штрафо-дней, каждый из которых соответствует сумме от 5 евро до 5000 евро. Также отмечается, что при привлечении к уголовной ответственности юридических лиц за предусмотренные этим законом преступления применяются положения статей 11, 12, 14 и 19 Декрета-закона от 20 января 1984 г. № 28/84.

В последующем, путем внесения Законом от 4 сентября 2007 г. № 59/2007 (Lei n.º 59/2007, de 4 de setembro)[25] изменений в УК Португалии, была установлена уголовная ответственность юридических лиц и за предусмотренные Уголовным кодексом преступления, а также определены основания привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, применяемые к ним уголовные наказания и перечень предусмотренных УК Португалии преступлений, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц.

6. Предусмотренные УК Португалии преступления, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц

В Португалии юридические лица привлекаются к уголовной ответственности за совершение тех же преступлений, что и лица физические. Отсутствуют какие-то «специальные»

[22] Diário da República n.º 130/2001, Série I-A de 2001-06-05, páginas 3336—3427.

[23] Diário da República n.º 193/2003, Série I-A de 2003-08-22, páginas 5398—5400.

[24] Закон таковыми определяет создание террористической организации, руководство ею и участие в ней, совершение в составе террористической организации преступлений в террористических целях. При этом под террористической организацией понимается террористическая группа, организация или объединение.

[25] Diário da República n.º 170/2007, Série I de 2007-09-04, páginas 6181—6258.

преступления, за которые могут быть привлечены к уголовной ответственности исключительно юридические лица.

В то же время, в отличие от ряда других стран, в Португалии юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности в случае совершения не всех, а лишь некоторых преступлений, специально обозначенных в законах. То есть в Португалии имеет место так называемая избирательная криминализация, когда первоначально законодательно определяются преступления, за которые предусматривается уголовная ответственность физических лиц, а затем в рамках имеющегося перечня преступлений устанавливается, за какие из них возможна уголовная ответственность лиц юридических[26].

В странах Европы сложились два основных варианта конструкции норм уголовных кодексов, определяющих преступления, за которые предусмотрена ответственность юридических лиц. Первый — указание в конкретной статье Особенной части УК, что за предусмотренное этой статьей преступление возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. Второй, когда в статье Общей части УК устанавливается, за какие преступления, предусмотренные статьями Особенной части УК, возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц. В Португалии реализован второй вариант.

Законом от 4 сентября 2007 г. № 59/2007 была изменена ст. 11 Общей части УК Португалии. В новой редакции этой статьи пункт 2 содержал исчерпывающий перечень статей Особенной части УК Португалии, предусматривающих преступления, за совершение которых возможно привлечение юридических лиц к уголовной ответственности.

Согласно указанному перечню юридические и приравненные к ним лица (далее по тексту — юридические лица), за исключением государства, иных публичных юридических лиц и международных организаций публичного права, могли нести ответственность за преступления, предусмотренные статьями 152-А, 152-В, 159, 160, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 240, 256, 258, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 299, 335, 348, 353, 363, 367, 368-А, 372, 373 и 374 УК Португалии, а также статьями 163, 164, 165 и 166 УК Португалии, если потерпевшими являются несовершеннолетние. Таким образом, изначально предусматривалось, что привлечение к уголовной ответственности юридических лиц возможно в случае совершения преступлений, предусмотренных 58 статьями Особенной части УК Португалии.

В дальнейшем число статей, предусматривающих преступления, за совершение которых могут привлекаться к уголовной ответственности юридические лица, было расширено.

Следует учитывать, что перечень таких статей расширялся не только законами, вносящими изменения в пункт 2 ст. 11 УК Португалии, но и законами, дополняющими Особенную часть УК Португалии новыми статьями, так как в п. 2 ст. 11 УК Португалии указаны не только отдельные статьи, но и группы статей. В последнем случае указываются первая и последняя статья группы. Если Особенная часть УК дополняется новой статьей, включаемой в такую группу статей перечня, внесение изменений в п. 2 ст. 11 УК Португалии не требуется.

Именно так, без внесения изменений в п. 2 ст. 11 УК Португалии, перечень статей Особенной части УК Португалии, предусматривающих преступления, за совершение которых возможно привлечение юридических лиц к уголовной ответственности, был дополнен Законом от 2 сентября 2010 г. № 32/2010 еще несколькими статьями: 278-А, 278-В, 374-А и 374-В УК Португалии.

Как путем принятия новых законов менялся перечень статей Особенной части УК Португалии о преступлениях, за которые предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц, представлено в таблице 1.

[26] Подробнее об избирательной криминализации см.: Федоров А.В. Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц // Российский следователь. 2024. № 10. С. 41—46. doi: 10.18572/1812-3783-2024-10-41-46.

Таблица 1

Законы Португалии, дополняющие перечень статей Особенной части УК Португалии, предусматривающих преступления, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц

№	*Закон Португалии, дополняющий перечень преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК Португалии, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц (дата принятия и номер)*	*Статьи Особенной части УК Португалии, предусматривающие преступления, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц*
1.	Закон от 2 сентября 2010 г. № 32/2010 (Lei n.º 32/2010, de 2 de setembro)[27]	ст. 278-A, 278-B, 374-A и 374-B
2.	Закон от 15 ноября 2011 г. № 56/2011 (Lei n.º 56/2011, de 15 de novembro)[28]	ст. 279-A
3.	Закон от 22 апреля 2015 г. № 30/2015 (Lei n.º 30/2015, de 22 de abril)[29]	ст. 375 и 376
4.	Закон от 24 августа 2015 г. № 103/2015 (Lei n.º 103/2015, de 24 de agosto)[30]	ст. 176-A
5.	Закон от 23 августа 2017 г. № 94/2017 (Lei n.º 94/2017, de 23 de agosto)[31]	ст. 274-A
6.	Закон от 6 сентября 2019 г. № 102/2019 (Lei n.º 102/2019, de 6 de setembro)[32]	ст. 144-B
7.	Закон от 18 августа 2020 г. № 40/2020 (Lei n.º 40/2020, de 18 de agosto)[33]	ст. 176-B
8.	Закон от 24 ноября 2021 г. № 79/2021 (Lei n.º 79/2021, de 24 de novembro)[34]	ст. 203, 204, 205, 209, 210, 211, 223, 225, 231 и 232
9.	Закон от 21 декабря 2021 г. № 94/2021 (Lei n.º 94/2021, de 21 de dezembro)[35]	ст. 150, 156, 177, 206, 212, 213, 214, 215, 216, 226, 359 и 377
10.	Закон от 29 января 2024 г. № 15/2024 (Lei n.º 15/2024, de 29 de janeiro)[36]	ст. 176-C

[27] Diário da República n.º 171/2010, Série I de 2010-09-02, páginas 3849—3851.
[28] Diário da República n.º 219/2011, Série I de 2011-11-15, páginas 4862—4863.
[29] Diário da República n.º 78/2015, Série I de 2015-04-22, páginas 2010—2013.
[30] Diário da República n.º 164/2015, Série I de 2015-08-24, páginas 6253—6259.
[31] Diário da República n.º 162/2017, Série I de 2017-08-23, páginas 4915—4921.
[32] Diário da República n.º 171/2019, Série I de 2019-09-06, páginas 20—24.
[33] Diário da República n.º 160/2020, Série I de 2020-08-18, páginas 12—16.
[34] Diário da República n.º 228/2021, Série I de 2021-11-24, páginas 9—38.
[35] Diário da República n.º 245/2021, Série I de 2021-12-21, páginas 3—49.
[36] Diário da República n.º 20/2024, Série I de 2024-01-29, páginas 3—6.

Таким образом, первоначальный перечень был дополнен еще 34 статьями, и в настоящее время привлечение к уголовной ответственности юридических лиц возможно в случае совершения преступлений, предусмотренных 92 статьями Особенной части УК Португалии.

Как такие статьи распределились по разделам и главам Особенной части УК Португалии, показано в таблице 2.

Таблица 2

Статьи Особенной части УК Португалии, предусматривающие преступления, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, с разбивкой по разделам и главам Особенной части УК Португалии

Глава Особенной части УК Португалии	*Количество статей, предусматривающих преступления, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц*	*Статьи УК Португалии, включенные в перечень преступлений, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц*
Раздел I. Преступления против личности (ст. 131—291)		
Глава I. Преступления против жизни (ст. 131—139)	нет таких статей	
Глава II. Преступления против внутриутробной жизни (ст. 140—142)	нет таких статей	
Глава III. Преступления против физической неприкосновенности (ст. 143—152-B)	4 статьи	ст. 144-B, 150, 152-A и 152-B
Глава IV. Преступления против личной свободы (ст. 153—162)	3 статьи	ст. 156, 159 и 160
Глава V. Преступления против половой свободы и самоопределения (ст. 163—179)	16 статей	ст. 163, 164, 165, 166, 168, 169, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 176-A, 176-B, 176-C и 177
Глава VI. Преступления против чести (ст. 180—189)	нет таких статей	
Глава VII. Преступления против частной жизни (ст. 190—198)	нет таких статей	
Глава VIII. Преступления против других личных прав (ст. 199—201)	нет таких статей	
Раздел II. Преступления против собственности (ст. 202—235)		
Глава I. Предварительные положения (ст. 202)	нет таких статей	
Глава II. Преступления против собственности (ст. 203—216)	12 статей	ст. 203, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215 и 216
Глава III. Преступления против собственности в целом (ст. 217—226)	9 статей	ст. 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 225 и 226
Глава IV. Преступления против прав собственности (ст. 227—233)	2 статьи	ст. 231 и 232
Глава V. Преступления против государственного или кооперативного сектора лиц, наделенных управленческими полномочиями (ст. 234—235)	нет таких статей	

Окончание табл. 2

Глава Особенной части УК Португалии	*Количество статей, предусматривающих преступления, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц*	*Статьи УК Португалии, включенные в перечень преступлений, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц*
Раздел III. Преступления против культурной самобытности и личной неприкосновенности (ст. 236—246)		
Нет деления раздела на главы	1 статья	ст. 240
Раздел IV. Преступления против жизни в обществе (ст. 247—307)		
Глава I. Преступления против семьи, религиозных чувств и уважения к умершим (ст. 247—254)	нет таких статей	
Глава II. Преступления, связанные с фальсификацией (ст. 255—271)	12 статей	ст. 256, 258, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270 и 271
Глава III. Общеопасные преступления (ст. 272—286)	17 статей	ст. 272, 273, 274, 274-А, 275, 276, 277, 278, 278-А, 278-В, 279, 279-А, 280, 281, 282, 283 и 285
Глава IV. Преступления против безопасности связи (ст. 287—294)	нет таких статей	
Глава V. Преступления против общественного порядка и спокойствия (ст. 295—307)	1 статья	ст. 299
Раздел V. Преступления против государства. Преступления против общественного порядка и спокойствия (ст. 308—386)		
Глава I. Преступления против государственной безопасности (ст. 308—346)	1 статья	ст. 335
Глава II. Преступления против государственной власти (ст. 347—358)	2 статьи	ст. 348 и 353
Глава III. Преступления против отправления правосудия (ст. 359—371)	4 статьи	ст. 359, 363, 367 и 368-А
Глава IV. Преступления, совершенные при осуществлении государственных функций (ст. 372—386)	8 статей	ст. 372, 373, 374, 374-А, 374-Б, 375, 376 и 377
Раздел VI. Преступления против домашних животных (ст. 387—389)		
Нет деления раздела на главы	нет таких статей	
ИТОГО	92 статьи УК Португалии	

Из таблицы 2 видно, что из 6 разделов, образующих Особенную часть УК Португалии, 5 разделов включают статьи, предусматривающие преступления, при совершении которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц.

Как следует из содержания законов Португалии, дополняющих перечень преступлений, предусмотренных статьями Особенной части УК Португалии, в случае совершения которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц, внесение соответствующих изменений в УК Португалии в ряде случаев было связано с выполнением этой страной международных обязательств. Так, например, было обусловлено установление уголовной ответственности юридических лиц за преступления, предусмотренные:

- статьями 375 и 376 УК Португалии — выполнением рекомендаций, адресованных Португалии со стороны созданной Советом Европы Группы государств по

борьбе с коррупцией (ГРЕКО)[37] и Рабочей группы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок[38];

- статьей 176-А и статьей 176-В УК Португалии — выполнением Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза от 13 декабря 2011 г. № 2011/93/EU о борьбе с сексуальным насилием и сексуальной эксплуатацией детей и детской порнографией;
- статьей 144-В УК Португалии — выполнением положений Конвенции Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами, подписанной 25 марта 2015 г. в Сантьяго-де-Компостела (Испания);
- статьями 203, 204, 205, 209, 210, 211, 223, 225, 231 и 232 УК Португалии — выполнением Директивы 2019/713 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 17 апреля 2019 г. о борьбе с мошенничеством и подделками в отношении безналичных платежных средств и замене Рамочного решения Совета 2001/413JHA.

7. Предусмотренные УК Португалии условия привлечения юридических лиц к уголовной ответственности

Пунктом 1 ст. 11 УК Португалии установлено, что за совершение преступлений, предусмотренных УК Португалии, подлежат уголовной ответственности физические лица. Юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только за отдельные преступления, перечисленные в п. 2 ст. 11 УК Португалии.

При этом определены общие условия и для отдельных преступлений — специальные условия, дополняющие общие, при наличии которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц.

7.1. Общие условия, при наличии которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц

Привлечение к уголовной ответственности юридического лица за совершение преступлений, предусмотренных п. 2 ст. 11 УК Португалии, возможно в двух случаях:

а) если преступление совершено физическим лицом, занимающим руководящее положение в соответствующем юридическом лице, или по его поручению для получения прямой или косвенной выгоды юридическим лицом, либо

б) если преступление совершено любым физическим лицом, действовавшим в интересах юридического лица, в связи с несоблюдением лицами, занимающими руководящее положение в соответствующем юридическом лице, возложенных на них обязанностей по контролю и надзору (то есть если совершение преступления стало возможным в результате нарушения последними своих обязанностей по надзору или контролю).

Согласно п. 4 ст. 11 УК Португалии лицами, занимающими руководящее положение в юридическом лице, признаются лица, занимающие должности в руководящих органах, представители юридического лица, а также лица, имеющие полномочия по контролю за его деятельностью, в том числе неисполнительные члены органа управления и члены наблюдательного органа.

Пунктом 6 ст. 11 УК Португалии предусмотрено, что юридическое лицо не подлежит уголовной ответственности, если преступление совершено физическим лицом вопреки «прямо выраженным приказам или инструкциям» лиц, занимающих руководящее положение в соответствующем юридическом лице.

7.2. Специальные условия, дополняющие общие, при наличии которых возможно привлечение к уголовной ответственности юридических лиц за отдельные преступления

Специальные условия определены в п. 2 ст. 11 УК Португалии. Согласно этим условиям за совершение преступлений, предусмотренных статьями 163 «Сексуальное принуждение», 164

[37] Португалия является членом ГРЕКО с 2002 г.
[38] Португалии является членом ОЭСР с момента образования этой организации в 1961 г.

«Изнасилование», 165 «Сексуальное насилие над лицом, неспособным сопротивляться» и 166 «Сексуальное насилие над лицом, помещенным в специальное учреждение[39]» УК Португалии, юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности только в том случае, если потерпевшим является несовершеннолетний.

8. Преемство уголовной ответственности юридических лиц

В Португалии, как и в ряде других стран Европы, предусмотрена преемственность уголовной ответственности юридических лиц.

Так, пунктом 8 ст. 11 УК Португалии предусмотрено, что разделение и присоединение юридического лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, не исключают уголовную ответственность за совершенное преступление, которую должно было понести соответствующее юридическое лицо.

В таких случаях имеет место правопреемство уголовной ответственности — к уголовной ответственности привлекается юридическое лицо, образованное в результате разделения, или с которым произошло слияние, то есть правопреемник соответствующего юридического лица.

9. Юридические лица — субъекты уголовной ответственности

Как уже отмечалось, к уголовной ответственности могут быть привлечены не все юридические лица. Не могут быть привлечены к уголовной ответственности государство, иные публичные юридические лица, международные организации публичного права.

Помимо юридических лиц могут быть привлечены к уголовной ответственности приравненные к ним лица. Таковыми, согласно пункту 5 ст. 11 УК Португалии, признаются такие коллективные образования, как гражданские общества (sociedades civis) и де-факто объединения (associações de facto).

Юридические лица и приравненные к ним лица признаются такими же субъектами уголовной ответственности, как и физическое лицо, непосредственно совершившее преступление.

Привлечение к уголовной ответственности не исключает индивидуальной ответственности физических лиц, совершивших преступление (п. 7 ст. 11 УК Португалии).

Уголовная ответственность юридических лиц заключается в применении к ним в судебном порядке санкций — наказаний, предусмотренных УК Португалии.

10. Уголовные наказания, предусмотренные УК Португалии для юридических лиц

В Общей части УК Португалии имеется глава VI, включающая статьи 90-А — 90-М, определяющие наказания для юридических лиц.

В настоящее время положения этих статей применяются как в случае совершения преступлений, предусмотренных УК Португалии, так и в случае совершения преступлений, предусмотренных иными законами.

Согласно ст. 90-А УК Португалии к юридическим лицам могут быть применены основные наказания — штраф или ликвидация юридического лица, а также дополнительные наказания: судебный приказ; запрет на осуществление деятельности; запрет на заключение определенных договоров или договоров с определенными лицами; лишение права на субсидии, гранты или льготы; закрытие предприятия; предание приговора гласности.

Кроме того, как альтернатива штрафу могут быть применены такие наказания, как предупреждение, залог и судебный надзор.

10.1. Штраф

Статьей 90-В УК Португалии установлено, что минимальный и максимальный размеры штрафа, применимого к юридическим лицам,

[39] Таковыми определены: учреждения для отбытия наказания, связанного с лишением свободы; больницы; хосписы; приюты; реабилитационные центры; другие учреждения, предназначенные для помощи и лечения; специальные образовательные и исправительные учреждения.

определяются с учетом наказания в виде тюремного заключения, предусмотренного для физических лиц за соответствующее преступление. При этом для расчета используется соотношение, согласно которому один месяц лишения свободы для физического лица соответствует для юридического лица 10 штрафным дням. Если же за преступление лишение свободы как наказание не предусмотрено и в качестве наказания, применимого к физическим лицам, определяется штраф, то те же дни штрафа, что применяются к физическим лицам, применяются и к лицам юридическим.

Штраф устанавливается в днях в пределах, установленных законом, с учетом того, какие действия были предприняты юридическим лицом после совершения преступления, соблюдались ли в юридическом лице нормативные требования к его деятельности, меры контроля и надзора для предотвращения преступлений или значительного снижения риска их совершения.

Каждому штрафному дню соответствует сумма от 100 евро до 10 000 евро, которую суд устанавливает в зависимости от экономического и финансового положения юридического лица и его расходов на оплату труда работников.

Исходя из финансово-экономического положения осужденного юридического лица, суд может разрешить уплату штрафа в срок, не превышающий одного года, либо разрешить оплату штрафа в рассрочку (при этом последняя из выплат не может выходить за рамки двух лет с момента вынесения приговора).

Если штраф или его часть не уплачены в срок, активы юридического лица подлежат аресту.

10.2. Альтернативные штрафу наказания

Статьей 90-А УК Португалии предусмотрено, что суд может смягчить наказание юридическому лицу, если оно до совершения преступления принимало меры по предотвращению совершения преступлений его работниками. При этом суд вправе заменить штраф альтернативным наказанием, если сочтет, что оно в достаточной степени позволит достичь целей наказания.

10.2.1. Предупреждение

Согласно статье 90-С УК Португалии, если юридическое лицо подлежит наказанию штрафом в размере не более 240 дней, суд может ограничиться вынесением предупреждения с учетом положений ст 60 УК Португалии, согласно которой предупреждение может быть назначено только в том случае, если ущерб юридическим лицом был устранен и суд пришел к выводу, что таким путем цели наказания достигаются адекватным и достаточным образом. При этом предупреждение не применяется, если юридическое лицо в течение трех лет до совершения преступления было приговорено к какому-либо наказанию, включая предупреждение. Предупреждение выносится на судебном заседании и объявляется законному представителю юридического лица или лицу, занимающему в нем руководящую должность.

10.2.2. Залог

Статьей 90-D УК Португалии установлено, что, если юридическое лицо должно быть подвергнуто штрафу на срок не более 600 дней, суд может заменить его залогом в сумме от 1000 евро до 1 000 000 евро на срок от одного года до пяти лет. Обеспечение залога может быть посредством депозита, залога как такового, ипотеки, банковской гарантии или поручительства.

Если юридическое лицо не внесло залог в установленный срок, суд отменяет залог как альтернативное наказание штрафу и назначает юридическому лицу штраф, определенный в приговоре.

Залог обращается в доход государства, если юридическое лицо совершит новое преступление в определеный судом срок залога. Если в течение срока залога новых преступлений не совершено, залог возвращается юридическому лицу.

10.2.3. Судебный надзор

В случае, если юридическое лицо должно быть подвергнуто штрафу на срок не более 600 дней, суд на основании ст. 90-Е УК Португалии может ограничиться назначением судебного представителя для надзора за юридическим лицом на срок от 1 года до 5 лет. Надзор осуществляется за деятельностью, которая приве-

ла к осуждению юридического лица, и за соблюдением мер контроля и надзора юридическим лицом для предотвращения преступлений или значительного снижения риска их совершения. При этом судебный представитель не имеет полномочий по управлению юридическим лицом. Судебный представитель информирует суд о деятельности юридического лица каждые шесть месяцев или в любой момент, когда он считает это необходимым. Суд отменяет наказание в виде судебного надзора и предписывает уплатить штраф, определенный в приговоре, если юридическое лицо совершит преступления после осуждения либо в случае, если юридическое лицо проявило неспособность принять или внедрить программы предупреждения совершения преступлений.

10.3. Ликвидация юридического лица

Согласно статье 90-F УК Португалии наказание в виде ликвидации назначается судом, если юридическое лицо было создано с исключительным или преобладающим намерением совершить преступления, за которые предусмотрено уголовное наказание для юридических лиц, либо когда повторность совершения таких преступлений показывает, что юридическое лицо используется теми, кто занимает в нем руководящую должность, исключительно или преимущественно для совершения преступлений.

10.4. Дополнительные наказания

Помимо основных к юридическим лицам могут быть применены дополнительные наказания.

Статьей 90-A УК Португалии предусмотрено, что суд применяет дополнительное наказание вместе с основным или заменяющим его наказанием, когда это оказывается целесообразным и необходимым для достижения целей наказания, особенно в тех случаях, когда юридическое лицо еще не приняло и не внедрило адекватную программу соблюдения нормативных требований для предотвращения совершения преступлений.

10.4.1. Судебный приказ

Этот вид дополнительного наказания предусмотрен ст. 90-G УК Португалии. Суд своим приказом может обязать юридическое лицо: 1) принять и выполнить определенные меры, необходимые для прекращения незаконной деятельности или предотвращения ее последствий, либо 2) принять и реализовать программы соблюдения нормативных требований с соответствующими мерами контроля и надзора для предотвращения преступлений или значительного снижения риска их совершения. Суд определяет срок, в течение которого судебный приказ должен быть выполнен после вынесения приговора. Наказание в виде судебного приказа может назначаться совместно с другими дополнительными наказаниями.

10.4.2. Запрет на осуществление деятельности

Статьей 90-J УК Португалии установлено, что суд может запретить юридическому лицу осуществление определенной деятельности на срок от трех месяцев до пяти лет, если преступление совершено при осуществлении этой деятельности. Если же юридическим лицом совершено преступление, наказуемое штрафом на срок более 600 дней, суд может вынести постановление об окончательном запрете на определенные виды деятельности. При этом в дальнейшем суд может вновь разрешить юридическому лицу эту деятельность, если способ его функционирования в течение пяти лет после отбытия основного наказания позволяет предположить, что оно не будет совершать новых преступлений.

10.4.3. Запрет на заключение определенных договоров или договоров с определенными лицами

В соответствии со ст. 90-H УК Португалии запрет на заключение определенных договоров или договоров с определенными лицами назначается судом на срок от одного года до пяти лет.

10.4.4. Запрет (лишение права) на субсидии, гранты или льготы

Согласно ст. 90-I УК Португалии лишение права на субсидии, гранты или льготы, предоставляемые государством и другими публичными юридическими лицами, применяется к юридическим лицам на срок от одного года до пяти лет.

10.4.5. Закрытие предприятия

Статьей 90-L УК Португалии предусмотрено, что судом может быть вынесено решение о закрытии предприятия на срок от трех месяцев до пяти лет, если преступление было совершено в рамках деятельности соответствующего предприятия.

В случае, если юридическое лицо совершает преступление, наказуемое штрафом на срок более 600 дней, суд может вынести решение об окончательном закрытии предприятия.

Закрытие предприятия не является уважительной причиной для увольнения работников и основанием для приостановления или уменьшения выплаты им соответствующего вознаграждения.

Если в течение пяти лет после отбытия основного наказания юридическое лицо функционировало таким образом, что можно предположить, что оно не будет совершать новых преступлений, суд может санкционировать повторное открытие предприятия.

10.4.6. Предание приговора гласности

Согласно ст. 90-M УК Португалии в случае применения к юридическому лицу наказаний, предусмотренных ст. 90-C, 90-J и 90-L, обязательна публикация приговора. Судом может быть назначена публикация приговора юридическому лицу и в других случаях. Публикуется выписка из приговора, содержащая сведения о преступлении и примененных к юридическому лицу санкциях, а также информацию о юридическом лице, позволяющую его идентифицировать.

Публикация осуществляется за счет осужденного юридического лица с помощью средств социальной коммуникации, определяемых судом, а также путем размещения объявления о приговоре на срок не менее 30 дней в самом юридическом лице или в месте осуществления его деятельности на видном для общественности месте.

Таким образом, УК Португалии позволяет использовать в отношении юридических лиц широкий набор уголовных наказаний.

Список литературы

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. 421 с.
2. Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть: монография / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. Москва: Юрлитинформ, 2010. 448 с.
3. Ежов А.Н., Селяков Н.А., Фалилеев Н.Я. Источники уголовного права стран Евросоюза (Испании, Италии, Португалии): учебное пособие / под ред. А.А. Толкаченко. Москва: Юпитер, 2005. 72 с.
4. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под общ. ред. и со вступ. статьей Л.А. Окунькова. Москва: Норма, 2001. 840 с.
5. Поляков А.К. Португалия. Полная история страны. Москва: АСТ, 2021. 480 с.
6. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. Москва: Юридическая литература, 1993. 256 с.
7. Русанов Г.А. Модель уголовной ответственности юридических лиц за посягательства в сфере экономической деятельности // Государство и право. 2023. № 8. С. 115—123. doi: 10.31857/S102694520027266-3.
8. Сарайва Ж.Э. История Португалии: пер. с португ. Москва: Весь Мир, 2007. 384 с.
9. Утевский Б.С. История уголовного права буржуазных государств. Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1950. 424 с.
10. Федоров А.В. Новая криминализация: уголовная ответственность юридических лиц // Российский следователь. 2024. № 10. С. 41—46. doi: 10.18572/1812-3783-2024-10-41-46.
11. Федоров А.В. Турецкое уголовное законодательство об ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2023. № 5. С. 65—68. doi: 10.18572/1812-3783-2023-5-65-68.
12. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании: преступления и наказания // Российский следователь. 2020. № 1. С. 74—80. doi: 10.18572/1812-3783-2020-1-74-80.
13. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Испании: становление и общие положения // Российский следователь. 2019. № 11. С. 72—80. doi: 10.18572/1812-3783-2019-11-72-80.

14. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Турции // Российский следователь. 2023. № 4. С. 63—68. doi: 10.18572/1812-3783-2023-4-63-68.

15. Федоров А.В. Уголовно-процессуальный порядок привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в Турецкой Республике // Российский следователь. 2023. № 6. С. 64—68. doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-64-68.

References

1. Antonova, E.Yu. (2011) Kontseptual'nye osnovy korporativnoy (kollektivnoy) ugolovnoy otvetstvennosti [Conceptual foundations of corporate (collective) criminal liability]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 421 p. (In Russ.).

2. Dodonov, V.N. (2010) Sravnitel'noe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Comparative criminal law. The general part]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 448 c. (In Russ.).

3. Ezhov, A.N., Selyakov, N.A. & Falileev, N.Ya. (2005) Istochniki ugolovnogo prava stran Evrosoyuza (Ispanii, Italii, Portugalii) [Sources of criminal law in the European Union (Spain, Italy, Portugal)]. Textbook. Moscow, Yupiter, 72 p. (In Russ.).

4. Okun'kov, L.A. (ed.) (2001) Konstitutsii gosudarstv Evropy [Constitutions of European States]. Vol. 2. Moscow, Norma, 840 p. (In Russ.).

5. Polyakov, A.K. (2021) Portugaliya. Polnaya istoriya strany [Portugal. The full history of the country]. Moscow, AST, 480 p. (In Russ.).

6. Reshetnikov, F.M. (1993) Pravovye sistemy stran mira [Legal systems of the countries of the world]. Reference book. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 256 p. (In Russ.).

7. Rusanov, G.A. (2023) Model' ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits za posyagatel'stva v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [The model of criminal liability of legal entities for encroachments in the field of economic activity]. *State and Law*, no. 8, pp. 115–123. (In Russ.). doi: 10.31857/S102694520027266-3.

8. Saraiva, J.H. (2007) Istoriya Portugalii [The history of Portugal]. Moscow, Ves' Mir, 384 p. (In Russ.).

9. Utevskiy, B.S. (1950) Istoriya ugolovnogo prava burzhuaznykh gosudarstv [History of the criminal law of bourgeois states]. Moscow, Gosyurizdat, 424 p. (In Russ.).

10. Fedorov, A.V. (2024) Novaya kriminalizatsiya: ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits [New criminalization: criminal liability of legal entities]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 10, pp. 41–46. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2024-10-41-46.

11. Fedorov, A.V. (2023) Turetskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo ob otvetstvennosti yuridicheskikh lits [The Turkish criminal laws on the liability of legal entities]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 5, pp. 65–68. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2023-5-65-68.

12. Fedorov, A.V. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Ispanii: prestupleniya i nakazaniya [Criminal liability of legal entities in Spain: crimes and punishments]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 1, pp. 74–80. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2020-1-74-80.

13. Fedorov, A.V. (2019) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Ispanii: stanovlenie i obshchie polozheniya [Criminal liability of legal entities in Spain: establishment and general provisions]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 11, pp. 72–80. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2019-11-72-80.

14. Fedorov, A.V. (2023) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Turtsii [The criminal liability of legal entities in Turkey]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 4, pp. 63–68. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2023-4-63-68.

15. Fedorov, A.V. (2023) Ugolovno-protsessual'nyy poryadok privlecheniya k ugolovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits v Turetskoy Respublike [The criminal procedure for bringing legal entities to criminal liability in the Republic of Turkey]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 6, pp. 64–68. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2023-6-64-68.

Информация об авторе

А.В. Федоров — заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Fedorov – Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 26—34.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 26–34.

УДК 340+343
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.002

NIION: 2015-0064-04/24-248
MOSURED: 77/27-009-2024-04-447

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Региональное законодательство и его роль в обеспечении пограничных аспектов национальной безопасности России[1]

Леонид Викторович Голоскоков
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, l.v.goloskokov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4113-1571

Аннотация. На примере ряда регионов России, имеющих границу с зарубежными государствами, показано состояние дел с имеющимся региональным законодательством. Анализ законов и других нормативных правовых актов регионов показал, что в целом региональное законодательство не отвечает требованиям времени и не обеспечивает нужный уровень национальной безопасности в её пограничных аспектах. Предложено выполнять требования закона, а для ускорения работы подключить региональную науку к решению вопросов управления и совершенствования регионального законодательства, связанного с правовым регулированием всего спектра дел регионов.

Ключевые слова: государство, право, граница, национальная безопасность, региональное законодательство, федеральное законодательство.

Для цитирования: Голоскоков Л.В. Региональное законодательство и его роль в обеспечении пограничных аспектов национальной безопасности России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 26—34. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.002.

Regional legislation and its role in ensuring border aspects of national security of Russia

Leonid V. Goloskokov
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, l.v.goloskokov@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4113-1571

Abstract. The state of affairs with the existing regional legislation, which was supposed to ensure national security in border aspects, is shown using the example of a number of Russian regions that have borders with foreign countries. An analysis of laws and other regulatory legal acts of the regions showed that, in general, regional legislation does not meet the requirements of the time and does not ensure the necessary level of national security in its border aspects. It is proposed to comply with the requirements of the law, and to speed up the work, to involve regional science in solving issues of management and improving regional legislation related to the legal regulation of the entire spectrum of regional affairs.

Keywords: state, law, border, national security, regional legislation, federal legislation.

For citation: Goloskokov, L.V. (2024) Regional legislation and its role in ensuring border aspects of national security of Russia. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 26—34. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.002.

Рассмотрим состояние регионального законодательства, имеющего назначение охраны и защиты государственной границы.

В настоящем исследовании мы будет использовать традиционный и формальный подход в определении и понимании границы, например, такой, который даёт А.А. Гурьянов: «В силу догматичных геометрических характеристик планеты Земля, границы как национальных государств, международных организаций, так и политических союзов имеют форму вертикальной конической поверхности и в таком виде определяют юрисдикцию указанных субъектов международ-

© Голоскоков Л.В., 2024

[1] Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ного права»[2]. Это необходимо определить потому, что границы государства могут иметь и не физические параметры, когда речь идёт о факторах ментальных, религиозных, духовных.

На текущий момент и далее на самый длительный период времени актуальность охраны и защиты государственной границы будет оставаться высокой или расти. Так сложилось давно, и так будет оставаться всегда. Почему так сложилось, пишет Н. Паламарь: «К концу XIX в. фактически завершилось формирование границ России, которые проходили по берегам Балтийского и Чёрного морей, Тихого и Северного Ледовитого океанов и протянулись более чем на 70 тыс. км, в том числе 50 тыс. км по морям и океанам. <...> К началу Первой мировой войны Россия была одной из крупнейших стран мира. Её территория составляла около 21,9 млн кв. км, а население — 170 млн человек»[3]. Огромную территорию нужно охранять, и это требует множества разноплановых усилий, а не только пограничных войск.

Многие российские регионы имеют общую границу с другими государствами, поэтому важно понять, насколько обеспечена охрана и защита границ, если рассматривать её только через призму наличия (или отсутствия) действенного регионального законодательства. Именно такова цель нашего исследования. Границы проходят на окраинах субъектов Российской Федерации, поэтому именно там находятся её уязвимые места.

Действительно, специалисты В.Н. Григорьев и М.М. Малеванный считают, что одной из актуальных проблем развития пограничных органов на современном этапе их функционирования является проблема форм и способов охраны государственной границы на том или ином участке Пограничного управления ФСБ России по субъекту Российской Федерации[4].

Именно в связи с этим Н.В. Зубарев пишет: «Поэтому с учётом накопленного опыта Росгвардии и ФСБ России может быть рекомендовано разработать и принять межведомственный правовой акт, регламентирующий порядок оказания содействия войсками национальной гвардии пограничным органам в охране государственной границы, способы и формы применения ВНГ РФ, а также порядок обеспечения взаимодействия между пограничными органами ФСБ России, воинскими частями (подразделениями) и органами ВНГ РФ, в том числе в условиях ведения боевых действий в непосредственной близости от российской границы»[5].

Однако если мы говорим о законодательстве, то нужно отметить, что эффективно действующее и отвечающее сиюминутной ситуации законодательство для военного времени, для гибридной войны, для момента форс-мажора любого вида и сложности сегодня не разработано даже на федеральном уровне, потому что законодательство создано так, как будто государство и его регионы будут вечно пребывать в состоянии стабильности и экономического роста, как будто другие состояния невозможны. Федеральное законодательство даже для военного времени исходит из реалий прошлого, которые, конечно, нужно учитывать, ибо опыт прошлого бесценен, но вместе с тем помнить и высказывание У. Черчилля, что «генералы всегда готовятся к прошедшей войне», и эта мысль так или иначе отражается действующим законодательством в целом, а законодательство регионов в силу своей специфики, заключающейся в том, что почти все вопросы силовой охраны и защиты границ отданы федеральному центру и регулируются федеральным законодательством, даже не пытается регулировать эти вопросы.

Национальная безопасность имеет много аспектов, и один из самых острых в последнее время — это пограничная безопасность. Справедливо отмечает Ф.Р. Юскаев, что «восприятие безопасности конкретной границы населением и политиками зависит от её символической роли, исторических традиций, имиджа, современного дискурса. Традиционное понимание роли государственной границы в обеспечении безопасности основано, во-первых, на предотвращении военной угрозы. Таким образом, приграничные районы становятся милитаризованной зоной осо-

[2] Гурьянов А.А. Государственная граница: исторические, теоретико-методологические, международно-правовые и технологические аспекты совершенствования определения понятия // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 28.

[3] Паламарь Н.Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства // Власть. 2008. № 4. С. 101.

[4] Григорьев В.Н., Малеванный М.М. Правовые аспекты формирования парадигмы системного обеспечения национальной безопасности России в пограничном пространстве // Вестник ТОГУ. 2010. № 2 (17). С. 252.

[5] Зубарев Н.В. Полномочия войск национальной гвардии в охране государственной границы Российской Федерации в условиях деятельности недружественных государств // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 319.

бого режима, в которой главный приоритет — боеготовность соединений, готовых отразить нападение потенциального противника»[6].

Однако региональный законодатель уклонился от решения вопросов охраны и защиты государственной границы по причине того, что почти все эти вопросы берёт на себя федеральное законодательство, формально указывая, что это должно делать ещё и региональное законодательство. Обоснуем этот тезис путём рассмотрения ряда комплектов законодательства регионов по вопросам охраны и защиты государственной границы.

Рассмотрим, как регионы России оказались подготовлены к нападению потенциального противника с позиций обеспечения пограничных аспектов национальной безопасности региональным законодательством. Такое рассмотрение мы проводим, исходя из факта нападения противника (Украины) на территорию Курской области 6 августа 2024 года.

Белгородская область. Граничит с Украиной. Рассмотрим, что есть в законодательстве Белгородской области.

Постановление главы администрации Волоконовского района Белгородской области от 31.01.2008 № 104 «О привлечении граждан к охране Государственной границы РФ и создании добровольных народных дружин на территории Волоконовского района». В нём есть три содержательных пункта:

«2. Утвердить Положение о порядке привлечения граждан к охране Государственной границы Российской Федерации на территории Волоконовского района.

3. Главам администраций сельских поселений во взаимодействии с отделением в п. Волоконовка отдела (пограничной комендатуры) в г. Валуйки Пограничного управления ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям сформировать добровольные народные дружины в количестве не менее пяти человек.

4. Начальнику отделения в п. Волоконовка отдела (пограничной комендатуры) в г. Валуйки ПУ ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям Колесникову А.В.:

- оказать содействие главам администраций сельских поселений в формировании добровольных народных дружин;
- организовать подготовку и обучение членов добровольных народных дружин и их участие в охране Государственной границы Российской Федерации на территории Волоконовского района»[7].

Обратим внимание на дату документа — 2008 год. Содержательная часть не менее показательна — «сформировать добровольные народные дружины в количестве не менее пяти человек». И это для охраны и защиты границы района Белгородской области, граничащего с Украиной, в то время как с 2022 года там проводится специальная военная операция.

Брянская область. Граничит с Украиной.

Постановление Правительства Брянской области от 19.08.2019 № 372-п «Об утверждении Порядка личного страхования народных дружинников, участвующих в мероприятиях по охране общественного порядка и (или) защите государственной границы Российской Федерации на территории Брянской области»[8], как это видно из названия документа, решает только вопросы финансирования страхования дружинников. Обсуждать здесь просто нечего.

Курская область. Граничит с Украиной.

Закон Курской области от 10.11.2022 № 100-ЗКО (ред. от 18.06.2024) «О мерах социальной поддержки граждан, проживающих в муниципальных образованиях Курской области, полностью или частично расположенных на приграничной территории в пределах Государственной границы Российской Федерации с Украиной»[9], как видно из документа, редактировался 18.06.2024.

---

[6] Юскаев Ф.Р. Пограничная безопасность в контексте национальной безопасности // Пограничная безопасность: теория и практика: материалы Международной заочной научно-практической конференции государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь». Минск, 2018. С. 408.

[7] Постановление главы администрации Волоконовского района Белгородской области от 31.01.2008 № 104 «О привлечении граждан к охране Государственной границы РФ и создании добровольных народных дружин на территории Волоконовского района» // Красный Октябрь. 2008. 1 апреля (№ 29).

[8] Постановление Правительства Брянской области от 19.08.2019 № 372-п (ред. от 16.11.2020) «Об утверждении Порядка личного страхования народных дружинников, участвующих в мероприятиях по охране общественного порядка и (или) защите государственной границы Российской Федерации на территории Брянской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.10.2024).

[9] Закон Курской области от 10.11.2022 № 100-ЗКО (ред. от 18.06.2024) «О мерах социальной поддержки граждан, проживающих в муниципальных образованиях Курской области, полностью или частично расположенных на приграничной территории в пределах Государственной границы Российской Федерации с Украиной» (принят Курской областной Думой 27.10.2022) // Курская правда. 2022. 17 ноября (№ 137).

Закон содержит несколько пунктов о том, что граждане Российской Федерации, проживающие на территориях приграничных районов Курской области, в период проведения специальной военной операции имеют право на получение мер социальной поддержки, и перечисляет эти меры: единый социальный месячный проездной билет, адресная социальная помощь на проведение работ по газификации домовладений, внеочередное предоставление инвалидам, в том числе детям-инвалидам, комплекса реабилитационных услуг, внеочередное оказание медицинской помощи, предоставление на бесплатной основе путёвок для детей в возрасте от 7 до 17 лет, внеочередной приём депутатами Курской областной Думы. Это весь список.

Во исполнение вышеупомянутого Закона Курской области от 10 ноября 2022 г. № 100-ЗКО постановлением Правительства Курской области от 19.01.2023 № 65-пп утверждены: «форма бланка удостоверения почётного жителя приграничья, его описание и технические условия изготовления; порядок выдачи удостоверения почётного жителя приграничья и предоставления единовременной денежной выплаты»[10].

Есть также приказ Комитета соцобеспечения Курской области от 08.09.2022 № 382, детально регламентирующий вопросы единовременной денежной выплаты членам семьи гражданина в период его участия в проводимых мероприятиях по защите государственной границы Российской Федерации[11].

Постановление Администрации Рыльского района Курской области от 26.06.2017 № 444 «О создании районного штаба добровольных народных дружин по защите государственной границы на территории Рыльского района Курской области». Постановлением создаётся штаб и положение, согласно которому, в частности, начальник штаба «организует совместно с представителями Пограничного управления изучение дружинниками основ законодательства, обучение приёмам и способам охраны государственной границы, постоянно информирует, в части касающейся, командиров ДНД об обстановке на государственной границе; проводит работу по сплочению и укреплению ДНД, воспитывает у дружинников высокую дисциплинированность, бдительность, чувство общественного долга и товарищества»[12].

Остальные нормативные правовые акты Курской области, которых всего десять, дублируют вышеприведённые, являясь их предыдущими версиями. Как можно видеть, инструментарий для решения важных государственных задач по охране и защите государственной границы не выдерживает никакой критики. Если федеральные войска и пограничники не обеспечили защиту границы, то говорить о нескольких дружинниках, даже если у них воспитано самое высокое «чувство общественного долга и товарищества», нет смысла.

Теперь все эти нормативные правовые акты, которые объединяет тема охраны и защиты государственной границы, нужно рассмотреть с позиции конечного результата регионального правотворчества. Конечный результат состоит в том, что после масштабного вторжения войсковой группировки вооружённых сил Украины на тер-

[10] Постановление Правительства Курской области от 19.01.2023 № 65-пп (ред. от 23.07.2024) «О предоставлении дополнительных мер социальной поддержки гражданам Российской Федерации, проживающим в муниципальных образованиях Курской области, полностью или частично расположенных на приграничной территории в пределах Государственной границы Российской Федерации с Украиной» (вместе с формой бланка удостоверения почетного жителя приграничья, его описанием и техническими условиями изготовления; порядком выдачи удостоверения почетного жителя приграничья и предоставления единовременной денежной выплаты; Положением о комиссии по рассмотрению документов для выдачи удостоверения почетного жителя приграничья) // Курская правда. 2023. 27 января (№ 10).

[11] Приказ Комитета социального обеспечения, материнства и детства Курской области от 08.09.2022 № 382 «Об утверждении Административного регламента предоставления органами местного самоуправления Курской области государственной услуги при осуществлении переданного полномочия в сфере социальной защиты населения Курской области «Назначение и выплата единовременной денежной выплаты в равных долях членам семьи гражданина, участвовавшего в защите Государственной границы Российской Федерации на территории Курской области в составе добровольных народных дружин, в случае его гибели в период его участия в проводимых мероприятиях по защите Государственной границы Российской Федерации либо его смерти, наступившей вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболевания, полученных этим гражданином в период его участия в проводимых мероприятиях по защите Государственной границы Российской Федерации» // Официальный сайт губернатора и правительства Курской области. URL: https://kursk.ru (дата обращения: 23.10.2024).

[12] Постановление Администрации Рыльского района Курской области от 26.06.2017 № 444 «О создании районного штаба добровольных народных дружин по защите государственной границы на территории Рыльского района Курской области» (вместе с Положением о районном штабе добровольных народных дружин по защите государственной границы на территории Рыльского района Курской области) // СПС «КонсультантПлюс».

риторию Курской области 6 августа 2024 г. был введён режим контртеррористической операции в Белгородской, Брянской и Курской областях.

Все нормативные правовые акты регионов, имеющих границу с Украиной, совершенно не отвечают требованиям национальной безопасности, хотя именно в этих документах речь шла о государственной границе. В этих документах решались разные вопросы, но ни в каком аспекте не упоминался самый главный — вопрос о национальной безопасности в увязке с возможностью масштабного нарушения государственной границы, как будто такой возможности не может быть в принципе, и это в течение довольно длительного периода времени продолжающейся СВО. Разнообразный опыт СВО должен был за два года навести на мысль о возможном нападении, пересечении врагом государственной границы и всех последствиях таких действий противника.

Законодатели регионов, возможно, забыли о вверенном им в руки инструменте — праве — или не представляют, что с ним делать, как им пользоваться, и доказательством такого положения дел является полное отсутствие сколько-нибудь действенных норм права. Серьёзными решениями никак нельзя назвать нормативные правовые акты, описывающие форму удостоверений дружинников и регламентирующие количество дружинников «не менее пяти». Региональный законодатель, по сути дела, всерьёз представил в качестве инструмента для защиты государственной границы только это: утверждённую законом форму удостоверения и количество дружинников.

Между тем статья 3 «Защита и охрана Государственной границы» Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» обязывает: «Защита Государственной границы как часть системы обеспечения безопасности Российской Федерации и реализации государственной пограничной политики Российской Федерации заключается в согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, осуществляемой ими в пределах своих полномочий путём принятия политических, организационно-правовых, дипломатических, экономических, оборонных, пограничных, разведывательных, контрразведывательных, оперативно-розыскных, таможенных, природоохранных, санитарно-эпидемиологических, экологических и иных мер. В этой деятельности в установленном порядке участвуют организации и граждане»[13]. В законе есть чёткое и недвусмысленное указание на обязательность «согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления».

Если деятельность регионального законодателя по охране и защите государственной границы была согласована с федеральными органами государственной власти в таком объёме, такого вида, качества и силы (пять дружинников с удостоверениями), в то время как СВО идёт уже более двух лет, идёт на границе, где часто действуют диверсионные группы врага, то следует вспомнить формулировку ч. 3 ст. 26 «Преступление, совершённое по неосторожности» УК РФ: «Преступление признается совершённым по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия». То, что должны были предвидеть, прямо указано в Законе РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации». Сложно не предвидеть, когда по всей границе рассматриваемых регионов были слышны взрывы на протяжении более двух лет.

Федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обороны, согласно п. 3 ст. 28, «обеспечивает участие Вооружённых Сил Российской Федерации в защите Государственной границы на суше, море, пограничных реках, озерах и иных водных объектах в случаях и порядке, определённых настоящим Законом, другими федеральными законами». Однако наличие данного п. 3 ст. 28 никак не отменяет действие ст. 3 и обязанности органов государственной власти субъектов Российской Федерации тоже действовать.

Как показали события августа 2024 года в Курской области, действовать нужно было на опережение и во всех сферах, включая законодательную. Конечно, право как инструмент регулирования весьма консервативно и традиционно применяется вдогонку событиям. Юристы хорошо освоили понятие «противодействие», но не освоили понятие «действовать», опережая события, упреждая удар врага (преступника, преступной группы, террористической группировки,

[13] Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 06.04.2024) «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 17, ст. 594.

армии врага, пересекающей границу, и т. п.). Чтобы применять правовые инструменты для упреждения негативных событий, нужно думать, просчитывать варианты событий, делать относительно точные прогнозы. Юристов, законодателей этому не учат, и они о превентивных действиях не думают. Доказательствами этого утверждения явились события августа 2024 года в Курской области. 12 августа «Парламентская газета» пишет: «После атаки ВСУ остаётся неизвестна судьба около 2 тысяч курян»[14]. И это кроме потерянных ими домов, квартир, имущества.

Разумеется, упреждение событий, подобных произошедшим в Курской области, одними только средствами права невозможно, для этого нужны ещё превентивные действия в области экономики, финансов, управления, в военном деле, деле пограничной охраны и многие другие. Но начало действий во всех этих сферах должно лежать прежде всего в области права и опираться на документы доктринального характера (доктрины, концепции, стратегии), а далее на законы, региональные законы и подзаконные нормативные правовые акты, которых должно быть много, потому что направлений работы в любом регионе очень много, и везде должно быть организовано прежде всего правовое обеспечение всех процессов, связанных с охраной и защитой государственной границы. Все эти законы должны быть эффективными и всё время корректироваться с учётом новых обстоятельств.

Теперь рассмотрим, каково состояние дел в регионах страны, которые граничат с другими странами, и откуда точно так же может прийти опасность военного вторжения, хотя в настоящий момент все уверены, что никаких его предвестников нет и быть не может. Такой стиль мышления был у всех региональных властей в показанных нами трёх регионах, поэтому нужно учитывать их негативный опыт и работать на опережение.

Известно, что «самую большую протяжённость (более 7,5 тыс. км) составляет участок границы России с Казахстаном. Граница образовалась в 2005 году, она охраняется и контролируется. Допуск на сопредельные территории осуществляется через 50 пропускных пунктов по упрощённой схеме при наличии подтверждающих личность документов»[15]. Нечто подобное, упрощённое и безопасное, когда-то было и на границе с Украиной.

Одна из российских областей имеет границу с Республикой Казахстан. Это Омская область. Единственный документ, связанный с регулированием охраны границы, — это постановление Главы Администрации Русско-Полянского района Омской области «О порядке привлечения граждан Российской Федерации, проживающих на территории Русско-Полянского района, к охране государственной границы», в котором вопросу охраны государственной границы РФ посвящены два пункта:

«1. Районному отделению ФПС России (Грачев И.В.) при содействии органов местного самоуправления создать народные дружины на территории Русско-Полянского района по охране государственной границы РФ в пределах пограничной территории.

2. При создании добровольных народных дружин руководствоваться Положением о порядке привлечения граждан РФ на территории Омской области к охране государственной границы от 27.04.98 № 139-п»[16].

Само положение утратило силу в соответствии с указом Губернатора Омской области от 19.01.2009 № 5. Новое положение с 2009 года не разработано. Значит, по сути дела, нет ничего.

Амурская область. Граничит с Китаем. Имеет региональный закон, регулирующий вопросы привлечения дружинников к охране государственной границы. Степень внимания к этому вопросу и степень реалистичности его реализации в законе наиболее полно характеризует его ст. 3 «Материально-техническое обеспечение деятельности народных дружин, добровольных народных дружин». Оно осуществляется «за счёт добровольных пожертвований, а также иных средств, не запрещённых законодательством Рос-

[14] URL: https://www.pnp.ru/politics/posle-napadeniya-vsu-ostaetsya-neizvestnoy-sudba-okolo-2-tysyach-kuryan.html (дата обращения: 12.08.2024).

[15] Вызовы и угрозы в приграничном и трансграничном пространствах // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А.С. Коржевского; редкол.: В.В. Толстых, И.А. Копылов. М., 2021. С. 316.

[16] Постановление Главы Администрации Русско-Полянского района Омской области «О порядке привлечения граждан Российской Федерации, проживающих на территории Русско-Полянского района, к охране государственной границы» // Голос целины. 1998. 3 июня (№ 42).

сийской Федерации»[17]. Возможные результаты такого финансирования народных дружин нетрудно предвидеть.

Статья 5 регулирует вопросы компенсации народным дружинникам — лицам, участвующим в защите государственной границы, — и членам их семей: в случае гибели дружинника в связи с его участием в охране общественного порядка — защите государственной границы (единовременное пособие в размере 100 тыс. руб.) или в случае инвалидности (от 10 до 40 тыс. руб.). Закон детально описывает, какие документы и в какие сроки нужно собрать для получения этих выплат, как оформляется удостоверение народного дружинника.

Приморский край. Граничит с Китаем. Здесь принят закон, состоящий из пяти статей, который регулирует вопросы поощрения членов добровольных народных дружин по защите государственной границы Российской Федерации (ст. 2), гарантии социальной защиты народным дружинникам и членам семей погибших (умерших) народных дружинников (ст. 3). Последняя статья имеет п. 2: «В случае гибели (смерти) народного дружинника в период и в связи с его участием в защите государственной границы Российской Федерации на территории Приморского края либо его смерти, наступившей вследствие причинённого тяжкого вреда его здоровью в период и в связи с участием его в защите государственной границы Российской Федерации на территории Приморского края до истечения одного года со дня исключения из членов народных дружин, членам его семьи выплачивается (в равных долях) за счёт средств краевого бюджета единовременное пособие в размере 500 тыс. руб.»[18]. И это весь закон. О том, как совместно с федеральными органами государственной власти предотвратить нападение, разбить нападающего противника, победить его, какие меры для этого предпринять, какие средства и куда для этого вложить, кто за что отвечает, — ничего. Сразу о смерти дружинников и выплате пособия. Но если враг захватит территорию этого региона, за счёт чего платить пособие? Курская область столкнулась именно с таким вариантом.

Республика Тыва. Граничит с Монголией. Республика имеет Положение о материальном поощрении членов народных дружин, участвующих в защите государственной границы Российской Федерации. Положение в п. 3.2 устанавливает: «Денежная премия членам народных дружин выплачивается:

1) в одинарном размере за положительный вклад члена народной дружины в предупредительно-профилактическую работу по защите Государственной границы Российской Федерации с учетом не менее 36 выходов на дежурство на защиту Государственной границы Российской Федерации за текущий год;

2) в двойном размере за оказание содействия, в результате которого выявлена и (или) пресечена противоправная деятельность на Государственной границе Российской Федерации или в пограничной зоне»[19].

Это и есть вся содержательная составляющая документа.

Итак, рассмотрев выборочно законодательство регионов, имеющих границы с другими государствами, мы видим, что в этих регионах, по сути дела, нет содержательного законодательства по охране и защите государственной границы, а вместо него имеют место документы, в которых прописаны совершенно несущественные формальности: вопросы о создании дружин, описания удостоверений дружинников и их поощрений, материально-техническое обеспечение деятельности народных дружин за счёт добровольных пожертвований и т. п. И это на всей протяжённости южной границы России, измеряемой тысячами километров.

Отчасти такое положение дел имеет место, потому что для организации правового обеспечения деятельности любого региона нужно иметь

[17] Закон Амурской области от 12.11.2014 № 438-ОЗ (ред. от 04.03.2024) «О некоторых вопросах участия граждан в охране общественного порядка на территории Амурской области и защите Государственной границы Российской Федерации в пределах приграничной территории Амурской области» (принят Законодательным Собранием Амурской области 23.10.2014) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.06.2024) // Амурская правда. 2014. 15 ноября (№ 213).

[18] Закон Приморского края от 05.12.2022 № 246-КЗ (ред. от 03.10.2023) «Об отдельных вопросах деятельности добровольных народных дружин по защите государственной границы Российской Федерации на территории Приморского края» (принят Законодательным Собранием Приморского края 30.11.2022) // Приморская газета. 2022. 8 декабря (№ 94).

[19] Постановление Правительства Республики Тыва от 21.03.2024 № 115 «Об утверждении Положения о материальном поощрении членов народных дружин, участвующих в защите Государственной границы Российской Федерации в пределах приграничных территорий Республики Тыва» // Официальный портал Республики Тыва. URL: https://rtyva.ru (дата обращения: 25.10.2024).

много разных специалистов, работающих совместно на одну цель — профессиональное управление всей деятельностью региона. Нужно научное сопровождение всех процессов, а их очень много разных, и везде нужны специалисты, чтобы относительно точно спрогнозировать будущие события. Такого количества специалистов в администрациях регионов, как правило, нет.

Регионы могли бы привлекать для решения текущих, тактических и стратегических задач региональную науку, но это тоже не делается в достаточной мере, о чём можно с уверенность утверждать в связи с отсутствием действенного законодательства. Для начала такого процесса нужно также создать его сопровождение из федерального центра для координации всех работ по единому плану, но с учётом множества региональных особенностей, диктуемых разнообразными видами угроз и потенциальных угроз, которые могут исходить от разных государств, граничащих с Россией.

Вывод. Региональное законодательство не обеспечивает национальную безопасность России в вопросах охраны и защиты государственной границы, хотя ст. 3 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» устанавливает обязанности и для регионов: «Защита Государственной границы... заключается в согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления». Отсюда вытекает обязанность поименованных субъектов в участии в такой деятельности, а также их ответственность. Ответственность регионального законодателя вытекает из широты поставленных задач, которые можно рассматривать как предельно широкие, следовательно, и ответственность регионального законодателя также не исчерпывается ответственностью за разработку правильной или не очень правильной формы удостоверения дружинника.

О главном методе обеспечения безопасности границ пишет В.Н. Григорьев: «Из семнадцати стран, имеющих общие границы с Россией, а также с бывшими республиками СССР, пограничные органы в большинстве случаев подчинены Министерству обороны или Министерству внутренних дел этих государств, а основным методом охраны границы является войсковой метод»[20]. Безусловно, это так. Но и войсковой метод берёт своё начало в области права: сначала военная доктрина, потом концепция, закон, потом подзаконные нормативные правовые акты, региональные законы и другие документы. Доктрина на федеральном уровне есть. На уровне регионов из действенного законодательства нет ничего. А войска пограничной охраны или другие военные должны защищать государственную границу на территории региона. Значит, сразу возникают вопросы размещения войск, снабжения, взаимодействия с местными властями и т. п. Всё это на первичном этапе — вопросы права.

Поэтому в связи с выявленным состоянием дел следует внести следующее предложение: требования Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» необходимо соблюдать всем перечисленным в нём субъектам, включая органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Поскольку региональная наука никак не проявила себя в решении проблем управления регионами правовыми средствами, необходимо подключить её ко всем делам, связанным с управлением всем спектром дел регионов.

[20] Григорьев В.Н. Методология обеспечения безопасности границ Российской Федерации // Вестник ТОГУ. 2010. № 1 (16). С. 200.

Список литературы

1. Григорьев В.Н. Методология обеспечения безопасности границ Российской Федерации // Вестник ТОГУ. 2010. № 1 (16). С. 197—206.

2. Григорьев В.Н., Малеванный М.М. Правовые аспекты формирования парадигмы системного обеспечения национальной безопасности России в пограничном пространстве // Вестник ТОГУ. 2010. № 2 (17). С. 251—256.

3. Гурьянов А.А. Государственная граница: исторические, теоретико-методологические, международно-правовые и технологические аспекты совершенствования определения понятия // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). С. 25—29. doi: 10.47643/1815-1337_2022_8_25.

4. Зубарев Н.В. Полномочия войск национальной гвардии в охране государственной границы Российской Федерации в условиях деятельности недружественных государств // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75), № 2. С. 313—320.

5. Паламарь Н.Г. Генезис взглядов на формирование государственной территории и государственной границы российского государства // Власть. 2008. № 4. С. 100—103.

6. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А.С. Коржевского; редкол.: В.В. Толстых, И.А. Копылов. М.: РГГУ, 2021. 604 с.

7. Юскаев Ф.Р. Пограничная безопасность в контексте национальной безопасности // Пограничная безопасность: теория и практика: материалы Международной заочной научно-практической конференции государственного учреждения образования «Институт пограничной службы Республики Беларусь» / редкол.: В.Д. Гришко [и др.]. Минск: ИПС РБ, 2018. С. 406—410.

References

1. Grigoriev, V.N. (2010) Metodologiya obespecheniya bezopasnosti granits Rossiyskoy Federatsii [Methodology of ensuring security of the Russian Federation frontiers]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (16), pp. 197–206. (In Russ.).

2. Grigoriev, V.N. & Malevanny, M.M. (2010) Pravovye aspekty formirovaniya paradigmy sistemnogo obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii v pogranichnom prostranstve [Legal aspects of paradigm formation of systematic ensuring of Russia national security in the frontier area]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (17), pp. 251–256. (In Russ.).

3. Guryanov, A.A. (2022) Gosudarstvennaya granitsa: istoricheskie, teoretiko-metodologicheskie, mezhdunarodno-pravovye i tekhnologicheskie aspekty sovershenstvovaniya opredeleniya ponyatiya [State border: historical, theoretical and methodological, international legal and technological aspects of development of the definition of the concept]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 8 (212), pp. 25–29. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1337_2022_8_25.

4. Zubarev, N.V. (2023) Polnomochiya voysk natsional'noy gvardii v okhrane gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh deyatel'nosti nedruzhestvennykh gosudarstv [Powers of the National Guard troops in protection of the state border of the Russian Federation in the conditions of activities of unfriendly states]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, vol. 9 (75), no. 2, pp. 313–320. (In Russ.).

5. Palamar', N.G. (2008) Genezis vzglyadov na formirovanie gosudarstvennoy territorii i gosudarstvennoy granitsy rossiyskogo gosudarstva [Genesis of views on the formation of the state territory and state border of the Russian state]. *Vlast'*, no. 4, pp. 100–103. (In Russ.).

6. Korzhevskiy, A.S., Tolstykh, V.V. & Kopylov, I.A. (eds.) (2021) Prognoziruemye vyzovy i ugrozy natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii i napravleniya ikh neytralizatsii [Predicted challenges and threats to national security of the Russian Federation and directions for their neutralization]. Moscow, RSUH, 604 p. (In Russ.).

7. Yuskaev, F.R. (2018) Pogranichnaya bezopasnost' v kontekste natsional'noy bezopasnosti [Border security in the context of national security]. In: *Pogranichnaya bezopasnost': teoriya i praktika. Materialy Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii gosudarstvennogo uchrezhdeniya obrazovaniya "Institut pogranichnoy sluzhby Respubliki Belarus'"*. Minsk, Institute of the Border Guard Service of the Republic of Belarus, pp. 406–410. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голоскоков — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskokov – Leading Researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 35—42.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 35–42.

УДК 343.326(091)
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.003

NIION: 2015-0064-04/24-249
MOSURED: 77/27-009-2024-04-448

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Борьба с идеологией насилия: историко-правовые аспекты противодействия терроризму в России

Светлана Валерьевна Иванченко[1], Людмила Анатольевна Коханец[2], Альбина Владимировна Солодовникова[3]
[1, 2, 3]Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия
[1]luchen-00@mail.ru
[2]lkohanec@mail.ru
[3]a.v.solodovnikova@mail.ru

Аннотация. Изучение терроризма как явления и основ формирования системы противодействия терроризму в историко-правовом аспекте имеет важное значение, поскольку способствует выработке более совершенных форм и методов противостояния данной угрозе и ее предотвращения. Статья посвящена исследованию поэтапного становления системы противодействия терроризму. Исследование осуществлено с использованием традиционных методов научного познания — диалектического метода, анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также исторического и формально-юридического методов.

В представленной работе поэтапно проанализированы подходы к пониманию и правовому закреплению термина «терроризм», определены причины и цели терроризма как общественно опасного явления, выделены основные направления трансформации уголовного законодательства, вводившего ответственность за террористическую деятельность, указаны органы государственной власти, функционально предназначенные противодействовать терроризму. Отмечено, что впервые терминологическое закрепление терроризма в качестве самостоятельного состава преступления было осуществлено в советском законодательстве. Авторы исходят из того, что в изучении проблемы противодействия терроризму как уголовно наказуемому деянию необходимо выделять три этапа: дореволюционный (царский), советский и постсоветский (современный), каждый из которых имеет свои характерные черты проявлений терроризма как угрозы безопасности обществу и государству. В заключение резюмирована необходимость активного взаимодействия государства и общества, а также международно-правового взаимодействия государств в целях успешного противостояния террористической угрозе.

Ключевые слова: противодействие терроризму, терроризм, ответственность, террористический акт, террор.

Вклад авторов: Иванченко С.В. — сбор и обработка материалов, написание текста; Коханец Л.А. — анализ полученных данных, написание текста; Солодовникова А.В. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Иванченко С.В., Коханец Л.А., Солодовникова А.В. Борьба с идеологией насилия: историко-правовые аспекты противодействия терроризму в России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 35—42. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.003.

Combating the ideology of violence: historical and legal aspects of countering terrorism in Russia

Svetlana V. Ivanchenko[1], Lyudmila A. Kohanets[2], Albina V. Solodovnikova[3]
[1, 2, 3]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia
[1]luchen-00@mail.ru
[2]lkohanec@mail.ru
[3]a.v.solodovnikova@mail.ru

© Иванченко С.В., Коханец Л.А., Солодовникова А.В., 2024

Abstract. The study of terrorism as a phenomenon and the foundations of the formation of a counter-terrorism system in the historical and legal aspect is important, since it contributes to the development of more advanced forms and methods of countering this threat and preventing it. The article is devoted to the study of the phased formation of the counter-terrorism system. The research was carried out using traditional methods of scientific cognition — dialectical method, analysis, synthesis, induction, deduction, as well as historical and formal legal methods.

In the presented work, approaches to understanding and legal consolidation of the term "terrorism" are analyzed step by step, the causes and goals of terrorism as a socially dangerous phenomenon are identified, the main directions of transformation of criminal legislation that introduced responsibility for terrorist activities are highlighted, state authorities functionally designed to counter terrorism are indicated. It is noted that for the first time the terminological consolidation of terrorism as an independent corpus delicti was implemented in Soviet legislation. The authors proceed from the fact that in studying the problem of countering terrorism as a criminally punishable act, it is necessary to distinguish three stages: pre-revolutionary (tsarist), Soviet and post-Soviet (modern), each of which has its own characteristic features of manifestations of terrorism as a threat to the security of society and the state. In conclusion, the necessity of active interaction between the state and society, as well as international legal interaction of states in order to successfully counter the terrorist threat is summarized.

Keywords: counter-terrorism, terrorism, responsibility, terrorist act, terror.

Contribution of the authors: Ivanchenko S.V. — collection and processing of material, text writing; Kohanets L.A. — data analysis, text writing; Solodovnikova A.V. — research concept and design, collection and processing of material, data analysis, text writing.

For citation: Ivanchenko, S.V., Kohanets, L.A. & Solodovnikova, A.V. (2024) Combating the ideology of violence: historical and legal aspects of countering terrorism in Russia. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 35—42. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.003.

Проблема террористической угрозы в современном мире крайне остра, она обуславливается ростом количества совершаемых террористических актов, усилением степени общественной опасности данного рода преступных деяний и увеличением количества жертв в результате их совершения. Необходимо учитывать, что современный терроризм все больше приобретает глобальный, трансграничный характер, он причиняет вред не только отдельно взятому государству, но его проявления несут в себе угрозу и общемировой стабильности. Вопрос исследования терроризма как явления, его сущности, причин и мотивов, его порождающих, в историко-правовом контексте имеет особое значение, поскольку полученные результаты могут стать фундаментом для разработки и совершенствования эффективных методов противодействия терроризму, в том числе мер предупредительного характера.

Настоящая работа выполнена с целью всестороннего изучения эволюции системы противодействия террористической угрозе на различных этапах развития российской государственности. В рамках поставленной цели решаются задачи по определению характеристик основных этапов эволюции терроризма и его криминализации как уголовного деяния, выявлению причин и факторов его возникновения и развития, а также соответствующих реакций со стороны государственной власти, направленных на противодействие проявлениям террористической угрозы и находящих отражение в законодательстве.

Работа выполнена на основе анализа достаточно широкого круга источников: нормативно-правовых актов, научной и справочной литературы. Методологию исследования составили традиционные методы научного познания: диалектический метод, анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический и формально-юридический методы.

Терроризм как насильственное явление существует с древних времен. Сам термин происходит от латинского слова terror, что переводится как *страх* или *ужас*. В. Даль определяет его как «устращивание, устрашение смертными казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства»[1]. При этом акты терроризма носят публичный характер, порождают распространение панических настроений в обществе, погружают его в атмосферу всеобщего страха. Террор преследует конкретную цель — религиозную, политическую, общеуголовную, достигаемую посредством устрашающего воздействия на властные структуры в результате применения разнообразных методов физического или психологического воздействия, а также их сочетания. Н.А. Маркова и А.В. Солодовникова отмечают, что «терроризм, как крайне сложное, динамичное и многоликое социально-политическое и криминальное явление, вызванное к жизни социальными противоречиями внутреннего и внешнего характера», в современном мире выступает в качестве наибо-

[1] Словарь В. Даля онлайн. URL: https://v-dal.ru/word_s-121266.html (дата обращения: 25.09.2024).

лее радикальной формы проявления противоправного поведения и главной угрозы стабильности государственности[2].

В настоящее время терроризм в российской правовой действительности рассматривается как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий[3].

Изучая проблему противодействия терроризму как уголовно наказуемому деянию, в отечественной практике целесообразно выделять три этапа: дореволюционный (царский), советский и постсоветский (современный).

С момента возникновения древнерусского государства и до XIX в. криминализация деяний, приближенных к современному пониманию терроризма, отсутствовала. Отдельные составы преступлений, связанные с посягательством на жизнь государя либо представителей власти, рассматривались исключительно как преступления против государства и не имели каких-либо дополнительных признаков, позволяющих квалифицировать их как террористические акты. Даже такое преступление, как поджог, имеющее особую общественную опасность, хоть и являлось тяжким преступлением, не несло в себе террористической сущности и рассматривалось в качестве общеуголовного преступления.

Как общественно опасное явление терроризм в России стал проявлять себя только в XIX в. в качестве орудия политической борьбы, что, соответственно, и обусловило его политический характер. Его истоки уходят корнями во французский опыт революционной борьбы. Именно во Франции террор стал самым популярным способом достижения политических целей. Под воздействием идей французской революции и европейской философии в России стали формироваться новые взгляды на политическое будущее страны, что привело к появлению революционных обществ, готовых действовать самыми радикальными способами в попытках оказать воздействие на действующую власть. В результате в среде этих обществ оформляется революционная идеология, а ключевым методом в достижении поставленных целей становится террор, реализуемый в виде индивидуальных убийств революционерами высокопоставленных чиновников.

Наиболее массовым образом революционный террор стал себя проявлять после начала реализации положений крестьянской реформы 1861 года, и связан он с неоднократными покушениями на жизнь императора Александра II. Общепризнанно, что первым таким политически мотивированным актом стало покушение на Александра II, совершенное 4 апреля 1861 г. Дмитрием Каракозовым, состоящим в революционном движении. Другим ярким примером является покушение на жизнь петербургского градоначальника генерала Ф.Ф. Трепова, совершенное 24 января 1878 г. революционеркой В.И. Засулич. А вынесенный присяжными заседателями оправдательный вердикт в отношении В.И. Засулич повлек за собой политически мотивированное решение об изъятии дел террористов из подсудности суда присяжных.

Рассматриваемый этап как раз сопряжен с активным ростом политических партий, кружков, движений, особенно радикальной направленности, проповедующих революционную идеологию и признающих полезность террора как метода воздействия на власть и достижения политических целей, а именно способа борьбы за власть. Среди таких организаций следует особо отметить «Народную волю», «Боевую организацию» партии социалистов-революционеров, анархистов, боевые дружины «Союза русского народа» и даже боевые организации РСДРП(б)[4].

Правоохранительная система Российской империи была вынуждена реагировать на совершаемые террористами преступления. Соответственно, впервые на государственном уровне начинает формироваться система противодействия терроризму, однако она базировалась на правовых мерах, основывающихся на существующих в империи законах, явно не соответствующих правовой природе этого нового явления. Основным нормативно-правовым актом, предусматривающим ответственность для террористов, являлось Уложение о наказаниях уголовных и

[2] Маркова Н.А., Солодовникова А.В. К вопросу об административно-правовых средствах противодействия противоправному поведению террористической направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1 (31). С. 114.

[3] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

[4] См.: Горбачева И.М. Политический терроризм социал-демократов в России в конце XIX — начале XX вв. // Власть. 2014. № 10. С. 185—189.

исправительных 1845 г., хоть и претерпевшее несколько редакций содержания, но сохранившее при этом свою казуистичность и сложность правоприменения, не предусматривающее конкретного состава преступления, характеризуемого как террористический акт. Деяния террористов квалифицировались либо как государственные преступления в случае посягательства на императора или членов императорского дома (ст. 241, 244 Уложения), либо в отношении иных субъектов как умышленное убийство (ст. 1454 Уложения) или убийство с квалифицирующими признаками, совершаемое особым способом с применением взрывчатых веществ (ст. 1453 Уложения)[5].

После убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II правительство в целях обеспечения государственной безопасности пошло по пути усиления уголовно-правовой репрессии в условиях обострения внутриполитической обстановки и усиления революционной ситуации. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. ввело усиленные административные меры, были масштабно расширены полномочия министра внутренних дел, а также генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников в подведомственных им местностях, объявленных в состоянии усиленной охраны. Так, генерал-губернаторы получили право передавать «на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных», а также требовать рассмотрения дел при закрытых дверях (ст. 17 Положения)[6]. При таких обстоятельствах действующее законодательство приобретало чрезвычайный характер.

Основную функцию по противодействию террористической угрозе осуществляли Отдельный корпус жандармов как орган политического сыска и полицейские структуры, правовое обеспечение деятельности которых также трансформировалось в условиях роста революционных настроений. Стоит отметить, что революционный террор вносил дезорганизацию в деятельность самих полицейских органов и деморализовал полицейских служащих, уровень служебной дисциплины среди сотрудников резко снизился, а в обществе формировалось негативное отношение к полиции[7].

Принятое в 1903 г. и частично введенное в условиях углубления революционной ситуации Уголовное уложение в некотором смысле усовершенствовало механизм привлечения к ответственности за террористические акты. В Уложении по-прежнему отсутствовали такие понятия, как «терроризм» или «террористический акт», но в нем достаточно четко формулируются такие квалифицирующие признаки, как наличие средств для взрыва или склада оружия при посягательстве на изменение установленного «образа правления» (ст. 100—104), что свидетельствует об установлении ответственности за деяния, во многом соответствующие современному пониманию террористического акта.

В годы первой русской революции эффективной мерой противодействия революционной ситуации и террористической угрозе стало учреждение Советом министров в августе 1906 г. военно-полевых судов, фактически действовавших по законам военного времени.

Таким образом, на дореволюционном этапе, как отмечает Е.А. Капитонова, шел процесс формирования общего понятия терроризма и его характерных признаков, что в будущем поспособствовало его оформлению в качестве отдельного уголовно-правового запрета[8]. Следует согласиться с мнением М.Б. Колоткова, согласно которому уголовно-правовая квалификация преступлений террористической направленности на этом этапе осуществлялась бессистемно и непоследовательно — либо посредством рассмотрения террора в качестве общеуголовного преступления, либо путем применения специальных правовых норм, устанавливавших уголовную ответственность за терроризм как за государственное преступление[9], закладывались правовые основы про-

[5] Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. Н.С. Таганцевым. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб: Тип. М. Стасюлевича, 1876.

[6] Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. URL: http://музейреформ.рф/node/13672 (дата обращения: 16.09.2024).

[7] Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Российские политические партии, общество и полиция в начале XX века // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 49.

[8] Капитонова Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 20.

[9] Колотков М.Б. Антитеррористическая политика российского государства во второй половине XIX — начале XX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 24.

тиводействия терроризму. При этом сама террористическая деятельность во многом обуславливалась политическими целями, а террористы нередко оправдывали себя борьбой ради достижения общественного блага.

С приходом к власти Советов после октября 1917 г. начинается качественно новый этап в развитии системы противодействия терроризму. Новое советское законодательство впервые ввело в оборот понятие террористического акта. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. рассматривал террористический акт как тяжкое государственное преступление контрреволюционной направленности (ст. 64). Следует отметить, что квалификация деяния по данному составу была возможна исключительно при наличии контрреволюционного умысла, причем преступным являлось даже совершение деяния лицом, не состоящим в контрреволюционной организации. Закон также зафиксировал исчерпывающий перечень возможных потерпевших — представители Советской власти или деятели революционных рабоче-крестьянских организаций. Законодательно была введена ответственность не только за организацию и непосредственное участие в совершении террористических актов, но и за укрывательство, пособничество и недонесение о таких фактах, что, несомненно, стало значительным шагом вперед в сравнении с предшествующим этапом в вопросах правового регулирования уголовной ответственности за терроризм, несмотря даже на отсутствие в диспозициях статей четких признаков преступного деяния. Тем не менее УК РСФСР 1922 г. и его редакция 1926 г. содержали в себе и иные составы преступлений, близкие современному пониманию терроризма, например организацию в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а также участие в осуществлении таких действий. Основными видами террористических преступлений на практике признавались умышленное политическое убийство и уничтожение государственного имущества[10].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. существенным образом изменил содержание норм об ответственности за террористические акты. В ст. 66 стало предусматриваться две формы террористического акта с четким перечислением признаков данного деяния. В первом случае наказуемо было убийство государственного или общественного деятеля или представителя власти, а во втором причинение перечисленным лицам тяжкого телесного повреждения, но в обоих случаях деяние совершалось в связи с государственной или общественной деятельностью потерпевшего, целью становился «подрыв или ослабление Советской власти». Наказание за подобное деяние стало более определенным, а смертная казнь как высшая мера наказания приобрела исключительный характер. Появился и новый состав преступления — террористический акт против представителя иностранного государства, целью которого выступала провокация войны или международных осложнений (ст. 67)[11].

Функции по борьбе с проявлениями терроризма на данном этапе были возложены на органы государственной безопасности, начиная с ГПУ при НКВД РСФСР и заканчивая КГБ СССР. В послевоенное время в результате реорганизации органов государственной безопасности в структуре Министерства государственной безопасности СССР в 1946 г. был учрежден специальный Отдел «Т» (по борьбе с терроризмом), осуществляющий следственную работу по делам о терроризме. После создания в 1954 г. Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР данный функционал был передан четвертому управлению, обеспечивающему борьбу с антисоветскими элементами и безопасность на транспорте, а позднее противодействием терроризму стали заниматься все подразделения органов государственной безопасности в силу малочисленности преступлений данной направленности. Только в результате структурной реорганизации КГБ СССР в 1967 г. появилось пятое управление по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника, в составе которого был сформирован пятый отдел, занимающийся проверкой сигналов о террористических актах[12].

В конце XX в. ситуация в стране и в мире изменяется, стремительно возрастает количество преступлений террористической направленности, а сам терроризм становится глобальным явлением, угрожающим безопасности граждан всех стран. После распада СССР в Российской Феде-

[10] Капитонова Е.А. Указ. соч. С. 23.

[11] Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/14_ugol_kodeks (дата обращения: 18.05.2024).

[12] См.: Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954—1991. Тайны гибели Великой державы. М., [2015].

рации террористическая угроза обусловила проблему сохранения территориальной целостности. Перед государством остро встал вопрос объективной необходимости противодействия терроризму, что привело к возникновению соответствующих структур в системе новых органов государственной безопасности. Так, в структуре Федеральной службы контрразведки и Федеральной службы безопасности Российской Федерации были сформированы управления по борьбе с терроризмом, а правовую основу регулирования контртеррористической деятельности на данном этапе составлял Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», принятый в 1998 г.

Соответственно новым условиям трансформировалось и уголовное законодательство. В продолжавшем действовать Уголовном кодексе РСФСР в составе нормы «террористический акт» был введен политический мотив в описание субъективной стороны деяния, а также появились самостоятельные составы преступлений: «терроризм» и «заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Именно в этот момент на законодательном уровне произошло закрепление термина «терроризм» в его современном понимании, а в дальнейшем его фиксация в ныне действующем Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ведущей угрозой национальной безопасности России в 90-е гг. XX в. стал терроризм, имеющий религиозную окраску и распространенный на территории Северного Кавказа. Его проявления имели место во многих других регионах России, где были совершены кровавые террористические акты, среди которых взрывы домов в Москве и Волгодонске, взрывы в метро, захват заложников в театральном центе на Дубровке и многие другие. Но самым крупным, абсолютно бесчеловечным и циничным террористическим актом стал захват террористами школы в г. Беслане 1 сентября 2004 г. во время торжественной линейки, посвященной началу учебного года, когда жертвами террористов стали беззащитные дети, их родители и учителя. Это событие стало мощнейшим импульсом к кардинальному изменению всей системы противостояния терроризму. В результате в 2006 г. были приняты Федеральный закон «О противодействии терроризму» и Указ Президента РФ «О мерах по противодействию терроризму», закрепившие общегосударственную систему противодействия данному явлению. Была не только сформирована новая система, обеспечивающая выявление, раскрытие и расследование террористических актов, но также выработаны меры по предупреждению и профилактике террористической деятельности, введены единые понятия и унифицирована практика их применения, в том числе в уголовно-правовой сфере, что позволило устранить правовые противоречия.

Одновременно в целях организации и координации деятельности органов власти всех уровней по противодействию терроризму по инициативе Президента Российской Федерации состоялось учреждение в 2006 г. Национального антитеррористического комитета, в состав которого вошли представители законодательных и исполнительных органов государственной власти, правоохранительных органов, силовых ведомств и служб. А утвержденная в 2009 г. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации закрепила направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму.

Как отметил Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин, на современном этапе по многим направлениям идет расширение субъектов терроризма, под его знамена становятся не только отдельные организации, политические, националистические, религиозные и криминальные образования, но и целые народы, в связи с этим необходима четкая координация действий всех противодействующих терроризму структур[13]. В условиях усложнившейся внешнеполитической обстановки перед Российской Федерацией стоит важнейшая задача по минимизации всех возможных проявлений террористической активности, защите от террористических угроз личности, государства и общества, обеспечению антитеррористической защиты инфраструктурных объектов и мест массового пребывания людей, превентивной работе по устранению факторов, способствующих формированию террористических намерений, ведь не допустить и предупредить террористический акт куда важнее, чем устранять его кровавые последствия. Для успешного решения данной задачи требуется мобилизация не только государственного механизма, но и всех общественных сил.

[13] Бастрыкин А.И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 839.

Таким образом, анализ исторических аспектов формирования и развития форм и методов противодействия терроризму в России необходим для уяснения того, насколько сложной и кропотливой оказалась работа по выстраиванию современной системы противодействия терроризму, основанной не только на отечественном опыте, но и на международных стандартах контртеррористической деятельности, поскольку данная проблема приобрела международный характер и тесно связана с транснациональной организованной преступностью, а ее решение возможно только на условиях развития активного международно-правового взаимодействия государств по противодействию терроризму в целях обеспечения как международной, так и внутригосударственной безопасности и стабильности.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. Противодействие Следственного комитета Российской Федерации терроризму и экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, № 4. С. 836—846. doi: 10.21638/spbu14.2021.402.

2. Горбачева И.М. Политический терроризм социал-демократов в России в конце XIX — начале XX вв. // Власть. 2014. № 10. С. 185—189.

3. Капитонова Е.А. История развития правового регулирования ответственности за терроризм в России в дореволюционный и советский период // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 4 (40). С. 17—28. doi: 10.21685/2072-3016-2016-4-2.

4. Колотков М.Б. Антитеррористическая политика российского государства во второй половине XIX — начале XX вв.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 49 с.

5. Лукьянов С.А., Удодов А.Г. Российские политические партии, общество и полиция в начале XX века // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 4. С. 46—54. doi: 10.24411/2073-3305-2021-4-46-54.

6. Маркова Н.А., Солодовникова А.В. К вопросу об административно-правовых средствах противодействия противоправному поведению террористической направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1 (31). С. 112—118. doi: 10.54217/2588-0136.2022.31.1.015.

7. Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954—1991. Тайны гибели Великой державы. М.: Аква-Терм, [2015]. 656 с.

References

1. Bastrykin, A.I. (2021) Protivodeystvie Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii terrorizmu i ekstremizmu [Countering terrorism and extremism by the Investigative Committee of the Russian Federation]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 12, no. 4, pp. 836–846. (In Russ.). doi: 10.21638/spbu14.2021.402.

2. Gorbacheva, I.M. (2014) Politicheskiy terrorizm sotsial-demokratov v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. [The political terrorism of social democrats in Russia at the end of the 19th – the beginning of the 20th century]. *Vlast'*, no. 10, pp. 185–189. (In Russ.).

3. Kapitonova, E.A. (2016) Istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya otvetstvennosti za terrorizm v Rossii v dorevolyutsionnyy i sovetskiy period [The development history of legal regulation of liability for terrorism in Russia in pre-revolutionary and Soviet periods]. *University proceedings. Volga region. Social sciences*, no. 4 (40), pp. 17–28. (In Russ.). doi: 10.21685/2072-3016-2016-4-2.

4. Kolotkov, M.B. (2022) Antiterroristicheskaya politika rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: istoriko-pravovoy aspekt [Anti-terrorist policy of the Russian state in the second half of the XIX – early XX centuries: historical and legal aspect]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 49 p. (In Russ.).

5. Lukyanov, S.A. & Udodov, A.G. (2021) Rossiyskie politicheskie partii, obshchestvo i politsiya v nachale XX veka [Russian political parties, society and the police in the early 20th century]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, no. 4, pp. 46–54. (In Russ.). doi: 10.24411/2073-3305-2021-4-46-54.

6. Markova, N.A. & Solodovnikova, A.V. (2022) K voprosu ob administrativno-pravovykh sredstvakh protivodeystviya protivopravnomu povedeniyu terroristicheskoy napravlennosti [On the issue of administrative and legal means of countering illegal behavior of a terrorist orientation]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1 (31), pp. 112–118. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.31.1.015.

7. Khlobustov, O.M. (2015) KGB SSSR 1954–1991. Tayny gibeli Velikoy derzhavy [KGB of the USSR 1954–1991. Secrets of the death of a Great Power]. Moscow, Akva-Term, 656 p. (In Russ.).

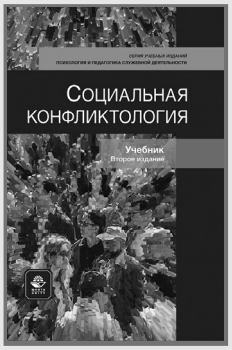
Информация об авторах

С.В. Иванченко — старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, майор юстиции;
Л.А. Коханец — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат исторических наук, старший лейтенант юстиции;
А.В. Солодовникова — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Information about the authors

S.V. Ivanchenko – Senior lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Major of Justice;
L.A. Kohanets – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Historical Sciences, Senior Lieutenant of Justice;
A.V. Solodovnikova – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Senior Lieutenant of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ



Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошева, А.Н. Сухова; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 43—50.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 43–50.

УДК 343.357
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.004

NIION: 2015-0064-04/24-250
MOSURED: 77/27-009-2024-04-449

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Классификация преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок

Андрей Германович Вениаминов
Следственный комитет Российской Федерации, Москва,
Россия, dron2006_85@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам классификации преступлений, совершаемых в сфере закупок товаров, выполнения работ и оказания услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Исследованы уголовно-правовая и криминалистическая классификация преступлений. Сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода к систематизации преступных деяний в сфере государственных закупок.

В статье проработаны вопросы классификации преступлений в сфере государственных закупок по отдельным элементам состава преступления. Классификация преступлений по объекту построена на основе структурирования разделов и глав Особенной части УК РФ. Преступления в сфере закупок могут совершаться в форме действия или бездействия, а также иметь материальный или формальный состав. Большинство рассматриваемых групп преступлений совершается специальным субъектом, соучастником которого, в том числе в форме пособника, могут выступать любые лица. По субъективной стороне они могут носить характер умышленных, неосторожных, а также совершаться с двумя формами вины.

Исходя из специфики процедур закупки, преступления могут разграничиваться по объекту закупки (товары, работы, услуги), виду гражданско-правового договора, способу закупки (конкурентные и у единственного поставщика). Также указано на возможность деления преступлений в зависимости от целей национального развития России и разработанных для их реализации национальных проектов, федеральных программ.

Ключевые слова: классификация преступлений, государственные закупки, состав преступления, объект и предмет преступления, контрактный управляющий, общественно опасные последствия, специальный субъект, способ закупки, государственный контракт, национальный проект.

Для цитирования: Вениаминов А.Г. Классификация преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 43—50. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.004.

Classification of crimes in the field of public procurement

Andrey G. Veniaminov
Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow,
Russia, dron2006_85@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the classification of crimes committed in the field of procurement of goods, performance of works and provision of services to meet state and municipal needs. The criminal law and criminalistic classification of crimes are investigated. It is concluded that it is necessary to apply an integrated approach to the systematization of criminal acts in the field of public procurement.

The article deals with the classification of crimes in the field of public procurement by individual elements of the corpus delicti. The classification of crimes by object is based on the structuring of sections and chapters of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation. Crimes in the field of procurement can be committed in the form of an act or omission, as well as have a material or formal composition. A special subject, whose accomplice, including in the form of an abettor, can be any person, commits most of the considered groups of crimes. On the subjective side, they can be intentional, careless, and committed with two forms of guilt.

© Вениаминов А.Г., 2024

Based on the specifics of procurement procedures, crimes can be differentiated by the object of purchase (goods, works, services), type of civil contract, method of purchase (competitive and from a single supplier). It is also indicated that crimes can be divided depending on the goals of Russia's national development and national projects and federal programs developed for their implementation.

Keywords: classification of crimes, public procurement, corpus delicti, object and subject of crime, contract manager, socially dangerous consequences, special subject, procurement method, state contract, national project.

For citation: Veniaminov, A.G. (2024) Classification of crimes in the field of public procurement. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 43–50. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.004.

На законодательном уровне классификация преступлений производится в соответствии с тяжестью деяния и предусмотренной за него санкции (ст. 15 УК РФ). В науке также распространенной является уголовно-правовая классификация, которая основана на родах и видах преступлений согласно структуре Особенной части УК РФ, то есть деление производится по объекту преступления[1].

Наряду с уголовно-правовой существует и криминалистическая классификация преступлений, понятие которой раскрывается в теории криминалистики[2]. Под ней понимается систематизация преступлений по криминалистически значимым основаниям, способствующим формированию криминалистических характеристик преступлений и разработке частных криминалистических методик[3]. Данная классификация строится непосредственно на криминалистических аспектах, таких как способ совершения и сокрытия преступления, особенности личности исполнителя[4].

В.А. Образцов полагал, что в качестве объекта криминалистической классификации преступлений выступает группа криминалистически сходных видов преступлений, в состав которой входят различные по объему и содержанию подмножества преступлений[5].

Преступления в сфере закупок товаров, выполнения работ и оказания услуг следует отнести к группе схожих уголовно наказуемых деяний, совершаемых при выполнении участниками контрактной системы своих функций по обеспечению государственных или муниципальных нужд.

Преступления указанной группы определяются в научной литературе как «умышленное, корыстное, противоправное деяние, совершенное посредством нарушения правил, установленных законодательством Российской Федерации в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, причинившее ущерб Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, а также гражданам, юридическим лицам и (или) вред авторитету государственной власти, власти субъекта Российской Федерации или муниципального образования»[6].

По вопросам классификации преступлений в сфере закупок существует несколько точек зрения. По мнению Ш.М. Шурпаева, указанные деяния следует классифицировать на преступления экономической направленности, совершаемые при заключении и исполнении государственного контракта представителями хозяйствующих субъектов, и коррупционные преступления, связанные со злоупотреблениями служебным положением и принятием незаконного вознаграждения должностным лицом заказчика[7]. Между тем согласно п. 1 и 3.6 перечня № 23 преступлений коррупционной направленности[8] к

[1] Малимонова А.С. Криминалистическая классификация преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8. С. 152—159.

[2] См., например: Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990; Белкин А.Р. Криминалистические классификации. М., 2000.

[3] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М., 2000. С. 91.

[4] Варданян А.В., Кулешов Р.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций // Российский следователь. 2015. № 21. С. 5—10.

[5] Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск, 1988. С. 61.

[6] Особенности расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: учебное пособие / Д.В. Алехин, В.В. Бычков, Б.В. Борин, А.А. Лебедева, А.Ж. Саркисян, С.В. Харченко. М., 2021. С. 12.

[7] Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 37—41.

[8] Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности».

коррупционным также могут относиться преступления, предусмотренные ст. 159, 160 УК РФ, при наличии связи деяния со служебным положением должностного лица, отступлением от его прямых прав и обязанностей, а также при обязательном наличии у него корыстного мотива, когда деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц.

Разделить преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, на публичные и непубличные предлагает Ю.В. Скосырская. К первой группе автор относит получение и дачу взятки, злоупотребление должностными полномочиями, незаконное участие в предпринимательской деятельности, а ко второй — коммерческий подкуп, злоупотребления полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих организациях, частными нотариусами и аудиторами[9].

В.М. Корякин группирует данные преступления на противоправные деяния, относящиеся к совершенным в сфере закупок при любых условиях (коммерческий подкуп, получение и дача взятки), имеющие корыстную цель (злоупотребление и превышение должностными полномочиями), и на совершенные должностным лицом или государственным служащим (мошенничество, присвоение и растрата, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности)[10].

В свою очередь, И.И. Ординарцев относит к преступлениям, совершаемым в сфере государственных закупок, уголовно-правовые посягательства, связанные с планированием закупки, составлением задания, размещением заказа, исполнением контракта и контролем за его исполнением[11]. Предложенная данным автором классификация предусматривает деление преступлений по стадиям процесса закупки. Ее вряд ли стоит считать уместной, так как большинство преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, предполагают их исполнение на всех стадиях закупочной процедуры, а их конечной целью является противоправное и безвозмездное изъятие бюджетных средств, а также получение незаконного вознаграждения за заключение и исполнение контракта.

Считаем, что разработка классификации преступлений, совершенных в сфере государственных закупок, имеет не только научно-теоретическое значение, но также способствует формированию криминалистической методики их расследования. Систематизация исследуемых преступлений должна основываться на нормах законодательства, судебно-следственной практике и научной литературе. Для этого предлагается выработать комплексный уголовно-правовой и криминалистический подход к классификации.

Сперва разграничим исследуемые преступления по элементам состава преступления, начиная с объекта преступного посягательства.

По основному непосредственному объекту преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, подразделяются:

1) на преступления против собственности — мошенничество, мошенничество с использованием электронных средств платежа и в сфере компьютерной информации, присвоение или растрата, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием;

2) преступления в сфере экономической деятельности — злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок, заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, воспрепятствование предпринимательской или иной законной деятельности, незаконное предпринимательство, легализация денежных средств и иного имущества, приобретенных преступным путем, ограничение конкуренции, манипулирование рынком;

3) преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях — коммерческий подкуп, посредничество в коммерческом подкупе, мелкий коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного

[9] Скосырская Ю.В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. С. 136.

[10] Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: монография. М., 2014. С. 333—334.

[11] Ординарцев И.И. Основы предотвращения правонарушений в сфере закупок для обеспечения государственных нужд = Fundamentals prevent violations in the procurement for the state needs: монография. М., 2017. С. 29.

оборонного заказа, отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа;

4) преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — дача и получение взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, служебный подлог, халатность, превышение должностных полномочий, незаконное участие в предпринимательской деятельности, злоупотребление должностными полномочиями, нецелевое расходование бюджетных средств, нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов, злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа, отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа.

Приведенная классификация основана на структурировании Особенной части УК РФ.

Криминалистическая классификация преступлений также предусматривает их разделение и по предмету преступного посягательства. Под предметом преступления понимаются указанный в уголовном законе предмет материального мира или информация, путем создания которых или воздействия на которые виновный осуществляет непосредственное воздействие на объект преступления[12]. В качестве предмета преступления выделяют материальные и идеальные блага, по поводу которых существуют охраняемые уголовным законом общественные отношения[13].

И.А. Любый в качестве предмета исследуемых преступлений предлагает выделять товары, работы и услуги: 1) закупаемые для удовлетворения государственных нужд; 2) для удовлетворения муниципальных нужд; 3) включенные в государственный оборонный заказ[14]. Е.Н. Земскова в качестве предмета преступлений в сфере государственных закупок указывает: 1) денежные средства, выделенные из бюджета либо принадлежащие гражданам и юридическим лицам; 2) имущество; 3) услуги имущественного характера; 4) официальные документы[15].

Также предлагается классифицировать преступные посягательства на бюджетные средства на хищение путем обмана и злоупотребления доверием, присвоение и растрату, а также их нецелевое расходование[16].

Таким образом, по предмету преступлений в сфере государственных закупок предлагается выделить деяния:

1) посягающие на средства федерального бюджета, бюджета субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов;

2) связанные с созданием информации, содержащейся в документации о закупках, и противоправным воздействием на нее;

3) связанные с противоправным оборотом денежных средств физических и юридических лиц, а также оказанием услуг имущественного характера, используемых ими для подкупа должностных лиц и руководителей коммерческих организаций в целях совершения действий в сфере государственных закупок;

4) связанные с воздействием на официальные документы, предоставляющие право или освобождающие от обязанностей в сфере закупок;

5) связанные с созданием и деятельностью юридических лиц, участвующих в закупках;

6) не имеющие непосредственного предмета преступного посягательства.

Далее рассмотрим вопросы классификации по объективной стороне преступления. Преступления в сфере закупок могут совершаться в форме действия (растрата, подкуп работника контрактной службы, служебный подлог) или бездействия (халатность, отказ или уклонение от

[12] Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 60.

[13] Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности: монография. Омск, 2008. С. 87.

[14] Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. С. 90.

[15] Земскова Е.Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 92.

[16] Уголовно-правовая охрана бюджетных средств: монография / под общ. ред. Н.И. Пикурова, Е.Н. Карабановой. М., 2016. С. 33—79.

заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу).

Преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, могут иметь материальный или формальный состав. К первой группе деяний можно отнести злоупотребления должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, повлекшие тяжкие последствия; ограничение конкуренции путем заключения между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), причинившее крупный ущерб, повлекшее извлечение дохода в крупном размере. В данном случае конструктивными признаками преступления являются не только действия, но и общественно опасные последствия и причинно-следственная связь между действиями и наступившими последствиями.

Ко второй группе относятся преступления, которые являются оконченными независимо от наступления общественно опасных последствий, например, получение или дача взятки, незаконное участие должностным лицом государственного заказчика в коммерческой деятельности организации — исполнителя по государственному контракту.

Далее рассмотрим квалификацию исследуемых деяний по субъекту. Они могут совершаться как преступником, имеющим признаки специального субъекта, так и лицом, не обладающим таковыми признаками. Полагаем, что большинство рассматриваемых групп преступлений совершается специальным субъектом, что объясняется спецификой процедуры закупок.

С учетом диспозиций различных норм УК РФ преступления со специальным субъектом могут быть совершены:

а) контрактным управляющим, работником контрактной службы, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, осуществляющим приемку товаров, работ или услуг, иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика;

б) экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации;

в) должностным лицом либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации;

г) лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

д) лицом, которому вверено имущество.

К лицам, не обладающим признаками специального субъекта, могут относиться:

а) штатные работники коммерческих организаций, не обладающие управленческими полномочиями, которые по поручению руководства могут заниматься составлением коммерческих предложений на поставку товара по завышенной стоимости и их направлением в адрес заказчика, совершать финансовые операции с похищенными бюджетными средствами и их последующее обналичивание;

б) рядовые работники и служащие, выполняющие в органах государственной власти сугубо профессиональные или технические обязанности (секретарь; делопроизводитель);

в) лица, формально не являющиеся учредителями или директорами фирм — участников закупок, но являющиеся фактическими руководителями одного или нескольких взаимосвязанных юридических лиц;

г) иные лица, выступающие взяткодателем или посредником во взяточничестве.

По субъективной стороне преступления в сфере государственных закупок делятся:

а) на умышленные (мошенничество, злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, получение взятки);

б) неосторожные (халатность);

в) совершаемые как умышленно, так и по неосторожности (нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа);

г) совершенные с двумя формами вины (дача экспертом, уполномоченным представителем экспертной организации заведомо ложного экспертного заключения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека).

По факультативным признакам субъективной стороны (мотив и цель) следует разграничить деяния, которые совершаются:

а) с корыстной целью незаконного обогащения для себя и третьих лиц;

б) из иной личной заинтересованности, обусловленной стремлением извлечь выгоду неимущественного характера;

в) в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению похищенным имуществом;

г) в иных целях, прямо не оговоренных в законе в качестве обязательного признака состава преступления. В качестве примера можно привести уклонение директора головного исполнителя от подписания договора субподряда с целью сокрыть факт хищения полученных по государственному контракту бюджетных средств в качестве аванса.

Далее приведем классификацию преступлений исходя из специфики процедуры закупки. В зависимости от объекта закупки преступления могут совершаться при заключении и исполнении государственных контрактов:

1) на поставку товаров, то есть любого имущества, реализуемого либо предназначенного для реализации;

2) на выполнение работ, то есть деятельности, результаты которой имеют материальное выражение и могут быть реализованы для удовлетворения потребностей организации или физических лиц;

3) на оказание услуг, то есть выполнение деятельности, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности.

Некоторые преступления охватывают весь комплекс закупок. Например, в случае, когда государственным контрактом предусмотрено выполнение работ по капитальному строительству здания или сооружения, в рамках исполнения которого головной исполнитель заключает отдельные контракты на поставку материалов, оказание транспортных услуг, проектно-изыскательские работы со сторонними организациями.

В зависимости от характера гражданско-правового договора преступления исследуемой категории могут совершаться при заключении и исполнении:

1) государственного и муниципального контракта — договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги, заключенного от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения государственных или муниципальных нужд;

2) контракта — договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги, заключенного бюджетным учреждением, государственным или муниципальным унитарным предприятием либо иным юридическим лицом;

3) контракта жизненного цикла, предусматривающего поставку товара или выполнение работы, последующие обслуживание, эксплуатацию в течение срока службы, ремонт или утилизацию поставленного товара или созданного в результате выполнения работы объекта капитального строительства или товара;

4) контракта на поставку товаров, необходимых для нормального жизнеобеспечения граждан, предусматривающего поставку продовольствия, средств, необходимых для оказания скорой медицинской помощи в экстренной или неотложной форме, лекарственных средств, медицинских изделий, технических средств реабилитации, топлива, отсутствие которых приведет к нарушению нормального жизнеобеспечения граждан;

5) контракта со встречными инвестиционными обязательствами — контракта на поставку товара, оказание услуги, предусматривающего встречные инвестиционные обязательства поставщика, исполнителя по созданию, модернизации, освоению производства товара или по созданию, реконструкции имущества, предназначенного для оказания услуги.

Исходя из способа определения поставщика, преступления могут совершаться при проведении конкурентных торгов или закупки у единственного поставщика. Преступления при проведении конкурентных торгов могут разграничиваться на совершаемые при проведении: открытых конкурсов, аукционов; закрытых конкурсов, аукционов; запросов котировок.

Также можно выделить преступления, совершаемые при проведении специализированных способов закупки, таких как:

а) совместные конкурсы и аукционы, проводимые при осуществлении закупки одних и тех же товаров, работ, услуг на основании соглашения участников закупки;

б) централизованные закупки, когда полномочия на определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) возлагаются на один государственный или муниципальный орган, казенное учреждение или несколько таких органов, учреждений.

Кроме того, преступления могут быть классифицированы в соответствии с целями национального развития[17], для реализации которых разработаны государственные программы и федераль-

[17] См.: Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. 2020. 22 июля (№ 159).

ные проекты, национальные проекты и программы, приоритетные программы и проекты[18].

Таким образом, научное и практическое значение классификации преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, заключается в комплексном использовании уголовно-правовых и криминалистических подходов, что обеспечивает ее эффективное использование в методике их расследования.

Список литературы

1. Белкин А.Р. Криминалистические классификации. М.: Мегатрон, 2000. 94 с.

2. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон-XXI, 2000. 333 с.

3. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2006. 183 с.

4. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008. 247 с.

5. Земскова Е.Н. Расследование преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 296 с.

6. Корякин В.М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 455 с.

7. Куцонис П.Б. Проблемы построения и использования криминалистических классификаций в методике расследования преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 264 с.

8. Любый И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 225 с.

9. Малимонова А.С. Криминалистическая классификация преступлений в сфере обеспечения продовольственной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 8. С. 152—159. doi: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.152-159.

10. Образцов В.А. Криминалистическая классификация преступлений. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1988. 175 с.

11. Ординарцев И.И. Основы предотвращения правонарушений в сфере закупок для обеспечения государственных нужд = Fundamentals prevent violations in the procurement for the state needs: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. 113 с.

12. Особенности расследования преступлений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: учебное пособие / Д.В. Алехин, В.В. Бычков, Б.В. Борин, А.А. Лебедева, А.Ж. Саркисян, С.В. Харченко. М.: Московская академия СК России, 2021. 84 с.

13. Скосырская Ю.В. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями коррупционной направленности, совершаемыми в сфере государственных закупок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 211 с.

14. Уголовно-правовая охрана бюджетных средств: монография / под общ. ред. Н.И. Пикурова, Е.Н. Карабановой. М.: Проспект, 2016. 98 с.

15. Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 37—41.

References

1. Belkin, A.R. (2000) Kriminalisticheskie klassifikacii [Forensic classifications]. Moscow, Megatron, 94 p. (In Russ.).

2. Belkin, R.S. (2000) Kriminalisticheskaya enciklopediya [The forensic encyclopedia]. 2nd ed. Moscow, Megatron-XXI, 333 p. (In Russ.).

3. Bikmurzin, M.P. (2006) Predmet prestupleniya: teoretiko-pravovoj analiz [The subject of the crime: theoretical and legal analysis]. Moscow, Yurlitinform, 183 p. (In Russ.).

4. Vishnyakova, N.V. (2008) Ob"ekt i predmet prestuplenij protiv sobstvennosti [The object and subject of crimes against property]. Monograph. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 247 p. (In Russ.).

5. Zemskova, E.N. (2018) Rassledovanie prestuplenij v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs]. Ph. D. thesis. Moscow, 296 p. (In Russ.).

6. Koryakin, V.M. (2014) Protivodejstvie korrupcii v sfere gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd oborony i voennoj bezopasnosti [Countering corruption in the field of public procurement for defense

[18] См.: Перечень государственных программ, национальных и федеральных проектов, приоритетных программ и проектов в Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

and military security needs]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 455 p. (In Russ.).

7. Kuconis, P.B. (1990) Problemy postroeniya i ispol'zovaniya kriminalisticheskih klassifikacij v metodike rassledovaniya prestuplenij [Problems of construction and use of criminalistic classifications in the methodology of crime investigation]. Ph. D. thesis. Moscow, 264 p. (In Russ.).

8. Lyubyj, I.A. (2022) Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya zloupotrebleniyam v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd [Criminal law measures to counteract abuses in the field of procurement of goods, works, and services to meet state and municipal needs]. Ph. D. thesis. Omsk, 225 p. (In Russ.).

9. Malimonova, A.S. (2021) Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij v sfere obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti [Forensic classification of food security crimes]. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 8, pp. 152–159. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2021.129.8.152-159.

10. Obrazcov, V.A. (1988) Kriminalisticheskaya klassifikaciya prestuplenij [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University, 175 p. (In Russ.).

11. Ordinarcev, I.I. (2017) Osnovy predotvrashcheniya pravonarushenij v sfere zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennyh nuzhd [Fundamentals prevent violations in the procurement for the state needs]. Monograph. Moscow, UNITY, Law & Legislation, 113 p. (In Russ.).

12. Alekhin, D.V., Bychkov, V.V., Borin, B.V., Lebedeva, A.A., Sarkisyan, A.Zh. & Harchenko, S.V. (2021) Osobennosti rassledovaniya prestuplenij v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd [Features of the investigation of crimes in the field of procurement of goods, works, services for state or municipal needs]. Textbook. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 84 p. (In Russ.).

13. Skosyrskaya, Yu.V. (2011) Kriminologicheskie i ugolovno-pravovye mery bor'by s prestupleniyami korrupcionnoj napravlennosti, sovershaemymi v sfere gosudarstvennyh zakupok [Criminological and criminal law measures to combat corruption-related crimes committed in the field of public procurement]. Ph. D. thesis. Moscow, 211 p. (In Russ.).

14. Pikurov, N.I. & Karabanova, E.N. (eds.) (2016) Ugolovno-pravovaya ohrana byudzhetnyh sredstv [Criminal law protection of budgetary funds]. Monograph. Moscow, Prospekt, 98 p. (In Russ.).

15. Shurpaev, Sh.M. (2019) Kriminologicheskaya klassifikaciya prestuplenij korrupcionnoj napravlennosti v sfere gosudarstvennyh i municipal'nyh zakupok [The criminological classification of corruption-related crimes in state and municipal procurements]. *Bezopasnost' biznesa*, no. 6, pp. 37–41. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Г. Вениаминов — старший следователь по особо важным делам Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, доцент, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Information about the author

A.G. Veniaminov – Senior Investigator for particularly important cases of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation, Associate Professor, Candidate of Law, Lieutenant Colonel of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 51—59.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 51–59.

УДК 340.132
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.005

NIION: 2015-0064-04/24-251
MOSURED: 77/27-009-2024-04-450

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Легитимация и легитимность уголовно-правовых запретов: истоки и современный запрос

Наиль Талгатович Идрисов
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия, nail070@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2310-7081

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме легитимации уголовно-правового запрета. В работе представлен анализ социального генезиса уголовно-правового запрета, сформулировано авторское определение легитимации как социально правового феномена. Обоснован вывод об этапности легализации уголовно-правового запрета, который помимо легитимации предполагает криминализацию и пенализацию.

Автором предложены критерии легитимации запретов, а также механизмы, способные обеспечить современный уголовно-правовой запрет свойством легитимности. Предложено рассматривать критерии легитимации уголовно-правовых запретов на стадии правотворчества и на стадии правоприменения. Отдельно автором обосновывается необходимость повышения правовой культуры и грамотности населения. На примере последних инициатив и решения Министерства юстиции Российской Федерации продемонстрированы важные и эффективные механизмы легитимации уголовно-правовых запретов, в том числе в части ресоциализации осужденных, формирования устойчивого социально позитивного паттерна поведения посредством признания необходимости и важности уголовно-правовых запретов.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет, легитимация, легитимность, криминализация, пенализация, социальная обусловленность уголовного закона, социальная дисциплина.

Для цитирования: Идрисов Н.Т. Легитимация и легитимность уголовно-правовых запретов: истоки и современный запрос // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 51—59. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.005.

Legitimation and legitimacy of criminal law prohibitions: origins and public demand

Nail T. Idrisov
Samara National Research University, Samara, Russia, nail070@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2310-7081

Abstract. The article is devoted to the actual problem of legitimation of the criminal law prohibition. The paper presents an analysis of the social genesis of the criminal law prohibition, and formulates the author's definition of legitimation as a socio-legal phenomenon. The conclusion is substantiated about the stages of legalization of the criminal law prohibition, which, in addition to legitimation, involves criminalization and penalization.

The author proposes criteria for the legitimization of prohibitions, as well as mechanisms capable of providing a modern criminal law prohibition with the property of legitimacy. It is proposed to consider the criteria for legitimizing criminal law prohibitions at the stage of law-making and at the stage of law enforcement. Separately, the author substantiates the need to improve the legal culture and literacy of the population. Using the example of recent initiatives and decisions of the Ministry of Justice of the Russian Federation, important and effective mechanisms for legitimizing criminal law prohibitions are demonstrated, including in terms of the re-socialization of convicts, the formation of a stable socially positive pattern of behavior by recognizing the need and importance of criminal law prohibitions.

Keywords: criminal law prohibition, legitimation, legitimacy, criminalization, penalization, social conditionality of criminal law, social discipline.

For citation: Idrisov, N.T. (2024) Legitimation and legitimacy of criminal law prohibitions: origins and public demand. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 51—59. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.005.

© Идрисов Н.Т., 2024

Введение

Социальное управление немыслимо без обязательных к исполнению правил, обеспечивающих сбалансированность общественных отношений, их нормальное развитие. Правила, регулирующие человеческую деятельность, носят разный характер. Некоторые из них предоставляют индивиду свободу поведения, другие — регламентируют выбор вариантов поведения, отдельную категорию представляют те правила поведения в обществе, которые запрещают тот или иной поведенческий акт или их систему. Последние в обществе именуются запретами. Все правила-регуляторы, включая запреты, имеют социальную природу. Неслучайно с позиции социологии А.А. Белоусов обосновал вывод: «Запреты суть принципы, упорядочивающие общественную жизнь, на иных условиях невозможную. Превращение запретов в норму есть процесс становления социальности, благодаря которому происходит развитие индивидуальной свободы и создание институтов, гарантирующих ее существование»[1].

Разделяя социологическое понимание сути запретов, подчеркнем, что признание индивидами социальной необходимости, обоснованности и справедливости запретов является главной причиной исполнения таких властных велений (индивидуальный уровень механизма запрета), угроза наступления неблагоприятных последствий нарушения веления является вторичным инструментом реализации механизма запретов (публичный уровень механизма запрета)[2].

Процесс получения и результат социального одобрения запретов предлагаем именовать легитимацией. Происхождение термина «легитимация» связано с латинским словом *legitimus*, что означает «законный», «признанный законным». В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «легитимизировать» определено как «признать (признавать) законным, правомерным»[3]. Иными словами, этимология этого слова предполагает, что легитимация возможна только с момента возникновения позитивного права и состоит в строгом соблюдении процедур правообразования. Н. Луман по этому поводу писал: «Право определённого общества позитивируется, когда получает признание легитимность чистой легальности, то есть когда право уважается потому, что оно устанавливается в результате принятия решений в соответствии с определенными правилами. Эти правила являются достаточными в качестве легитимирующих предпосылок принятия решений и не требуют со своей стороны никакой дальнейшей легитимации. Ведь свою функцию абсорбирования безопасности они и так выполняют: они соединяют неизвестность в отношении того, какое решение будет принято, с уверенностью в том, что вообще будет принято некоторое решение»[4].

1. Сущность и истоки легитимации социальных запретов

Однако чисто позитивистский подход к праву препятствует пониманию его сущности, сводя фактически право к закону. Возможно, поэтому новые позитивисты не исключают полностью социологических положений при трактовке права и правовой системы. Например, в аналитической юриспруденции Г. Харта в основе учения о праве используется понятие правила или нормы, при этом норма отграничивается от подкрепленного санкциями приказа суверена (по происхождению, сфере распространения и содержанию). По оценке Г. Харта, норме присущ «внутренний» аспект, т. е. позиция членов общества, принимающих правило в качестве стандарта (собственного и чужого) поведения, основания порицания и наказания[5]. И вот уже современный исследователь С.Н. Касаткин пишет: «Именно правило признания выступает тем социальным (арте)фактом, который формирует различение правового и неправового и конституирует общественный правопорядок»[6].

Частично соглашаясь с Г. Хартом, отметим, что легитимация возникла в доправовой период развития общества, поскольку потребность в обосновании и объяснении необходимости традиций, обычаев, правил, власти одних людей над другими присуща любой, то есть и первой, соци-

[1] Белоусов А.А. Свобода и запрет: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 1993. С. 8.

[2] См. подробнее: Идрисов Н.Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2 // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 147—153.

[3] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2019. С. 486.

[4] Цит. по: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М., 2010. С. 163—164.

[5] Hart H.L.A. The concept of law. Oxford, 1961.

[6] Касаткин С.Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2018. № 1 (20). С. 5.

альности. Легитимация — это фундаментальная потребность любого общества, необходимая для обеспечения порядка и стабильности. Соответственно, неправильно трактовать легитимацию в значении инструмента легитимации власти и связывать ее происхождение с формированием государства и права.

Под легитимацией мы понимаем комплексный социально-исторический процесс, в ходе которого власть, политический режим, социальные институты и нормы, включая правовые институты и нормы, обретают признание и поддержку со стороны общества. Свойство социально-правовых феноменов, которые прошли процесс легитимации, именуется легитимностью.

В ходе антропогенеза менялись основания и принципы признания запретов социально важными и необходимыми. Изначально запрет как социально-психологический феномен формировался на основе бессознательных, безусловно-приспособительных реакций человека, а в качестве побудителя к исполнению выступали социальные и индивидуальные инстинкты. Примитивные запреты, основанные на биологических механизмах действия, содержали простейшую информацию, однако не имели пределов и распространялись на все сферы жизни индивида. При возникновении запрета на основании бессознательных реакций субъекта на внешний сигнал, в процессе социального развития в структуре запрета и механизме его реализации происходит постепенное вытеснение бессознательного и иррационального. Более того, именно запрет становится «своего рода цензором, который блокирует проявление бессознательного в поступках людей, словах, деятельности»[7].

Ход легитимации примитивных запретов не требовал специальной процедуры, состоял во взаимодействии, опосредованном жестами и символами. Иными словами, воспринимаемая как минимум двумя индивидами информация о недопустимости того или иного поведения легитимировалась еще до возникновения языковой коммуникации.

Дж. Мид полагал, что переход к языку сигналов, которые имеют одинаковое значение для обоих участников, создал механизм «принятия установки другого»: «Символы развились из специфического голосового жеста, ибо это — фундаментальный жест, воздействующий на индивида так, как он воздействует на других»[8].

Следующим в ходе антропогенеза способом легитимации запретов стала языковая коммуникация. Правильно заключает В.В. Денисенко: «Обязывающее действие высказывания связано непосредственно с тем, что слушатель воспринимает его как значимое. А это означает, что говорящий, претендуя на значимость, во-первых, претендует на установление истины в объективном мире, во-вторых, — на правильность в социальном мире легитимных систем, в-третьих, — в субъективном мире самого субъекта на искренность»[9].

Содержание социального запрета стало шире: в отличие от биологического запрета, который не допускал негативного биологически опасного поведения, социальный запрет проявился как особо структурированная социальная информация о недопустимости определённых социальных девиаций, адресованная всему обществу.

Социально-правовые запреты с момента возникновения выполняют задачу социального программирования в социальном управлении: выражаясь на языке, понятном и доступном адресату, запрет становится особой структурированной социальной информацией о недопустимости поведенческого акта. При этом фиксация запретов на первых носителях социокультурной информации обеспечила возможность ее неоднократного, универсального применения. Данное обстоятельство и послужило формированию социально-правового запрета как алгоритма отказа от негативного поведения.

Легитимация социальных запретов требует не только понимания и принятия такого веления «другим», недостаточно и повторяемости действий адресатов запрета в конкретной ситуации. Л. Витгенштейн писал, что, когда разные люди в разных обстоятельствах совершают определенные действия, только руководствуясь правилом, можно определить, совершают ли они «те же самые» действия или нет. Здесь не поможет критерий, которым пользуется естествоиспытатель при наблюдении природных процессов: выделить повторяющееся в наблюдаемых явлениях[10]. В.В. Де-

[7] Бойко А.Н. Проблема бессознательного в философии и конкретных науках. Киев, 1978. С. 132.

[8] Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. М., 1996. С. 217.

[9] Денисенко В.В. Легитимность и легитимация позитивного права: история и современность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2. С. 18.

[10] Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 168.

нисенко приходит к верному выводу: «Таким образом, не всякая повторяемость — это правило в обществе. Критерием служит реакция других людей, когда взаимодействие является культурной программой, обеспеченной единым пониманием, что правильно, а что нет»[11].

Можно заключить, что запрет изначально возник как врожденная, биологически обусловленная личная психическая установка субъекта на недопущение поведенческого акта, реализуемая на почве инстинктивных реакций. Однако эволюция привела к формированию у индивида правилосообразной сферы сознания, в которой «поселились» запреты как результат восприятия, понимания социальной информации о вредоносности деяния. С этого момента социальные запреты стали цензором бессознательного, преградой на пути проявления социальных патологий и вытеснили биологические запреты в бессознательное.

Социальная эволюция, сопровождавшаяся возникновением правовых запретов, не изменила психосоциальные механизмы поведения индивида, «ибо право, как знаковая система, способно регулировать поведение только тогда, когда адресуемая информация воспринята и усвоена сознанием личности, трансформировалась в мотив ее деяния. Правовая же мотивация может быть как положительной, выступающей в качестве правового стимулирования, так и отрицательной, проявляющейся в виде правовых ограничений»[12].

Д.Г. Подвойский заключает: «Где обитают правила и нормы? В „правилосообразных“ структурах сознания (повседневного/практического, дискурсивного, рационального, теоретического...) и „правилосообразных“ действиях социальных агентов, в культуре, языке, институтах... Они живут в головах и находят выражение в поступках-практиках; кристаллизуются в институциональных формах, стремящихся к воспроизводству во времени и передающихся и закрепляющихся в исторической традиции; задаются ситуационными и ролевыми контекстами взаимодействия; консервативны, но способны видоизменяться»[13].

Таким образом, процесс интеллектуального развития личности привел к разделению внутреннего и внешнего мира. Легитимация социальных запретов стала основываться на личных представлениях индивида, пройдя в процессе антропогенеза путь от культовых (религиозных) и моральных оснований до культурных (нравственных), объединяя и аккумулируя их в сознании.

Утверждение запретов как социально-правового явления в первую очередь сопряжено с различением права, морали, культуры и религии. «Право и современная мораль возникают из традиционных отношений, причем они взаимосвязаны. Юридические нормы являются не просто приказами, они исполняются не только из-за страха перед принуждением, но и из уважения к закону. Но для этого правовой порядок должен быть легитимным, пользоваться авторитетом у граждан, и это возможно лишь в случае непротиворечия позитивного права моральным правилам, разделяемым данным обществом»[14], — заключает В.В. Денисенко.

2. Основания и условия легитимации уголовно-правовых запретов

Предлагаем рассмотреть основания и условия легитимации правовых запретов на примере уголовно-правовых, которые в силу своей сущности, принципов и целей сохранили наиболее тесную связь с моралью, культурой и религией. Вместе с тем легитимация уголовно-правового запрета особенно сложна в силу специфики уголовного права как наиболее репрессивного механизма социального управления.

Мы определяем *уголовно-правовые запреты как объективированные (легализованные) в Уголовном кодексе РФ государственно-властные веления о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида, обеспечиваемые к исполнению мерами уголовно-правового принуждения, нацеленные на гарантирование всеобщей социальной дисциплины.*

Ближайшая социальная цель — обеспечение социальной дисциплины высвечивает следующую (генеральную) цель уголовно-правового запрета — обеспечение социальной стабильнос-

[11] Денисенко В.В. Указ. соч. С. 18—19.

[12] Загоруйко К.Ф. [Рец. на кн.:] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / Сарат. гос. акад. права; под ред. Матузова Н.И. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994 — 182 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература: реферативный журнал. Серия 4. Государство и право. 1996. № 3. С. 15.

[13] Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М., 2017. С. 81.

[14] Денисенко В.В. Указ. соч. С. 23.

ти и сохранение конструктивных, основополагающих элементов социального организма.

Недопущение общественно опасного поведения индивида признается юридической (непосредственной) целью уголовно-правового запрета.

Как представляется, легитимация является предпосылкой легализации уголовно-правового запрета (выраженной в криминализации и пенализации). *Легализация уголовно-правового запрета — это обусловленный социальной необходимостью и поддерживаемый правосознанием (легитимация) процесс формирования и законодательного закрепления государственно-властного веления о недопустимости общественно опасного акта поведения индивида (криминализация), сопряженный с наделением запрета побудительным оператором (пенализация).*

Установление уголовно-правового запрета и обеспечение механизма его функционирования имеет метафизическое основание, объясняющее его целесообразность. Кроме того, включенность уголовно-правовых запретов в механизм уголовно-правового регулирования предполагает их отражение в правосознании, начиная с общественного правосознания. Значит, связь легализации уголовно-правового запрета и легитимации является необходимой. Например, Н.А. Лопашенко определяет необходимость легитимации уголовного права как постулат, не требующий доказательств: «Уголовное право должно быть легитимировано. Легитимация уголовного права обязательна для его эффективности, хотя и не предопределяет последнюю. <...> Легитимный уголовный закон предполагает доверие к нему со стороны общества»[15].

Легитимация уголовно-правовых запретов означает, что общество должно признать целесообразность (или необходимость) и правомерность государственно-властного веления о недопустимости определенного поведенческого акта, отнестись к такому акту поведения как к преступлению, а также посчитать социально справедливым характер и уровень воздействия побудительного оператора запрета. Подчеркнем, что легитимации подвергается весь запрет: его ядро (само государственно властное веление о недопустимости акта поведения индивида) и побудительный оператор (то есть мера уголовно-правового воздействия, в первую очередь уголовное наказание). «...Легитимность должна существовать применительно как к запретам, так и к правовым последствиям их нарушения. Легитимной является некоторая соразмерность деяния и наказания за него. Определяется она, как известно, крайне сложно»[16], — авторитетно указывал А.Э. Жалинский.

А.Э. Жалинский также писал: «Легитимность уголовного права должна ограничиваться признанием социальной ценности личности, а затем обосновываться необходимостью защиты от реальной опасности, здесь, сейчас и в определенных ситуациях угрожающей жизни, основным правам человека и гражданина, фундаментальным условиям существования социального мира»[17].

Легитимация уголовно-правового запрета обеспечивает две его функции. Во-первых, эффективно формирует правилосообразную сферу сознания индивида, отвечающую за индивидуальный уровень механизма уголовно-правового запрета, то есть за формирование личных установок социальной дисциплины. Во-вторых, легитимация таких запретов определяет социальное единство, является основой доверия к власти и социального прогресса. Признание ядра запрета обоснованным и законным, а побудительного оператора справедливым влечет максимальный социальный эффект от реализации уголовно-правового запрета, такой запрет способен достигать сферы психологической активности индивида, обеспечивающей его социальную адаптацию.

Напротив, уголовно-правовой запрет, лишенный легитимации, обнаруживает дефект в процессе социального управления. Будучи социально необоснованным, неважным и неэффективным для общества, запрет натолкнется на сопротивляемость сознания, и ядро запрета окажется неспособным определять поведение индивида, даже с учетом высокого уровня побудительного оператора такого запрета.

[15] Лопашенко Н.А. Уголовный закон и статистика преступности: параллельное существование // Социология уголовного права. Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона. Социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» (21—22 сентября 2012 г.). Т. 1 / под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М., 2013. С. 44—45.

[16] Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 30.

[17] Там же.

Л.М. Прозументов справедливо отмечал: «Однако до сих пор можно наблюдать попытки изменения уголовного закона только лишь на основе субъективного отношения к деянию без учета научных разработок. Вместе с тем отметим, что уровень правовой культуры нашего общества дает основания полагать, что такие попытки останутся нереализованными в конкретном уголовно-правовом запрете. Уголовный закон, не опирающийся на социальную действительность, обычно неэффективен и не соответствует тому условию, которое лежит в основе принятия любой правовой нормы, суть которого в том, что польза от принятой нормы должна быть большей, нежели возможный вред от нее»[18].

В специальной литературе признается значение определения социальной обусловленности уголовного-правового запрета даже вне контекста легитимации уголовно-правового запрета или связи с ней. Так, А.И. Чучаев отмечает, что «наука уголовного права, наряду с другими задачами, призвана определять социальную обусловленность уголовно-правовых положений и их эффективность, а также разрабатывать предложения по криминализации и декриминализации деяний, совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения»[19].

По мнению Т.В. Кленовой, социальная обусловленность уголовного закона заключается в его принятии с учетом выявленных закономерностей развития общественных отношений, реальной социально-экономической ситуации[20].

В самом деле, социальная обусловленность и легитимация уголовно-правового запрета не идентичны. Социальная обусловленность означает, что содержание и побудительный оператор уголовно-правового запрета определяются социально-экономическими, политическими, культурными и иными факторами, преобладающими в обществе на определённом этапе его развития. Легитимация же предполагает признание обществом уголовно-правового запрета целесообразным, справедливым и заслуживающим добровольного соблюдения. Но чем полнее уголовный закон отражает господствующие в обществе ценности и представления о справедливости, тем выше его легитимность. Более того, уголовно-правовой запрет должен быть адекватен социальным условиям и соответствовать ожиданиям общества. С другой стороны, низкий уровень легитимности уголовно-правового запрета нарушает стабилизирующее свойство всей правовой системы, препятствуя эффективному правоприменению и нанося вред справедливому правопорядку.

3. Социальный запрос на легитимацию современных уголовно-правовых запретов

Какие же *критерии легитимации современных уголовно-правовых запретов*? На наш взгляд, легитимность уголовно-правовых запретов требует следующего:

1) соблюдение в процессе легализации принципов уголовного права как высоких морально-правовых критериев доверия общества к уголовно-правовым положениям;

2) учет интересов и потребностей граждан при легитимации;

3) *ultima ratio* (крайняя мера), т. е. уголовно-правовой запрет признается целесообразным и необходимым в самых крайних случаях, когда иные инструменты регулирования (моральные, административные, социальные и др.) неэффективны;

4) реальная социальная опасность, т. е. уголовно-правовой запрет легитимен только в том случае, если создает препятствия тем деяниям, которые причиняют или создают реальную угрозу причинения существенного вреда личности, обществу или государству;

5) процессуальные гарантии прозрачности и независимости правосудия, а также прав и законных интересов обвиняемого на всех стадиях уголовного процесса.

В приведенном списке условий легитимации уголовно-правового запрета особую сложность имеет учет интересов и потребностей граждан при легитимации.

Чтобы запрет воспринимался как справедливый и заслуживающий уважения, он должен учитывать способность граждан к рациональному выбору поведения и не ограничивать свободу действий чрезмерно. При этом правотворец должен исходить из презумпции рациональности граждан, согласно которой граждане в большинстве своем способны к разумному поведению и выбору и могут осознанно руководствоваться правовыми нормами. Задача законотворца —

---

[18] Прозументов Л.М. О необходимости учета криминологических условий при криминализации деяний // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 86.

[19] Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зимина, А.И. Чучаева. М., 2017. С. 14.

[20] Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 20.

эффективно донести информацию о запрещенных деяниях и последствиях их совершения, чтобы граждане могли делать осознанный выбор.

Учет интересов и потребностей граждан при легитимации современных уголовно-правовых запретов должен осуществляться на разных уровнях.

На стадии правотворчества необходимо:

1. Открытое и публичное обсуждение вновь вводимых запретов. Проекты уголовно-правовых запретов должны широко обсуждаться с участием не только представителей государственных структур, но и общественности, экспертов и правозащитников.

2. Обязательная оценка воздействия уголовно-правового запрета на общественные отношения. На основании анализа возможных позитивных и негативных последствий легализации уголовно-правового запрета необходимо прогнозировать соотношение предлагаемых властных велений и преследуемых целей запретительного правотворчества.

На стадии правоприменения необходимо:

1. Гарантировать соблюдение принципов уголовного права и уголовного процесса как морально-правовых критериев доверия общества к правосудию и важнейших условий общественного договора.

2. Широко использовать меры наказания, не связанные с изоляцией от общества. Актуальность данной меры подтверждается и государственными решениями на высоком уровне. В сентябре 2024 года состоялось заседание коллегии Минюста России, на которой Министр юстиции К.А. Чуйченко анонсировал Концепцию уголовно-правовой политики РФ. В проекте Концепции большое внимание уделено расширению оснований для назначения наказаний, не связанных с лишением свободы. Также К.А. Чуйченко сообщил, что результативной оказалась работа по расширению сети исправительных центров: «За последние 4 года рецидив после отбывания наказания в виде принудительных работ составил порядка 3,3 %, что значительно ниже, чем рецидив после мест лишения свободы»[21].

3. Адекватно применять институт освобождения от уголовной ответственности и наказания как меру уголовно-правового поощрения лиц, не представляющих высокой общественной опасности.

4. Ресоциализировать лиц, подвергшихся применению мер уголовного принуждения. Министр юстиции К.А. Чуйченко на коллегии сообщил: «В начале 2024 года вступил в силу закон о пробации. В рамках подготовки к освобождению помощь оказана уже более 35 тысячам граждан. С 1 января 2025 года заработает постпенитенциарная пробация — будет применяться к гражданам, освободившимся из учреждений УИС»[22].

Подобные инициативы необходимо приветствовать, поскольку легитимация уголовно-правовых запретов и всего уголовного права относительно лиц, подвергшихся уголовно-правовому воздействию, составляет особо сложную и важную государственную задачу.

Заключение

Отметим, что, помимо государственно-властных решений в сфере правотворчества и правоприменения, важнейшим условием обоснованности интересов и потребностей граждан является правовое просвещение и повышение правовой грамотности населения. Важно разъяснять гражданам сущность и цели легализуемых уголовно-правовых запретов, а также обеспечить доступность информации о механизмах защиты прав потерпевших от преступлений, порядке обращения в правоохранительные органы, возможностях получения юридической помощи. Легитимация уголовно-правового запрета должна охватывать потенциально опасных членов общества (повторно совершающих преступления), а также лиц, которые, будучи добропорядочными гражданами, рискуют стать потерпевшими от преступлений.

Произвольный подход к использованию уголовно-правовых запретов снижает предел их эффективности и даже влечет деформацию уголовного права. Указанное явление было описано В.Д. Зорькиным: «В последние годы в законодательной практике наблюдается тенденция к чрезмерному увлечению запретами, которые вводятся таким образом, что фактически приобретают характер „обратной силы“ и нарушают принцип соразмерности вины и ответственности (поскольку не позволяют учитывать конкретные обстоятельства жизненной ситуации людей, под-

[21] На заседании коллегии Минюста России обсудили предварительные итоги реализации ключевых задач ведомства на 2024 год // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/50294 (дата обращения: 05.09.2024).

[22] Там же.

павших под эти запреты, а также степень и тяжесть совершенного ими правонарушения)»[23].

А.Г. Братко точно заметил: «Правовые запреты вызывают появление сдерживающих мотивов определенного поведения. Вместе с тем встречаются правовые нормы с прямой и обратной мотивацией. Это означает, что в некоторых ситуациях запреты вместо сдерживающих мотивов могут вызывать побуждение к конфликтному поведению»[24].

Я.И. Гилинский последовательно призывает к умеренному, рациональному и разумному применению запретов, в противном случае запрет может стать значимым криминогенным (девиантогенным) фактором[25].

Таким образом, признание уголовно-правовых запретов социально необходимыми, справедливыми и одобряемыми является важнейшей гарантией социального благополучия, качественного сосуществования личности, общества и государства. Только легитимный уголовно-правовой запрет является эффективным и позитивным инструментом в социальном управлении.

Список литературы

1. Белоусов А.А. Свобода и запрет: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 1993. 18 с.

2. Бойко А.Н. Проблема бессознательного в философии и конкретных науках. Киев: Вища школа, 1978. 135 с.

3. Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. 92 с.

4. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 544 с.

5. Денисенко В.В. Легитимность и легитимация позитивного права: история и современность // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2. С. 16—27.

6. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. 400 с.

7. Загоруйко К.Ф. [Рец. на кн.:] Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект / Сарат. гос. акад. права; под ред. Матузова Н.И. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994 — 182 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература: реферативный журнал. Серия 4. Государство и право. 1996. № 3. С. 13—18.

8. Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1—5.

9. Идрисов Н.Т. Уровни механизма уголовно-правового запрета. Часть 2 // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 1 (21). С. 147—153. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

10. Касаткин С.Н. Учение о правовых принципах и критика позитивизма в работах «раннего» Р. Дворкина // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2018. № 1 (20). С. 3—22.

11. Кленова Т.В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 36 с.

12. Лопашенко Н.А. Уголовный закон и статистика преступности: параллельное существование // Социология уголовного права. Общие вопросы социологии уголовного права и уголовного закона. Социолого-правовые аспекты Особенной части Уголовного кодекса: материалы I Международной научно-практической конференции «Социология уголовного права: проблемы и тенденции развития» (21—22 сентября 2012 г.). Т. 1 / под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой. М.: Юриспруденция, 2013. С. 44—57.

13. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 217.

14. Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М.: Весь Мир, 2017. 288 с.

15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М.: Мир и Образование, 2019. 1376 с.

16. Прозументов Л.М. О необходимости учета криминологических условий при криминализации деяний // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 85—88.

17. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зимина, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 272 с.

18. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010. 262 с.

[23] Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 1—5.

[24] Братко А.Г. Запреты в советском праве. Саратов, 1979. С. 67.

[25] Гилинский Я.И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302—311.

19. Hart H.L.A. The concept of law. Oxford: Clarendon Press, 1961. 263 p.

References

1. Belousov, A.A. (1993) Svoboda i zapret [Freedom and prohibition]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 18 p. (In Russ.).

2. Boyko, A.N. (1978) Problema bessoznatel'nogo v filosofii i konkretnykh naukakh [The problem of the unconscious in philosophy and concrete sciences]. Kiev, Vysshaya shkola, 135 p. (In Russ.).

3. Bratko, A.G. (1979) Zaprety v sovetskom prave [Prohibitions in Soviet law]. Saratov, Saratov State University, 92 p. (In Russ.).

4. Wittgenstein, L. (1994) Filosofskie raboty [Philosophical works]. Vol. 1. Moscow, Gnosis, 544 p. (In Russ.).

5. Denisenko, V.V. (2012) Legitimnost' i legitimatsiya pozitivnogo prava: istoriya i sovremennost' [Legitimacy and legitimating of a positive law: history and present]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, no. 2, pp. 16–27. (In Russ.).

6. Zhalinsky, A.E. (2009) Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyy analiz [Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis]. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 400 p. (In Russ.).

7. Zagoruyko, K.F. (1996) Review of the book: Mal'ko, A.V. (1994) Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyy aspekt [Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect]. Saratov, Saratov State University, 182 p. In: *Social Sciences and Humanities. Domestic Literature. Series 4. State and Law*, no. 3, pp. 13–18. (In Russ.).

8. Zorkin, V.D. (2015) Konstitutsiya zhivet v zakonakh. Rezervy povysheniya kachestva rossiyskogo zakonodatel'stva [Constitution lives in laws. Reserves of improving the quality of Russian legislation]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 3, pp. 1–5. (In Russ.).

9. Idrisov, N.T. (2023) Urovni mekhanizma ugolovno-pravovogo zapreta [Levels of the criminal prohibition mechanism]. Part 2. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, no. 1 (21), pp. 147–153. (In Russ.). doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.015.

10. Kasatkin, S.N. (2018) Uchenie o pravovykh printsipakh i kritika pozitivizma v rabotakh "rannego" R. Dvorkina [Doctrine of legal principles and critique of positivism in works of "early" R. Dworkin]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Pravo*, no. 1 (20), pp. 3–22. (In Russ.).

11. Klenova, T.V. (2001) Osnovy teorii kodifikatsii ugolovno-pravovykh norm [Fundamentals of the theory of codification of criminal law norms]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 36 p. (In Russ.).

12. Lopashenko, N.A. (2013) Ugolovnyy zakon i statistika prestupnosti: parallel'noe sushchestvovanie [Criminal law and crime statistics: parallel existence]. In: *Sotsiologiya ugolovnogo prava. Obshchie voprosy sotsiologii ugolovnogo prava i ugolovnogo zakona. Sotsiologo-pravovye aspekty Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa. Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sotsiologiya ugolovnogo prava: problemy i tendentsii razvitiya", September 21–22, 2012.* Vol. 1. Moscow, Yurisprudentsiya, pp. 44–57. (In Russ.).

13. Mid, J. (1996) Ot zhesta k simvolu [From gesture to symbol]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl' [American sociological thought]. Texts.* Moscow, International University of Business and Management, p. 217. (In Russ.).

14. Devyatko, I.F., Abramov, R.N. & Katernyy, I.V. (eds.) (2017) Normy i moral' v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam [Norms and morality in sociological theory: From classical conceptions to new ideas]. Moscow, Ves' Mir, 288 p. (In Russ.).

15. Ozhegov, S.I. (2019) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow, Mir i Obrazovanie, 1376 p. (In Russ.).

16. Prozumentov, L.M. (2013) O neobkhodimosti ucheta kriminologicheskikh usloviy pri kriminalizatsii deyaniy [On the need to take into account criminological conditions when criminalizing acts]. *Ugolovnaya yustitsiya [Russian Journal of Criminal Law]*, no. 2 (2), pp. 85–88. (In Russ.).

17. Bodaevsky, V.P., Zimin, V.M. & Chuchaev, A.I. (eds.) (2017) Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. General part]. Textbook. Moscow, Prospekt, 272 p. (In Russ.).

18. Habermas, Jürgen (2010) Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma [The problem of legitimation of late capitalism]. Moscow, Praksis, 262 p. (In Russ.).

19. Hart, H.L.A. (1961) The concept of law. Oxford, Clarendon Press, 263 p.

Информация об авторе

Н.Т. Идрисов — доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N.T. Idrisov – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Samara National Research University, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 60—68.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 60–68.

УДК 343.97
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.006

NIION: 2015-0064-04/24-252
MOSURED: 77/27-009-2024-04-451

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Состояние и динамика террористической преступности в России

Георгий Феофилактович Коимшиди[1], Елена Александровна Шекк[2]
[1]Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, koim@mail.ru
[2]Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, alfenka@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся изменений, происходящих в террористической преступности с 2009 года до настоящего времени. Отражены опасные тенденции последних лет, связанные с внешней агрессией в отношении Российской Федерации. Преступления, совершаемые с целью устрашения населения, которые сопровождаются многочисленными жертвами, в современном мире стали в том числе и политическим оружием, при этом оставаясь такими же противоправными.

Авторами отмечается, что террористическая угроза порождает целый комплекс проблем как в отдельно взятом государстве, так и в общемировом плане. При этом анализ показателей террористической преступности с использованием преимущественно статистического метода позволяет наглядно продемонстрировать ее негативные изменения, что, в свою очередь, позволяет в будущем выработать адекватные складывающейся криминальной ситуации меры по противодействию таким общеопасным проявлениям.

Анализу подверглись преступления террористического характера, совокупность которых представлена в формах государственного статистического наблюдения Российской Федерации, что позволяет рассмотреть криминальную картину наиболее объективно.

В статье проводится развернутый региональный анализ преступлений террористического характера за прошедший период текущего года с применением метода группировки.

Ключевые слова: преступность, преступления террористического характера, террористические преступления, динамика преступности, преступность XXI века, терроризм.

Вклад авторов: Коимшиди Г.Ф. — сбор и анализ статистических данных, написание текста; Шекк Е.А. — сбор и анализ эмпирического материала, научной литературы, написание текста.

Для цитирования: Коимшиди Г.Ф., Шекк Е.А. Состояние и динамика террористической преступности в России // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 60—68. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.006.

The state and dynamics of terrorist crime in Russia

Georgy F. Koimshidi[1], Elena A. Shekk[2]
[1]All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, koim@mail.ru
[2]Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, alfenka@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the changes taking place in terrorist crime from 2009 to the present. The dangerous trends of recent years related to external aggression against the Russian Federation are reflected. Crimes committed with the aim of intimidating the population, which are accompanied by numerous victims, have become, among other things, a political weapon in the modern world, while remaining just as illegal.

The authors note that the terrorist threat generates a whole range of problems both in a single state and globally. At the same time, the analysis of indicators of terrorist crime using a predominantly statistical method makes it possible to clearly demonstrate its negative changes, which, in turn, allows in the future developing measures adequate to the current criminal situation to counteract such generally dangerous manifestations.

© Коимшиди Г.Ф., Шекк Е.А., 2024

Terrorist crimes were analyzed, the totality of which is presented in the forms of state statistical observation of the Russian Federation, which allows us to consider the criminal picture most objectively.

The article provides a detailed regional analysis of terrorist crimes over the past period of this year using the grouping method.

Keywords: crime, crimes of a terrorist nature, terrorist crimes, crime dynamics, crime of the 21st century, terrorism.

Contribution of the authors: Koimshidi G.F. — collection and analysis of statistical data, text writing; Shekk E.A. — collection and analysis of empirical material, scientific literature, text writing.

For citation: Koimshidi, G.F. & Shekk, E.A. (2024) The state and dynamics of terrorist crime in Russia. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 60—68. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.006.

В последнее время в научной и политической среде все чаще отмечается, что террористическая угроза является острой темой для всех государств. Российская Федерация на протяжении нескольких лет находится на переднем крае противодействия как террористическим, так и экстремистским проявлениям. После трагических событий в г. Беслане в сентябре 2004 г. 3 сентября — это памятная дата России, закрепленная законом, — День солидарности в борьбе с терроризмом. В этот день в школах и вузах проходят памятные мероприятия, повсеместно организуются мемориальные выставки и выпускаются материалы, направленные на формирование у населения активной гражданской позиции, нетерпимости к любым проявлениям терроризма и неприятие его идеологии[1].

Через неделю после этой даты, 10 сентября 2024 г., под председательством директора Федеральной службы безопасности Российской Федерации А.В. Бортникова было проведено заседание Федерального оперативного штаба с участием аппарата Национального антитеррористического комитета Российской Федерации по выработке мер повышения эффективности взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и их территориальных органов в сфере борьбы с терроризмом[2]. Немногим ранее, 13 августа 2024 г., было проведено заседание Национального антитеррористического комитета, на котором также рассматривались приоритетные направления по отражению террористических угроз и задачи профилактики этих проявлений в условиях проведения специальной военной операции (далее — СВО). Воспроизводя основные вехи современного состояния и проблем террористической безопасности, на этом заседании А.В. Бортников озвучил, что с начала года правоохранительными органами Российской Федерации было предотвращено 110 террористических актов, в подготовке которых участвовали завербованные граждане. Задержано более тысячи лиц за подготовку и совершение террористических преступлений, оправдание и пропаганду терроризма, финансирование террористов и оказание им пособнической помощи. Также отмечено, что сохраняют свое действие угрозы со стороны международных террористических организаций, которые предпринимают попытки поиска исполнителей противоправных деяний и вооруженных нападений среди населения Северного Кавказа и мигрантов из Центральной Азии[3]. Особенно проблемным представляется вовлечение молодежи в радикальные движения, в террористическую деятельность путем вербовочной деятельности иностранных спецслужб, что также неоднократно отмечалось на заведениях специального антитеррористического органа России.

Рассмотрение количественно-качественных характеристик террористической преступности традиционно начинается с анализа ее динамических рядов. В течение периода с января 2009 г. по декабрь 2013 г. в динамике преступлений террористического характера (рис. 1) наблюдалась стабильность на уровне 640 зарегистрированных преступлений за 12 прошедших месяцев. При

[1] 3 сентября — День солидарности в борьбе с терроризмом // Национальный антитеррористический комитет: официальный ресурс.URL: http://nac.gov.ru/terrorizmunet/3-sentyabrya-den-solidarnosti-v-borbe-s-terrorizmom-16.html (дата обращения: 04.09.2024).

[2] Директор ФСБ России провел заседание Федерального оперативного штаба // Национальный антитеррористический комитет: официальный ресурс.URL: http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provel-zasedanie-federalnogo.html (дата обращения: 12.09.2024).

[3] Директор ФСБ России провёл заседание Национального антитеррористического комитета // Национальный антитеррористический комитет: официальный ресурс. URL: http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provyol-zasedanie-nacionalnogo-1.html (дата обращения: 12.09.2024).

этом в научных публикациях этого периода отчетливо прослеживается обеспокоенность террористическими угрозами на территории республик Северного Кавказа. В частности, несмотря на принятые в 2010—2011 гг. правоохранительными органами и спецслужбами России меры по борьбе с терроризмом и его финансированием, выявить и перекрыть все внутренние и внешние каналы и источники финансирования и избежать резонансных террористических актов не удалось. Террористические акты, повлекшие массовую гибель и ранения мирных граждан, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, произошли в Республике Дагестан (8 преступлений) и Чеченской Республике (4), Ставропольском крае (2), а также в московском аэропорту «Домодедово» 24 января 2011 г. В этом же году в Дагестане было зафиксировано 86 взрывов, в результате которых погибли 58 человек, в том числе 14 силовиков, 12 боевиков, 32 мирных жителя. Ранения получили 180 человек, в том числе 113 силовиков, 67 мирных граждан. В числе этих взрывов — 4 теракта с участием смертников, в результате которых 7 человек погибли (3 силовика и 4 смертника), было ранено 30 человек, в том числе 28 силовиков и 2 мирных жителя[4]. Прогностические оценки на последующие годы также весьма пессимистичны.

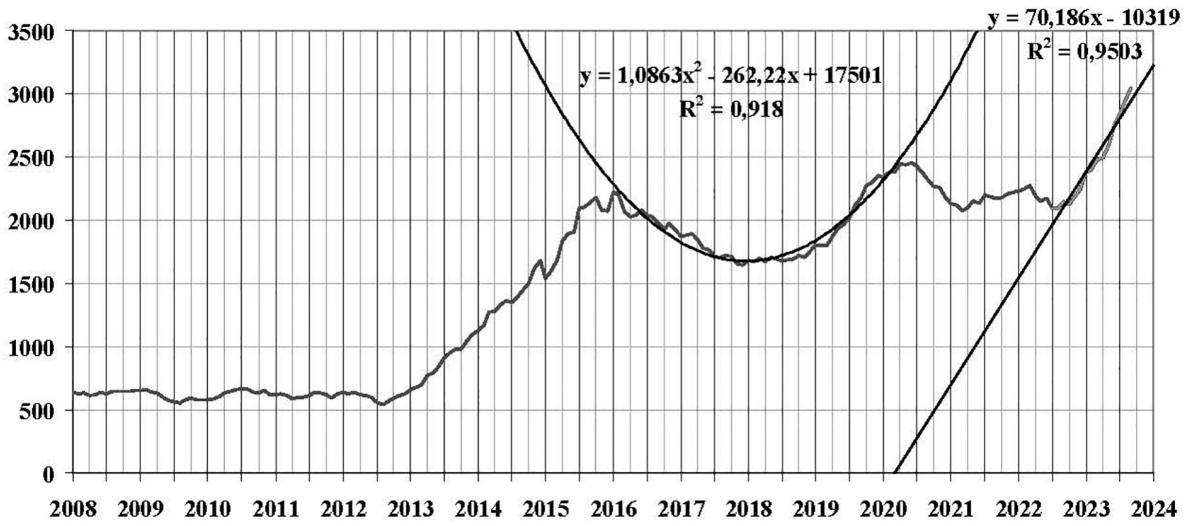


Рис. 1. Динамика преступности террористического характера в Российской Федерации в 2009—2024 гг.

Закономерно, что моделью динамики исследуемой преступности в 2014—2016 гг. было линейное развитие (рис. 1) — линейный тренд: равномерный рост. При этом ежемесячный прирост был постоянным и составлял 43 преступления (6,7 % за месяц). Надежность аппроксимации данной модели весьма высокая — 98,4 %. То есть в это время наблюдалось равенство криминогенных и антикриминогенных факторов.

Олицетворением террористической угрозы выступали на тот момент «Исламское государство» и другие весьма опасные составляющие «террористического интернационала», такие как «Аль-Каида», движение «Талибан», «Имарат Кавказ», «Хизб ут-Тахрир»[5], что отражено в научных публикациях этого периода[6].

После 2015 года, когда ввиду напряженной внешнеполитической обстановки была принята

[4] Паненков А.А. Террористическая преступность в России: проблемы противодействия и борьбы // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века = Counter-Terrorism. 2012. № 2. С. 2—14.

[5] Террористические организации, запрещенные в РФ.

[6] Меркурьев В.В., Агапов П.В., Иванов Р.С. Детерминанты и особенности террористической преступности в приграничных регионах Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 73.

новая Стратегия национальной безопасности, раскрыты важнейшие национальные приоритеты России, в том числе по защите государства от террористической угрозы, в стране повышенное внимание стало уделяться вопросам обеспечения национальной безопасности, в том числе борьбе с терроризмом. Под эгидой Национального антитеррористического комитета были реализованы комплексы плановых мероприятий по борьбе с криминальными явлениями террористического характера как на федеральном, так и на региональном уровне. Как указывается в программных документах, благодаря реализации данных мероприятий число преступлений, характеризующих террористическую активность в субъектах Российской Федерации, с 2013 г. уменьшилось более чем в восемь раз[7]. Это, конечно, нашло отражение в их общей динамике.

В 2017—2020 гг. наблюдалось параболическое развитие террористической преступности. При этом в 2017—2018 гг. равнозамедленное снижение, а в последующие два года равноускоренный рост; ускорение составило 2,2 преступления — вначале ежемесячное абсолютное снижение уменьшалось на 2,2 преступления, а далее абсолютный прирост увеличивался на эту же величину. Надежность аппроксимации модели весьма высокая — 91,8 %. В это время наблюдалось превалирование криминогенных факторов. Тем не менее представляется, что в стране в этот период удалось сформировать законодательные и организационные механизмы противодействия идеологии терроризма.

В первом полугодии 2021 г. рост продолжился, но его темпы заметно снизились. Далее до марта 2022 г. в динамике преступности террористического характера наблюдалось равномерное снижение.

В новом Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024—2028 гг. идеология терроризма связывается прежде всего с идеями радикального псевдоислама, украинского национализма и неонацизма, а также субкультуры массовых убийств («Колумбайн», «Маньяки. Культ Убийц»)[8], распространяемыми организациями, сообществами, движениями, признанными террористическими[9].

С начала проведения СВО в рассматриваемой динамике преступности стал наблюдаться незначительный рост. По состоянию на 1 марта 2022 г. за прошедшие 12 месяцев в стране было зарегистрировано 2100 преступлений террористического характера, по состоянию на 1 марта 2023 г. — 2273. Далее спад — по состоянию на 1 июля 2023 г. 2094 преступления. Можно сказать, «затишье перед боем» — вероятно, зарубежные спецслужбы готовились к заметному росту террористической активности. Российские правоохранительные органы оказались готовы к такому развитию событий: рост стал заметным, но линейным, что указывает на равенство криминогенных и антикриминогенных факторов. Ежемесячный прирост преступности террористического характера составил 70,2 преступления. При весьма высокой надежности аппроксимации модели — 95,0 %. По состоянию на 1 сентября 2024 г. за последние 12 месяцев зарегистрировано 3046 преступлений (за 2023 г. — 2233).

За январь — август 2024 г. в Российской Федерации зарегистрировано 2222 преступления террористического характера, что на 42,6 %, или 664 преступления, больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Региональный анализ показывает, что наибольшее число преступлений террористического характера совершается в Центральном федеральном округе — 525, или 23,6 %, что на 68,8 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Немного меньше в Северо-Кавказском федеральном округе — 463, или 20,8 %, что на 0,4 % меньше, чем за аналогичный период предыдущего года (рис. 2).

Наименьшее число преступлений террористического характера совершается в Уральском федеральном округе — 128, или 5,8 %, что на 12,3 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года.

Рассмотрим число преступлений террористического характера, зарегистрированных в субъектах Российской Федерации. Так, каждое четвертое (23,5 %) такое преступление совершается в четырех субъектах Российской Федерации: каждое одиннадцатое (9,1 %, или 203 преступления) в

[7] См.: Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019—2023 годы (утв. Президентом РФ 28.12.2018 № Пр-2665) // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Запрещены на территории Российской Федерации.

[9] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024—2028 годы (утв. Президентом РФ 30.12.2023 № Пр-2610) // СПС «КонсультантПлюс».

Республике Дагестан, каждое пятнадцатое (6,6 %, или 147) в Москве, каждое двадцать второе (4,5 %, или 100) в Белгородской области и аналогичное состояние в Чеченской Республике (3,3 %, или 73). В 25 регионах число зарегистрированных таких преступлений менее десяти: в Ненецком автономном округе за январь — август 2024 г. этих преступлений зарегистрировано не было, а в Чувашской Республике — одно преступление.

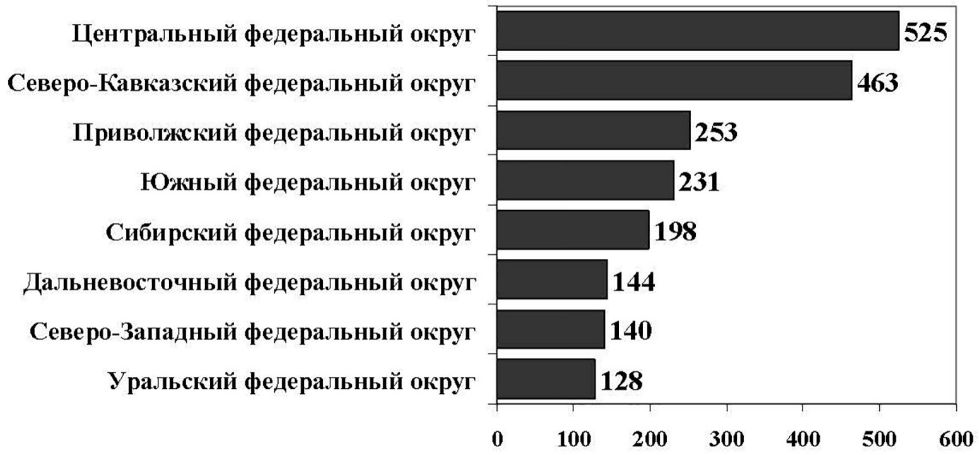


Рис. 2. Число преступлений террористического характера.
Федеральные округа Российской Федерации (январь — август 2024 г.)

Рост исследуемой преступности за рассматриваемый период наблюдался в 59 регионах. Наибольший в Тамбовской области — в семь раз (с 1 до 7), в Тульской области в шесть раз (с 3 до 18) и в Оренбургской области в пять раз (с 4 до 21). В Республике Тыва зарегистрировано 2 преступления, а в Костромской области 3; за аналогичный период предыдущего года в этих регионах преступлений террористического характера зарегистрировано не было.

Уровень преступности террористического характера в Российской Федерации по состоянию на 1 сентября 2024 г. составляет 2,09 зарегистрированных за прошедшие 12 месяцев преступлений на 100 тыс. населения.

Средний уровень преступности террористического характера в федеральных округах Российской Федерации — 1,97 (рис. 3).

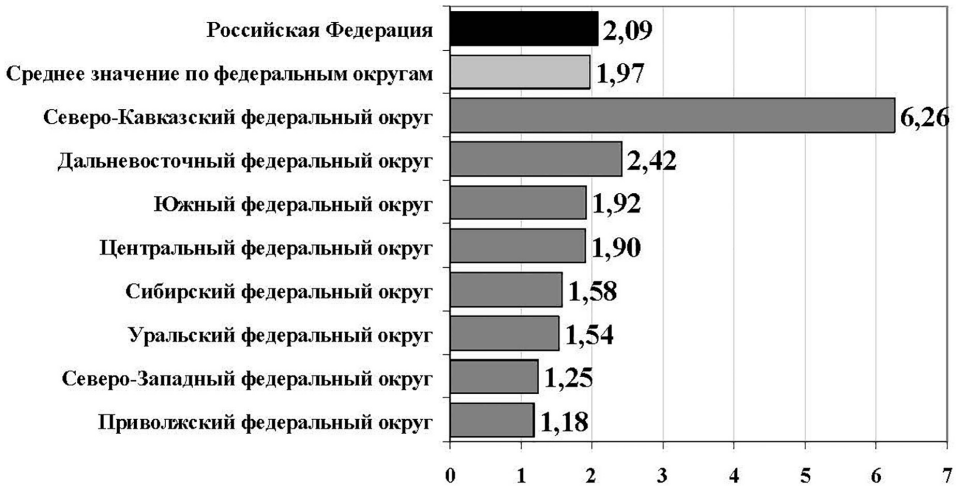


Рис. 3. Уровень преступности террористического характера в Российской Федерации и федеральных округах на 1 сентября 2024 г.

Высокий уровень (6,26) в Северо-Кавказском федеральном округе. Выше среднего (2,42) в Дальневосточном федеральном округе. Средний — в Южном (1,92) и Центральном (1,90) федеральных округах. Ниже среднего — в Сибирском (1,58) и Уральском (1,54) федеральных округах. Низкий уровень — в Северо-Западном (1,25) и в Приволжском (1,18) федеральных округах.

Десять процентов населения страны проживает в 15 регионах с наибольшими значениями исследуемого показателя: 14,88 в Республике Ингушетия, 12,72 в Магаданской области, 8,81 в Республике Дагестан, 8,47 в Чукотском автономном округе, 7,91 в Карачаево-Черкесской Республике, 7,67 в Белгородской области, 6,90 в Брянской области, 6,04 в Республике Крым, 5,96 в Чеченской Республике, 5,76 в Кабардино-Балкарской Республике, 4,96 в Калужской области, 4,53 в Камчатском крае, 4,46 в Хабаровском крае, 4,39 в Сахалинской области и 4,30 в Республике Коми. Средний уровень преступности террористического характера в группе 6,99.

Десять процентов населения страны проживает в 13 субъектах Российской Федерации с наименьшими значениями исследуемого показателя: 0,78 в Ленинградской области, 0,77 в Ивановской области, 0,75 в Архангельской области, 0,71 в Саратовской области, 0,70 в Костромской области, 0,62 в Нижегородской области, 0,59 в Республике Тыва, 0,57 в Пензенской области, 0,52 в Псковской области, 0,41 в Республике Бурятия, 0,35 в Новгородской области, 0,17 в Чувашской Республике и 0,00 в Ненецком автономном округе. Средний уровень преступности террористического характера в группе 0,61.

Децильный коэффициент (соотношение этих средних — 6,99 и 0,61) — 11,5. Таким образом, наблюдается значительная вариабельность субъектов Российской Федерации по уровню преступности террористического характера.

Исследуя преступность террористического характера с 2014 г., следует учитывать постоянно действующий криминогенный фактор — деятельность внешних спецслужб. Эта деятельность имеет две фазы: активную (рост преступности) и пассивную (стабилизация с некоторым снижением преступности). Последняя может расцениваться как подготовка к активизации террористической деятельности, поскольку за ней следует рост преступности. Важным аспектом антитеррористической деятельности является наличие так называемого криминального бизнеса, основанного на привлечении населения к участию в незаконных вооруженных формированиях и осуществляемого в целях дестабилизации обстановки, подрыва конституционного строя, а чаще всего — получения материальных средств и коммерческих преференций от предпринимателей, и связь этого вида криминальной деятельности с коррупцией. Рядом авторов приводятся достаточно убедительные аргументы, что коррумпированность является детерминантом террористической деятельности, начиная от передачи, раскрытия либо сокрытия информации, заканчивая отказом от антитеррористической деятельности[10]. В текущих условиях необходимо задействовать все имеющиеся возможности для противодействия возникающим террористическим угрозам и активизировать работу на муниципальном уровне с учётом местной специфики и складывающейся обстановки.

Проведем типологию субъектов Российской Федерации по уровню преступности террористического характера.

С января по август 2024 г. наблюдается фаза повышенной активности деятельности террористического характера внешних спецслужб, направленной в первую очередь на мирное население страны. Поэтому в 17 субъектах Российской Федерации уровень преступности террористического характера настолько большой, что по этому показателю они нарушают статистическую однородность всей совокупности регионов России. Они исключаются из типологии субъектов Российской Федерации и должны исследоваться отдельно. В эту группу кроме перечисленных 15 субъектов с высокими значениями уровней исследуемой преступности входят Республика Адыгея (3,82) и Курская область (3,59). Средний уровень (по состоянию на 1 сентября 2024 г.) исследуемой преступности в группе 6,59 зарегистрированных преступлений за 12 прошедших месяцев на 100 тыс. населения. Проживает 16 млн 759,4 тыс. жителей (11,47 % населения страны).

В оставшейся статистически однородной совокупности из 68 субъектов Российской Федерации средний уровень преступности террористического характера — 1,37 преступления на 100 тыс. жителей. Стандартное (среднее) отклонение составляет 0,55. Коэффициент вариабельности (разнообразия) — 40,4 %, несколько выше, чем у нормального распределения.

[10] Меркурьев В.В., Агапов П.В., Иванов Р.С. Указ. соч. С. 72.

В **группу V** (с высокими значениями уровня преступности) входят шесть субъектов Российской Федерации: 2,91 Ставропольский край, 2,88 Алтайский край, 2,86 Республика Карелия, 2,74 Еврейская автономная область, 2,65 Республика Хакасия и 2,49 Севастополь. Средний уровень исследуемой преступности в группе 2,84 преступления на 100 тыс. жителей. Проживает 6 млн 759,4 тыс. жителей (4,63 % населения страны).

В **группу IV** (со значениями уровня преступности выше среднего) входят восемь субъектов Российской Федерации с уровнем преступности от 1,95 в Самарской области до 2,45 в Орловской области (табл. 1).

Таблица 1

Субъекты Российской Федерации со значениями уровня преступности террористического характера выше среднего

Регионы	*Уровень*	*Регионы*	*Уровень*
Орловская область	2,45	Республика Мордовия	2,09
Республика Калмыкия	2,28	Республика Северная Осетия — Алания	2,01
Свердловская область	2,11	Иркутская область	1,97
Приморский край	2,10	Самарская область	1,95
Средний уровень			**2,06**

Средний уровень исследуемой преступности в группе 2,06 преступлений на 100 тыс. населения. Проживает 13 млн 903,2 тыс. жителей (9,52 % населения страны).

В **группу III** (со средними значениями уровня преступности) входит сорок один субъект Российской Федерации с уровнем преступности от 0,84 в Пермском крае до 1,87 в Красноярском крае (табл. 2).

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации со средними значениями уровня преступности террористического характера

Регионы	*Уровень*	*Регионы*	*Уровень*
Красноярский край	1,87	Омская область	1,21
Тверская область	1,83	Амурская область	1,20
Липецкая область	1,78	Ямало-Ненецкий АО	1,17
Калининградская область	1,74	Челябинская область	1,15
Курганская область	1,72	Владимирская область	1,07
Тульская область	1,70	Санкт-Петербург	1,06
Кировская область	1,68	Республика Марий Эл	1,05
Смоленская область	1,62	Тамбовская область	1,05
Тюменская область	1,55	Московская область	1,04
Волгоградская область	1,55	Вологодская область	0,98
Воронежская область	1,54	Республика Алтай	0,95
Москва	1,54	Новосибирская область	0,93
Мурманская область	1,53	Рязанская область	0,92
Республика Башкортостан	1,52	Ханты-Мансийский АО	0,92
Республика Саха (Якутия)	1,51	Ростовская область	0,92
Астраханская область	1,48	Забайкальский край	0,91
Республика Удмуртия	1,39	Кемеровская область	0,90
Республика Татарстан	1,32	Ульяновская область	0,85
Краснодарский край	1,27	Ярославская область	0,84
Оренбургская область	1,26	Пермский край	0,84
Томская область	1,24	**Средний уровень**	**1,28**

Средний уровень исследуемой преступности в группе 1,28 преступлений на 100 тыс. населения. Проживает 93 млн 825,7 тыс. жителей (64,24 % населения страны).

В **группу II** (со значениями уровня преступности ниже среднего) входят одиннадцать субъектов Российской Федерации с уровнем преступности от 0,35 в Новгородской области до 0,78 в Ленинградской области (табл. 3).

Таблица 3

Субъекты Российской Федерации со значениями уровня преступности террористического характера ниже среднего

Регионы	*Уровень*	*Регионы*	*Уровень*
Ленинградская область	0,78	Республика Тыва	0,59
Ивановская область	0,77	Пензенская область	0,57
Архангельская область	0,75	Псковская область	0,52
Саратовская область	0,71	Республика Бурятия	0,41
Костромская область	0,70	Новгородская область	0,35
Нижегородская область	0,62	**Средний уровень**	**0,65**

Средний уровень исследуемой преступности в группе 0,65 преступлений на 100 тыс. населения. Проживает 13 млн 596,4 тыс. жителей (9,31 % населения страны).

В **группу I** (с низкими значениями уровня преступности) входят Чувашская Республика (0,17) и Ненецкий автономный округ (0,00). Средний уровень исследуемой преступности в группе 0,17 преступлений на 100 тыс. населения. Проживает 1 млн 207,6 тыс. жителей (0,83 % населения страны).

Корреляционный анализ зависимостей между уровнем преступности террористического характера и уровнями других основных видов преступлений (разделы 1 и 2 статистической формы 4-ЕГС) показал отсутствие между ними регрессионной зависимости. Таким образом, нет общих криминогенных факторов у преступности террористического характера и других видов преступности. Кроме того, дисперсионный анализ исследуемого показателя в субъектах и федеральных округах Российской Федерации показал, что вариабельность регионов на 25,4 % (коэффициент детерминации) зависит от географической локации регионов.

Основной моделью динамики преступности террористического характера в 2014—2024 гг. (вектор направленности динамики) является линейное развитие (рис. 4).

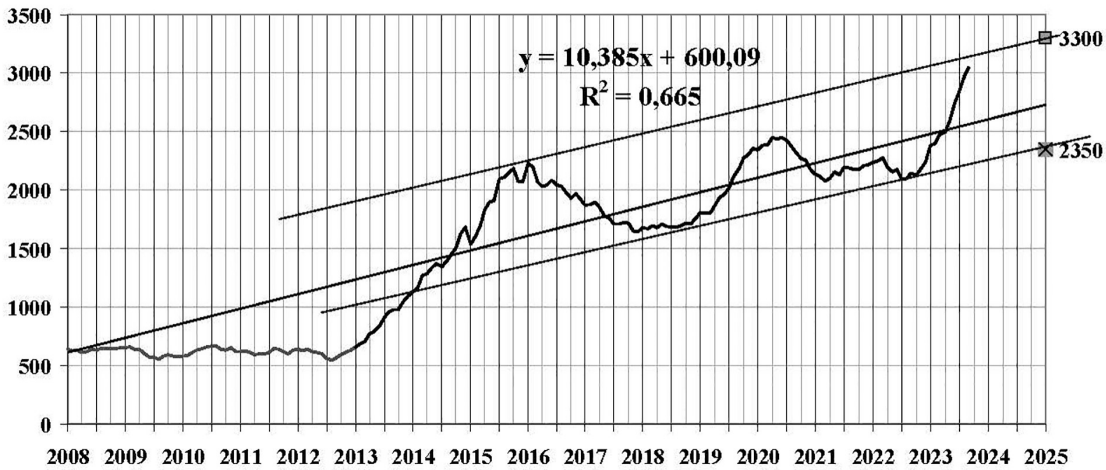


Рис. 4. Динамика преступности террористического характера 2008—2024 гг. Линейная модель динамики 2014—2024 гг. Прогноз на 2025 г.

Ежемесячный абсолютный прирост постоянен (10,4 преступления). Надежность аппроксимации модели заметная — 66,5 %, что свидетельствует о достаточно больших отклонениях от реальной динамики.

Опираясь на отклонения реальной динамики преступности от вектора направленности, можно предположить, что в 2025 г. будет зарегистрировано от 2350 до 3300 преступлений террористического характера.

Вывод. Основным криминогенным фактором преступности террористического характера является действие внешних факторов. Как показывает исследование, террористическая преступность мало зависит от внутренних социальных факторов. Следует сделать вывод, что для составления прогностической модели такой динамики аппарат математической статистики (метод экстраполяции модели) малоэффективен. Наиболее целесообразен математический аппарат теории игр[11], представляющей собой метод нахождения оптимальных решений на основе математического моделирования, применяемый в различных областях человеческой деятельности, в том числе в международной практике. Однако для этого необходимы данные о возможностях противоборствующих сил как спецслужб, так и политических, в том числе в математическом виде.

Список литературы

1. Кремлев А.Г. Основные понятия теории игр: учебное пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. 144 с.

2. Меркурьев В.В., Агапов П.В., Иванов Р.С. Детерминанты и особенности террористической преступности в приграничных регионах Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 64—73.

3. Паненков А.А. Террористическая преступность в России: проблемы противодействия и борьбы // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века = Counter-Terrorism. 2012. № 2. С. 2—14.

References

1. Kremlev, A.G. (2016) Osnovnye ponyatiya teorii igr [Basic concepts of game theory]. Textbook. Ekaterinburg, Ural Federal University, 144 p. (In Russ.).

2. Merkur'ev, V.V., Agapov, P.V. & Ivanov, R.S. (2015) Determinanty i osobennosti terroristicheskoy prestupnosti v prigranichnykh regionakh Rossiyskoy Federatsii [Determinants and characteristics of terrorist crime in the border regions of the Russian Federation]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 4 (34), pp. 64—73. (In Russ.).

3. Panenkov, A.A. (2012) Terroristicheskaya prestupnost' v Rossii: problemy protivodeystviya i bor'by [The terror criminality in Russia: the problem of counteraction and fight]. *Counter-Terrorism*, no. 2, pp. 2—14. (In Russ.).

Информация об авторах

Г.Ф. Коимшиди — ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат технических наук, доцент;
Е.А. Шекк — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

G.F. Koimshidi – Leading Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;
E.A. Shekk – Senior Researcher of the Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

[11] Кремлев А.Г. Основные понятия теории игр: учебное пособие. Екатеринбург, 2016.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 69—73.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 69–73.

УДК 343.32
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.007

NIION: 2015-0064-04/24-253
MOSURED: 77/27-009-2024-04-452

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

К вопросу о санкции состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ

Сергей Владимирович Криштопов[1], Сергей Николаевич Хорьяков[2]
[1, 2]Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, Луганск, Россия
[1]SergeyKrishtopov@gmail.com
[2]horser1@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования — выявить целесообразность наличия штрафа в санкции статьи 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также допустимость его применения в качестве основного наказания с точки зрения целей исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений. В статье проанализирована статистика по регистрации преступлений экстремистской и террористической направленности за 2021—2024 гг., количественные показатели по окончанию уголовных дел по рассматриваемой статье в 2022—2023 гг., а также решения судов различных инстанций по рассмотрению административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. На основе проведенного анализа выдвинуто предположение о необходимости внесения изменений в санкцию приведенного состава преступления путем исключения штрафа и увеличения штрафа по ст. 20.3.3 КоАП РФ, что особенно актуально в условиях специальной военной операции.

Ключевые слова: уголовное право, экстремизм, законодательство по борьбе с экстремизмом, специальная военная операция.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Криштопов С.В., Хорьяков С.Н. К вопросу о санкции состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 69—73. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.007.

On the sanction of the corpus delicti by Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation

Sergey V. Krishtopov[1], Sergey N. Khoryakov[2]
[1, 2]Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Lugansk, Russia
[1]SergeyKrishtopov@gmail.com
[2]horser1@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the expediency of the presence of a fine in the sanction of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the admissibility of its application as the main punishment in terms of the goals of correction of the convicted person and prevention of committing new crimes. The article analyzes the statistics on registration of extremist and terrorist crimes for 2021—2024, quantitative indicators on the completion of criminal cases under the article in question in 2022—2023, as well as decisions of courts of various instances on consideration of administrative offenses under Art. 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Based on the analysis, it is suggested that it is necessary to amend the sanction of this offense by excluding the fine and increasing the fine under Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, which is especially relevant in the conditions of a special military operation.

Keywords: criminal law, extremism, anti-extremism legislation, special military operation.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Krishtopov, S.V. & Khoryakov, S.N. (2024) On the sanction of the corpus delicti by Art. 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 69—73. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.007.

© Криштопов С.В., Хорьяков С.Н., 2024

Несмотря на продолжающуюся специальную военную операцию (далее — СВО), многочисленные преступления незаконного режима сопредельного государства на территории Российской Федерации, ряд граждан не только не осознали необходимости помочь государству достичь желаемого результата денацификации, но и продолжают реализовывать различные деструктивные действия, направленные против конституционного строя и безопасности нашей страны.

Одним из примеров подобных преступных деяний являются многочисленные факты совершения преступления, предусмотренного ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Мотивы подобных деяний самые разнообразные и в ряде случаев носят экстремистский характер[1].

С момента принятия в 2022 году статьи 280.3 УК РФ исследованием различных аспектов её уголовно-правовой характеристики, теоретической и правоприменительной практики, проблем квалификации занимался ряд ученых[2].

Для общего понимания состояния преступности экстремистского и террористического характера следует обратиться к официальной статистике МВД России, фиксирующей за период января — августа 2024 года их значительный рост.

В анализируемом промежутке времени продемонстрировали рост в сравнении с аналогичным периодом прошлого года (далее — АППГ) преступления экстремистской направленности на четверть (24,2 %, или 1151 преступление), а преступления террористической направленности практически на половину (42,6 %, или 2222 преступления). Особую озабоченность вызывает факт совершения 127 преступлений террористической направленности из приведенной статистики за пределами нашего государства. При этом положительным моментом следует считать увеличение на 69,2 % числа преступлений, пресеченных правоохранительными органами на стадии приготовления и покушения[3].

Следует отметить, что количество зарегистрированных преступлений за январь — август 2024 года превосходит показатель всего 2021 года (составляет 1057), а также вплотную приближается к показателю 2023 года (1340 преступлений рассматриваемой направленности)[4]. Подобный рост вызывает сильную обеспокоенность, учитывая достаточно высокое число преступлений, не выявленных органами учета ввиду их высокой латентности.

Как известно, опасная тенденция роста преступлений экстремистской направленности зависит от множества факторов. При этом вопросы противодействия экстремистской преступности находятся в компетенции органов государственной власти, в том числе правоохранительных ор-

[1] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22-3715/2023 от 05.12.2023 по делу № 1-614/2023; О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

[2] Антонов О.Ю., Сааков Т.А. Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 УК РФ, и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4 (42). С. 78—85; Брагина А.Г. О содержании и взаимосвязи признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 10—11; Литвяк Л.Г. Анализ некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 12. С. 156—159; Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 115—135; Малышев К.С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 169—172; Медведева О.А. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 459—462; Мурадян С.В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 87—94; Юрченко Ю.А. Отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 132—136.

[3] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за период январь — август 2024 г. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://media.mvd.ru/files/application/7206717 (дата обращения: 28.09.2024).

[4] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за период 2021, 2023 гг. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://мвд.рф/reports (дата обращения: 28.09.2024).

ганов в зависимости от подследственности (Следственный комитет России, МВД России, ФСБ России, прокуратура РФ) и судебной системы.

Задачей государственной важности является результативный ответ на глобальные цивилизационные вызовы гибридной войны, а также обеспечение лидерства и суверенитета Российской Федерации[5]. Нам представляется, что добиться эффективного ответа возможно в том числе уголовно-правовыми средствами.

Санкция за совершение действий, предусмотренных ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, представлена принудительными работами, арестом, лишением свободы и штрафом. Часть вторая анализируемой статьи предусматривает лишение свободы сроком до 7 лет.

Кроме того, обе части статьи предусматривают штраф:

1) в размере от 100 000 до 300 000 руб. (либо эквивалент в виде размера заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет);

2) штраф от 300 000 руб. до 1 000 000 руб. (либо эквивалент в виде размера заработной платы или иного дохода осужденного за период от 3 до 5 лет).

Таким образом, без штрафа санкция по ст. 280.3 УК РФ представляется исчерпывающей при условии отсутствия нижнего предела наказания по части второй и большой вариативности по первой.

Ответственность по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ наступает за межотраслевой рецидив. Иными словами, лицо должно повторно совершить действия, изложенные в статье 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). Повторность наступает в течение года после привлечения лица к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Обратившись к санкции ст. 20.3.3 КоАП РФ, мы увидим административный штраф для граждан от 30 000 до 50 000 руб. по первой части и от 50 000 до 100 000 руб. по второй.

Возникает резонный вопрос, почему же один факт привлечения к административной ответственности лица не является достаточным для целей предупреждения совершения им новых правонарушений, а в рассматриваемом случае — предупреждения совершения преступлений?

Отвечает ли санкция, предусмотренная ст. 20.3.3 КоАП РФ, целям административного наказания, изложенным в ст. 3.1 КоАП РФ?

В 2023 году суды по ст. 20.3.3 КоАП РФ рассмотрели 3053 административных дела по числу лиц (АППГ — 5442), вынесли наказание 2345 лицам (АППГ — 4405 физических лиц) в виде административного штрафа[6].

Общее число осужденных по ст. 280.3 УК РФ в 2023 году составляет 46 лиц [по ч. 1 — 43 лица (АППГ — 2), по ч. 2 — 3 лица (АППГ — 0)], из которых на сроки до 2 лет лишения свободы осуждены 9 лиц (АППГ — 0) (по ч. 1 — 7 лиц, по ч. 2 — 2). В качестве основного наказания по ст. 280.3 УК РФ штраф применен к 32 лицам, из которых лишь к одному по части второй статьи[7].

В частности, постановлением суда[8] гр. В., признавшему вину в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, назначен административный штраф в размере 30 000 руб.

Приговором того же суда гр. В. осужден по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ к 1 году и 6 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии. Вину он аналогично признал полностью[9]. Судом апелляционной инстанции приговор нижестоящего суда изменен на принудительные работы сроком на 1 год и 4 месяца (с удержанием из заработной платы в доход государства 10 %), поскольку в момент совершения преступление по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ являлось преступлением небольшой тяжести[10].

Приговором суда А. приговорен к штрафу в размере 120 000 руб., несмотря на то, что вину в совершe-

[5] Бастрыкин А.И. Конституционная стратегия сохранения духовно-нравственных, культурных и общецивилизационных ценностей // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 декабря 2023 г. М., 2024. С. 8.

[6] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022—2023 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645; http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688 (дата обращения: 29.09.2024).

[7] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022—2023 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690; http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649 (дата обращения: 29.09.2024).

[8] Постановление Феодосийского городского суда Республики Крым по делу об административных правонарушениях № 5-608/2022 от 12.12.2022.

[9] Приговор Феодосийского городского суда Республики Крым по делу № 1-418/2023 от 02.11.2023.

[10] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым № 22-3934/2023 от 21.12.2023 по делу № 1-418/2023.

нии анализируемого преступления он не признал, считая, что выражение своего мнения не является дискредитацией Вооруженных Сил Российской Федерации. Отдельное внимание следует обратить на масштаб распространяемых сведений. Так, сообщества «Услышано <...>» и «Сплетник <...>» в социальной сети «ВКонтакте», в которых подсудимым размещены 6 комментариев, имеют по 90 000 и 77 000 подписчиков[11]. Архангельским областным судом приговор нижестоящего суда оставлен в силе. Схожим является приговор в отношении не признавшего вину в инкриминируемом деянии К. к штрафу в размере 130 000 рублей, вынесенный тем же судом первой инстанции и оставленный в силе Архангельским областным судом[12].

Другому обвиняемому, не признавшему вину в совершении пяти эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280.3 УК РФ, по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний вынесен приговор, назначен штраф в 250 000 руб.[13]

Подсудимый Б. в ходе судебного заседания в Элистинском городском суде Республики Калмыкия пояснил, что он действительно отрицательно относится к проведению Российской Федерацией СВО, а также считает, что это его личное мнение. Впоследствии приговор указанного суда от 13.11.2023 по ч. 1 ст. 280.3 УК РФ с наказанием в виде штрафа размером в 150 000 руб. судебной коллегией суда апелляционной инстанции оставлен в силе[14].

Также проанализированы иные аналогичные решения, где подсудимый вину не признал, однако судом назначено наказание в виде штрафа различного размера[15].

Имеются факты рецидива по ст. 280.3 УК РФ. Так, гр. Е., не признавший вину, признан судом виновным, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 250 000 руб., которое с учетом двухдневного содержания под стражей смягчено до 200 000 руб.[16] Согласно карточке суда, в отношении гр. Е в настоящее время Петропавловск-Камчатским городским судом вновь рассматривается уголовное дело № 1-717/2024 по его обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280.3, ч. 1 ст. 282.4 УК РФ.

[11] Апелляционное постановление Архангельского областного суда № 22-3991/2023 от 26.12.2023 по делу № 1-363/2023.

[12] Апелляционное постановление Архангельского областного суда № 22-118/2024 22-4173/2023 от 15.01.2024 по делу № 1-362/2023.

[13] Приговор Советского районного суда города Нижний Новгород по делу № 1-169/2023 от 22.12.2023.

[14] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Калмыкия № 22-51/2024 от 13.02.2024 по делу № 1-392/2023.

[15] Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу № 1-97/2023 от 15.03.2023.

[16] Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края по делу № 1-911/2022 от 31.03.2023.

Резонно предположить, что наличие штрафа в санкции состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ, представляется нецелесообразным, поскольку не в полной мере отвечает итоговым целям исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений ввиду мягкости назначаемого наказания, уже применявшегося к виновному лицу по результатам его первичного привлечения к административной ответственности. Одновременно представляется необходимым увеличить верхний предел размера штрафа для граждан по ст. 20.3.3 КоАП РФ как минимум в два раза. Указанные меры представляются оправданными в условиях проведения специальной военной операции.

Список литературы

1. Антонов О.Ю., Сааков Т.А. Проблемы назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 УК РФ, и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 4 (42). С. 78—85. doi: 10.54217/2411-1627.2023.42.4.009.

2. Бастрыкин А.И. Конституционная стратегия сохранения духовно-нравственных, культурных и общецивилизационных ценностей // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации): сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 14 декабря 2023 года. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2024. С. 7—10.

3. Брагина А.Г. О содержании и взаимосвязи признаков «дискредитация» и «публичность» в составе преступления, предусмотренного статьей 280.3 УК РФ // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 10—11.

4. Литвяк Л.Г. Анализ некоторых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 12. С. 156—159. doi: 10.23672/SAE.2023.32.72.011.

5. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 4 (197). С. 115—135. doi: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.

6. Малышев К.С. Особенности разграничения статей 207.3 и 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 3 (39). С. 169—172.

7. Медведева О.А. К вопросу об ответственности по ст. 280.3 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10 (226). С. 459—462. doi: 10.47643/1815-1337_2023_10_459.

8. Мурадян С.В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // Криминологический журнал. 2023. № 1. С. 87—94. doi: 10.24412/2687-0185-2023-1-87-94.

9. Юрченко Ю.А. Отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики ст. 280.3 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 132—136. doi: 10.24412/2220-2404-2024-5-34.

References

1. Antonov, O.Yu. & Saakov, T.A. (2023) Problemy naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v khode rassledovaniya prestupleniy, predusmotrennykh st. 207.3, 280.3 UK RF, i puti ikh resheniya [Problems and solution of appointment of forensic linguistic expertise during the investigation of crimes provided for in Articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4 (42), pp. 78–85. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2023.42.4.009.

2. Bastrykin, A.I. (2024) Konstitutsionnaya strategiya sokhraneniya dukhovno-nravstvennykh, kul'turnykh i obshchetsivilizatsionnykh tsennostey [Constitutional strategy for the preservation of spiritual and moral, cultural and civilizational values]. In: *Pravovoy vektor konstitutsionnogo razvitiya Rossii (k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii). Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, December 14, 2023*. Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 7–10. (In Russ.).

3. Bragina, A.G. (2023) O soderzhanii i vzaimosvyazi priznakov "diskreditatsiya" i "publichnost'" v sostave prestupleniya, predusmotrennogo stat'ey 280.3 UK RF [On the content and interrelation of the signs "discreditation" and "publicity" in the composition of the crime provided by Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, no. 23-2, pp. 10–11. (In Russ.).

4. Litvyak, L.G. (2023) Analiz nekotorykh priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo st. 280.3 UK RF [Analysis of some signs of the corpus delicti provided for in Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 12, pp. 156–159. (In Russ.). doi: 10.23672/SAE.2023.32.72.011.

5. Lopashenko, N.A. (2023) Osnovnye itogi reformirovaniya ugolovnogo zakonodatel'stva v 2022 g.: analiticheskiy obzor [The main results of criminal law reform in 2022: an analytical review]. *Lex russica*, vol. 76, no. 4 (197), pp. 115–135. (In Russ.). doi: 10.17803/1729-5920.2023.197.4.115-135.

6. Malyshev, K.S. (2023) Osobennosti razgranicheniya statey 207.3 i 280.3 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [Features of differentiation of articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, no. 3 (39), pp. 169–172. (In Russ.).

7. Medvedeva, O.A. (2023) K voprosu ob otvetstvennosti po st. 280.3 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii [On the issue of liability under Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, no. 10 (226), pp. 459–462. (In Russ.). doi: 10.47643/1815-1337_2023_10_459.

8. Muradyan, S.V. (2023) Voprosy primeneniya stat'i 280.3 UK RF o diskreditatsii ispol'zovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii ili ispolneniya gosudarstvennymi organami svoikh polnomochiy [Issues of application of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation on discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation or the execution by state authorities of their powers]. *Criminological Journal*, no. 1, pp. 87–94. (In Russ.). doi: 10.24412/2687-0185-2023-1-87-94.

9. Yurchenko, Yu.A. (2024) Otdel'nye aspekty ugolovno-pravovoy kharakteristiki st. 280.3 UK RF [Certain aspects of criminal law characteristics of Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 5, pp. 132–138. (In Russ.). doi: 10.24412/2220-2404-2024-5-34.

Информация об авторах

С.В. Криштопов — ученый секретарь Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук;

С.Н. Хорьяков — ректор Луганской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S.V. Krishtopov – Scientific Secretary of the Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law;

S.N. Khoryakov – Rector of the Lugansk academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 74—83.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 74–83.

УДК 343.3/.7:004 + 343.97
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.008

NIION: 2015-0064-04/24-254
MOSURED: 77/27-009-2024-04-453

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Классификация и типология киберпреступников

Армен Жораевич Саркисян
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, 7700153@gmail.com

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике классификации и типологии киберпреступников. Подробным образом рассмотрена природа киберпреступности, определены и разграничены понятия классификации и типологии, изучены существующие на сегодня в Российской Федерации и за рубежом подходы к классификации и типологии киберпреступников, а также даны авторские классификация и типология этого вида преступников.

Ключевые слова: киберпреступник, киберпреступление, киберпреступность, классификация, типология.
Для цитирования: Саркисян А.Ж. Классификация и типология киберпреступников // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 74—83. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.008.

Classification and typology of cybercriminals

Armen Zh. Sarkisyan
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, 7700153@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of classification and typology of cybercriminals. The author examines in detail the nature of cybercrime, defines and distinguishes the concepts of classification and typology, studies the existing approaches to the classification and typology of cybercriminals in the Russian Federation and abroad, and gives the author's classification and typology of this type of criminals.

Keywords: cybercriminal, cybercrime, cybercrimes, classification, typology.
For citation: Sarkisyan, A.Zh. (2024) Classification and typology of cybercriminals. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 74—83. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.008.

Сегодняшний мир невозможно представить без активного использования информационных технологий, встречающихся уже практически повсеместно. Появившись во второй половине прошлого столетия, указанный вид технологий стал массово распространяться по всему миру в 1990-х гг., что привело к полному переосмыслению человечеством своего представления о реальности и собственных возможностях. Принципиальным образом поменяв сущность и функцию информации в человеческой деятельности, информационные технологии, в первую очередь всемирная сеть Интернет как важнейшая из них, стали неотъемлемой частью повседневной жизни подавляющего числа современных людей, в частности профессиональной деятельности значительной части работающего населения и домашнего быта практически каждой семьи. На сегодняшний день Интернет продолжает оказывать беспрецедентное влияние на все страны мира, являясь неотъемлемым элементом экономики, безопасности, науки, здравоохранения, образования, искусства и иных сфер жизни, повышая эффективность деятельности людей и однозначно привнося конструктивные изменения в нашу нынешнюю жизнь.

Тем не менее, к сожалению, следует признать тот безусловный факт, что Интернет и иные информационные технологии могут оказывать не только позитивное влияние на общество в целом и отдельных людей в частности. Так как информационные технологии не обладают самостоятельной возможностью определить степень моральности или правомерности тех действий, ко-

© Саркисян А.Ж., 2024

торые осуществляются посредством их применения, значительное количество недобросовестных людей и организаций используют указанный вид технологий в своих целях, реализация которых наносит серьёзный вред отдельным лицам, обществу и государству, ввиду чего деяния, направленные на достижение указанных целей, запрещены уголовным законодательством. Следует отметить, что рост использования информационных технологий в преступных целях прямо пропорционален росту их правомерного применения, в связи с чем можно констатировать, что данное негативное явление, уже выделяемое современной юридической наукой в силу своего систематического характера как киберпреступность, будет продолжать развиваться совместно с информационными технологиями как таковыми, в связи с чем правоохранительные органы должны сформировать основы борьбы с этим новым и очень опасным видом преступности.

Действительно, киберпреступность является одной из самых коварных угроз современному обществу, одновременно оставаясь при этом одной из самых малоизученных. К сожалению, следует признать тот факт, что на сегодня не сформировалось понятия «киберкриминологии», которая уже в ближайшее время станет ведущей областью криминологического научного знания. Бесспорно, отрицать наличие исследований данной проблематики и, соответственно, учёных, проводящих подобные исследования, неправильно, однако важно отметить, что криминологическое изучение явления киберпреступности на современном этапе остаётся разрозненным и несистематизированным, современная правовая доктрина продолжает воспринимать исследуемый феномен в качестве «нового», то есть сравнительно недавно появившегося, факта социальной реальности, ввиду чего как будто бы криминологической науке не хватает фактического материала для изучения, в первую очередь статистических данных, или же терминологического аппарата, что на самом деле не соответствует действительности.

Юридическая деятельность как таковая отличается тем, что в ней теория и практика самым тесным образом взаимосвязаны между собой, они оказывают друг на друга большее влияние, чем в других профессиональных областях. Расследование преступлений правоохранительными органами перешло на качественно новый уровень благодаря развитию таких областей юриспруденции, как криминология и криминалистика, с помощью которых преступность как общественный феномен стала более понятна следственным и судебным органам государственной власти, и именно при помощи знаний, выработанных указанными юридическими дисциплинами, данные правоохранительных ведомств смогли сформировать подход к борьбе с преступностью, адекватный её сущностным особенностям. В свою очередь, именно практика учреждений уголовно-правовой юстиции является предметом изучения криминалистической доктрины, обогащая её материал и открывая новые перспективы для исследования, то есть исследования научного сообщества и деятельность правоохранительных органов обогащают друг друга, внося свой вклад в общее дело минимизации вреда от киберпреступности. Именно поэтому на нынешнем этапе так необходимо, чтобы взаимодействие академического и правоохранительного сообществ по вопросу киберпреступности вышло на качественно новый уровень развития. Следует признать, что в то время как органы уголовной юстиции в ходе своей борьбы с этим пагубным явлением «поставляют» исследователям достаточное количество материала для изучения, со своей стороны правовая наука на сегодняшний день пока не предоставила практикам теории киберпреступности, которой могли бы руководствоваться различные государственные ведомства при формировании политики Российской Федерации по этому вопросу, что, в свою очередь, однозначно тормозит ход борьбы с рассматриваемым негативным явлением.

Таким образом, систематизированная рефлексия киберпреступности является назревшей проблемой современных уголовно-правовых наук, в связи с чем доктрине на настоящем историческом этапе следует её разрешить. Учитывая очевидную сложность указанной задачи, в частности необходимость комплексного изучения предмета, автор настоящего исследования предлагает рассмотрение такой стороны вопроса, как классификация и типология киберпреступников. В этой связи стоит отметить, что проблематика классификации киберпреступлений является предметом детального анализа отечественных учёных, в частности Р.Р. Гайфутдинова[1], А.А Рудых[2], В.С. Овчинско-

[1] Гайфутдинов Р.Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2017.

[2] Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической деятельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020.

го[3], И.Б. Колчевского и Г.Э. Бицадзе[4], М.А. Простосердова[5]. Данная ситуация объясняется необходимостью выделения сущностных особенностей киберпреступлений в общей массе уголовных правонарушений и последующего их распределения по различным признакам, присущим их природе. Подобная деятельность обладает одновременно как теоретической, так и практической ценностью в силу того, что для правовой доктрины определённая классификация подобного вида преступлений позволяет более детально и систематизированно изучать киберпреступления как феномены социальной действительности, в то время как с практической точки зрения подобное распределение киберпреступлений помогает сформировать более эффективный подход к борьбе с этим явлением непосредственно в реальной жизни. В связи с этим с применением общенаучных методов анализа и синтеза, посредством которых любой объект рассматривается одновременно и в целостности связей между элементами, из которых он состоит, и с точки зрения каждого составляющего его элемента в отдельности, для исследования киберпреступников в целях их классификации и типологизации по аналогии с классификацией киберпреступлений для начала необходимо затронуть проблематику сущности киберпреступности, в силу её большей изученности.

Как справедливо отмечают А. Хаитжанов и А.П. Генералова, «до сих пор формируются некоторые понятия, с которыми сталкиваются суды и правоохранительные органы в процессе рассмотрения дел по компьютерной безопасности»[6], что объясняется отсутствием сформулированной доктриной единой и систематизированной теории киберпреступности, однако многие современные отечественные исследователи уже предлагают свои варианты решения этой концептуальной проблемы. Так, Т.М. Хусяинов утверждает, что «под термином „интернет-преступление“ или „киберпреступление“ стоит понимать весь спектр преступных действий в сфере информационных технологий», исходя из чего логически можно прийти к выводу о том, что понятия «интернет-преступность» и «киберпреступность» совпадают, что можно признать соответствующим действительности, так как подавляющее число киберпреступлений совершаются именно с помощью сети Интернет[7]. Тем не менее на современном этапе есть несколько вариантов определения киберпреступности — так, Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями дал следующее определение киберпреступности: «это любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети»[8]. Также Л.В. Тропина непосредственно даёт определение явлению киберпреступности, которую она понимает как «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных»[9]. В целом с этим определением соглашаются С.С. Витвицкая, А.А. Витвицкий и Ю.И. Исакова, которые дефинируют киберпреступность как «совокупность преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, посягающих на информационную безопасность и (или) использующих компьютер, а

[3] Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В.С. Овчинский. М., 2017.

[4] Колчевский И.Б., Бицадзе Г.Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 40—47.

[5] Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016.

[6] Хаитжанов А., Генералова А.П. Криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 219.

[7] Хусяинов Т.М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола (Иркутск, 20 марта 2015 г.). Вып. 6. Иркутск, 2015. С. 120.

[8] Преступления, связанные с использованием компьютерной сети: справочный документ для семинара-практикума по преступлениям, связанным с использованием компьютерной сети / X Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Вена, 10—17 апреля 2000 года // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН): офиц. сайт. URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf (дата обращения: 22.10.2024).

[9] Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. С. 16.

также иные устройства, обеспечивающие доступ к сети, в качестве орудия (computer-facilitated) либо средства преступления (computer-related)»[10].

В вышеуказанных дефинициях подчёркивается, что киберпреступления представляют собой уголовно-противоправные деяния, которые совершаются именно в виртуальной реальности, что в сущности принципиальным образом противопоставляет их всей остальной массе преступлений, осуществляемых офлайн. Однако, несмотря на принципиальную онтологическую разность Интернета и реальной действительности, в обоих пространствах действуют преступники — люди, которые, несмотря на наличие социокультурного опыта, который в большинстве своём не отличается от аналогичного опыта остальной части общества, встают на путь совершения уголовно-противоправных деяний. Каждое преступление является последствием деятельности преступника, ввиду чего при анализе проблематики киберпреступности в первую очередь необходимо изучить именно субъекты киберпреступлений, так как именно с этого можно начать полноценную систематизацию знаний о данном виде преступности. Для того, чтобы в современной уголовно-правовой доктрине сформировался систематизированный взгляд на киберпреступность как уже достаточно распространённое явление современной социальной жизни, следует, как указывалось ранее, сформулировать классификацию и типологию киберпреступников, на основе которых в дальнейшем будет возможно систематизировать остальные знания в этой сфере.

Следует отметить важный характер взаимосвязи между понятиями классификации и типологии киберпреступников, равно как и принципиальный характер различий между ними. С одной стороны, как классификация, так и типология в общем смысле разделяют родовые понятия и явления на определённые категории. При этом, согласно справедливому замечанию О.В. Филипповой, как правило, классификацию осуществляют перед типологией[11], что обусловлено сущностной особенностью их сочетания. Так, по мнению Ю.М. Антоняна и В.Е. Эминова, «самым важным отличием классификации от типологии является то, что первая дает описание изучаемого объекта, а вторая (наряду с другими методами) его объяснение, т. е. с помощью типологии можно успешнее вскрыть его природу, причины, закономерности зарождения и развития, составить прогноз»[12], что очень точно передаёт суть разницы между рассматриваемыми понятиями. То есть типология как криминологический метод вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками, способствуя обнаружению закономерностей, свойственных типу преступника[13], в то время как классификация выделяет различные группы преступников, исходя из наличия между ними сходства в определённых свойствах[14]. По своей природе классификация и типология дополняют друг друга, уравновешивая недостатки друг друга своими достоинствами, например, классификация отличается от типологии большей строгостью при формировании классов объектов, в то время как типология явно превосходит классификацию своей универсальностью[15]. Таким образом, в настоящем исследовании при классификации киберпреступников мы будем руководствоваться объективными критериями, на основании которых можно выделить различные классы киберпреступников, в то время как в рамках типологии критериями распределения киберпреступников по типам будет служить наличие определённых криминальных мотивов указанных лиц.

Попытки осуществить классификацию или типологию уже предпринимались в иностранной науке. Правовая доктрина за рубежом классифицирует киберпреступников на основании иерархии хакерского сообщества, а также его особенностей. В зависимости от мотивов деятельности хакеров выделяются следующие их группы:

1) белые шляпы (white hats), которых также называют «этичными хакерами», представляют собой киберпреступников, осуществляющих уголовно наказуемые деяния с помощью слабых сто-

[10] Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1, № 1. С. 133.

[11] Филиппова О.В. Классификация и типология преступников-рецидивистов // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 106.

[12] Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М., 2010. С. 15.

[13] Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие. Горький, 1974. С. 55.

[14] Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-правовых исследований / Г.З. Щербаковский, С.А. Маркова-Мурашова, О.К. Биктасов, В.В. Ильичев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 69.

[15] Там же. С. 70.

рон, ошибок, уязвимостей в информационных системах с целью их устранения или усиления защиты;

2) чёрные шляпы (black hats) — это лица, совершающие именно преступления, то есть непосредственно киберпреступники, использующие информационные технологии в неправомерных целях способами, запрещёнными уголовным законодательством;

3) серые шляпы (grey hats) — группа хакеров, в зависимости от различных факторов меняющих своё отношение к неправомерному поведению, иначе выражаясь, они то прекращают, то возобновляют свою преступную деятельность, в связи с чем, так же как и чёрные шляпы, представляют собой угрозу для общества;

4) «хактивисты» — это класс политически мотивированных хакеров, которые применяют информационные технологии с целью продвижения своих политических взглядов. Важно отметить, что указанная группа хакеров также представляет собой угрозу для общества, так как значительную часть политических идеологий можно отнести к экстремистским. Ввиду этого хактивисты, так же как чёрные и серые шляпы, в подавляющем своём числе относятся к киберпреступникам[16].

По уровню навыков различают следующие группы:

1) новички, или «зеленые шляпы» (noob, newbie, green hats), — это киберпреступники, которые только начали свою преступную деятельность; они чаще всего являются несовершеннолетними или молодыми, они только начинают набираться криминального опыта, в силу чего не обладают каким-либо авторитетом или статусом в сообществе хакеров;

2) скрипт-кидди (script kiddies) — это неопытные хакеры, обладающие достаточно высоким уровнем владения информационными технологиями, однако его недостаточно для того, чтобы создать собственные инструменты, при помощи которых они смогут осуществлять свою противозаконную деятельность, в связи с чем они прибегают к использованию уже существующих инструментов, созданных до них, однако позволяющих осуществлять киберпреступления;

3) непосредственно хакеры (hacker, leet) — это уже профессиональные киберпреступники, чей уровень компетентности в сфере информационных технологий позволяет им самостоятельно создавать инструменты совершения преступлений. Этот класс правонарушителей составляет элиту сообщества киберпреступников, именно они представляют собой наибольшую угрозу для общества и государства, так как именно совершённые ими уголовно-противоправные деяния наносят максимально серьёзный вред, ввиду чего именно они представляют собой основной объект борьбы со стороны правоохранительной системы[17].

В свою очередь, отечественные исследователи М.В. Жижина, Д.В. Завьялова предлагают свою классификацию киберпреступников исходя из степени их компетентности:

1) лица с разным уровнем развития навыков в сфере информационных технологий, не ведущие систематической преступной деятельности;

2) без развитых навыков в сфере информационных технологий или со средним их уровнем, ведущие систематическую преступную деятельность, зачастую состоящие в преступных группировках;

3) с высоким уровнем навыков в сфере информационных технологий, ведущие систематическую преступную деятельность[18].

Исходя из сущности понятия киберпреступности, характера взаимосвязи и особенностей различий между классификацией и типологией киберпреступников, а также отталкиваясь от существующих представлений о выделении различных групп указанных правонарушителей, можно выделить их классы по следующим основаниям.

1. Соучастие

Так, следует выделять киберпреступников, совершающих уголовно наказуемые деяния в киберпространстве, на основании того, объединялись ли киберпреступники в организованную группу или же, напротив, киберпреступление было совершено одиночкой. Так, в случае, если подобное преступление было совершено несколькими киберпреступниками, то чаще всего можно констатировать наличие у каждого из них определённой специализации, злого умысла и, как правило, принадлежность данных лиц к раз-

[16] Жижина М.В., Завьялова Д.В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 5. С. 152.

[17] Holt Th.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and digital forensics: an introduction. Second edition. Routledge, 2018. P. 102.

[18] Жижина М.В., Завьялова Д.В. Указ. соч. С. 154.

личным формам организованной преступности. Указанные факторы свидетельствует о повышенном уровне общественной опасности этих преступлений и, как следствие, вреда от их общественно опасных последствий. Подобная преступность свидетельствует о формировании и непосредственном существовании, условно выражаясь, «кибермафии», что однозначно повышает уровень угрозы киберпреступности. В свою очередь, одиночки с меньшей вероятностью могут нанести сопоставимый или же больший вред посредством совершения ими уголовных преступлений в киберпространстве, в основном такие преступники нарушают уголовное законодательство либо по легкомыслию и небрежности, либо разово, не стремясь придать подобной деятельности систематический характер. Выделение этих классов киберпреступников имеет важное криминологическое значение, так как на сегодня киберпреступники-одиночки количественно превышают лиц, входящих в организованную киберпреступность, ввиду чего правоохранительная система должна поставить перед собой задачу не допустить численного перевеса правонарушителей, входящих в организованные группы.

2. Рецидив

Повторное совершение деяния, запрещённого уголовным законодательством, свидетельствует о серьёзной криминальной деформации правосознания правонарушителя, и количество лиц, принадлежащих к указанному классу киберпреступников, а также его изменения носят принципиальный характер для правоохранительной системы. Ввиду того, что киберпреступления осуществляются с помощью относительно сложного для рядового пользователя Интернета применения информационных технологий, что однозначно требует наличия определённого уровня компетенций, в отношении киберпреступлений всегда есть риск, что уже осуждённый киберпреступник захочет снова совершить уголовное преступление с использованием других методов. Ввиду бурного развития IT-сферы, происходящего в последние годы, опытный хакер всегда сможет увидеть для себя возможности применить новые информационные технологии для совершения преступлений или же улучшить использование старых. В то же самое время в рамках воспитательного воздействия правоохранительная система должна воздействовать на осуждённых в первый раз киберпреступников таким образом, чтобы предотвратить с их стороны повторное совершение преступления, в частности приговаривать таких преступников к обязательным, исправительным или принудительным работам, на которых они смогут применять свои компетенции в общественно полезных целях.

3. Профессия

Данный критерий не менее важен, чем два предыдущих, так как зачастую киберпреступниками по понятным причинам становятся IT-специалисты: совершение уголовно наказуемых деяний с помощью информационных технологий требует наличия высокого уровня компетенций правомерного использования указанных инструментов, которыми бесспорно обладают программисты и иные специалисты, связанные с информационными технологиями, а также лица, обучающиеся этим профессиям. Тем не менее значительное количество киберпреступников не относятся к подобным лицам и имеют совсем другой род занятий или обучаются другим профессиям, однако в силу своей природной склонности или просто длительного времяпрепровождения за компьютером в итоге обрели высокий уровень владения информационными технологиями и затем приняли решение совершать уголовно наказуемые деяния. Однако стоит отметить, что нет ни одной профессии, представители которой чаще становились бы киберпреступниками по сравнению с другими, за исключением лиц, работающих с информационными технологиями. Для профилактики киберпреступлений и их предотвращения в первую очередь необходимо проводить работу именно с представителями IT-сферы, которые на сегодняшний день более других склонны совершать подобные преступления, и, что очень важно, не допустить того, чтобы другая профессиональная сфера заняла место указанной индустрии в качестве среды, из которой появляется больше всего киберпреступников, что вполне возможно ввиду распространения информационных технологий среди населения.

В свою очередь, типологизация как метод выделения отдельных видовых групп среди киберпреступников отталкивается от сущностных особенностей данных правонарушителей, которые характеризуют их правонарушение. Если классификация киберпреступников предоставляет возможность подробнее знакомиться с объективными факторами общественной жизни, которые предопределяют особенности совершения киберпреступниками уголовных деяний, то типология обращается к субъективным чертам

этих лиц, которые в итоге предопределяют их преступное поведение, в первую очередь и в основном это мотив киберпреступника, то, из-за чего он пошёл на совершение преступления с использованием информационных технологий. В связи с этим автором настоящего исследования предлагается следующая типология киберпреступников по критерию мотива.

1. Хулиганы

В силу того, что значительное количество киберпреступников являются несовершеннолетними, чей процесс социализации ещё окончательно не завершился, что обуславливает низкий уровень правосознания, многие из них совершают уголовно наказуемые деяния из хулиганских побуждений. Подобного рода киберпреступники, как правило, осуществляют свои преступления из-за легкомыслия и особенностей психологических потребностей личности, таких как привлечение к себе всеобщего внимания и самоутверждение. Нельзя недооценивать степень общественной опасности совершаемых ими киберпреступлений, однако важно отметить, что чаще всего у них отсутствует ярко выраженная криминальная деформация правосознания, ввиду чего их можно считать наименее опасными среди киберпреступников.

2. Киберворы

Указанный тип киберпреступников специализируется на экономических преступлениях, используя информационные технологии с целью личной наживы. Такие лица поначалу могут иметь различного рода финансовые проблемы, однако, осознав лёгкость приобретения денежных средств подобным образом, они чаще всего переходят к систематическому совершению таких преступлений. Основная угроза, которая исходит от таких киберпреступников, заключается в том, что они часто склонны совершать преступления не в одиночку, а группами, таким образом организовываясь в преступные группировки. Несмотря на то, что на сегодняшний момент нельзя утверждать наличие окончательно сформированной кибермафии, то есть организованных преступных сообществ, специализирующихся на совершении преступлений с помощью информационных технологий, важно отметить, что именно киберпреступники с экономическим мотивом имеют наибольшую склонность к формированию разветвлённых сетей из хакерских групп. Общественно опасные последствия совершаемых таким типом киберпреступников уголовно наказуемых деяний наносят серьёзный вред государству и обществу, в связи с чем следует признать, что сегодня именно этот тип преступников в Сети представляет собой наибольшую опасность.

3. Хактивисты

Этот тип киберпреступников можно считать близким к хулиганам, однако в отличие от последних их деятельность мотивирована не потребностью в личном признании, но в реализации политических идей и концепций, которых они придерживаются. Указанный фактор несёт в себе особую опасность, так как политически мотивированный киберпреступник будет стремиться продемонстрировать слабость действующей власти, тем самым нанося максимально возможный вред посредством своих преступных действий. Хактивисты могут придерживаться любых политических взглядов, от анархических и ультралиберальных до фундаменталистских и неонацистских, однако объединяет их неприятие политической власти, которая является объектом их преступного воздействия, где бы они сами территориально ни находились. Как и предыдущий тип киберпреступников, указанные правонарушители также склонны к объединению со своими единомышленниками, с которыми они имеют общие политические взгляды, или же они являются единственными лицами среди подобной группировки, умеющими эффективно применять информационные технологии. Тем не менее нельзя отрицать среди них значительной доли одиночек, которые вполне могут нанести вред, сопоставимый с тем, который наносят хактивисты, объединённые в группы, так как политическая мотивация обладает движущей силой, подталкивающей к осуществлению преступлений с целью нанесения как можно большего вреда.

4. Агенты спецслужб

Указанная группа киберпреступников представляется одной из самых опасных, так как ввиду кризиса геополитической ситуации в мире, в частности вооружённого конфликта на территории Украины, информационные технологии могут использоваться в качестве оружия против безопасности российского государства, к чему органам государственной власти, в частности силовым ведомствам, нужно быть готовыми на современном этапе. Такого рода киберпреступления могут быть совершены лицами, состоящими на

службе у иностранных правительств. При этом важно отметить, что в данном случае киберпреступники, непосредственно использующие информационные технологии против безопасности Российской Федерации, являются исполнителями преступления, обладающими необходимыми знаниями и навыками для подобного использования указанного вида технологий, в то время как организаторами и подстрекателями этих лиц будут выступать политические и военные лидеры недружественных государств. Таким образом, следует признать данных киберпреступников самыми опасными из подобного рода правонарушителей, так как именно их действия способны нанести нашей стране в целом и каждому из нас в частности максимальный урон. Предыдущие типы киберпреступников не имеют подобного мотива и не обладают теми возможностями, которые есть у правительственных агентов, чтобы достичь поставленных целей, ввиду чего противодействие их деятельности носит фундаментальный характер для современного государства.

В заключение можно сделать вывод о том, что современной криминологической доктрине крайне не хватает целостного и систематического представления о классификации и типологии киберпреступников. Ввиду острого характера угрозы, которую несёт в себе явление киберпреступности, правоохранительные органы при осуществлении противодействия указанному виду преступной деятельности должны опираться не только на технологические средства борьбы с подобными преступлениями, но и на теоретический аппарат, имеющий принципиальное значение в любой юридической деятельности. Понимание того, какими могут быть киберпреступники, позволит сформулировать различные подходы к борьбе с ними с учётом сущностных особенностей, характерных для каждого конкретного класса и типа подобных правонарушителей, что однозначно повысит эффективность борьбы правоохранительных органов с этим общественным явлением. При этом в контексте формирования государственной политики в этой области юридическому сообществу принципиально важно различать такие методы разделения киберпреступников, как классификация и типологизация. Помимо дефинитивной определённости указанных понятий в употреблении и тождества их значения в правоприменительной практике и теоретических исследованиях, разграничение сущности классификации и типологизации киберпреступников в криминологической плоскости позволит более детально проработать криминалистические подходы к расследованию киберпреступлений ввиду того, что правоохранительные органы будут иметь более целостное теоретическое представление о преступниках, с которыми они борются.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 368 с.

2. Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1, № 1. С. 126—136. doi: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136.

3. Гайфутдинов Р.Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2017. 243 с.

4. Жижина М.В., Завьялова Д.В. Личность субъекта преступлений в сфере компьютерной информации как системообразующий элемент криминалистической характеристики (по материалам российских и зарубежных источников) // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 5. С. 149—158. doi: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.149-158.

5. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения: учебное пособие. Горький: Горьк. высш. школа МВД СССР, 1974. 168 с.

6. Классификация и типологизация как методологические процедуры теоретико-правовых исследований / Г.З. Щербаковский, С.А. Маркова-Мурашова, О.К. Биктасов, В.В. Ильичев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1. С. 67—73.

7. Колчевский И.Б., Бицадзе Г.Э. Преступления в сфере информационных технологий: понятие, структура // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 40—47.

8. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В.С. Овчинский. М.: Норма, 2017. 528 с.

9. Простосердов М.А. Экономические преступления, совершаемые в киберпространстве, и меры противодействия им: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2016. 232 с.

10. Рудых А.А. Информационно-технологическое обеспечение криминалистической дея-

тельности по расследованию преступлений в сфере информационных технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2020. 24 с.

11. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. 26 с.

12. Филиппова О.В. Классификация и типология преступников-рецидивистов // Уголовная юстиция. 2022. № 19. С. 105—109. doi: 10.17223/23088451/19/19.

13. Хаитжанов А., Генералова А.П. Криминалистическая характеристика лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2011. Т. 1. С. 219—221.

14. Хусяинов Т.М. Интернет-преступления (киберпреступления) в российском уголовном законодательстве // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования: материалы всероссийского круглого стола (Иркутск, 20 марта 2015 г.). Вып. 6. Посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2015. С. 120—125.

15. Holt Th.J., Bossler A.M., Seigfried-Spellar K.C. Cybercrime and digital forensics: an introduction. Second edition. London; New York: Routledge, 2018. xvi, 738 p.

References

1. Antonyan, Yu.M. & Eminov, V.E. (2010) Lichnost' prestupnika. Kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie [Personality of the criminal. Criminological and psychological study]. Moscow, Norma, INFRA-M, 368 p. (In Russ.).

2. Vitvitskaya, S.S., Vitvitsky, A.A. & Isakova, Yu.I. (2023) Kiberprestupleniya: ponyatie, klassifikatsiya, mezhdunarodnoe protivodeystvie [Cybercrimes: concept, classification, international countering]. *Legal Order and Legal Values*, vol. 1, no. 1, pp. 126—136. (In Russ.). doi: 10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136.

3. Gayfutdinov, R.R. (2017) Ponyatie i kvalifikatsiya prestupleniy protiv bezopasnosti komp'yuternoy informatsii [Concept and qualification of crimes against the security of computer information]. Ph. D. thesis. Kazan', 243 p. (In Russ.).

4. Zhizhina, M.V. & Zavyalova, D.V. (2022) Lichnost' sub"ekta prestupleniy v sfere komp'yuternoy informatsii kak sistemoobrazuyushchiy element kriminalisticheskoy kharakteristiki (po materialam rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov) [Personality of the subject of crimes in the field of electronically stored information as a system forming element of forensic characteristics (based on Russian and foreign sources)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, vol. 17, no. 5, pp. 149—158. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.149-158.

5. Igoshev, K.E. (1974) Tipologiya lichnosti prestupnika i motivatsiya prestupnogo povedeniya [Typology of the personality of the criminal and motivation of criminal behavior]. Textbook. Gor'kiy, Gor'kiy Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 168 p. (In Russ.).

6. Shcherbakovskiy, G.Z., Markova-Murashova, S.A., Biktasov, O.K. & Il'ichev, V.V. (2006) Klassifikatsiya i tipologizatsiya kak metodologicheskie protsedury teoretiko-pravovykh issledovaniy [Classification and typology as methodological procedures of theoretical and legal research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 67—73. (In Russ.).

7. Kolchevskiy, I.B. & Bitsadze, G.E. (2021) Prestupleniya v sfere informatsionnykh tekhnologiy: ponyatie, struktura [Crimes in the field of information technology: concept, structure]. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, no. 2 (54), pp. 40—47. (In Russ.).

8. Ovchinskiy, V.S. (ed.) (2017) Osnovy bor'by s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom [Fundamentals of the fight against cybercrime and cyberterrorism]. Anthology. Moscow, Norma, 528 p. (In Russ.).

9. Prostoserdov, M.A. (2016) Ekonomicheskie prestupleniya, sovershaemye v kiberprostranstve, i mery protivodeystviya im [Economic crimes operating in cyberspace and measures to counter them]. Ph. D. thesis. Moscow, 232 p. (In Russ.).

10. Rudykh, A.A. (2020) Informatsionno-tekhnologicheskoe obespechenie kriminalisticheskoy deyatel'nosti po rassledovaniyu prestupleniy v sfere informatsionnykh tekhnologiy [Information and technological support of forensic activities to investigate crimes in the field of information technology]. Abstract of Ph. D. thesis. Rostov-na-Donu, 24 p. (In Russ.).

11. Tropina, T.L. (2005) Kiberprestupnost': ponyatie, sostoyanie, ugolovno-pravovye mery bor'by [Cybercrime: concept, state, criminal-legal measures to combat it]. Abstract of Ph. D. thesis. Vladivostok, 26 p. (In Russ.).

12. Filippova, O.V. (2022) Klassifikatsiya i tipologiya prestupnikov-retsidivistov [Recidivist criminals: classification and typology]. *Ugolovnaya*

yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law, no. 19, pp. 105–109. (In Russ.). doi: 10.17223/23088451/19/19.

13. Khaitzhanov, A. & Generalova, A.P. (2011) Kriminalisticheskaya kharakteristika lits, sovershayushchikh prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii [Forensic characteristics of persons acting criminals in the field of computer information]. *Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma "Nadezhnost' i kachestvo"*, vol. 1, pp. 219–221. (In Russ.).

14. Khusyainov, T.M. (2015) Internet-prestupleniya (kiberprestupleniya) v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve [Internet crimes (cybercrimes) in Russian criminal legislation]. In: *Ugolovnyy zakon Rossiyskoy Federatsii: problemy pravoprimeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya. Materialy vserossiyskogo kruglogo stola, Irkutsk, March 20, 2015. Iss. 6.* Irkutsk, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 120–125. (In Russ.).

15. Holt, Th.J., Bossler, A.M. & Seigfried-Spellar, K.C. (2018) Cybercrime and digital forensics: an introduction. Second edition. London; New York, Routledge, xvi, 738 p.

Информация об авторе

А.Ж. Саркисян — декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.Zh. Sarkisyan – Dean of the Faculty of Advanced Training of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Управление человеческими ресурсами. Стратегическая функция менеджмента: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Экономика» и «Менеджмент» / под науч. ред. Ю.А. Цыпкина, В.С. Осипова; под общ. ред. Н.Д. Эриашвили, И.В. Грошева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 423 с.

ISBN 978-5-238-03841-4

Человеческие ресурсы — основа успешной деятельности любого предприятия, организации. В современных условиях управление человеческими ресурсами позволяет обобщить и реализовать целый спектр вопросов адаптации индивида к внешним условиям, учета личностного фактора и т.д.

Рассматриваются проблемы управления человеческими ресурсами, систематизируются аспекты набора, отбора и ориентации работников предприятий и организаций. Особое место занимают вопросы обучения кадров, их профессионального и карьерного продвижения.

Комплексно отражены такие важные темы, как организация труда и контроль за деятельностью кадров и управленцев.

Для студентов, аспирантов и преподавателей экономических специальностей вузов, работников отделов кадров крупных предприятий, рекрутинговых компаний, а также может быть полезно органам государственной службы в их деятельности по подбору специалистов.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 84—89.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 84–89.

УДК 343.341 + 343.611.1
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.009

NIION: 2015-0064-04/24-255
MOSURED: 77/27-009-2024-04-454

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы правовой квалификации скулшутинга

Ольга Сергеевна Смирнова[1], Наталия Сергеевна Михайлова[2]
[1]Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу, Санкт-Петербург, Россия, k-olenka@ yandex.ru
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, nsm74@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-0290-0313

Аннотация. В статье рассмотрен феномен скулшутинга, распространяющийся в связи с активным развитием интернет-технологий и появлением быстрого доступа к любой информации. Целью подготовки статьи является изучение вопросов терминологии, обозначение проблемы правовой квалификации скулшутинга.

Методологическую базу исследования составили следующие методы: исторический, с помощью которого рассмотрена ретроспектива появления «Колумбайна»[1]; аналитический, в рамках которого проанализированы случаи нападения на образовательные организации в Российской Федерации, судебная практика по указанным категориям уголовных дел; а также статистические и системные методы изучения проблемы скулшутинга.

В исследовании показана с помощью визуализации динамика актов вооружённого нападения на образовательные организации в Российской Федерации, проведен анализ судебной практики по делам изучаемой категории, сформулирован перечень обстоятельств, подлежащих изучению сотрудниками следственных органов для определения квалификации деяния.

Ключевые слова: скулшутинг (школьная стрельба), образовательная организация, массовые убийства, террористический акт, несовершеннолетний.

Вклад авторов: Смирнова О.С. — сбор и обработка материалов, поиск источников, анализ нормативных правовых актов; Михайлова Н.С. — написание текста, оформление статьи и сопроводительных документов.

Для цитирования: Смирнова О.С., Михайлова Н.С. Проблемы правовой квалификации скулшутинга // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 84—89. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.009.

Problems of legal qualification of school shooting

Olga S. Smirnova[1], Nataliia S. Mikhailova[2]
[1]Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia, k-olenka@yandex.ru
[2]Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, nsm74@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-0290-0313

Abstract. The article examines the phenomenon of school shooting, which is spreading due to the active development of Internet technologies and the emergence of quick access to any information. The purpose of the article is to study the issues of terminology, to identify the problem of legal qualification of school shooting.

The methodological basis of the study was made up of the following methods: historical, with the help of which a retrospective of the appearance of Columbine was considered; analytical, in which cases of attacks on educational organizations in the Russian Federation, judicial practice in these categories of criminal cases were analyzed; as well as statistical and systematic methods for studying the problem of school shooting.

The study shows the dynamics of acts of armed attack on educational organizations in the Russian Federation using visualization, analyzes judicial practice in cases of the studied category, and formulates a list of circumstances to be studied by investigative officials to determine the qualification of the act.

[1] Признан террористическим движением и запрещён в Российской Федерации.

© Смирнова О.С., Михайлова Н.С., 2024

Keywords: school shootings, educational organization, mass murder, terrorist act, minor.
Contribution of the authors: Smirnova O.S. – collection and processing of material, search for sources, analysis of regulatory legal acts; Mikhailova N.S. – text writing, design of the article and accompanying documents.
For citation: Smirnova, O.S. & Mikhailova, N.S. (2024) Problems of legal qualification of school shooting. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 84–89. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.009.

Исследования российских и зарубежных ученых — правоведов, социологов, психологов демонстрируют активную тенденцию роста деструктивного поведения подростков в образовательной среде по причине массового распространения информации о произошедших вооруженных нападениях на образовательные организации и излишней «героизации» лиц, их совершивших. Территория образовательной организации теряет статус безопасного места для обучающихся, несмотря на повышение мер по усилению безопасности — установку турникетов, камер видеонаблюдения, наличие сотрудников охраны, использование электронных карт для входа и выхода с СМС-оповещением.

Первый случай вооруженного нападения обучающихся на учебные организации был зафиксирован в США в 1927 году, в СССР к таким случаям можно отнести трагическое событие, произошедшее 4 апреля 1950 года в селе Гиска (Молдавия): военрук Владимир Татарников с целью мести учительнице за расставание взорвал самодельное взрывное устройство в школьном классе — погибло 24 человека.

Самым известным случаем спланированного вооруженного нападения, давшим название деструктивному движению подростков, считается нападение 20 апреля 1999 года старшеклассников Эрика Харриса и Дилана Клиболда на учеников и персонал школы «Колумбайн» штата Колорадо США. Было убито 13 человек, нападавшие совершили самоубийство. Инцидент получил широкое освещение в медиапространстве, активно демонстрировались личные дневники учеников, любительские видеозаписи с демонстрацией оружия и навыков владения им, боеприпасов и взрывчатых устройств, а также говорилось о том, как они прятали арсенал в домах и скрывали от родителей то, чем занимались. В связи с массовой «пропагандой» этой истории в подростковой среде появились последователи, которых стали называть «колумбайнерами», а слово «колумбайн» стало синонимом понятия «скулшутинг».

Буквально термин «скулшутинг» с английского переводится как школьная стрельба. Однако, изучив случаи, произошедшие как в США, так и в России за последние 10 лет, можно сделать вывод, что нападавшими использовалось не только огнестрельное оружие, но и взрывные устройства, холодное оружие, кувалды, топоры, зажигательные смеси, поэтому использование дословного перевода термина недопустимо.

Таким образом, верным представляется определение, сформулированное В.Д. Никишиным[2]: скулшутинг — любая форма насильственных действий в образовательных учреждениях, совершаемых учащимися (группой учащихся) или посторонним лицом в отношении преподавателей и обучающихся с использованием оружия и подручных средств.

Нами был проведен анализ динамики случаев вооруженных нападений на образовательные организации в России с 2014 по 2024 год (график 1).

За указанный период 69 человек погибло, 224 получили ранения и травмы. Наибольшее количество пострадавших было отмечено в 2018 году (22 погибших, 103 пострадавших).

В октябре 2018 года Президент Российской Федерации В.В. Путин, участвуя в заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», отметил, что «это в том числе, судя по всему, результат глобализации... В соцсетях, в интернете мы видим, что созданы целые сообщества. <...> Молодые люди с неустойчивой психикой создают для себя каких-то лжегероев. <...> Это значит, что мы не создаем нужного, интересного и полезного контента для молодых людей, и они хватают этот суррогат героизма. Это приводит к трагедиям подобного рода»[3].

[2] Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74, № 11. С. 63.
[3] XV заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: офиц. сайт. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58848 (дата обращения: 14.06.2024).

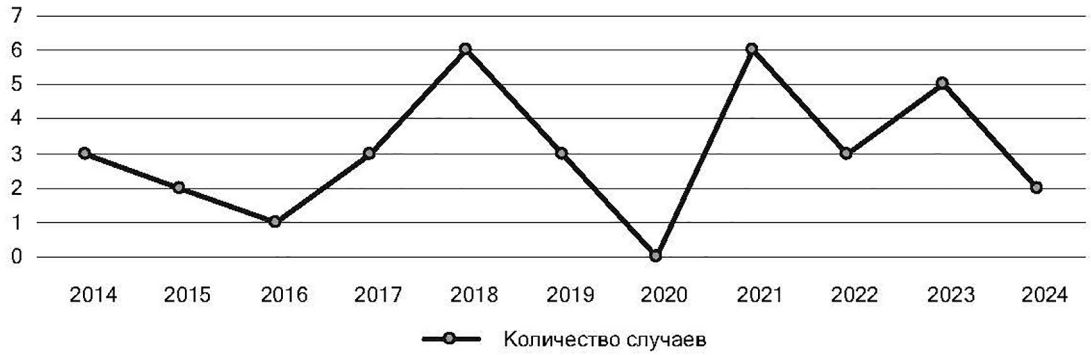


График 1. Количество случаев нападения с 2014 по 2024 г. в Российской Федерации

В феврале 2022 года Верховный Суд Российской Федерации в закрытом режиме удовлетворил административное исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании международного движения «Колумбайн» («Скулшутинг») террористическим и запретил его деятельность на территории Российской Федерации[4].

Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»[5] устанавливает, что обязательным признаком террористического акта является цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций посредством оказания воздействия на принятие решений, на совершение определенных действий либо воздержание от их совершения.

А.В. Пучнин и М.Ю. Пучнина в своем исследовании правоприменительной практики по указанной группе преступлений за 2017—2018 гг. указывали, что «по причине сходства колумбайна с террористической деятельностью уже возникали прецеденты в российском праве, когда изначально деяния скулшутера квалифицировали как террористический акт, а впоследствии они были переквалифицированы на другие составы преступлений»[6]. Так, например, уголовное дело по факту стрельбы в Керченском колледже в октябре 2018 года в ходе предварительного следствия было переквалифицировано на п. «а», «е» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 222.1 УК РФ.

Таким образом, при возбуждении уголовного дела у сотрудников следственных органов возникает спорный вопрос о квалификации указанных деяний и отграничении их от действий лиц, совершивших террористический акт (ст. 205, 205.1, 205.5 УК РФ).

Анализ судебной практики по случаям нападения на учебные заведения в Российской Федерации за пятилетний период показал, что отсутствуют прецеденты отнесения изучаемой категории преступлений к террористическому акту.

Однако при расследовании фактов планирования нападения на образовательные организации в правоприменительной практике распространены случаи признания деяний террористическим актом. Например, в 2020 году 17-летнюю Ш., жительницу г. Серпухова, возмущал тот факт, что «органы образования не принимали никаких мер, чтобы защитить ее и других детей, подвергающихся издевательствам». Она планировала изготовить несколько самодельных взрывных устройств, которые она собиралась взорвать в общественных местах «с целью обратить внимание властей на острые социальные проблемы и крайне неправильную внутригосударственную политику, проводимую руководством Российской Федерации». Как и другие скулшутеры, девушка вела замкнутый образ жизни, имела склонности к суициду, состояла в социальной сети «ВКонтакте» в группах, посвященных идеологии «Колумбайна», изучала в скрытой сети DarkNet информацию о сборке самодельных взрывных устройств. Так как обвиняемая преследовала цель — воздействие на органы исполнительной власти, то ей в том числе было предъявлено обвинение в

[4] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=70034347 (дата обращения: 14.06.2024).

[5] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957 (дата обращения: 14.06.2024).

[6] Пучнин А.В., Пучнина М.Ю. Идеология «колумбайн» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2. С. 38—43. Цит. по: Самойлов С.Ф., Лапсарь М.В. Правовой анализ элементов состава преступных деяний, совершаемых представителями движения «Колумбайн» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 35.

приготовлении к совершению террористического акта (ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ)[7].

На официальных интернет-ресурсах следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации в разделе «Новости» регулярно появляется информация о возбуждении уголовных дел об участии в деятельности террористической организации «Колумбайн» обучающихся[8] и о подготовке к совершению терактов.

В 2023 году Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев сообщил, что за последние пять лет на стадии приготовления сотрудники полиции пресекли 50 нападений на учебные заведения и предупредить трагедии без своевременного выявления девиантного поведения несовершеннолетних достаточно сложно[9].

Таким образом, представляется, что при определении квалификации деяния сотрудники следственных органов должны подробно изучить следующие обстоятельства:

- вовлеченность обучающегося в идеологию «Колумбайна» — состоит ли он в группах, пропагандирующих идеи запрещенных движений в социальных сетях, анализ его роли на указанных ресурсах, активности в размещении деструктивной информации и наличия публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или оправдания терроризма;
- анализ истории посещения сайтов; изучение скулшутером, не вступившим в деструктивные группы в социальных сетях, информации о Колумбайне не может быть приравнено к участию в деятельности террористической организации;
- анализ переписок в мессенджерах для выявления мотива и цели совершения противоправного деяния;
- анализ поведенческих маркеров — перепады настроения, замкнутость, угрозы (устные или письменные) о совершении преступления или самоубийства, вспышки агрессии, склонность к насилию, отсутствие эмоциональной близости с родственниками, подверженность травле (буллингу);
- установление факта осведомленности обучающегося о признании движения «Колумбайн» террористическим.

Таким образом, проанализировав указанные обстоятельства, можно принять решение о привлечении лица, совершившего массовые убийства в образовательных организациях, к ответственности за совершение преступлений террористической направленности.

Интернет-сообщества становятся современным фактором популяризации и пропаганды идей убийств в образовательных организациях. Для современных подростков «Колумбайн» — это не трагедия, а игра-стрелялка на выживание, а скулшутеры — кумиры.

Без сомнения, исследование феномена скулшутинга является важным как для понимания факторов, влияющих на совершение скулшутером преступления, и составления его психологического портрета, так и для разработки профилактических методов борьбы с указанным движением, для оказания методической помощи сотрудникам следственных органов.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. Криминалистическая характеристика преступлений, имеющих признаки скулшутинга: лекция. М., 2018. 33 с.

2. Бастрыкин А.И. О принимаемых Следственным комитетом Российской Федерации мерах по предупреждению нападений на образовательные учреждения // Актуальные проблемы расследования преступлений: перезагрузка: лекции / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Проспект, 2023. С. 137—151.

3. Белоусов А.Д. Угрозы сети Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика: монография. М.: Проспект, 2021. 80 с.

4. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Колумбайн как разновидность молодежного деструктивизма // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 4. С. 808—846.

5. Дунаева Н.И., Баранова Ю.М., Филина Т.В. Проблема профилактики деструктивной агрессии на примере движения «Колумбайн» // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-4. С. 354—357.

6. Каллен Д. Колумбайн / пер. с англ. А. Андреева, Е. Татищевой. М.: Like Book, 2019. 603 с.

[7] Кочои С.М., Трапаидзе К.З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, № 4. С. 916—917.

[8] URL: https://lipetsk.sledcom.ru/news/item/1823798; https://krk.sledcom.ru/news/item/1496186; https://belgorod.sledcom.ru/news/item/1747743; https://ulyanovsk.sledcom.ru/news/item/1734838 (дата обращения: 14.06.2024).

[9] В России за пять лет пресекли на стадии приготовления 50 нападений на школы // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/17317371 (дата обращения: 14.06.2024).

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Университет прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. О.С. Капинус; под науч. ред. В.В. Меркурьева. М.: Проспект, 2019. 1375 с.

8. Кочои С.М., Трапаидзе К.З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, № 4. С. 910—926. doi: 10.21638/spbu14.2022.405.

9. Лангман П. Почему дети убивают. Что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Бомбора, 2022. 304 с.

10. Муцалов Ш.Ш., Дадаев Х.М. Массовые убийства в образовательных учреждениях Российской Федерации как объект уголовно-правовой охраны и направления предотвращения // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 1 (53). С. 132—139. doi: 10.36684/chesu-2024-53-1-132-139.

11. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica. 2021. Т. 74, № 11. С. 62—76. doi: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076.

12. Самойлов С.Ф., Лапсарь М.В. Правовой анализ элементов состава преступных деяний, совершаемых представителями движения «Колумбайн» // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4 (54). С. 35—42.

13. Суходольская Ю.В. Вопросы использования зарубежного опыта изучения массового убийства в образовательных организациях (скулшутинга) в российской криминологии // Вестник Владимирского юридического института. 2023. № 4 (69). С. 106—109.

14. Суходольская Ю.В. Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024. 210 с.

15. Aliev R.T. Crossing the threshold: school shooting as a "ritual of chiral initiation" // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. Vol. 5, no. 3. P. 221—245. doi: 10.46539/gmd.v5i3.431.

References

1. Bastrykin, A.I. (2018) Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy, imeyushchikh priznaki skulshutinga [Criminalistic characteristics of crimes with signs of schoolshooting]. Lecture. Moscow, 33 p. (In Russ.).

2. Bastrykin, A.I. (2023) O prinimaemykh Sledstvennym komitetom Rossiyskoy Federatsii merakh po preduprezhdeniyu napadeniy na obrazovatel'nye uchrezhdeniya [On the measures taken by the Investigative Committee of the Russian Federation to prevent attacks on educational institutions]. In: Bastrykin, A.I. (ed.) *Aktual'nye problemy rassledovaniya prestupleniy: perezagruzka. Lektsii*. Moscow, Prospekt, pp. 137–151. (In Russ.).

3. Belousov, A.D. (2021) Ugrozy seti Internet dlya nesovershennoletnikh pol'zovateley: psikhologicheskiy analiz i profilaktika [Threats to the Internet for underage users: psychological analysis and prevention]. Monograph. Moscow, Prospekt, 80 p. (In Russ.).

4. Glukhova, A.A., Iudin, A.A. & Shpilev, D.A. (2022) Kolumbayn kak raznovidnost' molodezhnogo destruktivizma [Columbine as a type of youth destructivism]. *Russian Journal of Economics and Law*, vol. 16, no. 4, pp. 808–846. (In Russ.).

5. Dunaeva, N.I., Baranova, Yu.M. & Filina, T.V. (2022) Problema profilaktiki destruktivnoy agressii na primere dvizheniya "Kolumbayn" [The problem of prevention of destructive aggression on the example of the Columbine movement]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 75-4, pp. 354–357. (In Russ.).

6. Cullen, D. (2019) Kolumbayn [Columbine]. Moscow, Like Book, 603 p. (In Russ.).

7. Kapinus, O.S. & Merkuryev, V.V. (eds.) (2019) Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Prospekt, 1375 p. (In Russ.).

8. Kochoi, S.M. & Trapaidze, K.Z. (2022) Vooruzhennye napadeniya i ubiystva v obrazovatel'nykh organizatsiyakh: ugolovno-pravovaya i kriminologicheskaya otsenka [Armed attacks and murders in educational organizations: criminal law and criminological assessments]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, vol. 13, no. 4, pp. 910–926. (In Russ.). doi: 10.21638/spbu14.2022.405.

9. Langman, P. (2022) Pochemu deti ubivayut. Chto proiskhodit v golove u shkol'nogo strelka [Why kids kill: Inside the minds of school shooters]. Moscow, Bombora, 304 p. (In Russ.).

10. Mutsalov, Sh.Sh. & Dadaev, Kh.M. (2024) Massovye ubiystva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii kak ob"ekt ugolovno-pravovoy okhrany i napravleniya predotvrashcheniya [Mass murders in educational institutions of the Russian Federation as an object of criminal law protection and prevention directions]. *Vestnik*

Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.A. Kadyrova, no. 1 (53), pp. 132–139. (In Russ.). doi: 10.36684/chesu-2024-53-1-132-139.

11. Nikishin, V.D. (2021) Kolumbayn (skulshuting): sushchnost', pravovaya kvalifikatsiya, kriminalisticheskaya diagnostika [The Columbine (school shooting): essence, legal qualifications, forensic diagnostics]. *Lex russica*, vol. 74, no. 11, pp. 62–76. (In Russ.). doi: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076.

12. Samoilov, S.F. & Lapsar, M.V. (2021) Pravovoy analiz elementov sostava prestupnykh deyaniy, sovershaemykh predstavitelyami dvizheniya "Kolumbayn" [Legal analysis of the elements of the criminal offense of the Columbine movement]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, no. 4 (54), pp. 35–42. (In Russ.).

13. Sukhodol'skaya, Yu.V. (2023) Voprosy ispol'zovaniya zarubezhnogo opyta izucheniya massovogo ubiystva v obrazovatel'nykh organizatsiyakh (skulshutinga) v rossiyskoy kriminologii [Questions of using foreign experience in studying mass murder in educational organizations (school-shooting) in Russian criminology]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 4 (69), pp. 106–109. (In Russ.).

14. Sukhodol'skaya, Yu.V. (2024) Massovoe ubiystvo v obrazovatel'nykh organizatsiyakh kak ob"ekt kriminologicheskogo issledovaniya [Mass murder in educational organizations as an object of criminological research]. Ph. D. thesis. Moscow, 210 p. (In Russ.).

15. Aliev, R.T. (2023) Crossing the threshold: school shooting as a "ritual of chiral initiation". *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 5, no. 3, pp. 221–245. doi: 10.46539/gmd.v5i3.431.

Информация об авторах

О.С. Смирнова — старший следователь первого следственного отдела второго управления по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти в сфере экономики) Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу, подполковник юстиции;

Н.С. Михайлова — начальник отделения исследования проблем кадровой и воспитательной работы научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Information about the authors

O.S. Smirnova – Senior Investigator of the First Investigation Department of the Second Directorate for Investigation of Particularly Important Cases (on crimes against state power and in the economic sphere) of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for Saint Petersburg, Lieutenant Colonel of Justice;

N.S. Mikhailova – Head of the department of the Research Department of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Law, Lieutenant Colonel of Police.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 90—100.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 90–100.

УДК 343.13
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.010

NIION: 2015-0064-04/24-256
MOSURED: 77/27-009-2024-04-455

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

О правовой природе уголовного преследования и его месте в системе уголовно-процессуальных функций

Надежда Валерьевна Османова
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, osmanovanadegda@gmail.com

Аннотация. В статье приведены результаты исследования правовой природы уголовного преследования и его места в системе уголовно-процессуальных функций. Анализируются позиции ученых-процессуалистов о системе построения уголовно-процессуальных функций в досоветский, советский и постсоветский период, оценивается предложенная законодателем в уголовно-процессуальном законе триада уголовно-процессуальных функций и ее полнота. Рассмотрение уголовного преследования в качестве функции, противоположной защите, позволило сделать вывод о том, что антагонистами функции защиты выступают подозрение и обвинение, являющиеся подвидами родовой функции уголовного преследования. В качестве дополнительного аргумента авторского подхода к определению функции уголовного преследования приводится анализ оснований реабилитации, под которыми понимаются решения и процессуальные действия, связанные с обвинением и подозрением. Основываясь на научных достижениях в области теории государства и права, уголовного судопроизводства, теории множественности уголовно-процессуальных функций, анализе положений уголовно-процессуального закона, автор формулирует определение уголовного преследования.

Ключевые слова: уголовное преследование, подозрение, обвинение, функции уголовно-процессуального права, функция защиты, основания реабилитации, причастность лица к совершению преступления, изобличение лица.

Для цитирования: Османова Н.В. О правовой природе уголовного преследования и его месте в системе уголовно-процессуальных функций // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 90—100. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.010.

The legal nature of criminal prosecution and its role in the system of criminal procedure functions

Nadezhda V. Osmanova
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia,
osmanovanadegda@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a study on the legal nature of criminal prosecution and its place within the system of criminal procedural functions. It analyzes the positions of procedural scholars on the system for establishing criminal procedural functions during the pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet eras, as well as evaluates the triad of criminal procedural functions proposed by the legislator in criminal procedure law and their completeness. Considering criminal prosecution as an opposing function to defense, it is concluded that the antagonists of defense are suspicion and accusation, which are subsets of the general function of prosecution. In addition, an analysis is given of the grounds for rehabilitation, understood as decisions and procedural actions related to accusations and suspicions, as an additional argument for the author's approach to defining the function of prosecution in criminal cases. Based on scientific achievements in the fields of theory of state and law and criminal justice, as well as the theory of plurality of criminal procedural functions and analysis of the provisions of criminal procedure law, the author formulates the definition of criminal prosecution.

Keywords: criminal prosecution, suspicion, accusation, functions of criminal procedure law, protection function, grounds for rehabilitation, involvement of a person in the commission of a crime, exposure of a person.

For citation: Osmanova, N.V. (2024) The legal nature of criminal prosecution and its role in the system of criminal procedure functions. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 90—100. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.010.

© Османова Н.В., 2024

Исследование правовой природы и сущности уголовного преследования направлено на выявление признаков данного вида деятельности и разработку теоретико-правовой основы формирования концепции уголовного преследования для последующего разрешения задач, стоящих перед субъектами уголовного преследования.

Уголовное преследование является центральным элементом уголовного судопроизводства, определяет характер деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и их полномочия, направлено на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также на привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления.

Определение в п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовного преследования как процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, не разрешило имеющихся в науке уголовно-процессуального права вопросов относительно сущности и содержания данной процессуальной деятельности. По мнению А.Р. Белкина, с которым мы согласны, «...понятие уголовного преследования в УПК определено недостаточно четко, что порождает возможность различных его толкований»[1].

Вместе с тем, принимая законодательное определение за отправную точку настоящего исследования, следует определить ключевые аспекты, заложенные законодателем в УПК РФ: уголовное преследование — это процессуальная деятельность; уголовное преследование осуществляется стороной обвинения; цель уголовного преследования — изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Процессуальная деятельность каждого отдельного участника уголовного судопроизводства как определяющий признак уголовного преследования ограничена установленными уголовно-процессуальным законом полномочиями субъектов, относящихся к стороне обвинения, и целью уголовного преследования.

В основе модели уголовного судопроизводства, нашедшей отражение в современном уголовно-процессуальном законе, законодателем заложена триада уголовно-процессуальных функций. Положения п. 45 ст. 5 УПК РФ определили, что к сторонам относятся «участники уголовного судопроизводства, выполняющие на основе состязательности функцию обвинения (уголовного преследования) или защиты от обвинения», и позволили считать «функцию обвинения» синонимом категории «уголовное преследование».

По мнению Л.В. Головко, законодатель, взяв на себя роль своеобразного арбитра в давнем научном споре, определил, что следует понимать под функциями в уголовном судопроизводстве, и положил конец научной полемике о понятиях и видах уголовно-процессуальных функций[2].

Несмотря на внимание законодателя к функциям уголовно-процессуального права, вопросы определения функций в уголовном судопроизводстве и их системы остаются дискуссионными. В науке уголовного процесса единый подход к определению уголовно-процессуальных функций, их перечня, количества и классификации отсутствует.

Отсутствие единой позиции среди ученых-процессуалистов относительно того, что следует понимать под указанными категориями, породило следующие вопросы: каково соотношение уголовно-процессуальных функций обвинения и уголовного преследования; если обвинение — это функция, то является ли функцией уголовное преследование; при выделении в отдельную функцию уголовного преследования возможно ли одновременное выделение функции обвинения; является ли уголовное преследование аналогом судебного преследования и др.

Впервые категория «преследование», или, точнее, «судебное преследование», находит отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года (ст. 1, 2, 5, 16, 17, 18, 356 и др.) — источнике изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий, впоследствии перешедшем в первые нормативные акты советского государства.

В дореволюционном уголовно-процессуальном праве термины «уголовное преследование», «судебное преследование», «обвинение», «уголовный иск», «публичный иск», «публичное преследование» не разграничивались и в целом связывались с привлечением к ответственности и дальнейшими перспективой судебного разбиратель-

[1] Белкин А.Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частного начал в уголовном процессе // Публичное и частное право. 2011. № 3 (11). С. 80.

[2] Головко Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 52.

ства, обличением лица перед судом и неотвратимостью наказания за совершение преступления.

Первое комплексное исследование института уголовного преследования в России принадлежит А.А. Квачевскому, изучение трудов которого позволяет утверждать о том, что предъявление уголовного иска и обвинение лица в совершении преступления рассматривались ведущими правоведами XIX века как составные элементы уголовного преследования и не отделялись друг от друга[3].

Значительное внимание уделялось не уголовному преследованию как функции или процессуальной деятельности, а правилам производства по уголовному делу и обвинению. Так, профессором И.Я. Фойницким в Курсе уголовного судопроизводства 1896 года выделяются и анализируются частное, народное и должностное обвинение, их сходства и различия[4]. В последующей своей работе выдающийся российский правовед исследует понятие, свойства, субъекты обвинения, различия обвинения и гражданского иска, определение начала обвинения, условия обвинения и его последствия, при этом термин «уголовное преследование» используется наряду с обвинением и уголовным судопроизводством[5].

В УПК РСФСР 1922 года (ст. 4, 9, 31, 98, 251) на смену термину «судебное преследование» приходит термин «уголовное преследование», нашедший отражение и в УПК РСФСР 1923 года (ст. 4, 9, 29, 93,116, 233, 247).

В вышедшей в 1934 году известной работе М.С. Строговича «Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде» сквозь призму анализа положений УПК РСФСР 1923 г. определение обвинению давалось через функцию органов прокуратуры и следствия, направленную на *преследование* и *изобличение* лиц, по своим действиям являющихся (или предполагающихся) опасными для государства[6]. Позднее, полагая, что «уголовно-процессуальная деятельность возникает и ведется по поводу совершенного преступления и направлена на то, чтобы изобличить совершившее преступление лицо, доказать его виновность, обеспечить его осуждение и наказание, это и есть обвинение (уголовное преследование)»[7], М.С. Строгович, по сути, так же как и современный законодатель, поставил знак равенства между категориями «обвинение» и «уголовное преследование».

С принятием Основ уголовно-процессуального законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденных Законом СССР от 25 декабря 1958 г.[8], УПК РСФСР 1960 года[9] категория «уголовное преследование» была исключена из уголовно-процессуального законодательства, вместо нее законодатель определял порядок возбуждения уголовного дела, обвинения, прекращения уголовного дела.

В 1968 г. М.С. Строгович в работе «Курс советского уголовного процесса» указывал, что обвинение как уголовно-процессуальная функция носит название уголовного преследования[10]. Таким образом, как в 30-е, так и в 60-е годы XX века обвинение рассматривалось ведущими мэтрами уголовно-процессуального права в качестве функции, приравненной к уголовному преследованию.

Несмотря на отсутствие в законе не только определения уголовного преследования, но и любого упоминания соответствующего словосочетания, а возможно, и в связи с этим ученик М.С. Строговича профессор В.М. Савицкий также рассматривал обвинение и уголовное преследование как синонимичные понятия[11].

Неоднократное изменение отношения законодателя к термину «уголовное преследование» породило появление в научном сообществе дискуссии о правовой природе исследуемой категории. Изучение «правовых корней» уголовного преследования XIX — начала XX вв. позволяет утверждать, что позиции ученых-процессуалистов

---

[3] Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство, составленное А. Квачевским. Ч. 1. СПб, 1866. С. 14.

[4] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Изд. 2-е, пересмотр. СПб, 1896. С. 78—80.

[5] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Изд. 2-е, перераб. СПб, 1899. С. 1—59.

[6] Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде // Публичное и частное право. 2011. № 2 (10). С. 7.

[7] Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 15.

[8] Об утверждении Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.02.2024).

[9] Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.02.2024).

[10] Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 189.

[11] Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М., 1997. С. 194.

(И.Я. Фойницкого, В.К. Случевского, С.В. Познышева, Н.Н. Розина, Д.Г. Тальберга и др.) относительно природы уголовного преследования в основном едины и свидетельствуют об отсутствии в теории уголовно-процессуального права разделения функций обвинения и уголовного преследования.

Определение места и значения института уголовного преследования в уголовном судопроизводстве представляется нам возможным через познание уголовно-процессуальных функций отдельных правовых норм, институтов и возникающих при их реализации правоотношений. Правильное понимание природы процессуальных функций, места в них уголовного преследования важно для определения системы всего уголовного судопроизводства, его назначения и эффективности как в целом, так и отдельных его институтов.

В философских словарях под функцией (лат. *functio* — исполнение, совершение) понимается: 1) отношение между элементами, при котором изменение в одном элементе влечёт изменение в другом[12]; 2) деятельность, обязанность, работа; внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений; 3) назначение, роль, которую выполняет определенная часть системы по отношению к целому[13].

В теории государства и права под функцией права понимаются основные направления правового воздействия на поведение, сознание людей. При этом объектом такого воздействия являются общественные отношения. М.И. Байтин полагает, что «функции права непосредственно связаны с действием права, с практической реализацией его свойств официально-властного регулятора отношений между людьми, его ролью и местом в структуре правовой системы общества»[14].

В теории уголовного процесса под функциями принято понимать направления деятельности участников уголовного процесса. Уголовно-процессуальный закон в контексте направлений деятельности, наиболее характерных для состязательного уголовного процесса, выделяет и признает триаду функций: обвинение, защиту и разрешение уголовного дела. Представленная конструкция в первую очередь характерна для состязательного процесса, имеет общий вид и служит основой для дальнейших научных разработок и получения новых знаний о системе функций в уголовно-процессуальном праве. В соответствии с ч. 3 ст. 123 Конституции РФ судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. В уголовно-процессуальном законе это конституционное предписание нашло отражение в положениях ч. 2 ст. 15 УПК РФ, устанавливающих, что «функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга».

Приведенная формулировка положений федерального закона, регламентация перечня функций и основных принципов их реализации, по нашему мнению, не исключает наличия в уголовно-процессуальном праве других функций. Равно как законодатель разделил судебную, законодательную и исполнительную ветви власти, закрепив самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, так и функции, закрепленные в ст. 15 УПК РФ, направленные на один и тот же предмет, но вместе с тем отличные друг от друга, отражают законодательную идею — раскрыть функциональную сторону модели состязательности. Содержание принципа состязательности в уголовном процессе раскрывает основополагающие правила реализации указанной триады функций: 1) недопустимость возложения на один и тот же орган или на одно и то же должностное лицо исполнения более одной из указанных функций; 2) суд не относится к органам уголовного преследования, не может выступать на стороне обвинения или на стороне защиты; 3) суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав; 4) стороны обвинения и защиты равноправны перед судом.

Законодательное закрепление триады уголовно-процессуальных функций сформировало устойчивое мнение в науке уголовного процесса о системе уголовно-процессуальных функций, определившее формирование двух противоположных подходов к их пониманию и определению.

Одни ученые-процессуалисты консервативно признают лишь три функции, связанные с основными направлениями деятельности стороны защиты, стороны обвинения и суда. Другие дополняют этот перечень иными функциями, поразному обосновывая систему построения пред-

[12] Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э.Л. Радлова. СПб, 1911. С. 263.

[13] Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2: Н — Я. М., 2000.

[14] Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М., 2005. С. 167.

лагаемой ими функциональной модели уголовного судопроизводства. Сегодня количество выделяемых в уголовно-процессуальном праве функций исчисляется несколькими десятками.

По мнению Ф.М. Ягофарова, определяющими при характеристике направлений процессуальной деятельности должны быть именно те задачи, которые закреплены в ст. 6 УПК, и именно эти задачи лежат в основе распределения уголовно-процессуальных функций. При этом отмечается ошибочность позиции ученых, рассматривающих в основе выделения уголовно-процессуальных функций цели деятельности или задачи каждого участника уголовного судопроизводства. «Если существование уголовно-процессуальных функций будет зависеть от цели деятельности каждого участника судопроизводства, то вполне возможна ситуация, когда каждому участнику будет „выделена" только ему свойственная функция», — полагает Ф.М. Ягофаров, отмечая необоснованное увеличение количества уголовно-процессуальных функций, стремящегося к количеству участников уголовного процесса[15].

Е.А. Зайцева полагает, что, исходя из идейных основ, заложенных в содержании ст. 15 УПК РФ, под функциями в уголовном судопроизводстве следует понимать «отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности, в которых участники уголовного процесса реализуют свое назначение согласно их правовому статусу, закрепленному в законе»[16].

Значительный вклад в развитие учения об уголовном преследовании внес А.М. Ларин, полагавший, что одной из наиболее актуальных, сложных и недостаточно выясненных сторон проблемы уголовно-процессуальных функций является вопрос об уголовном преследовании[17]. По мнению А.М. Ларина, «функция — это не отдельное действие, а деятельность, т. е. совокупность действий и решений, объединенных единством цели»[18].

Так, следователь выполняет функцию предварительного расследования, прокурор — функцию прокурорского надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия, руководитель следственного органа, начальник органа дознания — функцию процессуального контроля, частный обвинитель — функцию обвинения, гражданский истец — функцию поддержания гражданского иска и т. д. Указанные субъекты относятся к стороне обвинения, и каждый из них выполняет определенную функцию или несколько функций. Помимо предварительного расследования следователь осуществляет проверку сообщения о преступлении, а в целом его деятельность на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования нацелена на установление обстоятельств совершенного преступления посредством собирания, проверки и оценки доказательств. В свою очередь, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию (в случае их достаточности), позволяет сделать предварительный вывод о факте совершения преступления и причастности конкретного лица к его совершению, а в дальнейшем оформить соответствующее решение составлением процессуального документа (протокол задержания, постановление об избрании меры пресечения, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительный акт, обвинительное постановление, обвинительное заключение и др.). В случае уведомления дознавателем лица о подозрении в совершении преступления либо предъявления следователем лицу обвинения реализуется функция соответственно подозрения и обвинения. Все вышеперечисленные функции участников стороны обвинения, связанные единством цели, а именно изобличением лица в совершении преступления, в совокупности составляют одну общую функцию — функцию уголовного преследования.

В стремлении ограничить количество уголовно-процессуальных функций, опасаясь неоправданного расширения их перечня, Ф.М. Ягофаров признает, что уголовно-процессуальная функция должна представлять собой направление деятельности группы участников[19]. Подобное суждение вызывает вопросы относительно количества участников такой группы: идет ли здесь речь о двух и более участниках или пяти и более участниках? либо речь о группе участников, согласно предложенной законодателем классификации, со стороны обвинения или защиты? Представляется, что количественное определение участников как

[15] Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. С. 11—23.
[16] Зайцева Е.А. Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 254.
[17] Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 24.
[18] Там же. С. 5.
[19] Ягофаров Ф.М. Указ. соч. С. 11—40.

группы для определения рода деятельности в качестве функции не может служить достаточным для обоснования определения уголовно-процессуальной функции.

Кроме того, помимо направления деятельности группы участников, а в рассматриваемом нами случае стороны обвинения, функции участников уголовного судопроизводства определяются дополнительно в зависимости от стадии уголовного судопроизводства. Например, на судебной стадии прокурору не свойственно выполнение функции прокурорского надзора — на смену этой функции приходит функция уголовного преследования, а именно функция поддержания обвинения; следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания функция уголовного преследования осуществляется на досудебной стадии уголовного судопроизводства, причем содержание функции будет отличаться на этапе возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

В определении функций уголовно-процессуального права представляет интерес позиция А.М. Ларина, рассматривавшего функцию уголовного преследования, с одной стороны, как противоположную функции защиты, а с другой, — как взаимообусловленную функцией защиты[20].

Данное утверждение видится нам справедливым и логичным ввиду того, что противоположная уголовному преследованию функция защиты возникает ровно в тот момент, когда стороной обвинения сообщается лицу о его причастности к совершению преступления. Сегодня такое уведомление о причастности выражается в форме подозрения и обвинения на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, что следует из положений ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Так, защитник участвует в уголовном деле с момента:

- вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;
- возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
- фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления;
- вручения уведомления о подозрении в совершении преступления;
- объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы;
- начала осуществления иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления;
- начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Анализ законодательных установлений позволяет утверждать, что антагонистами функции защиты выступают подозрение и обвинение, являющиеся подвидами родовой функции уголовного преследования.

О правильности подхода, позволяющего объединить подозрение и обвинение в одну родовую функцию уголовного преследования, свидетельствует анализ положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих основания реабилитации.

К таким основаниям среди прочих относятся: прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии оснований, указанных в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, прекращение уголовного преследования в отношении подсудимого ввиду отказа государственного обвинителя от обвинения, полная или частичная отмена обвинительного приговора суда и прекращение уголовного дела в отношении подсудимого. Реабилитация лица, необоснованно подвергшегося уголовному преследованию, как и обязанность осуществления уголовного преследования, относится к назначению уголовного судопроизводства.

Из анализа правового регламентирования института реабилитации следует, что на государство возложена обязанность принятия мер по восстановлению нарушенных прав и свобод лица и возмещению причиненного ему вреда ввиду именно уголовного преследования, под которым законодатель в ч. 2 ст. 133 УПК РФ понимает решения и процессуальные действия, связанные как с обвинением, так и с подозрением.

Следует отметить, что консервативный подход к пониманию функций в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, противоречит и основам общей теории права, согласно которой система функций права включает четыре группы функций, к которым относятся: общеправовые

[20] Ларин А.М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 96—97.

функции, отраслевые функции, функции отдельных правовых институтов и норм.

Так, общеправовой функцией уголовно-процессуального права является упорядочение деятельности по разрешению конфликта, возникшего ввиду совершения преступления и нарушения норм уголовного права, а отраслевой функцией — реализация назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. При этом без выполнения общеправовой функции реализация отраслевой функции теряет свой смысл. Представляется, что выполнение отраслевой функции уголовно-процессуального права (помимо вышеуказанных, связанных с назначением уголовного судопроизводства) включает в себя также реализацию совокупности функций отдельных правовых институтов и норм, среди которых одной из ключевых функций является уголовное преследование, имеющее своей целью изобличение лица в совершении преступления. Уголовное преследование, в свою очередь, корреспондирует как с защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Таким образом, общеправовые функции включают отраслевые функции, которые объединяют функции отдельных правовых институтов и норм. Кроме того, при построении системы уголовно-процессуальных функций следует учитывать, что правовые институты могут состоять из нескольких субинститутов, что подтверждается исследованиями различных правоотношений[21].

Правоведы обращают внимание на связь функций права с его сущностью и динамикой общественной жизни, назначением права в обществе или социальным назначением права. В случае изменения общественных потребностей преобразуется содержание реализуемых функций права. Наиболее часто происходит трансформирование не общеправовых и отраслевых функций, а отдельных правовых институтов и норм. Следует учитывать тот факт, что изменение функций отдельных правовых институтов и норм не всегда может повлиять на общеправовые функции и отраслевые функции. Так, например, Федеральным законом от 24.06.2023 № 270-ФЗ[22] были впервые закреплены, а затем Федеральным законом от 23.03.2024 № 64-ФЗ[23] уточнены специальные основания и условия освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: лицо, совершившее преступление, за исключением отдельных преступлений, призванное на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы РФ либо заключившее в период мобилизации, период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, а равно совершившее преступление в период прохождения военной службы в период мобилизации, период военного положения или в военное время, предварительное расследование в отношении которого приостановлено, освобождается от уголовной ответственности. Указанные изменения обусловлены потребностями российского общества и государства в скорейшем достижении целей специальной военной операции и в большей степени отражают проявление публичных интересов в праве.

Несмотря на то, что приведенными выше законами были значительно скорректированы система оснований прекращения уголовного преследования, ценностный подход к балансу публичных и частных интересов при принятии следователем, дознавателем и судом соответствующего решения, изменение отдельных норм федерального законодательства не отразилось на основной функции уголовно-процессуального права и даже на основной функции уголовного преследования и цели его осуществления, что свидетельствует об их устойчивости и выражает сущность права. Устойчивый характер и отражение сущности права, в свою очередь, относятся к общим признакам функции права.

Введение порядка уведомления лица о подозрении в совершении преступления аналогично существенно повлияло на порядок производства по уголовному делу в форме дознания, не изменив при этом функцию уголовного преследования. Как ранее, до принятия Федерального за-

[21] См., например: Лисицына А.В. Возобновление производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 35—36.

[22] Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.10.2024).

[23] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.10.2024).

кона от 04.03.2013 № 23-ФЗ, так и после его вступления в силу цели и функции уголовного преследования остались неизменными, в то время как функция подозрения значительно видоизменилась и приобрела черты функции обвинения, равно как и институт подозрения относительно института обвинения.

Одной из причин множественности уголовно-процессуальных функций является институализация норм уголовно-процессуального закона. Проведенные в течение последних 20 лет учеными-процессуалистами исследования в области уголовно-процессуального права и их анализ позволяют утверждать о наметившейся тенденции придания отдельным нормам и группам норм статуса «правовой институт» и определения характерной для них функции (или функций). Безусловно, каждая норма права несет в себе определенную функцию и воздействует тем или иным способом на общественные отношения посредством их охраны, регуляции либо иным способом.

По мнению А.Г. Халиулина, одного из ведущих исследователей на доктринальном уровне функции уголовного преследования, введение в теорию уголовного процесса понятия «уголовно-процессуальная функция» связано с многосторонностью деятельности участвующих в процессе государственных органов, должностных лиц, а также иных участников процесса[24]. Наряду с законодательно закрепленными функциями и исследуемой функцией уголовного преследования выделяются уголовно-процессуальные функции предварительного расследования[25], следственной деятельности[26], возмещения причиненного преступлением вреда[27]; функции отдельных участников уголовного судопроизводства: функции переводчика[28], процессуальные и организационные функции защитника обвиняемого[29], функции адвоката как представителя свидетеля[30], функции прокурора[31], обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе[32], процессуальные функции руководителя следственного органа[33], функции доказывания и принятия решений на стадии предварительного расследования[34] и др.

Исходя из научных достижений теории государства и права, теории множественности уголовно-процессуальных функций, анализа положений уголовно-процессуального закона, представляется обоснованным определить уголовное преследование как одну из функций уголовно-процессуального права, определяющую направление деятельности участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, включающую в себя в зависимости от стадии уголовного судопроизводства функции подозрения и обвинения.

Список литературы

1. Асанов Р.Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 299 с.

2. Байтин М.И. Сущность права. (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): монография. 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. 544 с.

3. Белкин А.Р. Еще раз об уголовном преследовании и о соотношении публичного и частно-

[24] Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 20.

[25] Попов Д.П. Реализация функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024; Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Всесоюзный институт юридических наук. М., 1961. С. 48; Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175; Выдря М.М. Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78—82.

[26] Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2023.

[27] Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2013.

[28] Гуськова А.В. Функция переводчика в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018.

[29] Ганночка Ю.В. Процессуальные и организационные функции защитника обвиняемого на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

[30] Сапов Е.Ю. Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012.

[31] Тугутов Б.А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

[32] Асанов Р.Ш. Обеспечение прав личности как функция следователя в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

[33] Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

[34] Лубин А.Ф., Миловидова М.А., Гончан Ю.А. Функции доказывания и принятие решений на стадии предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 109—114.

го начал в уголовном процессе // Публичное и частное право. 2011. № 3 (11). С. 78—87.

4. Выдря М.М. Расследование уголовного дела — функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78—82.

5. Ганночка Ю.В. Процессуальные и организационные функции защитника обвиняемого на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 208 с.

6. Головко Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51—61.

7. Гуськова А.В. Функция переводчика в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 336 с.

8. Зайцева Е.А. Понятие принципа состязательности сторон и его соотношение с состязательными началами уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 3. С. 249—258.

9. Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство, составленное А. Квачевским. Ч. 1. СПб: Тип. Ф.С. Сущинского, 1866. 352 с.

10. Ларин А.М. Процессуальные гарантии и функция уголовного преследования // Советское государство и право. 1975. № 7. С. 95—103.

11. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986. 159 с.

12. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М.: Бек, 1997. 314 с.

13. Лисицына А.В. Возобновление производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 212 с.

14. Лубин А.Ф., Миловидова М.А., Гончан Ю.А. Функции доказывания и принятие решений на стадии предварительного расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 24. С. 109—114.

15. Попов Д.П. Реализация функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 298 с.

16. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Всесоюзный институт юридических наук. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.

17. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2: Н — Я. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 2015 с.

18. Сапов Е.Ю. Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 229 с.

19. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.

20. Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде // Публичное и частное право. 2011. № 2 (10). С. 7—43.

21. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 191 с.

22. Тугутов Б.А. Функции прокурора на судебных стадиях уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 186 с.

23. Туров С.Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2013. 214 с.

24. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / под ред. Э.Л. Радлова. СПб: Брокгауз-Ефрон, 1911. 284 с.

25. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Изд. 2-е, пересмотр. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. 594 с.

26. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Изд. 2-е, перераб. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 608 с.

27. Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 261 с.

28. Чабукиани О.А. Теория следственной деятельности: понятие, функции, пути совершенствования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2023. 553 с.

29. Шабунин В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 221 с.

30. Шимановский В.В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175—178.

31. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела су-

дом первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2003. 149 с.

References

1. Asanov, R.S. (2021) Obespechenie prav lichnosti kak funktsiya sledovatelya v ugolovnom protsesse [Ensuring the rights of the individual as a function of the investigator in the criminal process]. Ph. D. thesis. Ekaterinburg, 299 p. (In Russ.).

2. Baytin, M.I. (2005) Sushchnost' prava. (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov) [The essence of law. (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. Monograph. 2nd ed. Moscow, Pravo i gosudarstvo, 544 p. (In Russ.).

3. Belkin, A.R. (2011) Eshche raz ob ugolovnom presledovanii i o sootnoshenii publichnogo i chastnogo nachal v ugolovnom protsesse [Once again on the criminal prosecution and on the public and private commencement parity in the criminal procedure]. *Publichnoe i chastnoe pravo*, no. 3 (11), pp. 78–87. (In Russ.).

4. Vydrya, M.M. (1980) Rassledovanie ugolovnogo dela – funktsiya ugolovnogo protsessa [Investigation of a criminal case is a function of the criminal process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 9, pp. 78–82. (In Russ.).

5. Gannochka, Yu.V. (2012) Protsessual'nye i organizatsionnye funktsii zashchitnika obvinyaemogo na predvaritel'nom sledstvii [Procedural and organizational functions of the defender of the accused at the preliminary investigation]. Ph. D. thesis. Krasnodar, 208 p. (In Russ.).

6. Golovko, L.V. (2002) Novyy UPK Rossiyskoy Federatsii v kontekste sravnitel'nogo ugolovno-protsessual'nogo prava [The new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in the context of comparative criminal procedure law]. *State and Law*, no. 5, pp. 51–61. (In Russ.).

7. Guskova, A.V. (2018) Funktsiya perevodchika v ugolovnom protsesse [The function of an interpreter in criminal proceedings]. Ph. D. thesis. Nizhny Novgorod, 336 p. (In Russ.).

8. Zaytseva, E.A. (2005) Ponyatie printsipa sostyazatel'nosti storon i ego sootnoshenie s sostyazatel'nymi nachalami ugolovnogo sudoproizvodstva [The concept of the principle of adversarial parties and its relation to the adversarial principles of criminal proceedings]. *"Chernye dyry" v rossiyskom zakonodatel'stve*, no. 3, pp. 249–258. (In Russ.).

9. Kvachevsky, A.A. (1866) Ob ugolovnom presledovanii, doznanii i predvaritel'nom issledovanii prestupleniy po sudebnym ustavam 1864 goda. Teoreticheskoe i prakticheskoe rukovodstvo, sostavlennoe A. Kvachevskim [On the criminal prosecution, inquiry and preliminary investigation of crimes under judicial statutes of 1864. Theoretical and practical manual by A. Kvachevsky]. Vol. 1. Saint Petersburg, Printing house of F.S. Sushchinsky, 352 p. (In Russ.).

10. Larin, A.M. (1975) Protsessual'nye garantii i funktsiya ugolovnogo presledovaniya [Procedural guarantees and the function of criminal prosecution]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 7, pp. 95–103. (In Russ.).

11. Larin, A.M. (1986) Rassledovanie po ugolovnomu delu: protsessual'nye funktsii [Investigation of a criminal case: procedural functions]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 159 p. (In Russ.).

12. Larin, A.M., Melnikova, E.B. & Savitsky, V.M. (1997) Ugolovnyy protsess Rossii [The criminal process of Russia]. Lectures and essays. Moscow, Bek, 314 p. (In Russ.).

13. Lisitsyna, A.V. (2024) Vozobnovlenie proizvodstva po ugolovnomu delu na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Resumption of criminal proceedings at the stage of preliminary investigation]. Ph. D. thesis. Moscow, 212 p. (In Russ.).

14. Lubin, A.F., Milovidova, M.A. & Gonchan, Yu.A. (2013) Funktsii dokazyvaniya i prinyatie resheniy na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya [Evidence functions and decision-making at the stage of preliminary investigation]. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 24, pp. 109–114. (In Russ.).

15. Popov, D.P. (2024) Realizatsiya funktsii predvaritel'nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Implementation of the function of preliminary investigation in criminal proceedings]. Ph. D. thesis. Ulyanovsk, 298 p. (In Russ.).

16. Rakhunov, R.D. (1961) Uchastniki ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti po sovetskomu pravu [Participants in criminal procedural activities under Soviet law]. Moscow, Gosyurizdat, 277 p. (In Russ.).

17. Prokhorov, A.M. (ed.) (2000) Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Russian Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. Moscow, Great Russian Encyclopedia, 2015 p. (In Russ.).

18. Sapov, E.Yu. (2012) Advokat kak predstavitel' svidetelya v ugolovnom protsesse: funktsii i polnomochiya [Lawyer as a representative of a witness in criminal proceedings: functions and powers]. Ph. D. thesis. Samara, 229 p. (In Russ.).

19. Strogovich, M.S. (1968) Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa [The course of the Soviet criminal process]. Vol. 1. Moscow, Nauka, 470 p. (In Russ.).

20. Strogovich, M.S. (2011) Obvinenie i obvinyaemyy na predvaritel'nom sledstvii i na sude [Charge and an accused at a preliminary investigation and at a trial]. *Publichnoe i chastnoe pravo*, no. 2 (10), pp. 7–43. (In Russ.).

21. Strogovich, M.S. (1951) Ugolovnoe presledovanie v sovetskom ugolovnom protsesse [Criminal prosecution in the Soviet criminal process]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 191 p. (In Russ.).

22. Tugutov, B.A. (2014) Funktsii prokurora na sudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa [Functions of the prosecutor at the judicial stages of the criminal process]. Ph. D. thesis. Moscow, 186 p. (In Russ.).

23. Turov, S.Yu. (2013) Vozmeshchenie prichinennogo prestupleniem vreda kak ugolovno-protsessual'naya funktsiya: teoretiko-metodologicheskiy analiz [Compensation for damage caused by a crime as a criminal procedural function: theoretical and methodological analysis]. Ph. D. thesis. Izhevsk, 214 p. (In Russ.).

24. Radlov, E.L. (ed.) (1911) Filosofskiy slovar' logiki, psikhologii, etiki, estetiki i istorii filosofii [Philosophical dictionary of logic, psychology, ethics, aesthetics and history of philosophy]. Saint Petersburg, 284 p. (In Russ.).

25. Foynitsky, I.Ya. (1896) Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [Course of criminal justice]. 2nd ed. Vol. 1. Saint Petersburg, Printing house of M.M. Stasyulevich, 594 p. (In Russ.).

26. Foynitsky, I.Ya. (1899) Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [Course of criminal justice]. 2nd ed. Vol. 2. Saint Petersburg, Printing house of M.M. Stasyulevich, 608 p. (In Russ.).

27. Khaliulin, A.G. (1997) Ugolovnoe presledovanie kak funktsiya prokuratury Rossiyskoy Federatsii (problemy osushchestvleniya v usloviyakh pravovoy reformy) [Criminal prosecution as a function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (problems of implementation in the context of legal reform)]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 261 p. (In Russ.).

28. Chabukiani, O.A. (2023) Teoriya sledstvennoy deyatel'nosti: ponyatie, funktsii, puti sovershenstvovaniya [Theory of investigative activity: concept, functions, and ways of improvement]. Doctor's degree dissertation. Saint Petersburg, 553 p. (In Russ.).

29. Shabunin, V.A. (2013) Rukovoditel' sledstvennogo organa: normativnoe regulirovanie i praktika osushchestvleniya protsessual'nykh funktsiy i polnomochiy [Head of the investigative body: regulation and practice of exercising procedural functions and powers]. Ph. D. thesis. Saratov, 221 p. (In Russ.).

30. Shimanovsky, V.V. (1965) K voprosu o protsessual'noy funktsii sledovatelya v sovetskom ugolovnom protsesse [On the procedural function of the investigator in the Soviet criminal process]. *Pravovedenie*, no. 2, pp. 175–178. (In Russ.).

31. Yagofarov, F.M. (2003) Mekhanizm realizatsii funktsii obvineniya pri rassmotrenii dela sudom pervoy instantsii [The mechanism for implementing the function of the prosecution when considering a case by the court of first instance]. Ph. D. thesis. Orenburg, 149 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Османова — декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N.V. Osmanova – Dean of the Faculty of training of scientific and pedagogical personnel and organization of research work of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 101—106.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 101–106.

УДК 343.132
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.011

NIION: 2015-0064-04/24-257
MOSURED: 77/27-009-2024-04-456

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Процессуальные вопросы возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям

Татьяна Юрьевна Сабельфельд
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
kassatka@bk.ru

Аннотация. В статье анализируется установленный в настоящее время процессуальный порядок возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям, акцентируется внимание на новеллах уголовно-процессуального законодательства по данной категории преступлений, рассматривается эффективность и проблемные вопросы при рассмотрении таких материалов.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, налоговые преступления, поводы и основание для возбуждения уголовного дела, органы дознания, налоговые органы, доследственная проверка, возмещение ущерба.

Для цитирования: Сабельфельд Т.Ю. Процессуальные вопросы возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 101—106. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.011.

Procedural issues in initiation of criminal case for tax crimes

Tatiana Yu. Sabelfeld
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, kassatka@bk.ru

Abstract. The article analyzes the currently established procedural order for initiating criminal cases for tax crimes, focuses on innovations in criminal procedural legislation for this category of crimes, and examines the effectiveness and problematic issues when considering such materials.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, tax crimes, reasons and grounds for initiating a criminal case, bodies of inquiry, tax authorities, pre-investigation audit, compensation for damage.

For citation: Sabelfeld, T.Yu. (2024) Procedural issues in initiation of criminal case for tax crimes. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 101—106. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.011.

В современных условиях действенный контроль за соблюдением налогового законодательства, наполняемостью бюджета, эффективное налоговое администрирование, а также надежная уголовно-правовая охрана налоговой сферы приобретают особую актуальность[1].

Экономические преступления, среди которых существенную роль играют налоговые[2], занимают одно из лидирующих мест среди различных категорий преступлений. Последние годы статистика по экономическим преступлениям показывает их рост как по количеству преступлений (в 2023 году в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации поступило 59 791 сообщение об экономических преступлениях, что на 6,5 % больше, чем в 2022 году, по итогам рассмотрения которых в 2023 году возбуждено 40 551 уголовное дело, и это на 13,9 % больше, чем в 2022 году), так и по размеру ущерба, который установлен следователями Следственного комитета Российской Федерации в 2023 году по уголовным делам об экономических преступлениях, направленным в суд и прекращенным по нереабилитирую-

[1] Соловьев И.Н. Налоговые преступления. Специфика выявления и расследования. М., 2013. С. 153.
[2] См.: Налоговое право России: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. М., 2014. С. 533.

© Сабельфельд Т.Ю., 2024

щим основаниям, а также материалам с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в размере 214 млрд 263 млн 657 тыс. рублей (в 2022 г. — 197 322 767 тыс. руб.), в том числе по делам о налоговых преступлениях причинен ущерб в размере 98 092 328 тыс. руб.

Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин отмечает: «...при расследовании уголовных дел мы нередко выявляем новые виды мошенничества, теневые схемы по обналичиванию средств и уклонению от уплаты налогов. Среди фигурантов уголовных дел немало тех, кто не только умело пользуется новейшими достижениями науки и техники, но и знает пробелы в законодательном регулировании»[3].

Говоря о результативности противодействия налоговым преступлениям с практической точки зрения, необходимо четко понимать, что оно должно начинаться задолго до возбуждения уголовного дела и иметь своей основной целью возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации[4].

Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин обращает внимание на стабильный рост показателей удельного веса возмещенного ущерба по налоговым преступлениям: в 2019 г. он составил 45 % от суммы причиненного ущерба по налоговым преступлениям, в 2020 г. — 52 %, в 2021 г. — 61 %, в 2022 г. — 62 %[5].

Как верно указывают ученые, рост налоговых преступлений не обусловлен увеличением налоговой и административной нагрузки, а стал результатом перестройки налоговой системы[6].

В условиях сложившейся экономической ситуации в стране преступления в сфере налогообложения представляют повышенную опасность для общества и государства. До 2022 года эксперты отмечали как количественный (в 2019 г. — 4503 налоговых преступления, в 2020 г. — 4872, в 2021 г. — 5543 уголовных дела, то есть на 13,8 % выше, чем в прошлый аналогичный период), так и качественный рост преступлений в сфере налогообложения: общий ущерб в 2021 году составил почти 85 млрд рублей[7].

В 2023 году сократилось на 5,5 % число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами (с 111 429 до 105 257), в том числе на 6,3 % — налоговых преступлений (с 5264 до 4935). На общее снижение указанных показателей во многом повлияла политика гуманизации уголовного законодательства по отношению к субъектам предпринимательской деятельности[8]. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что эффективное выявление и расследование таких преступлений представляет актуальную задачу для правоохранительных органов. В этой связи оперативное решение вопроса о возбуждении уголовного дела и закрепление следов преступления имеют существенное значение для качественного расследования уголовных дел в сфере налоговых правонарушений и привлечения виновных к уголовной ответственности за их совершение.

Организация успешного расследования преступления должна начинаться с самого начала уголовного процесса[9]. Вопросы возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям представляют правовую и фактическую сложность. Это связано с нестабильностью законодательства в этой сфере, а также объемной и сложной правовой базой, которую необходимо оперативно оценить при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и квалификации действий виновного лица. При этом на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела необходимо учитывать, что данная категория преступлений совершается только с прямым умыслом, наличие которого достаточно сложно доказывать на стадии предварительного следствия. Косвенного умысла быть не может. Так, установление виновности, прямого умысла совершения налоговых преступлений — одна из проблем как в теории, так и в практике расследования уголовных дел данной категории. Доказанность совершения

---

[3] Интервью Председателя СК России информационному агентству «РИА Новости». 25 июля 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1811543 (дата обращения: 29.05.2024).

[4] Бурынин С.С. Организационное обеспечение расследования налоговых преступлений: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М., 2020. С. 41.

[5] Интервью Председателя Следственного комитета России информационному агентству ТАСС. 15 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1792125 (дата обращения: 29.05.2024).

[6] Кондраткова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации налоговых преступлений: учебное пособие. Новосибирск, 2019. С. 7.

[7] Петров И. Сорвали куш: дороже других стране обошлись экономические преступления // Известия: [сайт]. 2022. URL: https://iz.ru/1280597/ivan-petrov/sorvali-kush-dorozhe-drugikh-strane-oboshlis-ekonomicheskie-prestupleniia (дата обращения: 22.08.2024).

[8] Бурынин С.С. Указ. соч. С. 6.

[9] Александров И.В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров. М., 2014. С. 234.

преступного деяния по неуплате налогов видится в установлении «заведомости», что на практике доказать почти невозможно[10].

В этой связи возникает вопрос о качественном выявлении и закреплении доказательств, подтверждающих его наличие, что возможно только путем проведения значительных оперативно-разыскных мероприятий, выявления и надлежащего закрепления доказательств уже на стадии доследственной проверки. Поэтому существенное значение имеет быстрота и неожиданность для виновных лиц проведения следственных и оперативно-разыскных мероприятий, что возможно только в рамках доследственной проверки и начального этапа предварительного следствия. Однако дополнительное давление на бизнес в настоящее время, по мнению законодателя, нецелесообразно, в связи с чем последний пытается найти баланс между интересами бизнеса и государства в сфере налогообложения, что подтверждается новыми законодательными новеллами, вступившими в силу в 2022 году, касающимися порядка возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям.

Так, в старых редакциях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в периоды до 2011 года, а также с 2014 по 2022 годы поводом[11] к возбуждению уголовного дела по налоговым правонарушениям являлось сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное не только из налоговых, но и из иных источников. В связи с чем следственные органы имели возможность оперативно возбуждать дела о налоговых преступлениях по своей инициативе, в рамках предоставленной им уголовно-процессуальным законом компетенции. Однако Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ статья 140 УПК РФ дополнена частью 1.3, согласно которой поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199.2 УК РФ, в настоящее время служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела[12], в связи с чем иные источники получения такой информации не могут являться законным поводом для возбуждения уголовных дел данной категории. Ранее данный повод рассматривался наряду с иными поводами для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях[13].

В этой связи сотрудникам правоохранительных органов и научному сообществу предстоит оценить эффективность данной нормы и ее влияние на качественное и оперативное выявление и пресечение преступлений в сфере налогов и сборов.

При этом необходимо отметить, что принятие данной нормы фактически исключает из числа легитимных участников выявления налоговых преступлений оперативные службы правоохранительных органов, передавая их функции на стадии доследственной проверки и решения вопроса о возбуждении налоговых преступлений сотрудникам налоговых инспекций. Представляется, что это не совсем обоснованно, так как именно на стадии доследственной проверки имеет существенное значение качественное и быстрое закрепление следов преступления, что фактически исключается в деятельности сотрудников налоговых инспекций, у которых совершенно иная процессуальная задача и иные средства доказывания. Доводы части правоведов о том, что решение вопроса о налоговых преступлениях возможно только по результатам налоговой проверки, исчисления недоимки и подтверждения законности ее начисления в судебном порядке[14], а также их утверждение, что именно благодаря та-

[10] Дулова Т.П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 марта 2024 года). М., 2024. С. 30.

[11] Система поводов начала формироваться ещё в середине XIX века и изначально нашла своё отражение в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, а в последующем усовершенствовалась; законодатель в настоящее время так и не ввёл определение «повода к возбуждению уголовного дела», хотя закрепил перечень его видов.

[12] Порядок направления таких материалов регламентируется п. 3 ст. 32 Налогового кодекса — не ранее чем через 75 дней со дня вступления в силу решения налогового органа о привлечении налогоплательщика к ответственности. В свою очередь, ст. 101 НК РФ описывает порядок вступления в силу решения о привлечении к ответственности — «по истечении одного месяца со дня вручения». А ст. 101.2 НК РФ уточняет, что при его обжаловании в апелляционном порядке (в вышестоящем налоговом органе) срок вступления решения в силу переносится на момент, когда свою позицию по нему выскажет вышестоящий орган.

[13] Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений / [Б.Я. Гаврилов и др.]; Академия Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 6.

[14] Инспектор опередит следователя / Е. Крючкова, В. Вислогузов, Д. Галиева, Д. Бутрин // Коммерсантъ: [сайт]. 2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5239776 (дата обращения: 02.08.2024).

кому порядку предупреждаются ошибки, которые нередко допускают следователи, и предотвращается необоснованное вовлечение лиц в уголовное судопроизводство[15], являются не совсем обоснованными, поскольку мы рассматриваем вопрос о наличии или отсутствии в действиях виновного лица признаков налогового преступления, наличие которого доказывается в рамках не арбитражного, а уголовно-процессуального законодательства. При этом существенное значение имеет вопрос о доказывании прямого умысла виновных лиц на уклонение от уплаты установленных законом налогов и сборов, который, как правило, устанавливается специфическими средствами доказывания, предусмотренными уголовно-процессуальным законом, в том числе путем допросов, обысков, прослушиванием телефонных переговоров, проведением очных ставок, экспертиз. В этой связи, безусловно, актуальным является вопрос о допустимости доказательств, которые необходимо оперативно выявить и закрепить на стадии доследственной проверки, что возможно только путем использования следственных и оперативно-разыскных мероприятий. Поэтому деятельности одних налоговых органов в этой части явно недостаточно для полноценного выявления фактов совершения налоговых преступлений и инициации вопроса о возбуждении уголовных дел данной категории.

Вместе с тем, как уже было сказано выше, функции и компетенция оперативных и следственных органов до момента передачи следствию налоговыми органами материалов для возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальным законом никак не регламентированы. Что, безусловно, является существенным пробелом в законе, так как выводит деятельность указанных правоохранительных органов из правового поля и приводит к уменьшению возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям[16].

Также необходимо отметить, что части 1—3 статьи 140 УПК РФ фактически исключают из сферы уголовного процесса порядок сбора материала, который налоговые органы считают необходимым направить для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. По сути, они переносятся из плоскости уголовно-процессуальной в налоговую. Возникает вопрос о процессуальной допустимости этих материалов в качестве полноценных доказательств по уголовному делу, поскольку они собраны за рамками уголовно-процессуального порядка их получения и органом, который не наделен полномочиями и функциями дознания. В этой связи возникает вопрос защиты лиц и организаций от возможного необоснованного преследования по налоговым правонарушениям на данной стадии, поскольку уголовно-процессуальный закон никак не регулирует порядок направления таких материалов в правоохранительные органы, который теоретически может быть заинтересованным лицом обжалован в судебном порядке. Более того, заинтересованные лица и организации на данной стадии лишены возможности полноценно защищаться в случае необоснованного привлечения их к ответственности, в том числе знакомиться с этими материалами и возражать против их направления в следственные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако законом обжалование передачи таких материалов в следственные органы для возбуждения уголовного дела процессуально никак не урегулировано. И очевидно, что они не могут быть предметом рассмотрения жалоб, который регламентирован ст. 125 УПК РФ.

Поэтому видится, что данная норма является не совсем корректной и многие процессуальные вопросы, которые возникают на стадии возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям и сбора доказательств, остаются за рамками уголовно-процессуального регулирования, что отрицательно влияет как на деятельность правоохранительных органов, которые в этой связи ограничены в оперативном проведении доследственной проверки и сборе полноценных доказательств, так и заинтересованных лиц по защите своих процессуальных прав и интересов от необоснованного обвинения в совершении налоговых преступлений.

В этой связи представляется, что целесообразно исключить из ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ предложение о том, что поводом для возбуждения уголовного дела по налоговым преступлениям служат только материалы, поступившие из налоговых органов, указав, что такие материалы являются одним из поводов, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, наряду с материалами, представленными органом дознания.

Также полагаем, что целесообразно распространить указанный в ч. 7—9 ст. 144 УПК РФ порядок решения вопроса о возбуждении уголов-

[15] Бурцев А.В. Применение специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела // Бизнес в законе. 2015. № 1. С. 57.

[16] Вислогузов В., Крючкова Е. Либеральная норма возвращается в УПК // Коммерсантъ. 2022. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5239927 (дата обращения: 02.08.2024).

ного дела на налоговые преступления, поскольку он достаточно эффективно регулирует процессуальные вопросы на стадии доследственной проверки и возбуждения уголовного дела.

Указанный порядок позволит органу дознания в полной мере использовать весь предусмотренный законом арсенал средств на стадии доследственной проверки по сбору материалов по налоговым преступлениям, а также их процессуального закрепления и закрепления полученных в ходе ее проведения результатов в качестве допустимых доказательств. Обеспечит процессуальные гарантии для лиц, в отношении которых такие проверки проводятся, и даст возможность на стадии доследственной проверки обжаловать действия должностных лиц при их проведении, а также при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по налоговым преступлениям. Кроме того, это позволит участникам стадии возбуждения уголовного дела возмещать процессуальные издержки, которые связаны с уголовным судопроизводством, в том числе до возбуждения уголовного дела, что допустимо в силу изменений законодателя, внесенных в ст. 131 и 132 УПК РФ[17].

Таким образом, можно сделать вывод, что статья 140 УПК РФ, содержащая на данный момент единственный повод для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, является своеобразным инструментом временной экономической поддержки бизнеса и изменяется в зависимости от текущей экономической и политической ситуации. В связи с последними событиями (санкции против Российской Федерации и другое) снижение налогового давления на налогоплательщиков в совокупности с остальными мерами является для законодателя своеобразной мерой поддержки на краткосрочный период. Тем не менее в дальнейшем данную меру представляется необходимым пересмотреть, поскольку выявлением и раскрытием уголовных преступлений не могут заниматься исключительно налоговые органы, так как наиболее подготовленными и квалифицированными в этой части являются следственные и оперативные службы правоохранительных органов.

Необходимо также отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении является наличие достаточных данных, указывающих на признаки такого преступления. То есть основанием является документация, предоставленная в том числе налоговыми органами, поскольку преимущественно именно в ней содержатся данные, указывающие на признаки преступления. Однако субъективная сторона указанных преступлений, а именно наличие прямого умысла в действиях виновного лица, доказывается, как правило, на основании тех доказательств, которые собраны и закреплены правоохранительными органами. Поэтому без их непосредственного и активного участия раскрыть налоговое преступление и доказать виновность фактически не представляется возможным. Не зря В.М. Шинкарук в своей работе отмечает, что в рассматриваемой статье УПК РФ под основаниями понимаются «имеющиеся в распоряжении компетентного органа достаточные данные, указывающие на процессуально значимые признаки, относящиеся к объективной стороне состава преступления»[18]. Критерий «достаточности» данных определяется индивидуально для каждого преступления, но они касаются существенных уголовно-процессуальных признаков[19].

Учитывая вышеизложенное, на данный момент единственным поводом для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении являются материалы, направленные налоговыми органами, а основанием — наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Норма, содержащаяся в ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, в краткосрочной перспективе является своеобразным инструментом временной экономической поддержки налогоплательщиков. Тем не менее в долгосрочной перспективе предлагается данное нововведение исключить, поскольку раскрытием уголовных преступлений не могут заниматься исключительно налоговые органы; выключение оперативных подразделений управлений экономической безопасности и противодействия коррупции из выполнения ими своих прямых обязанностей — выявлять и пресекать налоговые преступления — приведет к снижению качества работы указанных органов.

Список литературы

1. Александров И.В. Расследование налоговых преступлений: учебное пособие для магистров. М.: Юрайт, 2014. 405 с.

[17] Федеральный закон от 14.02.2024 № 9-ФЗ «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2024. 14 февраля.

[18] Шинкарук В.М. Основание возбуждения уголовного дела: терминологические проблемы межотраслевого характера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 163.

[19] Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. М., 2012. С. 286.

2. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. М.: Проспект, 2012. 752 с.

3. Бурцев А.В. Применение специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела // Бизнес в законе. 2015. № 1. С. 57—60.

4. Бурынин С.С. Организационное обеспечение расследования налоговых преступлений: учебно-методическое пособие / под ред. Ю.А. Цветкова. М.: Московская академия СК России, 2020. 78 с.

5. Досудебное производство в уголовном процессе: научно-практическое пособие для студентов высших учебных заведений / [Б.Я. Гаврилов и др.]; Академия Следственного комитета Российской Федерации. М.: ЮНИТИ, 2015. 224 с.

6. Дулова Т.П. Актуальные вопросы возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 марта 2024 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 30—33.

7. Кондраткова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации налоговых преступлений: учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления, 2019. 148 с.

8. Налоговое право России: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 720 с.

9. Соловьев И.Н. Налоговые преступления. Специфика выявления и расследования. М.: Проспект, 2013. 216 с.

10. Шинкарук В.М. Основание возбуждения уголовного дела: терминологические проблемы межотраслевого характера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2016. № 2 (31). С. 162—166.

References

1. Aleksandrov, I.V. (2014) Rassledovanie nalogovykh prestupleniy [Investigation of tax crimes]. Textbook. Moscow, Urait, 405 p. (In Russ.).

2. Bezlepkin, B.T. (2012) Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. 11th ed. Moscow, Prospekt, 752 p. (In Russ.).

3. Burtsev, A.V. (2015) Primenenie spetsial'nykh znaniy na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela [Use of special knowledge at the stage of initiation of criminal proceedings]. *Biznes v zakone*, no. 1, pp. 57—60. (In Russ.).

4. Burynin, S.S. (2020) Organizatsionnoe obespechenie rassledovaniya nalogovykh prestupleniy [Organizational support for the investigation of tax crimes]. Educational and methodical manual. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 78 p. (In Russ.).

5. Dosudebnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse [Pre-trial proceedings in criminal procedure]. Scientific and practical manual for university students. Moscow, UNITY, 2015, 224 p. (In Russ.).

6. Dulova, T.P. (2024) Aktual'nye voprosy vozbuzhdeniya ugolovnykh del o nalogovykh prestupleniyakh [Topical issues of initiation of criminal cases on tax crimes]. In: *Protivodeystvie prestupleniyam v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, March 20, 2024*. Moscow, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, pp. 30—33. (In Russ.).

7. Kondratkova, N.V. (2019) Ugolovno-pravovaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii nalogovykh prestupleniy [Criminal legal characteristics and problems of qualification of tax crimes]. Textbook. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, 148 p. (In Russ.).

8. Krokhina, Yu.A. (ed.) (2014) Nalogovoe pravo Rossii [Tax law of Russia]. Textbook. Moscow, Norma, INFRA-M, 720 p. (In Russ.).

9. Solov'ev, I.N. (2013) Nalogovye prestupleniya. Spetsifika vyyavleniya i rassledovaniya [Tax crimes. The specifics of detection and investigation]. Moscow, Prospekt, 216 p. (In Russ.).

10. Shinkaruk, V.M. (2016) Osnovanie vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: terminologicheskie problemy mezhotraslevogo kharaktera [Basis of initiation of legal proceedings: terminological problems of interindustry character]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Yurisprudentsiya*, no. 2 (31), pp. 162—166. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.Ю. Сабельфельд — заведующая кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

T.Yu. Sabelfeld – Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Novosibirsk Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 107—114.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 107–114.

УДК 343.13
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.012

NIION: 2015-0064-04/24-258
MOSURED: 77/27-009-2024-04-457

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Роль процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве как показатель уровня политического развития государства

Игорь Борисович Тутынин
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева,
Москва, Россия, tutig@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и предназначение процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве. Через обращение к высказываниям отечественных авторов предложены характерные свойства (качества) рассматриваемого правового феномена, предложена перспектива его развития.

Ключевые слова: процессуальное принуждение, имущественный характер, уголовное судопроизводство.
Для цитирования: Тутынин И.Б. Роль процессуального принуждения имущественного характера в уголовном судопроизводстве как показатель уровня политического развития государства // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 107—114. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.012.

The role of procedural coercion of a property nature in criminal proceedings as an indicator of the level of political development of the state

Igor B. Tutynin
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee,
Moscow, Russia, tutig@rambler.ru

Abstract. The article examines the essence and purpose of procedural coercion of a proprietary nature in criminal proceedings. By referring to the statements of domestic authors, the article suggests the characteristic properties (qualities) of the legal phenomenon under consideration and the prospect of its development.

Keywords: procedural coercion, property character, criminal proceedings.
For citation: Tutynin, I.B. (2024) The role of procedural coercion of a property nature in criminal proceedings as an indicator of the level of political development of the state. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 107—114. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.012.

Введение. Без применения государственного принуждения в публичных отраслях права обойтись маловероятно. Поэтому приходится постоянно находить надлежащие правовые средства, соответствующие развитию общественных отношений. Поиск количественных и качественных характеристик возможного правового воздействия в уголовном судопроизводстве, которые бы адекватно соответствовали потребностям личности, общества и государства, — извечная проблема для теории и практики.

Именно данные поисковые действия с применением общенаучных и специальных методов позволяют предположить и обосновать идею об особом месте процессуального принуждения имущественного характера среди иных разновидностей уголовно-процессуального принуждения. При этом становится очевидным то, что уровень развития и отношение законодателя, теоретиков и правоприменителей к рассматриваемому фено-

© Тутынин И.Б., 2024

мену могут свидетельствовать о политико-государственных изменениях.

Основная часть. Государственная власть возникает в ответ на насущную необходимость в организации и контроле над общественными отношениями, а также в справедливом разрешении правовых конфликтов. Она должна выявлять тенденции развития социальной системы, прогнозировать и моделировать возможные изменения в урегулировании социальных противоречий. Однако её первоочередной задачей является оперативное вмешательство в социальные процессы в режиме реального времени. Для этого используются различные методы и средства, в том числе принудительные, что позволяет поддерживать общественный порядок и предотвращать дезорганизацию и саморазрушение социальной системы.

Государственное принуждение всегда было неотъемлемой частью социального принуждения. Оно появилось лишь с возникновением государства, с появлением институтов, которые реализуют публичную власть.

Принуждение — неотъемлемый элемент государства и права, который в той или иной степени определяет все их признаки, выступает в качестве основного свойства государства и права, что подтверждается правилом: «Без принуждения не может быть ни государства, ни права»[1].

Государственное принуждение представляет собой уникальное явление, позволяющее чётко разделить право и обязанность, определяет рамки свободы воли субъекта и указывает направление его действий.

Чрезмерное наделение государства и судопроизводства свойствами принуждения — признак произвола тоталитарного или авторитарного государства, в котором возможность применения воздействия определяется исключительно волей субъектов, которые не должны использовать право как орудие для бесправия. Поэтому необходимы границы (стандарты), пересечение которых сигнализирует о состоявшемся превышении ограничений субъективных прав и интересов участников правоотношений.

Сущность государства не сводится лишь к отношениям господства и подчинения. Принуждение — не единственное средство, с помощью которого государство осуществляет свою функцию управления обществом[2]. Как в едином организме, в обществе должно сочетаться множество разнообразных конфликтующих интересов, причём с применением разнородных и многовариантных согласовательных процедур.

Принуждение в уголовном процессе охватывает все виды воздействия на субъекты процесса, в том числе не только процессуального, так как в сфере уголовного судопроизводства могут применяться правоограничения, имеющие под собой различную, в том числе материальную, природу.

Уголовно-процессуальное принуждение включает в себя только такое воздействие на участников правоотношений, которое предоставляется исключительно уголовно-процессуальным правом правоприменительным органам и должностным лицам государства.

Используемое нами понятие «процессуальное принуждение» подчёркивает его вспомогательную функцию. Это принуждение служит созданию условий для последующего этапа воздействия на правовые отношения, который осуществляется с помощью институтов из других отраслей права.

Реализация норм материального права может быть осложнена уклонением, противодействием и другими неправомерными действиями участников правоотношений. Для предотвращения, пресечения этого и обеспечения соблюдения норм предусмотрены меры, непосредственно связанные с производством по уголовному делу. Эти меры применяются для корректировки поведения широкого круга лиц и имеют разнообразные цели, правовые основания, способы регулирования и гарантии.

Следовательно, перечень мер принуждения имущественного характера в рамках уголовного судопроизводства будет отличаться от мер уголовно-процессуального принуждения, закреплённых в разделе IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Меры процессуального принуждения».

В сфере уголовного судопроизводства существуют нормы, содержащие принудительные черты и призванные обеспечивать соблюдение имущественных прав и интересов в уголовном процессе, которые выходят за рамки традиционного

[1] Овсепян Ж.И. Государственное принуждение как правовая категория // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 19.

[2] Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 17.

представления о перечне мер уголовно-процессуального принуждения.

В качестве примера мер процессуального принуждения имущественного характера (далее по тексту — ППИХ), не ограничивающихся исключительно теми, что прямо предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом (далее по тексту — УПК РФ), можно привести принудительные действия следователя или дознавателя, направленные на установление характера и размера причинённого вреда, а также действия, способствующие тому, чтобы в будущем обеспечить возмещение этого вреда.

Если понимать меры обеспечения возмещения вреда в широком смысле как меры государственного принуждения, применяемые в рамках уголовного дела для защиты имущественных и неимущественных прав пострадавшей стороны, то помимо непосредственно наложения ареста на имущество в этот перечень входят и другие правоограничительные действия: изъятие и обеспечение сохранности вещественных доказательств, предусмотренные ст. 81—82, гл. 24—27 УПК РФ и другими нормативными актами; требования, поручения и запросы прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя, закреплённые в ч. 4 ст. 20 УПК РФ.

Расширительный подход в понимании уголовно-процессуального принуждения в определённой степени говорит о его присутствии на стадии возбуждения уголовного дела. Например, в случаях, не терпящих отлагательств, в соответствии с ч. 2 ст. 176 УПК РФ, при отсутствии согласия проживающих в жилище лиц может проводиться осмотр жилища как места происшествия. Также могут быть получены образцы для сравнительного исследования, истребованы и изъяты документы и предметы, проведены документальные проверки, ревизии и исследования с привлечением специалистов. Всё перечисленное при определённых обстоятельствах может содержать элементы принудительности.

На досудебных и судебных стадиях уголовного процесса применяются нормы, прописанные в других отраслях права: оперативно-разыскном, административном, гражданском и др.

В теории существует подход, согласно которому в реальности не существует исключительно гражданских, административных, уголовных или процессуальных правоотношений. В каждой ситуации мы имеем дело со смешанными правоотношениями, такими как частно-публичные, административно-гражданские или гражданско-уголовные, поскольку в рамках одной и той же жизненной ситуации одновременно применяются нормы различных отраслей права[3]. Такое представление имеет право на существование. В то же время исторически сложившееся положение о дифференциации принципов правового регулирования и применения, с размежеванием категорий «процессуальное» и «непроцессуальное», позволяло достигать успехов в обеспечении законности при выполнении правовых действий и принятии решений, соблюдении прав и интересов.

Важно, что применяемые меры гражданско-правового, административного, дисциплинарного воздействия в сфере уголовного судопроизводства должны играть вспомогательную роль, дополняя меры процессуального воздействия, предусматриваемые нормами уголовно-процессуального права.

Принуждение всегда подразумевает воздействие на волю человека[4], подавление его свободы и ограничение прав и интересов участников правовых отношений. Поэтому неудивительно, что одной из ключевых характеристик развития права в целом и уголовно-процессуального законодательства в частности является соотношение интересов личности и государства, включая имущественные.

Стремительное развитие общественных отношений, основанных на материальной (имущественной) составляющей, не может не сказаться на интенсивности реализации имущественных прав и интересов. Темпы развития прав и интересов опережают правовую регламентацию содержания конкретных правоотношений. В результате в системе мер государственного принуждения не определено место ППИХ в уголовном судопроизводстве. Либо это место определено на основе устаревших ценностей советского периода.

Важно отметить, что неправильное понимание роли ППИХ неизбежно приводит к нарушению системного восприятия правовой реальности, а это, в свою очередь, может повлечь за собой неэффективность применения права и его отдельных институтов.

В.Ю. Петрикин считает, что имущественное принуждение — это целенаправленное воздействие на имущественные права участников уго-

[3] Белов В.А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 1. С. 273.

[4] Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 369.

ловного судопроизводства и других лиц[5]. Однако мы полагаем, что не всегда происходит именно такое адресное воздействие при применении этого феномена. Если бы это было так, то всегда можно было бы достичь желаемого результата, что, к сожалению, не соответствует действительности.

Если правоприменитель будет руководствоваться исключительно имущественными интересами участников уголовного процесса, это неизбежно приведёт к негативным последствиям. Применение мер, которые мы относим к мерам ППИХ, связано с ограничением не только имущественных прав и интересов, но и с другими. Определение одного приоритетного права или интереса является искусственным процессом, который может привести к ошибкам.

Например, неправильное представление о месте имущественной составляющей в мере пресечения в виде личного поручительства (ст. 103 УПК РФ) сопряжено со злоупотреблениями, когда происходит игнорирование её применения либо она применяется для имущественного наказания неугодных лиц.

Как утверждает Э.К. Кутуев, уголовно-процессуальное принуждение всегда связано с ограничением прав и свобод человека и гражданина. Наиболее подходящим критерием для разделения его на отдельные виды является характер такого ограничения, включая имущественный аспект[6]. Мы не возражаем против этого, но хотели бы добавить следующее.

Интерес — это движущая сила, которая является результатом осознанной деятельности людей. В процессе этой деятельности люди выясняют свои потребности, сопоставляют ценности и налаживают взаимоотношения. Однако, чтобы понять, почему интерес так важен, нужно обратить внимание на то, что его возникновение и развитие во многом зависят от объективных условий. В случае имущественного интереса такими условиями являются: виды собственности, особенности распределения, природа и устройство власти, тип культуры, уклад жизни и многие другие факторы.

Экономический базис общественных отношений существенным образом влияет на развитие социальных институтов, сопряжённых с возможностью насильственных (принудительных) действий.

Правовой опыт России и других стран показывает, что не всегда существует прямая зависимость между правопорядком и формами собственности, а также типом и моделью экономики.

Необходимость человека обладать имуществом приводит к осознанному желанию защитить его от посягательств со стороны окружающих. В таких случаях люди могут действовать самостоятельно или обращаться за защитой своих прав к государству.

Государству требуется отлаженный механизм получения средств к существованию, поддержанию правопорядка, удержанию власти (административно-управленческая, финансово-налоговая и иные системы), который характеризуется потребностью в определенном социальном ресурсе, денежных затратах и урегулировании возникающих правоотношений.

В отечественной теории нет существенных разногласий относительно признаков государственного принуждения в сфере уголовного судопроизводства. Различные авторы, перечисляя признаки принуждения в уголовном процессе, выделяют как общие черты, характерные для других отраслей права, таких как административное и гражданское процессуальное, например, императивность, способ реализации правовых норм, идентичность ограничиваемых прав и так далее, так и специфические особенности, такие как способ правового обеспечения, основания, цели, интенсивность, субъекты применения и другие[7].

Исследование основных черт государственного принуждения привело к развёрнутому перечню таковых. Многие авторы дополняли друг друга, приводя всё новые признаки и свойства. Как правило, авторы едины во мнении о государственном принуждении как о специфической форме правоприменительной деятельности, осуществляемой компетентными государственными органами; внешнем воздействии на сознание и поведение субъектов; причинении правоограничений; лишении права, возложении дополнительной обязанности; воспрепятствовании в реализации права; результате реализации мер с фактическими и юридическими основаниями, применяемых в предусмотренной законом про-

[5] Петрикин В.Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 6.

[6] Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики: монография. СПб, 2004. С. 35—36, 78—81.

[7] Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976. С. 87—88.

цессуальной форме, в целях защиты прав и законных интересов личности, общества и государства, в рамках охранительных правоотношений[8]; совокупности норм, предусматривающих условия, формы, пределы, порядок его применения и систему процессуальных гарантий личности, судебного и прокурорского надзора за законностью и обоснованностью применения воздействия[9].

Полагаем, что данные утверждения являются верными и их можно использовать при выяснении признаков ППИХ в уголовном судопроизводстве.

Среди характеристик ППИХ в уголовном процессе можно выделить формально-логическое свойство, которое проявляется в существовании специальных понятий, определений и правил, обязательных для правоприменительной практики. Например, такие категории, как процессуальное принуждение, меры и институты, составляющие уголовно-процессуальное принуждение, определяются на основе нормативных актов.

Мы предлагаем использовать ППИХ и составляющие его меры в качестве правовых категорий, которые помогут правоприменителю понять, как правильно действовать, какие последствия могут возникнуть в случае нарушения установленных законом процедур, а также какие гарантии обеспечивают законность и обоснованность применения рассматриваемых мер.

Имущественная составляющая является важной частью системы процессуального принуждения, однако её формальное отсутствие в нормативных актах и различия в понимании её значения правоприменителями создают некоторые проблемы.

Практические работники по-разному оценивают роль имущественного принуждения в уголовном судопроизводстве. По мнению правоприменителей, меры физического воздействия применяются реже всего (58 % опрошенных следователей, дознавателей и 30 % судей). О ненадлежащем применении имущественного принуждения сообщили 20 % следователей, дознавателей и 30 % судей. Однако 40 % следователей, дознавателей и 50 % судей отметили наибольшую эффективность ППИХ в уголовном процессе[10].

Качественные характеристики имущественного принуждения тесно связаны с его количественными показателями и важностью для достижения поставленной цели. Принуждение эффективно, если его воздействие непреодолимо для объекта, например, если его размер в денежном выражении огромен. Это способность субъекта подчинять своей воле, где ценностные ориентиры (ценностный признак) выходят на первый план.

В обществе и в сознании каждого человека ценности выстроены в определённую иерархию. Они служат ориентирами как в процессе оценки различных вещей, так и в практической деятельности, помогая расставить всё по своим местам. Одни ценности имеют более низкий статус по сравнению с другими, и иногда ими можно, а порой даже необходимо, поступиться ради более важных целей. Однако есть ценности, которыми нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах, ни полностью, ни частично, даже если это необходимо для общего блага[11], включая противодействие преступности.

Имущественные интересы в уголовном процессе не являются неприкосновенными и могут быть ограничены с учетом нескольких факторов: степени общественной опасности деяния, процессуального положения лица, отношения этого лица к принуждению и его возможных действий, социально-экономических условий в обществе и конкретной ситуации в каждом правоприменительном случае.

Система ценностей с развитием общества может изменяться под влиянием стратификационных и социальных факторов. Невозможно принудительно определить место каждой общесоциальной или конституционной ценности в общей иерархии ценностей личности, общества и государства. Для этого не требуется законодательная фиксация или официальное (доктринальное) толкование.

Поэтому при определении роли и места ППИХ в системе уголовного судопроизводства и создании её внутренней структуры необходимо учитывать преимущества и недостатки имущественных ценностей, важные для общества и

[8] Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск, 2003. С. 12.

[9] Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С. 34; Кудин Ф.М. Избранные труды. Волгоград, 2010. С. 52; Элькинд П.С. Указ. соч. С. 87—88.

[10] Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: монография. 2-е изд., доп. и испр. М., 2022. С. 27.

[11] Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. С. 28.

личности, а также исторические и социальные факторы.

Социальная составляющая как одна из характеристик принудительных мер, в том числе ППИХ, применяемых в уголовном судопроизводстве, напрямую связана с легитимностью принуждения, которая является неотъемлемым признаком политической власти[12].

Участники уголовного процесса, а также иные заинтересованные лица должны понимать, что применяемые в рамках уголовного процесса меры имущественного характера направлены на защиту социальных ценностей общества и интересов как личности, так и государства.

В данном случае мы имеем дело с релятивным уровнем проявления принудительных имущественных отношений, который можно охарактеризовать как стабильное социальное взаимодействие, где участники имеют общие, а также противоположные и согласованные имущественные интересы и права.

Государственное принуждение — это один из способов правового регулирования общественных отношений, цель которого — защита прав и интересов человека, общества и государства. Для цивилизованного урегулирования правоотношений необходимо точное определение прав и интересов, особенно имущественных. Поэтому логично выделить функциональный признак государственного принуждения в целом и уголовно-процессуального в частности — защиту правоотношений.

Во-первых, важной особенностью ППИХ является возможность восстановления имущественного компонента принуждения, в отличие от физического и психического.

Во-вторых, важно, чтобы принуждение никогда не было самоцелью, а служило инструментом, способствующим правомерному поведению человека, который подвергается воздействию.

В таком контексте функциональность становится неотъемлемой и универсальной характеристикой права, не зависящей от конкретных проявлений права в различных обществах на разных этапах их развития.

Анализ функций ППИХ в уголовном судопроизводстве позволяет понять, как нормы права, регулирующие его применение, влияют на общественные отношения. Такой анализ раскрывает их реальное действие, а не ограничивается лишь теориями, идеалами и конструкциями[13].

Одна из ключевых характеристик рассматриваемого принуждения заключается в том, что оно может быть применено к определённому кругу лиц. Обычно его использование связано с конкретным человеком (субъектом), который подвергается правоограничениям. К таким лицам могут относиться участники процесса со стороны защиты, в первую очередь подозреваемые и обвиняемые, а также другие участники. Однако остаются в стороне другие лица, чьи права и интересы также затрагиваются в ходе применения ППИХ. Например, при проведении процессуальных действий правоограничения могут распространяться на совместное имущество участников и третьих лиц, не обладающих процессуальным статусом, указанным в разделе II УПК РФ.

Из этого следует, что цель применения ППИХ не всегда полностью соответствует обозначенному в законе воздействию на субъект правоограничения. Более того, последствия применения таких мер могут быть многоуровневыми.

Другой особенностью применения мер ППИХ в сфере уголовного судопроизводства является отсутствие строгой зависимости возможности их применения от временны́х (стадийных) показателей. Из всего числа таких мер часть может применяться во всех стадиях уголовного процесса, другая часть мер имеет сферой применения только отдельную стадию (отдельные стадии).

В зависимости от конкретных обстоятельств дела перечень мер государственного принуждения имущественного характера, применяемых в рамках уголовного судопроизводства, должен быть разнообразным.

Правоприменитель, опираясь на закон, должен выбрать меру, которая, с одной стороны, позволит достичь цели его деятельности и реализовать задачи всего уголовного судопроизводства, а с другой стороны, не повлечёт за собой чрезмерное ограничение прав и интересов участников процесса. Выбор правового средства обусловлен значимостью приоритетов социальных ценностей, которые не равнозначны по своей сути.

Заключение. В заключение отметим, что предпосылки возникновения ППИХ обусловлены в первую очередь свойствами человеческой нату-

[12] Цыбулевская Е.А. Процессы социализации политической власти в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. С. 14.

[13] Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 19.

ры и во вторую очередь стремлением власти использовать различные по качествам средства принудительного воздействия.

И личность, и государство отдают себе отчёт в том, что право на имущество (собственность) находится под охраной и защитой, но имеется осознание непостоянства: при определённых обстоятельствах и условиях оно (имущество/собственность) полностью или частично может перераспределяться (корректироваться). Неизбежность такого перераспределения (корректировки) требует устанавливать чёткие (конкретные) требования к таким обстоятельствам и условиям.

Имущество не только нуждается в защите и охране, но и играет особую роль в системе взаимоотношений между властью, государством и личностью. В определённые исторические периоды оно становится источником власти, выступая как её предпосылка, условие и атрибут.

Политический фактор играет ключевую роль в развитии уголовного судопроизводства и ППИХ. Правовая политика представляет собой комплексную деятельность государства, его институтов и представителей негосударственных образований, направленную на совершенствование организации и проведения уголовного судопроизводства с учётом юридически значимых интересов участников процесса и других заинтересованных лиц.

Именно от политической элиты зависит распределение полномочий и изменение положения сторон, что, в свою очередь, неизбежно повлияет на механизм применения ППИХ.

Список литературы

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 49 с.

2. Белов В.А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву // Вестник гражданского права. 2007. Т. 7, № 1. С. 272—309.

3. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2003. 320 с.

4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 107—438.

5. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 137 с.

6. Кудин Ф.М. Избранные труды. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 393 с.

7. Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 50 с.

8. Кутуев Э.К. Уголовно-процессуальное принуждение: вопросы теории и практики: монография. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 186 с.

9. Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 555 с.

10. Овсепян Ж.И. Государственное принуждение как правовая категория // Российский юридический журнал. 2008. № 1. С. 17—31.

11. Палазян А.С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 56 с.

12. Петрикин В.Ю. Обеспечение имущественных прав граждан при применении мер уголовно-процессуального принуждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 22 с.

13. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: монография. 2-е изд., доп. и испр. М.: Юрлитинформ, 2022. 352 с.

14. Цыбулевская Е.А. Процессы социализации политической власти в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007. 53 с.

15. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 143 с.

References

1. Andreeva, O.I. (2007) Konceptual'nye osnovy sootnoshenija prav i objazannostej gosudarstva i lichnosti v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii i ih ispol'zovanie dlja pravovogo regulirovanija dejatel'nosti po rasporjazheniju predmetom ugolovnogo processa [The conceptual foundations of the relationship between the rights and obligations of the state and the individual in the criminal process of the Russian Federation and their use for the legal regulation of activities on the disposal of the subject of criminal proceedings]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Tomsk, 49 p. (in Russ.).

2. Belov, V.A. (2007) Tipichnye nedostatki dissertacij po grazhdanskomu pravu [Typical disadvantages of dissertations in civil law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, vol. 7, no. 1, pp. 272–309 (in Russ.).

3. Bulatov, B.B. (2003) Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugolovnom sudoproizvodstve [State coercion in criminal proceedings]. Monograph. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 320 p. (in Russ.).

4. Kant, I. (1965) Metafizika nravov [Metaphysics of morals]. In: Kant, I. *Works in 6 vols. Vol. 4, part 2.* Moscow, Mysl', pp. 107–438 (in Russ.).

5. Kornukov, V.M. (1978) Mery processual'nogo prinuzhdenija v ugolovnom sudoproizvodstve [Measures of procedural coercion in criminal proceedings]. Saratov, Saratov State University, 137 p. (in Russ.).

6. Kudin, F.M. (2010) Izbrannye trudy [Selected works]. Volgograd, Volgograd State University, 393 p. (in Russ.).

7. Kuzina, S.I. (2010) Politicheskoe nasilie: priroda, manifestirovanie i dinamika v globalizirujushhemsja mire [Political violence: nature, manifestation and dynamics in a globalizing world]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Rostov-na-Donu, 50 p. (in Russ.).

8. Kutuev, Je.K. (2004) Ugolovno-processual'noe prinuzhdenie: voprosy teorii i praktiki [Criminal procedural coercion: issues of theory and practice]. Monograph. Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 186 p. (in Russ.).

9. Maslennikova, L.N. (2000) Publichnoe i dispozitivnoe nachala v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii [Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 555 p. (in Russ.).

10. Ovsepjan, Zh.I. (2008) Gosudarstvennoe prinuzhdenie kak pravovaja kategorija [State coercion as a legal category]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 17–31 (in Russ.).

11. Palazjan, A.S. (2009) Funkcional'naja harakteristika prava [Functional characteristics of the law]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 56 p. (in Russ.).

12. Petrikin, V.Ju. (2007) Obespechenie imushhestvennyh prav grazhdan pri primenenii mer ugolovno-processual'nogo prinuzhdenija [Ensuring the property rights of citizens in the application of measures of criminal procedural coercion]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 22 p. (in Russ.).

13. Tutynin, I.B. (2022) Teoreticheskie osnovy ugolovno-processual'nogo prinuzhdenija imushhestvennogo haraktera [Theoretical foundations of criminal procedural coercion of a property nature]. Monograph. 2nd ed. Moscow, Jurlitinform, 352 p. (in Russ.).

14. Cybulevskaja, E.A. (2007) Processy socializacii politicheskoj vlasti v sovremennom rossijskom obshhestve [The processes of socialization of political power in modern Russian society]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Moscow, 53 p. (in Russ.).

15. Jel'kind, P.S. (1976) Celi i sredstva ih dostizhenija v sovetskom ugolovno-processual'nom prave [Goals and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law]. Leningrad, Leningrad State University, 143 p. (in Russ.).

Информация об авторе

И.Б. Тутынин — профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

I.B. Tutynin – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Doctor of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 115—125.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 115–125.

УДК 343.136
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.013

NIION: 2015-0064-04/24-259
MOSURED: 77/27-009-2024-04-458

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Организация руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации получения следователями сведений из внешних информационных систем

Сергей Владимирович Валов
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, valov-s@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0003-0695-7009

Аннотация. В многочисленных информационных системах, используемых в интересах государства, юридических и физических лиц, упорядочен огромный объем разнообразной по своему содержанию информации о статических и динамических объектах окружающего нас мира.

Фрагментарность уголовно-процессуальных моделей социальных коммуникаций между следователями и операторами (владельцами) информационных систем в ряде регионов преодолена руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации посредством реализации предоставленных им служебных полномочий по организации внешнего взаимодействия и созданию необходимой инфраструктуры для получения при помощи информационно-телекоммуникационных технологий сведений, востребованных в уголовном судопроизводстве, что позволяет существенно сократить временные, материальные и иные издержки, обеспечить скорейший доступ лиц к правосудию.

Вместе с тем такой опыт не получил повсеместного распространения. В определённой степени этому препятствует отсутствие научно обоснованной и логически выверенной модели управленческой деятельности, нацеленной на упорядочение социальных коммуникаций следователей с операторами (владельцами) информационных систем, в базах данных которых представлена информация, необходимая для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в досудебном производстве.

Предмет исследования: управленческая деятельность руководителей следственных органов по организации получения следователями сведений из внешних информационных систем. *Цель*: реконструкция на основе изучения эмпирического опыта и построение научно обоснованной и логически выверенной модели управленческой деятельности руководителей по организации внешнего взаимодействия следователей с операторами (владельцами) информационных систем. *Применены* методы реконструкции и моделирования наряду с общенаучными теоретическими, логическими и специальными юридическими методами (анализом, синтезом, обобщением, классификацией, сравнительно-правовым и формально-юридическим). *Результат:* при помощи логико-семантических средств изложена модель управленческой деятельности руководителя следственного органа Следственного комитета Российской Федерации на региональном уровне по упорядочению социальных коммуникаций подчиненных сотрудников с операторами (владельцами) информационных систем в целях создания необходимой инфраструктуры получения востребованных в уголовном судопроизводстве сведений об обстоятельствах преступления.

Ключевые слова: руководитель, управление, следственный орган, управленческая деятельность, модель, инфраструктура, следователь, досудебное производство, информационная система.

Для цитирования: Валов С.В. Организация руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации получения следователями сведений из внешних информационных систем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 115—125. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.013.

© Валов С.В., 2024

Organization by the heads of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for the receipt by investigators of information from external information systems

Sergey V. Valov
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, valov-s@rambler.ru, http://orcid.org/0000-0003-0695-7009

Abstract. Numerous information systems are used in the interests of the state and private individuals. In information systems, a huge amount of diverse information about static and dynamic objects of the world around us is organized.

The criminal procedure models of social communications between investigators and operators (owners) of information systems are characterized by fragmentation.

The heads of the regional investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation overcome this fragmentation and create, on the basis of their powers, the necessary infrastructure to obtain, with the help of modern technologies, information in demand in criminal proceedings. This makes it possible to significantly reduce time, material and other costs, and ensure early access to justice for individuals.

At the same time, such experience has not been widespread, since there is no scientifically sound and logically verified model of governance activities aimed at streamlining social communications between investigators and operators (owners) of information systems, whose databases contain information necessary to establish the circumstances to be proved in pre-trial proceedings.

Research object: governance activity of heads of investigative bodies in organizing the receipt of information by investigators from external information systems. *Purpose*: reconstruction based on the study of empirical experience and the construction of a scientifically based and logically verified model of governance activities of heads of investigative bodies for the organization of external interaction of investigators with operators (owners) of information systems. *The methods* of reconstruction and modeling are applied along with general scientific theoretical, logical and special legal methods (analysis, synthesis, generalization, classification, comparative law and formal law).

As a result of the study, using logical and semantic means, a model of governance activity of the head of the investigative body of the Investigative Committee of the Russian Federation at the regional level is presented to streamline social communications of subordinate employees with operators (owners) of information systems in order to create the necessary infrastructure for obtaining information about the circumstances of a crime that is in demand in criminal proceedings.

Keywords: head, governance, investigative body, governance activity, model, infrastructure, investigator, pre-trial proceedings, information system.

For citation: Valov, S.V. (2024) Organization by the heads of the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation for the receipt by investigators of information from external information systems. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 115–125. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.013.

Введение. Присущее информации в электронно-цифровой форме свойство сохранять в своём содержании практически любые сведения о статических и динамических объектах окружающего мира и их атрибутивных признаках открыло перед человечеством безграничные возможности познания и последующей систематизации полученных результатов. В многочисленные информационные системы, эксплуатируемые государственными органами, физическими и юридическими лицами, введены миллионы петабайт информации, отражающей окружающий нас мир. Объём таких сведений будет постоянно возрастать за счёт сознательно реализуемых и стихийно протекающих процессов.

Так, к 2030 году Российская Федерация планирует создать цифровой профиль каждого гражданина, позволяющий хранить и обрабатывать 150 видов различных сведений[1]. Человечество, которому доступны возможности компьютеризации и дигитализации повседневных жизненных процессов и получаемых результатов, в среднем каждый день общими усилиями создаёт более 328,77 млн терабайт данных[2].

[1] Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления, утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р // СПС КонсультантПлюс.

[2] Shewale R. Big Data statistics for 2024 (growth, market size & more). URL: https://www.demandsage.com/big-data-statistics (дата обращения: 21.06.2024).

Информационные системы обрели свойства самостоятельного источника сведений, посредством которых следователи в досудебном производстве устанавливают подлежащие доказыванию и иные обстоятельства, имеющие значение для законного, обоснованного и мотивированного решения по уголовному делу.

Помимо универсальных средств (запроса и требования), уголовно-процессуальное законодательство определяет основания и порядок получения сведений исключительно из информационных систем операторов связи. В законе отсутствует правовая модель получения следователем сведений из любой иной, находящейся за пределами организационных границ следственного органа информационной системы, тем более с использованием технологий, широко распространенных в повседневной практике межсубъектного взаимодействия между государственными органами, юридическими и физическими лицами.

Противоречие между законодательной моделью уголовно-процессуальной деятельности следователей и фактически складывающимися между ними и операторами (владельцами) информационных систем социальными коммуникациями, наряду с отказом в предпринимательской среде от бумажного документооборота для оптимизации бизнес-процессов и отношений с потребителями, обусловило потребность практиков в поиске правовых, организационных и технологических решений, находящихся за пределами уголовного судопроизводства.

Руководители следственных органов Следственного комитета Российской Федерации (далее — СК России) на региональном уровне, применяя предоставленные им служебные полномочия[3], инициативно выстраивали внешнее взаимодействие с операторами (владельцами) информационных систем, сведения из которых наиболее часто были востребованы в уголовном судопроизводстве.

Накопленный опыт и роль руководителей в создании необходимой инфраструктуры, а равно представление научно обоснованной модели их управленческой деятельности не получили достаточного внимания со стороны ученых. В одних работах функции руководителя ограничены участием в подготовке обращенного к суду ходатайства следователя[4]. В других источниках указано на наличие среди руководителей лиц, занимающих «высокое должностное положение, которые вместо того, чтобы глубже понять содержательные особенности положения действующего законодательства... настаивали на том, что им достаточно „быть в теме“»[5].

Как говорят, мир познаваем в контрастах. Нам известны совершенно иные примеры из управленческой деятельности руководителей региональных следственных органов СК России, которые задолго до принятия решений на федеральном уровне своей активной позицией способствовали следователям в преодолении трудностей получения сведений из информационных систем. Признаем, что их опыт не получил повсеместного распространения. Но он не должен быть оставлен без внимания, в том числе и в целях научного обобщения, разработки дидактически выверенных систем знаний для использования в образовательном процессе, распространения положительных практик в иных регионах и в отношениях с операторами (владельцами) других информационных систем, количество и видовое разнообразие которых имеет тенденцию к увеличению.

Основная часть. Одной из основных функций каждого регионального следственного управления Следственного комитета в сфере информационно-технологического обеспечения определены разработка и реализация мер по внедрению

[3] См. пп. 2.1, 2.4 должностной инструкции федерального государственного служащего, замещающего в главном следственном управлении (следственном управлении) Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, приравненном к нему специализированном следственном управлении (следственном отделе) Следственного комитета Российской Федерации должность федеральной государственной службы — руководителя главного следственного управления (следственного управления) Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, приравненного к нему специализированного следственного управления (следственного отдела) Следственного комитета Российской Федерации: приложение № 2 к приказу Следственного комитета Российской Федерации от 01.06.2017 № 75 (далее — должностная инструкция руководителя следственного органа СК России на региональном уровне); п. 6 Регламента Следственного комитета Российской Федерации, утв. приказом Следственного комитета Российской Федерации от 23.06.2023 № 74 (далее — Регламент).

[4] Криминалистика: учебник: в 3 ч. / под ред. А.М. Багмета, В.В. Бычкова, О.Ю. Антонова. Ч. 2. Криминалистическая тактика. М., 2020. С. 217.

[5] Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М., 2020. С. 223.

современных информационных технологий в свою практическую деятельность[6].

На успешность выполнения данной функции оказывают влияние разные обстоятельства, учитываемые при разработке, принятии и реализации управленческих решений. Связь между проблемной ситуацией и управленческой деятельностью руководителя следственного органа возникает под воздействием различных факторов и условий.

Отправной точкой *инициативных* решений и действий руководителя следственного органа выступает осознание чрезмерной ресурсоемкости использования бумажных носителей и традиционных каналов получения сведений во внешних контактах с операторами (владельцами) информационных систем, отсутствие апробированных решений или готовых алгоритмов, а также диссонанс возможностей, предоставляемых человеку информационно-телекоммуникационными технологиями в общении с государственными органами при получении от них услуг, и реализацией их потенциала этим же человеком при выполнении возложенных на него уголовно-процессуальных и служебных обязанностей по должности, замещаемой в следственном органе. Так, соглашение между следственным управлением СК России по Иркутской области и региональным подразделением ПАО «Сбербанк России»[7] было заключено за два года до закрепления аналогичных отношений на федеральном уровне[8].

Инициатива изменения модели внешнего взаимодействия может исходить *от оператора (владельца)* информационной системы, заинтересованного оптимизировать бизнес-процессы и сократить издержки от использования бумажных носителей при обмене информацией во внешних коммуникациях с правоохранительными органами[9].

Необходимость принятия решений и совершения действий может *вытекать из требований закона*, нормы которого изменили формы, методы и способы социальных коммуникаций владельцев (операторов) информационных систем с иными субъектами, к которым отнесены следственные органы. Так, с 1 января 2023 года согласно общему правилу органы государственной власти могут запросить и получить сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, исключительно в электронной форме. Поступившие с нарушением установленной формы и порядка запросы адресат считает неполученными и оставляет без рассмотрения[10]. В этой связи следственные органы СК России были уведомлены региональными представителями соответствующих органов об изменении каналов обмена информацией и использовании только электронного документооборота[11].

Модель управленческой деятельности руководителя следственного органа в анализируемом поле социальной практики может быть *предписана* решением вышестоящего субъекта управления[12].

Модель организации взаимодействия с операторами (владельцами) информационных систем может быть реализована посредством *распространения положительного опыта* другого регионального следственного органа[13]. *Адаптационные*

---

[6] В системе Следственного комитета Российской Федерации статутное положение о каждом следственном управлении по субъекту Российской Федерации определено индивидуальным нормативным актом. См., например, приказ СК России от 30.07.2019 № 81 «Об утверждении Положения о следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области — Кузбассу».

[7] Соглашение между следственным управлением СК России по Иркутской области и РЦСОРБ ПЦП «Операционный центр» ПАО «Сбербанк» от 27.02.2020 № 1 «Об электронном обмене документами и информацией для выполнения правоохранительным органом возложенных на него функций».

[8] Соглашение между ПАО «Сбербанк» и Следственным комитетом Российской Федерации об обмене информацией в электронном виде и информационном взаимодействии от 19.12.2022 № 6мв-22.

[9] Письмо ООО «Скартел» от 22.05.2020, адресованное руководителю СУ СК России по Амурской области (документ не был опубликован) // Личный архив автора.

[10] См. ч. 2, 5 ст. 62 Федерального закона от 13.07.2013 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС КонсультантПлюс.

[11] Письмо филиала ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» по Забайкальскому краю от 24.02.2022 № 0142/0119/2022 (документ не был опубликован) // Личный архив автора; Письмо филиала ППК «Роскадастр» по Республике Адыгея от 11.02.2023 № 0034-исх/23 (документ не был опубликован) // Личный архив автора.

[12] Соглашение между СК России и МВД России об обмене информацией в электронном виде от 23.05.2013 № 1/4713/215-434-13; письмо СК России от 05.07.2013 № 215/2-24690-13 «О принятии мер по обмену информацией в электронном виде с органами внутренних дел».

[13] См. п. 28 Положения об организации работы по научному обеспечению деятельности и о применении положительного опыта в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации, утв. приказом СК России от 07.05.2020 № 45.

модели характерны и для переноса схемы взаимодействия с одним оператором (владельцем) информационной системы на внешние контакты с другим субъектом. Адаптация не исключает существенной переработки заимствованной модели с учетом особенностей функционирования другой информационной системы.

Изменения могут быть внесены в уже апробированную модель под влиянием новых обстоятельств и факторов. Так, в целях равномерного распределения нагрузки руководство Главного следственного управления СК России по городу Санкт-Петербургу приняло управленческое решение, согласно которому поступившие от следователей следственных органов СК России поручения о производстве выемки в ООО «ВКонтакте» исполняют сотрудники следственного отдела по Центральному району, на территории которого расположен головной офис компании, а запросы о правовой помощи компетентных органов иностранных государств о получении сведений в информационных системах ООО «ВКонтакте» поручают иным территориальным подразделениям, поскольку обращению в компанию предшествует получение разрешения суда на производство выемки документов, содержащих охраняемую законом тайну[14].

Организация по отношению к управленческой деятельности традиционно рассмотрена нами в качестве процесса (последовательности действий), результата и атрибута, присущего многокомпонентному объединению различных по своей природе статичных или динамических объектов[15]. *Процесс* характеризует динамику установления связей и упорядочения элементного состава. *Результат* отражает упорядоченные связи между элементами. *Атрибут* характеризует степень упорядоченности и устойчивости связей в определенный момент жизненного цикла объекта.

Существует причинно-следственная связь между организацией руководителем своей собственной управленческой деятельности и создаваемой в результате ее выполнения организацией внешних социальных коммуникаций следователей с операторами (владельцами) информационных систем. Только упорядоченная надлежащим образом управленческая деятельность руководителя обеспечит состояние организованности действий лиц, оказывающих ему помощь и содействие в разработке и реализации управленческих решений, а равно упорядоченность связей между компонентами конструируемой им модели и создаваемой в соответствии с ней системы внешнего информационного обмена и взаимодействия.

Каждая информационная система есть разновидность социотехнологической системы, характеризуемой сложными взаимодействиями при информационно-обменных процессах в составе объединения «человек — информация — машина». Внешнему информационному взаимодействию в рассматриваемой области присуще наличие множества сложносоставных систем с каждой из взаимодействующих сторон. Мысленный образ будущей инфраструктуры удовлетворения потребностей следователей в получении сведений из информационных систем представляет собой согласованное сочетание технических, технологических, организационных и правовых моделей[16].

Следовательно, в разрабатываемой модели внешнего информационного взаимодействия подлежат упорядочению связи между элементами (компонентами) внутри организационного контура следственного органа и внешние связи с оператором (владельцем) информационной системы.

В пределах организационных границ следственного органа должны быть упорядочены *организационные* связи между сотрудниками (работниками), которые будут вовлечены в процесс обмена информацией, *функциональные* связи между выполняемыми ими видами уголовно-процессуальной и служебной деятельности, *технологические* и иные связи между программным обеспечением, компьютерной техникой, коммуникационным оборудованием в зоне эксплуатационной ответственности следственного органа, *связи между* правовой, организационной, технологической, технической (программно-аппаратной) и иными *моделями*, образующими *единое целое*, обеспечивающее внешнюю коммуникацию

[14] Информационное письмо ГСУ СК России по г. Санкт-Петербургу от 03.05.2024 № 115-52-2024.

[15] Валов С.В. Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений: курс лекций. М., 2014. С. 17—24, 97—99.

[16] Валов С.В. Получение следователем сведений из информационных систем операторов сотовой связи: правовые и организационно-технологические модели // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Ч. 1. Краснодар, 2024. С. 75—85.

с контуром организационных границ оператора (владельца) сотовой связи или посредника (в виде провайдера информационных потоков).

Требования, предъявляемые к бесперебойному функционированию информационных систем, созданных оператором (владельцем) к моменту разработки модели внешнего информационного взаимодействия, оказывают существенное влияние на упорядочение связей в контуре внешнего взаимодействия. Предоставление должностным лицам следственных органов Следственного комитета возможности обращаться с запросами (требованиями) о выгрузке информации не должно нарушать функционирования информационной системы, созданной и эксплуатируемой для удовлетворения потребностей оператора или владельца такой системы.

Операторы (владельцы) информационных систем знакомят представителей следственного органа с требованиями и условиями подключения к сервисам электронного документооборота, обработки запросов или обмена информационными сообщениями[17].

К таким требованиям, в частности, отнесены: 1) наличие сертифицированного и лицензированного программного обеспечения[18], позволяющего однозначно идентифицировать представителя следственного органа и обеспечивающего криптографическую защиту процессов обмена информацией, соблюдение конфиденциальности и целевого использования предоставленных сведений; 2) обязательство следственного органа своевременно обновлять программное обеспечение, актуализировать закрепленные за сотрудниками сертификаты квалифицированных электронных цифровых подписей, сертификаты (лицензии) на оборудование, применяемое программное обеспечение, поддерживать работоспособность компьютеров и коммуникационного оборудования, обеспечивать антивирусную защиту сегмента ответственности; 3) своевременно извещать оператора (владельца) информационной системы об инцидентах, препятствующих обмену сведениями, об изменении состава и данных должностных лиц, назначенных ответственными за внешние контакты, обновлении закрепленных за ними квалифицированных сертификатов проверки ключей электронных цифровых подписей[19].

Вышеизложенные требования, безусловно, должны быть учтены и связаны друг с другом на стадии разработки модели и отражения ее компонентов в проектах организационно-распорядительных документов.

Информационному обмену между следователями и операторами (владельцами) информационных систем предшествует разработка и обсуждение модели внешнего взаимодействия, подготовка проектов соглашений и организационно-распорядительных документов, согласование принципиальной схемы организации связи, определение видового состава и характеристик программного обеспечения, технических средств, коммуникационного оборудования, получение сотрудниками в удостоверительных центрах сертификатов квалифицированных электронных цифровых подписей, регистрация уполномоченных субъектов в качестве авторизованных пользователей сервиса обработки запросов или оформление доступа к личному кабинету пользователя, расчёт необходимых объёмов финансирования, закупка, выделение (получение) и монтаж материально-технических средств и оборудования, приобретение и наладка программного обеспечения.

Успешному решению разноплановых, но связанных между собой задач будет способствовать применение программно-целевого метода управления, позволяющего с учётом объективных связей согласованно (последовательно или параллельно) реализовывать мероприятия на разных направлениях. Все мероприятия по разработке и дальнейшей реализации модели отражают в календарном плане-графике, используемом в качестве средства организации и контроля реализации замысла руководителя.

Разработанная модель должна пройти апробацию в условиях, максимально приближенных к реальным. Описанный в модели клиентский путь следователя — инициатора запроса должен быть многократно пройден во всех возможных вариациях, максимально охватывающих факты, которые могут произойти при обмене информацией в повседневных условиях деятельности под-

[17] Письмо ООО «Скартел» от 22.05.2020, адресованное руководителю СУ СК России по Амурской области.

[18] В условиях санкционного давления недружественных стран к данным требованиям добавлен критерий страны происхождения программного обеспечения, компьютерной техники и коммуникационного оборудования.

[19] См., например, пп. 3.2.1, 3.2.2, 3.5 и другие пункты Соглашения между следственным управлением Следственного комитета Российской федерации по Республике Адыгея и Публичным акционерным обществом «МегаФон» об обмене информацией в электронном виде и информационном взаимодействии от 17.02.2021.

разделений регионального следственного органа и подчинённых ему территориальных органов, как правило, значительно удаленных от административного центра субъекта Федерации. Тестирование *имитационной* модели позволит выявить не учтённые на стадии разработки факторы и условия, своевременно устранить выявленные недостатки, сформировать у сотрудников необходимые умения и навыки, преодолеть установки на неприятие новых методов работы и выполнения измененных должностных обязанностей.

Согласно положению о региональном следственном органе его руководитель действует от имени следственного управления без доверенности и представляет возглавляемый следственный орган в отношениях с государственными органами и органами местного самоуправления[20]. Считаем целесообразным рекомендовать внести в должностную инструкцию руководителя следственного органа СК России на региональном уровне (п. 2.9) и в Регламент (п. 6) изменения и дополнения, предоставляющие указанным должностным лицам полномочия представлять возглавляемые ими следственные органы не только во внешнем взаимодействии с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественностью и средствами массовой информации, но и в отношениях с органами местного самоуправления, территориальными органами иных государственных органов, с учреждениями и организациями[21]. Внесение таких изменений позволит согласовать между собой нормы различных правовых актов о полномочиях руководителя регионального следственного органа, опираясь на которые он будет вправе выстраивать в целях решения задач уголовного судопроизводства внешнее взаимодействие с операторами (владельцами) информационных систем вне зависимости от их принадлежности.

Модель организации внешнего взаимодействия закрепляют в соглашении (договоре) между региональным следственным управлением Следственного комитета и правомочным (уполномоченным) представителем оператора (собственника) информационной системы об обмене информацией в электронном виде и информационном взаимодействии. До заключения соглашения (договора) необходимо удостовериться в правоспособности представителя оператора (собственника) информационной системы. Проверка обусловлена применением в организационном построении операторов (собственников) информационных систем административно-территориального принципа и наличием в их составе территориально-распределенных подразделений с разным объемом предоставленных им полномочий в сфере внешних коммуникаций. В ходе исследования установлено, что в ряде случаев региональный следственный орган заключал соглашение с представителем оператора (собственника) информационной системы, территориально находящимся в ином субъекте Российской Федерации, поскольку компетенция такого представителя распространена на несколько регионов.

Отдельные элементы модели внешних коммуникаций следственного органа и оператора (собственника) закреплены в прилагаемых к соглашению документах, в которых изложены особенности технологической модели, схема организации связи, описание зон эксплуатационной ответственности сторон, перечень ответственных (уполномоченных) представителей сторон, образцы извещений сторон о существенных событиях (изменении состава уполномоченных лиц, возникновении или выявлении обстоятельств, препятствующих взаимодействию, и др.). Так, к соглашениям с операторами связи в обязательном порядке прилагают описание процедуры регистрации в сервисе обработки запросов, систематизированный свод обязательных и факультативных сведений в электронных документах и формат их заполнения[22].

Функции в сфере внешних коммуникаций с операторами (владельцами) информационных систем должны получить в рамках реализации руководителем функции организации соответ-

[20] См., например, подп. 2 п. 8 Положения о следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Луганской Народной Республике, утв. приказом СК России от 10.10.2022 № 119.

[21] Представительские полномочия предоставлены заместителям начальников территориальных органов МВД России — начальникам органов предварительного следствия на региональном уровне. См. п. 15.2 приложения 1 к приказу МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» // СПС КонсультантПлюс.

[22] См., например: Соглашение между следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области и Публичным акционерным обществом «МегаФон» об обмене информацией в электронном виде от 02.12.2020 № 5/14; Соглашение между следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Амурской области и Обществом с ограниченной ответственностью «Скартел» об обмене информацией в электронном виде и информационном взаимодействии от 30.07.2020.

ствующее организационное обеспечение, то есть необходимо избрать способ и форму закрепления функций за подчинёнными сотрудниками (работниками) и подразделениями.

Создаваемое руководителем в пределах границ следственного управления *организационное образование* имеет достаточно стабильное *ядро* сотрудников, ответственных за внешние коммуникации с оператором (собственником) информационной системы, и подвижную по своему составу *периферию*, представленную следователями, у которых при производстве по материалам проверок сообщений о преступлениях и по уголовным делам возникает необходимость получения по определенным каналам сведений из конкретной информационной системы, и руководителями следственных органов, которые организуют их внутреннее взаимодействие с ответственными за внешние коммуникации. Потребность получения сведений возникает и у следователей входящих в состав регионального следственного управления подразделений по расследованию особо важных дел, и у следователей территориальных следственных подразделений. Этот фактор определяет собственные границы данного организационного образования.

Исследование показало, что в целях организационного обеспечения внешних коммуникаций для получения сведений из информационных систем руководители назначают ответственных лиц из числа сотрудников подразделений криминалистики[23]. Для упорядочения отношений с отдельными операторами информационных систем обязанности осуществления и обеспечения обмена сведениями возложены на сотрудников контрольно-следственных подразделений[24]. В единичных следственных органах не были изданы организационно-распорядительные документы, определяющие обязанности и права следователей (следователей-криминалистов)[25].

Количество сотрудников, выделяемых для организационного обеспечения данного направления деятельности, зависит от объема и интенсивности поступления запросов от следователей, непосредственно осуществляющих проверку сообщений о преступлениях и расследующих уголовные дела.

Функциональные обязанности ответственных должностных лиц не однородны. Согласно указанию Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации[26] в управленческом решении руководителя следственного управления подлежат определению следующие группы субъектов среди должностных лиц, ответственных за внешние коммуникации с системами защищенного юридически значимого электронного документооборота банков и иных кредитных организаций:

1) сотрудник, непосредственно формирующий на основе процессуальных документов следователей с использованием личного кабинета в системе электронного документооборота запросы во внешний контур;

2) сотрудник-координатор, корректирующий при необходимости запросы и формирующий заявки на регистрацию новых пользователей в системе электронного документооборота.

В контрольно-следственных подразделениях возможны две модели распределения обязанностей: 1) зональная, предусматривающая рассмотрение поступающих от следователей документов в соответствии с действующей схемой закрепления объектов ведомственного контроля; 2) линейная, согласно которой один сотрудник рассматривает процессуальные документы о получении сведений из одной информационной системы и организует внешнее взаимодействие с представителями оператора.

В период их временного отсутствия по решению руководителя следственного органа вышеназванные обязанности выполняют сотрудники подразделения в соответствии с принятой схемой взаимозаменяемости[27].

[23] Приказ СУ СК России по Республике Адыгея от 15.03.2023 № 4 «О назначении ответственного должностного лица следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Адыгея, уполномоченного осуществлять взаимодействие в электронном виде с Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестром) Российской Федерации; распоряжение СУ СК России по Сахалинской области от 01.09.2023 № 52-р «О назначении должностных лиц, ответственных за обмен электронными документами между следственным управлением и ПАО «Сбербанк»; распоряжение СУ СК России по Липецкой области от 06.02.2024 № 8 «О порядке осуществления информационного взаимодействия с операторами сотовой связи».

[24] Распоряжение руководителя СУ СК России по Иркутской области от 16.01.2024 № 3/204-р «О распределении обязанностей между сотрудниками третьего контрольно-следственного отдела следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области».

[25] Информационное письмо СУ СК России по Амурской области от 30.01.2024 № 213-07-24/119.

[26] Указание ГУК (КЦ) СК России от 03.05.2023 № Исоп-213/323-28114-23.

[27] Распоряжение руководителя СУ СК России по Вологодской области от 10.10.2023 № 59/232р «О назначении должностных лиц, ответственных за обмен электронными документами между следственным управлением и ПАО Сбербанк».

При получении сведений из информационных систем банков и иных кредитных организаций[28] с указанными должностными лицами внутреннее взаимодействие осуществляют следователь, в производстве которого находится уголовное дело, и руководитель следственного органа, давший согласие на получение справок по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, справок по счетам и вкладам физических лиц.

Следовательно, все внутренние функциональные и организационные коммуникации между указанными сотрудниками должны быть определены в управленческом решении, при необходимости конкретизированы и разъяснены в методических изданиях (рекомендациях), а умения и навыки их применения целесообразно сформировать у сотрудников в ходе проведения совместных занятий, в том числе в форме деловой игры с различными сценариями выстраивания внутреннего и внешнего взаимодействия.

Особо в управленческом решении следует оговорить параметры сектора безопасности функционирования самой системы обмена сведениями, оборота обрабатываемой и содержащейся в ней информации, на которую распространены специальные правовые режимы охраны: тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений[29]; банковской тайны[30], врачебной тайны[31], тайны предварительного расследования и иных сведений[32], отнесенных к служебной тайне и необходимых для выполнения обязанностей по должности[33].

Поскольку сфера организации внешнего взаимодействия отнесена к компетенции руководителя следственного органа, то он лично принимает участие в процессе реализации разработанной и апробированной модели, при необходимости устанавливает непосредственные контакты с руководителями оператора (владельца) информационной системы или уполномоченными региональными представителями. В качестве дополнительного аргумента укажем, что согласно решению Председателя Следственного комитета Российской Федерации руководитель регионального следственного управления лично исполняет функцию организации криминалистического сопровождения предварительного расследования и служебной деятельности подчинённых подразделений криминалистики[34].

При реализации модели, предписанной вышестоящим руководством, необходимо проинформировать инициатора в определенных им порядке и формах и в установленные сроки о мерах, предпринятых во исполнение управленческого решения.

Целесообразно в подразделении регионального следственного органа, назначенном ответственным за организацию выполнения соглашения, оформить специальное контрольно-наблюдательное дело для систематизации всех документов, посредством которых объективированы модели отношений с оператором (владельцем) информационной системы с момента заключения соглашения до настоящего времени. К делу приобщают списки уполномоченных субъектов каждой взаимодействующей стороны, извещения об изменениях в персональном составе сотрудников, сведения о принадлежности сертификатов квалифицированных электронных цифровых подписей, сообщения об инцидентах, заключения о результатах их служебных расследований и иные документы.

Функцию организации признают выполненной, если в результате реализации руководите-

[28] См. ч. 2 и ч. 4 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6, ст. 492; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4971.

[29] См. п. 1 ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СЗ РФ. 2003. № 28, ст. 2895; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6205.

[30] См. п. 1 ст. 857 Гражданского кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) «О банках и банковской деятельности».

[31] См. ч. 1, 2 ст. 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2023. № 32, ч. 1, ст. 6201.

[32] См. ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // СЗ РФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; 2024. № 23, ч. 1, ст. 3048.

[33] См. пп. 3 и 4 Перечня сведений конфиденциального характера, утв. Указом Президента Российской Федерации от 06.03.1997 № 188 (ред. от 13.07.2015) // СЗ РФ. 1997. № 10, ст. 1127; 2015. № 29, ч. 2, ст. 4473.

[34] Распоряжение Председателя Следственного комитета Российской Федерации от 23.05.2019 № 29/201р «Об организации криминалистического сопровождения в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации».

лем предоставленных ему служебных полномочий создана приносящая положительные результаты инфраструктура, позволяющая подчиненным следователям получать в установленном нормативными правовыми актами или соглашениями (договорами) порядке во внешних информационных системах востребованные в досудебном производстве сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению и доказыванию по материалам проверок сообщений о преступлениях и уголовным делам.

Признаками сформированности инфраструктуры выступают: 1) устойчивые функциональные и организационные связи между подчиненными сотрудниками, вовлеченными в процесс получения информации из внешних информационных систем; 2) выстроенные с оператором (собственником) информационной системы социальные коммуникации, позволяющие бесперебойно или с некритическими отклонениями получать по запросам следователей сведения, востребованные в досудебном производстве; 3) связность и согласованность работы оборудования, необходимого для внешних коммуникаций; 4) сформированные у сотрудников знания, умения и навыки получения по созданным каналам связи сведений из внешних информационных систем.

Заключение. Организация руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации получения следователями сведений из информационных систем — это реализация возглавляющими следственные органы должностными лицами на основе предоставленных им служебных полномочий целенаправленных и согласованных действий по установлению внешних коммуникаций с операторами (владельцами) информационных систем, функциональных и организационных связей между подчиненными сотрудниками, определению порядка и условий выполнения ими обязанностей в целях получения по созданным каналам связи, в определенном порядке и формах и в установленные сроки, сведений, необходимых и востребованных в досудебном производстве по материалам проверок сообщений о преступлениях и уголовным делам.

Организация в виде процесса представляет собой продуманную и последовательно выполняемую в инициативном или регламентированном порядке совокупность основанных на служебных полномочиях целенаправленных и согласованных действий и решений руководителя регионального следственного органа по созданию инфраструктуры, позволяющей следователям в определенном порядке и формах, в установленные сроки получать востребованные и необходимые для досудебного производства сведения из внешних информационных систем.

Организация в виде результата есть совокупность устойчивых и постоянно воспроизводимых внешних и внутренних связей. Внешние связи обеспечивают социальные коммуникации следственного органа и подчиненных ему территориальных подразделений с представителями оператора (владельца) информационной системы. Внутренние связи объединяют в организационное образование сотрудников, ответственных за внешние коммуникации с оператором (владельцем) информационной системы, и сотрудников — инициаторов запросов, направляемых ими для получения востребованных и необходимых в досудебном производстве сведений, содержащихся в банках данных внешних информационных систем.

Степень соответствия реально складывающихся при получении сведений из внешних информационных систем внешних и внутренних связей модели, зафиксированной в управленческом решении о ее создании, выражена в атрибутивном признаке созданной инфраструктуры, характеризующем её упорядоченность, организованность. Вывод о степени организованности созданной системы получения сведений делает или руководитель, или представитель вышестоящего субъекта управления.

Знание руководителями следственных органов механизмов формирования моделей внешних коммуникаций с операторами (владельцами) информационных систем и реализации основанных на них управленческих решений позволяет создавать обоснованную потребностями досудебного производства инфраструктуру получения следователями востребованных и необходимых сведений для установления и доказывания обстоятельств, имеющих значение для своевременного, законного и объективного разрешения уголовного дела по существу.

Список литературы

1. Валов С.В. Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2014. 350 с.

2. Валов С.В. Получение следователем сведений из информационных систем операторов сотовой связи: правовые и организационно-техно-

логические модели // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной и антикоррупционной деятельности: материалы международной научно-практической конференции: в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Ч. 1. Краснодар, 2024. С. 75—85.

3. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М.: Экономика, 2020. 476 с.

4. Криминалистика: учебник: в 3 ч. / под ред. А.М. Багмета, В.В. Бычкова, О.Ю. Антонова. Ч. 2. Криминалистическая тактика. М.: Проспект, 2020. 240 с.

5. Shewale R. Big Data statistics for 2024 (growth, market size & more). URL: https://www.demandsage.com/big-data-statistics (дата обращения: 21.06.2024).

References

1. Valov, S.V. (2014) Organizatsiya deyatel'nosti organov vnutrennikh del po rassledovaniyu prestupleniy [Organization of the activities of the internal affairs bodies in the investigation of crimes]. Course of lectures. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350 p. (In Russ.).

2. Valov, S.V. (2024) Poluchenie sledovatelem svedeniy iz informatsionnykh sistem operatorov sotovoy svyazi: pravovye i organizatsionno-tekhnologicheskie modeli [Obtaining information by an investigator from the information systems of mobile operators: legal and organizational and technological models]. In: Sementsov, V.A. (ed.) *Aktual'nye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugolovno-protsessual'noy i antikorruptsionnoy deyatel'nosti. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Vol. 1. Krasnodar, pp. 75–85. (In Russ.).

3. Volynskiy, A.F. & Prorvich, V.A. (2020) Komp'yuternaya kriminalistika v sisteme ugolovno-pravovoy zashchity "traditsionnoy" i tsifrovoy ekonomiki [Computer forensics in the system of criminal law protection of the "traditional" and digital economy]. Monograph. Moscow, Ekonomika, 476 p. (In Russ.).

4. Bagmet, A.M., Bychkov, V.V. & Antonov, O.Yu. (eds.) (2020) Kriminalistika [Criminalistics]. Textbook. Vol. 2. Moscow, Prospekt, 240 p. (In Russ.).

5. Shewale, R. (2024) Big data statistics for 2024 (growth, market size & more). URL: https://www.demandsage.com/big-data-statistics (accessed June 21, 2024).

Информация об авторе

С.В. Валов — старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S.V. Valov – Senior Researcher at the Scientific Research Department of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 126—132.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 126–132.

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.014

NIION: 2015-0064-04/24-260
MOSURED: 77/27-009-2024-04-459

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Противодействие легализации преступных доходов в России: проблемы и приоритетные направления

Владислав Александрович Бирюков[1], Надежда Викторовна Кондраткова[2], Наталья Аркадьевна Морозова[3]
[1]Межрегиональное управление Федеральной службы по финансовому мониторингу по Сибирскому федеральному округу, Новосибирск, Россия, vl.biryukov.inc@gmail.ru
[2, 3]Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Новосибирск, Россия
[2]Kondratkova_N@mail.ru
[3]nsib@mosa.sledcom.ru

Аннотация. В статье проводится анализ эффективности борьбы с легализацией преступных доходов в России. С отсылкой к следственно-судебной практике авторы формулируют рекомендации для практических работников по применению уголовно-правовых норм и предлагают направления для дальнейшего развития механизма противодействия отмыванию преступных доходов.

Ключевые слова: противодействие легализации, уголовная ответственность, проблемы правоприменения, пути решения.

Вклад авторов: Бирюков В.А. — сбор и обработка материалов, частичное написание текста; Кондраткова Н.В. — сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Морозова Н.А. — сбор материалов, частичное написание текста.

Для цитирования: Бирюков В.А., Кондраткова Н.В., Морозова Н.А. Противодействие легализации преступных доходов в России: проблемы и приоритетные направления // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 126—132. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.014.

Countering the legalization of criminal proceeds in Russia: problems and priorities

Vladislav A. Biryukov[1], Nadezhda V. Kondratkova[2], Natalia A. Morozova[3]
[1]Interregional Department of the Federal Financial Monitoring Service for the Siberian Federal District, Novosibirsk, Russia, vl.biryukov.inc@gmail.ru
[2, 3]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Novosibirsk, Russia
[2]Kondratkova_N@mail.ru
[3]nsib@mosa.sledcom.ru

Abstract. The article analyzes the effectiveness of the fight against legalization of criminal proceeds in Russia. With reference to investigative and judicial practice, the authors formulate recommendations for practitioners on the application of criminal law norms and suggest directions for further development of the mechanism for countering money laundering.

Keywords: countering legalization, criminal liability, problems of law enforcement, solutions.

Contribution of the authors: Biryukov A.V. — collection and processing of material, text writing; Kondratkova N.V. — collection and processing of material, data analysis, text writing; Morozova N.A. — collection of material, text writing.

For citation: Biryukov, A.V., Kondratkova, N.V. & Morozova, N.A. (2024) Countering the legalization of criminal proceeds in Russia: problems and priorities. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 126—132. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.014.

© Бирюков В.А., Кондраткова Н.В., Морозова Н.А., 2024

Защита конституционного строя, основных прав и свобод, укрепление политической и социальной стабильности, законности и правопорядка, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств – стратегические цели Российской Федерации[1]. Достижение указанных целей заявлено посредством решения ряда задач, в том числе по предупреждению и пресечению правонарушений и преступлений[2]. Данное направление видится особенно актуальным ввиду участившихся в последнее время экстремистских и коррупционных проявлений, роста финансовых мошенничеств путем методов социальной инженерии, распространения теневых схем, связанных с транзитом и обналичиванием средств, использования в противоправных целях цифровых валют, роста масштабов ущерба вследствие миграции преступности в виртуальное пространство.

Для реализации декларативных положений о противодействии современным вызовам и угрозам в финансовой сфере ведется масштабная совместная работа Банком России, Росфинмониторингом, контрольно-надзорными и правоохранительными органами. Например, согласно данным Банка России, в 2023 году почти в 2 раза снижены объемы обналичивания по платежным картам компаний и индивидуальных предпринимателей, в 2,7 раза сократились объемы подозрительных операций по исполнительным документам, сведено к минимуму использование схем обналичивания через счета нотариусов и решения комиссий по трудовым спорам. В целом по сравнению с 2022 годом объемы обналичивания и вывода за рубеж сократились на 11 и 15 % (до 82 млрд и 31 млрд рублей)[3].

Также осуществляется работа по совершенствованию нормативной базы, декриминализации финансового рынка, предупреждению коррупции при проведении государственных закупок в сфере здравоохранения, образования и иных ключевых отраслях. В 2023 году Банком России в Росфинмониторинг и Генеральную прокуратуру РФ направлялись письма о выявлении финансовых операций, обладающих признаками незаконных, и о связи таковых с противоправной деятельностью. В свою очередь, с использованием материалов Росфинмониторинга по преступлениям в кредитно-финансовой сфере возбуждено свыше 2 тыс. уголовных дел, более 440 направлено в суд. Сумма фактически возмещенных средств превысила 4 млрд руб., наложен арест на общую сумму более 26 млрд руб. и 10 тыс. долларов США[4].

Активно формируется следственно-судебная практика, однако механизм совершения большинства финансовых преступлений существенно осложняет задачу их расследования. Так, в 2023 году общее число преступлений, связанных с отмыванием преступных доходов, составило 943, что соответствует уровню предыдущих лет, но несоразмерно мало в соотношении с предикатными деяниями, образующими преступный доход. Особенно в свете того, что правоохранительными органами регулярно вскрываются факты многомиллиардных хищений бюджетных средств, мошенничества и взятки.

Неполное отражение ситуации видится в высокой латентности и проблемах правоприменения. В пользу последнего предположения свидетельствует значительное снижение доли предикатных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. На протяжении нескольких лет практическими работниками и научным сообществом велась глубокая проработка вопроса об отграничении легализации, конспирации и распоряжения преступным доходом в целях формирования единообразной судебной практики[5]. Наблюдается положительная динамика[6],

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.

[2] Бастрыкин А.И. О практике выявления и расследования следственными органами СК РФ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Lex russica. 2021. Т. 74, № 7 (176). С. 9—14.

[3] Годовой отчет Банка России за 2023 год. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2024. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49041/ar_2023.pdf (дата обращения: 22.07.2024).

[4] Годовой отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2023 год // Росфинмониторинг: [офиц. сайт]. URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 22.07.2024).

[5] Кондраткова Н.В. Отдельные аспекты расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул, 2023. С. 31—32.

[6] Кондраткова Н.В., Морозова Н.А. Обзор практики применения ст. 174, 174.1 УК РФ на примере Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы экономической безопасности государства и бизнеса: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2024. С. 43—52.

однако противоречивые судебные акты еще встречаются[7].

О необходимости выработки единой позиции в понимании сущности легализации и реализации уголовной ответственности за ее совершение свидетельствует и то, что, несмотря на общий рост зарегистрированных преступлений по исследуемым статьям, в разных регионах страны ситуация складывается по-разному. К примеру, на территории Сибирского федерального округа в 2022—2023 годах правоприменительная практика по делам о легализации в основном формировалась в Красноярском крае (35; 37), Кемеровской области — Кузбассе (11; 17) и Новосибирской области (14; 12). Минимальные показатели отмечены в Республике Алтай (1; 3), республиках Тыва (3; 5) и Хакасия (4; 2), Томской (3; 4) и Омской областях (4; 9). Казалось бы, причина кроется в социально-экономических, демографических и криминогенных факторах, но, по нашему мнению, они не отличаются столь кардинально, насколько разнятся показатели зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории. Как уже отмечалось, условием повышения эффективности противодействия легализации видится проведение «работы над ошибками». Так, во многих случаях в обвинении не приводится описание связи легализации с предикатным преступлением, а в материалах дела отсутствуют доказательства приобретения вмененного преступного дохода в результате совершения конкретного преступления[8]. Хотя в обвинении в обязательном порядке должно быть указано, от каких именно преступлений и в какой сумме получены легализуемые доходы.

Отдельного внимания заслуживает ситуация использования счетов третьих лиц в целях легализации преступного дохода. Само по себе совершение операций по перечислению преступно добытых средств на счета непричастных к криминальной деятельности лиц не образует состава легализации. В случае невозможности использовать собственные банковские счета ввиду приостановления операций по ним, ареста и по другим объективным причинам фигурант может вовлечь иных лиц для обеспечения проведения финансовых операций и распоряжения денежными средствами без цели легализации[9].

Значительная часть оправдательных приговоров содержит мотивировку, что в ходе судебного заседания стороной обвинения не представлено доказательств вовлечения преступного дохода в легальный экономический оборот. В итоге суды рассматривают наличие доказанного факта введения преступного дохода в легальный оборот в качестве одного из обязательных признаков состава.

По смыслу закона только после достижения цели легализации преступных денег или имущества злоумышленник создает возможность беспрепятственно, не опасаясь противодействия со стороны финансовых организаций (например, отказы в проведении операций, их приостановление) и государственных органов (финансовые расследования, уголовные дела, изъятие или арест имущества), распоряжаться легализованным имуществом как правомерно полученным. В связи с чем для установления специальной цели необходимо исследовать все обстоятельства дела, указывающие на характер совершенных операций и сделок, иных сопряженных с ними действий лица и его соучастников.

Благоприятным условием для преступников является развитие цифровой валюты на фоне пробелов в правовом регулировании, поскольку в настоящее время органы государственной власти в некоторых случаях не имеют возможности идентифицировать лиц, совершающих транзакции, и воспрепятствовать ее незаконному обороту. Как итог, возрастает объем использования криптовалюты в противоправных целях, в том числе в качестве предмета взяток и оплаты наркотических средств[10]. На данный момент одним из наиболее эффективных инструментов мониторинга криптовалютных транзакций является государственный модуль «Прозрачный блокчейн». В поле зрения сервиса попадают транзакции, совершенные с использованием более 20 криптова-

[7] Быкова Е.Г. О судебной практике по уголовным делам о легализации лицом доходов, полученных в результате совершения преступления в сфере экономической деятельности // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 марта 2024 г.). М., 2024. С. 7—12.

[8] Приговор от 14.04.2021 по делу № 1-12/2021 // Архив Кировского районного суда г. Омска; Приговор от 05.05.2022 по делу № 1-1/2022 // Архив Богучанского районного суда Красноярского края.

[9] Приговор от 26.01.2022 по делу № 1-14/2022 // Архив Саткинского городского суда Челябинской области.

[10] Тисен О.Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 152—157.

лют. С его помощью Росфинмониторингом совместно с правоохранительными органами и зарубежными финансовыми разведками была ликвидирована «Гидра» — крупная интернет-площадка по торговле наркотиками, оружием и отмыванию денег[11]. В то же время манипуляции с криптовалютой сами по себе не могут предрешать выводы о виновности лица в легализации. Конвертация криптовалюты в фиатные деньги и распоряжение ими в целях личного потребления без совершения действий по сокрытию преступного происхождения цифровой валюты не образуют состава преступления, так как единственной официальной платежной единицей на территории Российской Федерации является рубль[12].

Таким образом, в рамках расследования уголовного дела о легализации преступных доходов необходимо доказать: факт получения имущества, являющегося предметом легализации, преступным путем; осознание субъектом факта приобретения имущества, являющегося предметом легализации, преступным путем; наличие при совершении финансовых операций или других сделок цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению средствами или иным имуществом.

На последнее могут указывать операции, не имеющие явного экономического смысла, использование подставных лиц, заключение мнимых и притворных сделок, иные обстоятельства.

Например, для легализации денежных средств, похищенных в составе организованной группы, Ф. передал часть средств в качестве займов в адрес юридического лица и под видом личных сбережений пайщиков в кредитный потребительский кооператив. При этом сотрудники банка и кооператива, не осведомленные о преступном происхождении средств, подготовили фиктивные договоры паевого взноса и договоры передачи личных сбережений пайщиков от имени лиц, не осведомленных о преступных намерениях Ф.[13] В другом деле И., являясь руководителем организации, легализовал денежные средства, похищенные у птицефабрики, путем перечисления по фиктивным договорам аренды помещений, находящихся в аварийном состоянии и непригодных для эксплуатации[14].

Помимо осуществления экономически нецелесообразных и необоснованных финансовых операций (сделок), не отражающих коммерческих интересов хозяйствующего субъекта, о возможной связи с легализацией преступных доходов может свидетельствовать создание условий, при которых источник происхождения преступно добытых средств или иного имущества выглядит законным, в том числе путем фальсификации гражданско-правовых договоров и иных документов[15].

Говоря о дальнейших перспективах работы по повышению эффективности противодействия легализации, хочется остановиться на практике проведения Росфинмониторингом финансовых расследований, связанных с выявлением признаков отмывания преступных доходов с использованием медиативных соглашений, удостоверенных нотариусами. Для наглядности рассмотрим пример.

Межрегиональным управлением Федеральной службы по финансовому мониторингу по Сибирскому федеральному округу во взаимодействии с кредитными организациями и правоохранительными органами была вскрыта сомнительная схема с использованием медиативного соглашения по списанию бюджетных средств со счета индивидуального предпринимателя. Примечательно, что один из банков распознал криминальную схему и применил меры противолегализационного контроля, отказав в проведении операций по возврату денег на счет предпринимателя транзитом через подставное лицо. По сообщению банка, операции не имели очевидного экономического смысла, а поступившие средства списывались в пользу контрагентов в короткий промежуток времени. Это заставило фигуранта закрыть скомпрометированный счет и мигрировать в другую кредитную организацию. По материалам Росфинмониторинга правоохранительным органом возбуждены уголовные дела по ст. 159, 174.1 УК РФ.

В рассмотренном примере имеются признаки покушения на преступление (умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направ-

[11] Встреча с главой Росфинмониторинга Юрием Чиханчиным // Президент России: [офиц. сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70655 (дата обращения: 22.07.2024).

[12] Приговор от 15.11.2022 по делу № 1-652/2022 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти; Приговор от 10.02.2022 по делу № 1-46/2022 // Архив Октябрьского районного суда г. Липецка.

[13] Приговор от 23.05.2022 по делу № 1-37/2022 // Архив Березовского районного суда Красноярского края.

[14] Приговор от 20.03.2023 по делу № 1-26/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Красноярска.

[15] Иванов П.И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 3. С. 9—19.

ленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам), о чем свидетельствует совершение действий, связанных с открытием банковского счета, ведением фиктивного документооборота, перечислением денежных средств по несуществующим обязательствам и т. д. Легализация преступного дохода и его последующее использование при отсутствии риска изобличения и привлечения к уголовной ответственности не были осуществлены лишь ввиду бдительности кредитной организации, то есть по не зависящим от фигуранта обстоятельствам. Преюдициальный характер в подобном случае может иметь решение суда о признании медиативного соглашения недействительным.

Если легализация не была доведена до конца (например, вследствие неудовлетворения судом требований истца), такие действия также образуют состав покушения на легализацию. В случае вынесения обвинительного приговора по ст. 174, 174.1 УК РФ суд также может восстановить нарушенные интересы государства, конфисковав имущество согласно ст. 104.1 УК РФ. Очевидно, что формирование правоприменительной практики в этом направлении существенно повысит эффективность всей системы противодействия легализации преступных доходов.

Кроме того, следует отметить, что результаты выявления и расследования преступлений данной категории во многом зависят от использования правоохранительными органами материалов Росфинмониторинга, направленных в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». По смыслу закона материалы Росфинмониторинга по операциям (сделкам) с признаками легализации могут рассматриваться как сообщение о совершенном преступлении, полученное из иных источников (п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ), и приниматься должностным лицом с составлением рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ). Однако в подавляющем большинстве случаев сотрудники правоохранительных органов не осознают место и роль банковского сектора в системе противодействия незаконным финансовым операциям. Многие не знают, что государство наделило банки широкими заградительными полномочиями, связанными с отказом в проведении операций и заключении договоров банковского обслуживания. Поступающие материалы Росфинмониторинга, содержащие аналитические выводы как сотрудников самой службы, так и банковских работников о возможной связи финансовых операций (сделок) с легализацией преступных доходов, зачастую не рассматриваются как сообщения о преступлении, а проверяются в рамках оперативно-разыскной деятельности, именно результаты которой выступают основанием для возбуждения уголовного дела. Более того, на стадии формирования доказательственной базы по уголовному делу о легализации следователи не всегда запрашивают позицию уполномоченного органа в сфере противодействия легализации доходов.

Несмотря на повышенное внимание государственных органов и финансовых организаций к проблеме противодействия легализации, задействование нотариусов, институтов судебной власти и исполнительных документов в противоправных схемах до сих пор является одним из способов обойти заградительные меры, предусмотренные законодательством. В целях обеспечения законности и экономических интересов государства при подобных обстоятельствах законодательство предусматривает возможность вступления прокуроров, представителей налоговых органов и Росфинмониторинга в гражданский процесс в качестве третьих лиц. Исполнительные документы также могут быть оспорены прокурором в порядке гражданского судопроизводства с учетом позиции Росфинмониторинга с применением последствий недействительности.

Положительным результатом может явиться взыскание в доход Российской Федерации всего полученного сторонами по сделке. Разрешение этого вопроса позволит установить истинные мотивы и цели участников сделки и оценить их действия не только с точки зрения добросовестности поведения и наличия прямого умысла на совершение преступления. В случае установления факта криминального происхождения средств, с учетом вынесенного судебного решения, действия причастных физических лиц могут получить соответствующую оценку по статьям УК РФ. Вместе с тем суды часто ограничиваются привлечением недобросовестных сторон к гражданской ответственности, оставляя без внимания вопрос об источнике происхождения средств, за счет которых предполагается либо осуществлено исполнение обязательств.

Резюмируя изложенное, отметим, что в последние годы межведомственное взаимодействие дало ощутимые результаты в части противодействия преступлениям в финансовой сфере, но отдельные трудности продолжают встречаться в рамках реализации соответствующих уголовно-

правовых запретов[16]. Для их преодоления требуется выработка единого подхода к пониманию сущности и признаков легализации на территории всей страны, искоренение региональных подходов. Для повышения эффективности борьбы с теневыми вливаниями в легальный сектор необходимо давать оценку содеянному как покушению на легализацию. При расследовании преступлений данной категории на этапе следствия необходимо запрашивать позицию уполномоченного органа в сфере противодействия легализации, расширять участие надзорных органов в сфере гражданского судопроизводства для защиты интересов государства.

Список литературы

1. Бастрыкин А.И. О практике выявления и расследования следственными органами СК РФ легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма // Lex russica. 2021. Т. 74, № 7 (176). С. 9—14. doi: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.009-014.

2. Быкова Е.Г. О судебной практике по уголовным делам о легализации лицом доходов, полученных в результате совершения преступления в сфере экономической деятельности // Противодействие преступлениям в сфере экономической деятельности: материалы всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 марта 2024 года). М.: Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. С. 7—12.

3. Иванов П.И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2020. № 3. С. 9—19.

4. Кондраткова Н.В. Налоговые преступления как предикатные легализации денежных средств, приобретенных преступным путем // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVI международной научно-практической конференции. Ч. 2. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2024. С. 102—104.

5. Кондраткова Н.В. Отдельные аспекты расследования легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Материалы криминалистических чтений / под ред. О.В. Кругликовой. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. С. 31—32.

6. Кондраткова Н.В., Морозова Н.А. Обзор практики применения ст. 174, 174.1 УК РФ на примере Сибирского федерального округа // Актуальные проблемы экономической безопасности государства и бизнеса: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Ч. 1 / отв. за вып. С.П. Анофриков / Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. Новосибирск: НГУЭУ, 2024. С. 43—52.

7. Кондраткова Н.В., Черепанов С.В. О субъективной стороне преступлений, связанных с легализацией денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XVI Всероссийской национальной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 20 ноября 2020 г.). Новосибирск: Новосибирский государственный аграрный университет, 2020. С. 103—107.

8. Тисен О.Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 152—157. doi: 10.24412/2687-0185-2023-2-152-157.

9. Тисен О.Н. Особенности выявления и расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности: научные основы противодействия (Долговские чтения): сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24—25 марта 2022 г.). М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 333—346.

10. Тисен О.Н. Особенности доказывания легализации доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, с использованием криптовалют // Уголовное право. 2022. № 5 (141). С. 60—71. doi: 10.52390/20715870_2022_5_60.

References

1. Bastrykin, A.I. (2021) O praktike vyjavlenija i rassledovanija sledstvennymi organami SK RF legalizacii (otmyvanija) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovanija terrorizma [The practice of detecting and investigating by the investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation of legalization (laundering) of proceeds of crime and terrorism financing]. *Lex russica*, vol. 74, no. 7 (176), pp. 9—14 (in Russ.). doi: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.009-014.

[16] Кондраткова Н.В. Налоговые преступления как предикатные легализации денежных средств, приобретенных преступным путем // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXVI международной научно-практической конференции. Ч. 2. Красноярск, 2024. С. 102—104.

2. Bykova, E.G. (2024) O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o legalizacii licom dohodov, poluchennyh v rezul'tate sovershenija prestuplenija v sfere jekonomicheskoj dejatel'nosti [On judicial practice in criminal cases on the legalization by a person of income received as a result of committing a crime in the field of economic activity]. In: *Protivodejstvie prestuplenijam v sfere jekonomicheskoj dejatel'nosti. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novosibirsk, March 20, 2024.* Moscow, Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, pp. 7–12 (in Russ.).

3. Ivanov, P.I. (2020) Problemy protivodejstvija legalizacii prestupnyh dohodov i puti ih reshenija [Problems of countering the legalization of criminal proceeds and ways to solve them]. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*, no. 3, pp. 9–19 (in Russ.).

4. Kondratkova, N.V. (2024) Nalogovye prestuplenija kak predikatnye legalizacii denezhnyh sredstv, priobretennyh prestupnym putem [Tax crimes as predicate legalizations of criminally acquired funds]. In: *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'ju: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXVI mezhdunarod-noj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Vol. 2. Krasnojarsk, Siberian Law Institute of the MIA of Russia, pp. 102–104 (in Russ.).

5. Kondratkova, N.V. (2023) Otdel'nye aspekty rassledovanija legalizacii (otmyvanija) denezhnyh sredstv ili inogo imushhestva, priobretennyh prestupnym putem [Certain aspects of the investigation of the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means]. In: Kruglikova, O.V. (ed.) *Materialy kriminalisticheskih chtenij.* Barnaul, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, pp. 31–32 (in Russ.).

6. Kondratkova, N.V. & Morozova, N.A. (2024) Obzor praktiki primenenija st. 174, 174.1 UK RF na primere Sibirskogo federal'nogo okruga [Review of the practice of applying Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on the example of the Siberian Federal District]. In: *Aktual'nye problemy jekonomicheskoj bezopasnosti gosudarstva i biznesa. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Vol. 1. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management, pp. 43–52 (in Russ.).

7. Kondratkova, N.V. & Cherepanov, S.V. (2020) O sub''ektivnoj storone prestuplenij, svjazannyh s legalizaciej denezhnyh sredstv i imushhestva, priobretennyh prestupnym putem [On the subjective side of crimes related to the legalization of funds and property acquired by criminal means]. In: *Problemy formirovanija pravovogo social'nogo gosudarstva v sovremennoj Rossii. Materialy XVI Vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novosibirsk, November 20, 2020.* Novosibirsk, Novosibirsk State Agrarian University, pp. 103–107 (in Russ.).

8. Tisen, O.N. (2023) Dokazyvanie prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem kriptovaljut: sledstvennaja i sudebnaja praktika v uslovijah probelov v pravovom regulirovanii [Proving crimes committed using cryptocurrencies: investigative and judicial practice in the context of gaps in legal regulation]. *Criminological Journal*, no. 2, pp. 152–157 (in Russ.). doi: 10.24412/2687-0185-2023-2-152-157.

9. Tisen, O.N. (2022) Osobennosti vyjavlenija i rassledovanija prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem kriptovaljut [Features of detection and investigation of crimes committed using cryptocurrencies]. In: *Novye, pojavljajushhiesja i vidoizmenjajushhiesja formy prestupnosti: nauchnye osnovy protivodejstvija (Dolgovskie chtenija). Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moscow, March 24–25, 2022.* Moscow, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, pp. 333–346 (in Russ.).

10. Tisen, O.N. (2022) Osobennosti dokazyvanija legalizacii dohodov, poluchennyh v rezul'tate nezakonnogo oborota narkoticheskih sredstv i psihotropnyh veshhestv, s ispol'zovaniem kriptovaljut [Features of proving the legalization of income received as a result of illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances using cryptocurrencies]. *Ugolovnoe pravo*, no. 5 (141), pp. 60–71 (in Russ.). doi: 10.52390/20715870_2022_5_60.

Информация об авторах

В.А. Бирюков — начальник отдела анализа и оценки рисков Межрегионального управления Федеральной службы по финансовому мониторингу по Сибирскому федеральному округу;

Н.В. Кондраткова — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат экономических наук, доцент;

Н.А. Морозова — директор Новосибирского филиала Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева.

Information about the authors

V.A. Biryukov – Head of the Risk Analysis and Assessment Department of the Interregional Department of the Federal Financial Monitoring Service for the Siberian Federal District;

N.V. Kondratkova – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of the Novosibirsk Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor;

N.A. Morozova – Director of the Novosibirsk Branch of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 133–144.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 133–144.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.015

NIION: 2015-0064-04/24-261
MOSURED: 77/27-009-2024-04-460

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Статистический анализ защит диссертаций по криминалистике (общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика)

Валерий Иванович Елинский[1], Денис Сергеевич Хижняк[2]
[1]МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,
20745@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0003-2611-8261
[2]Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,
denis_khizhnyak@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1377-6057

Аннотация. Одним из важных средств успешного развития юридической науки является систематизация накопленного знания. Получение нового научного знания происходит в ходе исследований, наиболее значимыми из которых представляются диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук. Диссертации по вопросам криминалистики в отечественной истории науки начали защищать с 1938 года. К настоящему времени накоплен значительный пласт научного знания по всем разделам науки. Круг исследований постоянно расширяется, при этом вне поля зрения ученых остаются многие важные научные проблемы. В настоящей статье учтены диссертации, защищенные в период с 1938 по 2023 г.

Статистический анализ диссертаций направлен на выявление закономерностей развития криминалистической науки. А имеющиеся на данный момент научные достижения позволяют внести еще больший вклад в отечественную криминалистику и другие науки, использующие ее знания.

Как показывает предлагаемое читателям исследование, дальнейшее расширение научно-исследовательской работы требует четкой ее координации с целью направления усилий ученых на разработку важных и актуальных тем, исключая их дублирование. Опубликование результатов статистического анализа диссертаций по криминалистике будет полезно для достижения указанных целей.

Ключевые слова: криминалистика, общая теория, криминалистическая техника, криминалистическая тактика, диссертация.

Вклад авторов: Елинский В.И. — концепция, дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста; Хижняк Д.С. — концепция, дизайн исследования, сбор и обработка материалов, анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Елинский В.И., Хижняк Д.С. Статистический анализ защит диссертаций по криминалистике (общая теория криминалистики, криминалистическая техника, криминалистическая тактика) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 133—144. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.015.

Statistical analysis of thesis defense in criminalistics (common theory of criminalistics, forensic technics, forensic tactics)

Valery I. Elinsky[1], Denis S. Khizhnyak[2]
[1]MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia, 20745@rambler.ru,
https://orcid.org/0000-0003-2611-8261
[2]Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, denis_khizhnyak@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0002-1377-6057

Abstract. One of the important means of successful development of legal science is the systematization of accumulated knowledge. The acquisition of new scientific knowledge occurs in the course of research, the most significant of which are dissertations for the degrees of candidate and Doctor of Law. Dissertations in criminalis-

© Елинский В.И., Хижняк Д.С., 2024

tics in the national history of science began to be defended in 1938. By now, a significant layer of scientific knowledge has been accumulated in all branches of science. The range of research is constantly expanding, while many important scientific problems remain out of the field of view of scientists. This article takes into account the dissertations defended in the period from 1938 to 2023.

Statistical analysis of dissertations is aimed at identifying patterns in the development of forensic science. And the scientific achievements currently available make it possible to make an even greater contribution to domestic criminalistics and other sciences using its knowledge.

As the research proposed to readers shows, further expansion of research work requires clear coordination in order to direct the efforts of scientists to develop important and relevant topics, excluding their duplication. The publication of the results of the statistical analysis of dissertations in criminalistics will be useful to achieve these goals.

Keywords: criminalistics, common theory, forensic technics, forensic tactics, dissertation.

Contribution of the authors: Elinsky V.I. – research concept and design, collection and processing of material, data analysis, text writing; Khizhnyak D.S. – research concept and design, collection and processing of material, data analysis, text writing.

For citation: Elinsky, V.I. & Khizhnyak, D.S. (2024) Statistical analysis of thesis defense in criminalistics (common theory of criminalistics, forensic technics, forensic tactics). *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 133–144. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.015.

Введение

Важную роль в становлении отечественной криминалистики как науки и формировании её структуры (системы) имеют диссертационные исследования. С течением времени круг исследований расширялся, а тематика научных исследований определялась нуждами практики и уголовной политики нашего государства. Таким образом, отечественная криминалистика постепенно отошла от западного образца и заняла место среди юридических наук.

Систематизация научных исследований по криминалистике не только наглядно показывает, как менялась парадигма науки, но и способствует координации научно-исследовательской работы аспирантов, соискателей, докторантов.

В настоящей статье будет проведен статистический анализ диссертаций по криминалистике по трем ее разделам – общая теория криминалистики, криминалистическая техника и криминалистическая тактика. Анализ был проведен за период с 1938 по 2023 г. Объем работы не позволил включить в нее аналитику диссертаций, посвященных вопросам методики расследования преступлений, что, несомненно, будет донесено до читателя в отдельных публикациях.

Основная часть

1. Итак, начнем с исследований, посвященных вопросам *общей теории криминалистики*.

Общая теория отечественной криминалистики начала формироваться с начала 20-х гг. XX века, когда первые ученые-криминалисты задались вопросами предмета и природы криминалистики[1]. Первые кандидатские диссертационные исследования, посвященные этим вопросам, принадлежат Е.У. Зицеру и Б.М. Шаверу[2].

В 1954 г. С.П. Митричевым была защищена первая докторская диссертация, посвященная вопросам общей теории криминалистики[3]. В дальнейшем вопросам общей теории криминалистики свои фундаментальные докторские исследования посвятили А.С. Андреев (2021), В.В. Вандышев (1989), М.К. Каминский (1989), В.Г. Коломацкий (1992), Н.В. Кручинина (2003), Г.А. Матусовский (1980), Я. Пещак (1974), И.В. Постика (1991), Е.В. Смахтин (2010), О.В. Челышева (2003), А.А. Эксархопуло (1993).

Вопросам методологии криминалистики посвящены докторские диссертации А.Ф. Аубакирова (1986), Р.С. Белкина (1961), Г.А. Густова (1992), И.Д. Кучерова (1973), Н.Н. Лысова (1996), Т. Матысяк (1981), Н.С. Полевого (1984), А.А. Топоркова (2001), Д.С. Хижняка (2018), С.Н. Чурилова (1995), В.И. Шарова (2003), Н.А. Якубович (1978).

Проблемам программирования и алгоритмизации расследования посвящены докторские диссертации Е.П. Ищенко (1990) и А.С. Шаталова (2000); криминалистической идентификации и диагностики – докторские диссерта-

[1] См., например: Маннс Г.Ю. Криминалистика, как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I — науки гуманитарные. Иркутск, 1921, С. 139—164; Якимов И.Н. Наука раскрытия преступлений (методологический очерк) // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 2-3.

[2] Зицер Е.У. Возникновение и основные этапы развития буржуазной криминалистики: дис. ... канд. юрид. наук. [Б.м.], 1938; Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики и применение ее к расследованию отдельных видов преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1938.

[3] Митричев С.П. Основные теоретические вопросы советской криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1954.

ции С.В. Дубровина (2006), В.Я. Колдина (1970), В.Ф. Орловой (1973), М.Я. Сегая (1970), О.А. Соколовой (2018), Д.А. Степаненко (2006), В.А. Тимченко (2001); криминалистической систематике – докторская диссертация А.Ю. Головина (2003); криминалистическому мышлению – докторские диссертации Д.В. Бахтеева (2022), В.И. Власова (1991), А.В. Гусева (2016), И.М. Лузгина (1968); разыскной работе следователя – В.А. Жбанкова (1995), А.А. Закатова (1995), Г.А. Кокурина (2001), В.Е. Корноухова (1986), В.И. Попова (1965); профилактической работе следователя – докторские диссертации В.Ф. Зудина (1988) и М.Ш. Махтаева (2001).

Всего по вопросам общей теории криминалистики защищено 177 диссертаций, из них 46 на соискание ученой степени доктора юридических наук. Итого из 100 % диссертаций, защищенных по вопросам общей теории криминалистики, 74,01 % составили кандидатские диссертации, 25,99 % – докторские (см. табл. 1 и рис. 1).

Таблица 1

Общая теория криминалистики

1. Общая теория криминалистики	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
1.1. Предмет, система, задачи и принципы криминалистики	6	7	13
1.2. Структура и функции общей теории криминалистики	–	2	2
1.3. Криминалистика в системе научного знания и ее природа	5	7	12
1.4. Язык теории	1	–	1
1.5. Методология криминалистики	37	13	50
1.6. Программирование и алгоритмизация расследования – общая теория	9	2	11
1.7. Криминалистическая диагностика и идентификация	35	8	43
1.8. Криминалистическая систематика и классификация	8	1	9
1.9. Криминалистическое мышление	7	5	12
1.10. Криминалистическое прогнозирование	6	–	6
1.11. Профилактическая работа следователя	17	1	18
Итого:	**131**	**46**	**177**

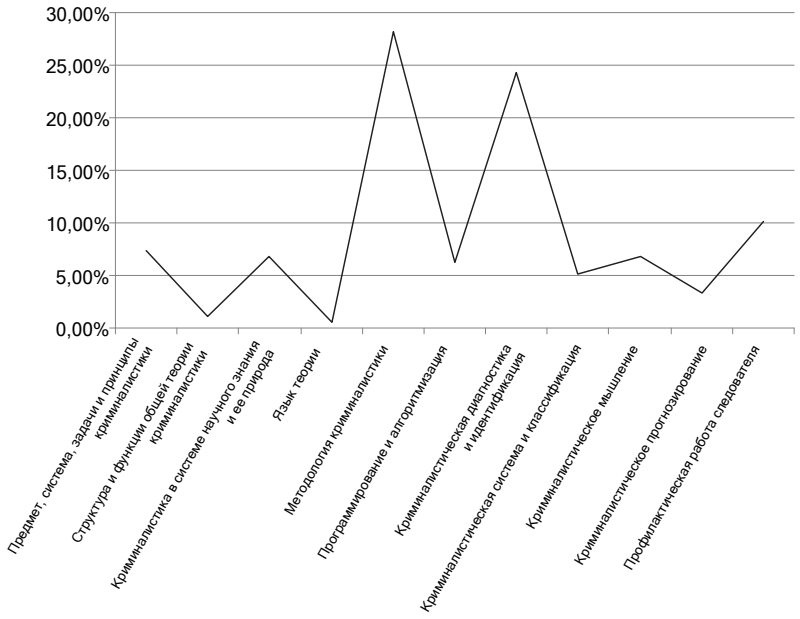


Рис. 1. Процентное соотношение диссертаций, защищенных по различным вопросам, входящим в содержание общей теории криминалистики как раздела науки

2. *Криминалистическая техника* – раздел науки криминалистики, который, в силу понимания криминалистики как науки технической, активно развивался еще в Российской империи.

В структуру криминалистической техники как раздела науки и учебной дисциплины на данный момент входят следующие общепризнанные отрасли: криминалистическая фотография и видеозапись; криминалистическое исследование следов (трасология); криминалистическое исследование холодного и огнестрельного оружия; криминалистическое взрывоведение; криминалистическое исследование документов (почерковедческое, автороведческое и технико-криминалистическое); габитоскопия; криминалистическая регистрация; криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий.

Среди отраслей, вызывающих научные дискуссии относительно их научных основ и отношения к науке криминалистике, можно выделить криминалистическую фоноскопию, робототехнику, полиграфологию, дерматоглифику, голографию, а также криминалистическое исследование цифровых следов и следов радиоактивного распада.

Под криминалистической техникой также понимается инструментарий, или технико-криминалистические средства, которые классифицируются на технико-криминалистические средства, применяемые при производстве следственных действий, в ходе экспертных исследований и для решения иных криминалистических задач. Такой подход к пониманию криминалистической техники также отражен в диссертационных исследованиях.

Актуальность диссертационных исследований, посвященных вопросам применения технических средств в расследовании преступлений, и их превалирующее количество в начальный период формирования криминалистического знания в форме диссертаций обусловлены как пониманием природы науки криминалистики как технической, так и задачами, стоящими перед наукой в тот период.

В частности, А.Я. Вышинский в 1946 г. отмечал, что «дальнейшие успехи криминалистики стоят в прямой связи с овладением нашими криминалистами технической (в широком смысле слова) наукой, с одной стороны, и наукой судебного права – с другой. Только в этой связи и возможно ее дальнейшее успешное развитие»[4].

Первой диссертацией по криминалистической технике стала кандидатская А.И. Винберга, посвященная вопросам производства криминалистической экспертизы письма[5]. Первой докторской диссертацией по криминалистической технике в некоторых источниках называют работу профессора Н.В. Терзиева-Порошина «Судебная экспертиза в делах о спорном отцовстве» (1939)[6]. Тем не менее речь идет об использовании криминалистических знаний в целях установления отцовства, а не расследования преступлений. В шестой главе его диссертации – «Генетико-дактилоскопическая экспертиза» можно усмотреть положения, которые могут иметь отношение к интересам расследования преступлений. К сожалению, изучить содержание данной главы не представляется возможным (диссертация не сохранилась; содержание дается по данным ВИЮНа).

Таблица 2

Общие положения криминалистической техники

2.1. Общие положения криминалистической техники	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
2.1.1. Система и задачи криминалистической техники	7	2	9
2.1.2. Общая характеристика технико-криминалистических средств	38	6	44
2.1.3. Компьютерные технологии и искусственный интеллект в криминалистике	35	4	39
2.1.4. Правовые основы использования технико-криминалистических средств	8	2	10
Итого:	**90**	**12**	**102**

[4] Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946. С. 227.

[5] Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза письма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1938.

[6] См.: Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Душанбе, 1965. С. 279.

Всего по вопросам общих положений криминалистической техники было защищено 102 диссертации, из них 12 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % диссертаций, защищенных по общим положениям криминалистической техники, 88,24 % составили кандидатские диссертации и 11,76 % – докторские (см. табл. 2 и рис. 2).

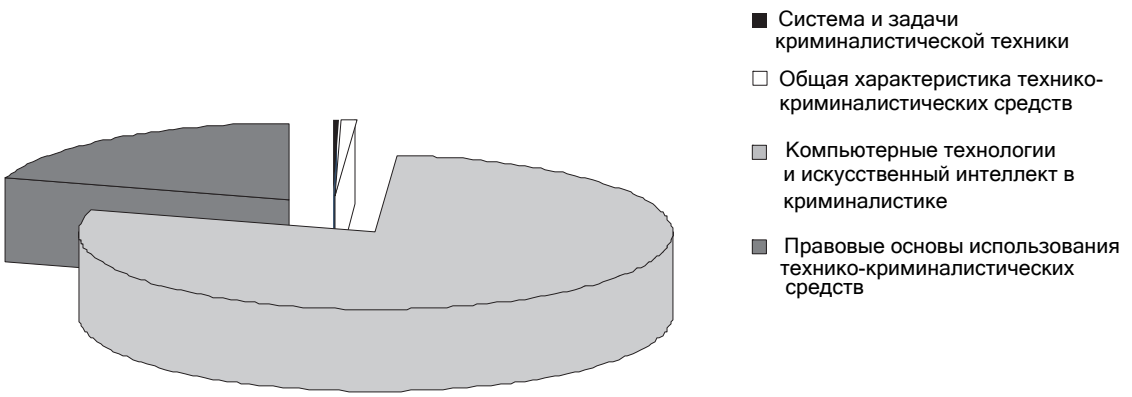


Рис. 2. Соотношение диссертаций, защищенных по вопросам общих положений криминалистической техники

Таблица 3

Отрасли криминалистической техники

2.2. Отрасли криминалистической техники	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
2.2.1. Криминалистическая фотография	24	–	24
2.2.2. Криминалистическая видеозапись	13	–	13
2.2.3. Криминалистическая фоноскопия	13	–	13
2.2.4. Криминалистическая трасология	100	8	108
2.2.5. Дактилоскопия	45	4	49
2.2.6. Криминалистическое исследование цифровых следов	13	1	14
2.2.7. Криминалистическое исследование оружия (оружиеведение)	31	3	34
2.2.8. Криминалистическая баллистика	56	8	64
2.2.9. Криминалистическая взрывотехника (взрывоведение)	8	–	8
2.2.10. Криминалистическое исследование документов	68	2	70
2.2.11. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий	51	4	55
2.2.12. Криминалистическое почерковедение	91	4	95
2.2.13. Криминалистическое автороведение	26	1	27
2.2.14. Криминалистическая одорология	2	–	2
2.2.15. Криминалистическая габитоскопия	22	1	23
2.2.16. Криминалистическая регистрация (учеты)	46	1	47
2.2.17. Психофизиологические исследования в криминалистике	1	–	1
2.2.18. Криминалистическая кадаврология	3	–	3
2.2.19. Криминалистическая голография	1	–	1
2.2.20. Криминалистическое исследование следов биологического происхождения	12	–	12
Итого:	**626**	**37**	**663**

Всего по отраслям криминалистической техники было защищено 663 диссертации, из них 37 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % диссертаций, защищенных по общим положениям криминалистической техники, 94,42 % составили кандидатские диссертации и 5,58 % – докторские (см. табл. 3). Процентное соотношение выполненных диссертаций в зависимости от отрасли показано на графике (рис. 3).

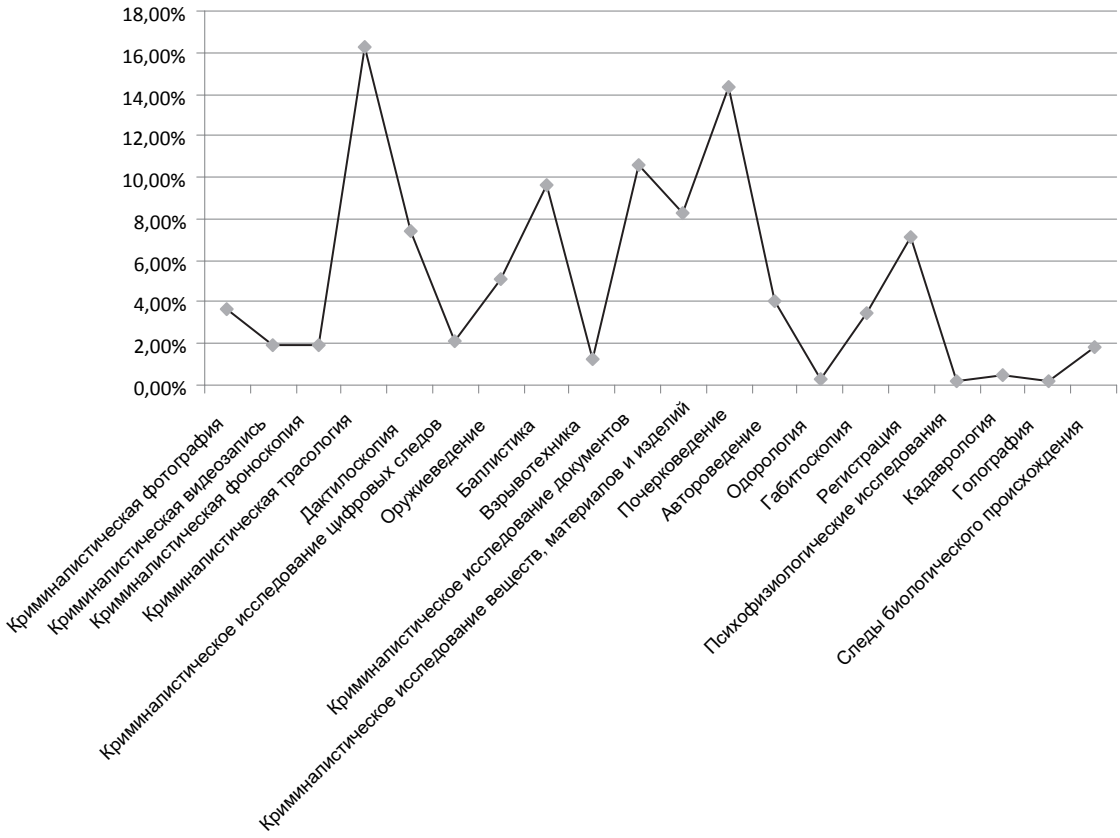


Рис. 3. Процентное соотношение выполненных кандидатских и докторских диссертаций по отраслям криминалистической техники

3. *Криминалистическая тактика* – раздел науки криминалистики, эволюционировавший из положений раздела «уголовная тактика», содержащегося в первых учебниках по криминалистике. В дальнейшем тактика получила наименование «следственной», которая, в свою очередь, вошла в структуру тактики криминалистической.

В структуру криминалистической тактики на сегодняшний день включают *общие положения* (организационные основы производства следственных и судебных действий; учение о следственной версии и планировании расследования и судебного следствия; криминалистические рекомендации по наиболее рациональному применению технических средств и специальных знаний на предварительном следствии и в суде; тактические основы взаимодействия следователя с иными участниками уголовного судопроизводства и субъектов судебного следствия) и так называемую *особенную часть* (приемы и методы производства конкретных следственных и судебных действий).

Первой диссертацией, относящейся к современному разделу науки криминалистическая тактика, стала кандидатская диссертация С.Г. Кривицкого, в которой он рассмотрел криминалистическую сущность допроса и очной ставки[7]. Первой докторской диссертаций стала

[7] Кривицкий С.Г. Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. [Б.м.], 1941.

работа И.Н. Якимова «Следственный осмотр», в которой автор рассмотрел такие виды осмотра, как осмотр места преступления, трупа, вещественных доказательств, огнестрельного оружия и боеприпасов, отдельных материальных следов[8].

Далее представлены таблицы и графики диссертаций, посвященных криминалистической тактике.

Таблица 4

Общие положения криминалистической тактики

3.1. Общие положения криминалистической тактики	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
3.1.1. Понятие, сущность и содержание криминалистической тактики	45	9	54
3.1.2. Криминалистические версии и планирование расследования	24	2	26
3.1.3. Тактика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими ОРД, и другими участниками раскрытия и расследования преступлений	82	4	86
3.1.4. Тактика использования помощи населения и СМИ в расследовании преступлений	12	1	13
3.1.5. Тактика противодействия	67	7	74
Итого:	**230**	**23**	**253**

Всего по общим положениям криминалистической тактики было защищено 253 диссертации, из них 23 диссертации на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % диссертаций, защищенных по общим положениям криминалистической тактики, 90,91 % составили кандидатские диссертации и 9,09 % – докторские (см. табл. 4). Количественное соотношение выполненных диссертаций в зависимости от отрасли показано на диаграмме (рис. 4).

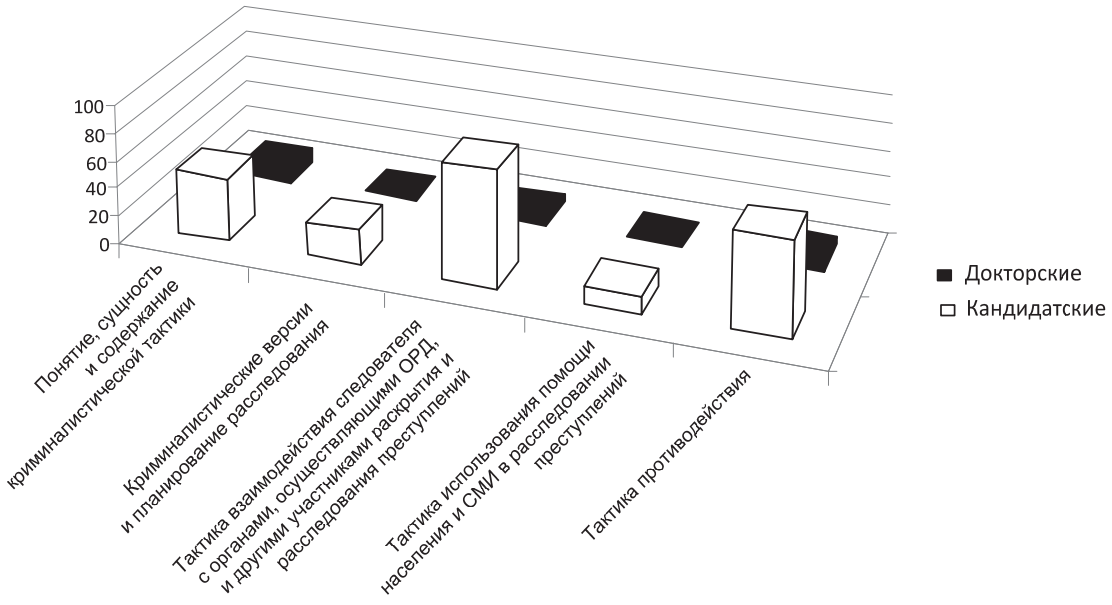


Рис. 4. Соотношение кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по вопросам общих положений криминалистической тактики

[8] Якимов И.Н. Следственный осмотр: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1947.

Таблица 5

Криминалистические средства, приемы и методы

3.2. Криминалистические средства, приемы и методы	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
3.2.1. Тактический прием	10	–	10
3.2.2. Тактическая комбинация	5	–	5
3.2.3. Тактическая операция	21	3	24
3.2.4. Тактическая ситуация (ситуалогия)	21	6	27
3.2.5. Тактическое решение	12	1	13
3.2.6. Криминалистические ошибки	5	1	6
3.2.7. Тактический риск	4	–	4
3.2.8. Психологические основы следственных действий	37	7	44
3.2.9. Тактика использования данных о поведении участников уголовного процесса в ходе следственных действий	29	7	36
3.2.10. Тактика использования результатов ОРД в расследовании преступлений	38	2	40
Итого:	**182**	**27**	**209**

Всего было защищено 209 диссертаций, посвященных различным криминалистическим средствам, приемам и методам (указаны в табл. 5). Из них 27 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % защищенных диссертаций 87,08 % составили кандидатские диссертации и 12,92 % – докторские. Процентное соотношение выполненных диссертаций в зависимости от криминалистического средства показано на диаграмме (рис. 5).

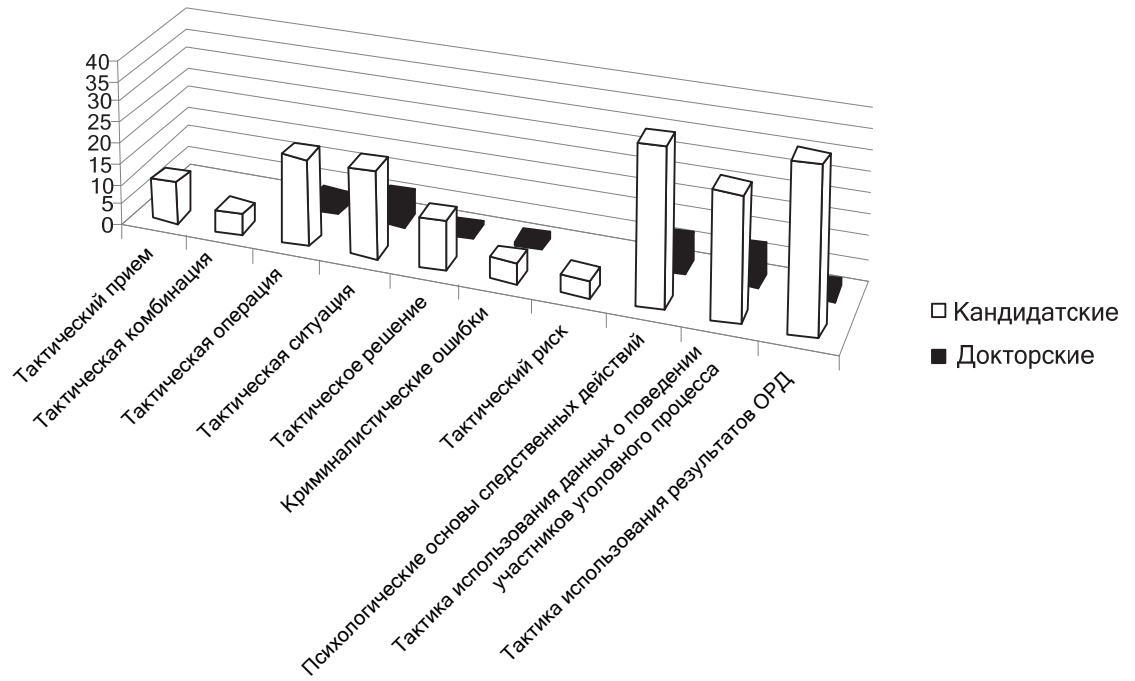


Рис. 5. Соотношение кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по вопросам использования криминалистических средств, приемов и методов

Таблица 6

Тактика следственных действий

3.3. Тактика следственных действий	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
3.3.1. Тактика следственных действий (общие вопросы)	20	–	20
3.3.2. Тактика обыска	19	–	19
3.3.3. Тактика следственного осмотра	41	2	43
3.3.4. Тактика освидетельствования	7	1	8
3.3.5. Тактика эксгумации	2	–	2
3.3.6. Тактика допроса и очной ставки	87	1	88
3.3.7. Тактика предъявления для опознания	19	–	19
3.3.8. Тактика получения образцов для сравнительного исследования	5	–	5
3.3.9. Тактика назначения и производства экспертиз	57	7	64
3.3.10. Тактика задержания	20	–	20
3.3.11. Тактика получения информации о соединении между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Контроль и запись переговоров	6	–	6
3.3.12. Тактика проверки показаний на месте	20	–	20
3.3.13. Тактика наложения ареста на имущество	2	–	2
3.3.14. Тактика неотложных следственных действий	9	–	9
3.3.15. Тактика производства первоначальных следственных действий	17	–	17
3.3.16. Тактика производства повторных следственных действий	2	–	2
3.3.17. Тактика производства следственных действий с участием специалистов	16	–	16
3.3.18. Тактика следственного эксперимента	10	1	11
Итого:	**360**	**12**	**372**

Всего по отдельным следственным действиям было защищено 372 диссертации. Из них 12 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % защищенных диссертаций 96,77 % составили кандидатские диссертации и 3,23 % – докторские (см. табл. 6).

Процентное соотношение выполненных диссертаций в зависимости от следственного действия показано на диаграмме (рис. 6).

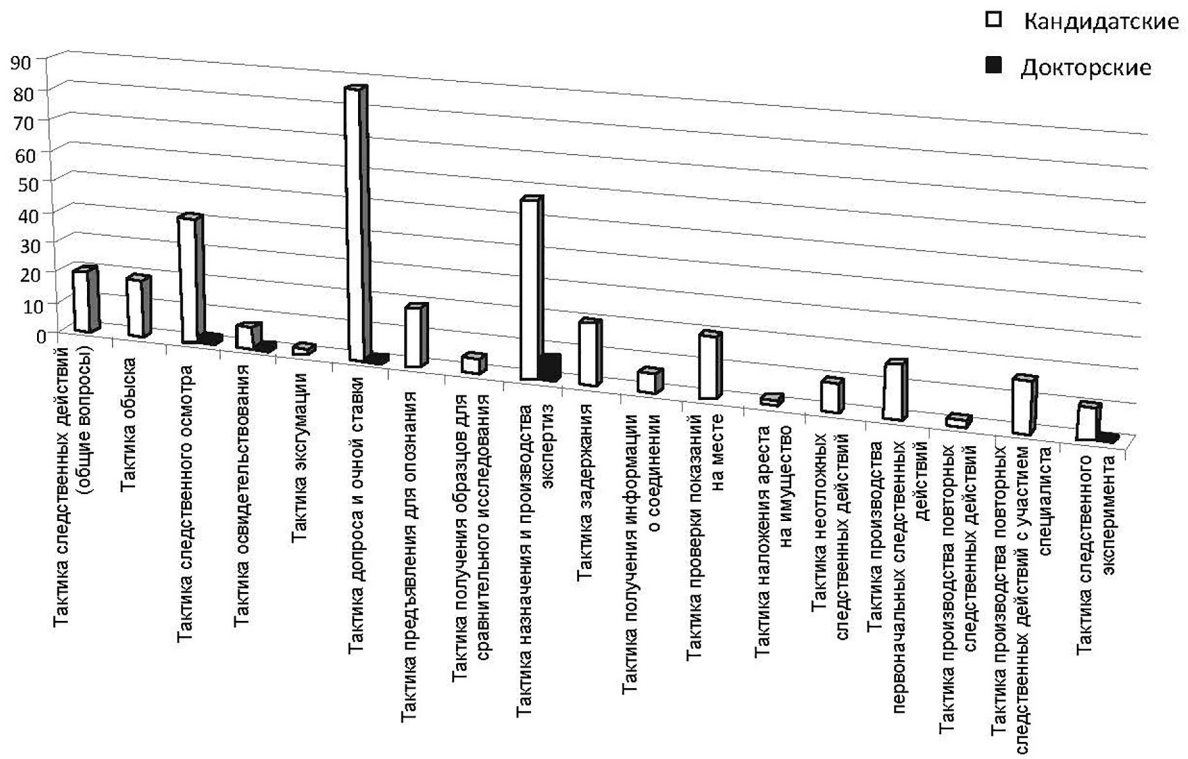


Рис. 6. Соотношение кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по вопросам тактики следственных действий

Таблица 7

Достижения криминалистики в иных сферах юридической деятельности

3.4. Криминалистика в иных сферах юридической деятельности	Кандидатские диссертации	Докторские диссертации	Всего
3.4.1. Тактика в судебной практике	30	4	34
3.4.2. Тактика в прокурорской деятельности	22	1	23
3.4.3. Тактика в адвокатской и нотариальной деятельности	25	1	26
3.4.4. Криминалистическая тактика в деятельности оперативных подразделений ОВД, ФСИН и ФСБ	12	–	12
Итого:	**89**	**6**	**95**

Всего по применению положений криминалистики в отдельных сферах юридической деятельности (в судебной практике, в прокурорской и адвокатской деятельности) было защищено 95 диссертаций. Из них 6 диссертаций на соискание ученой степени доктора наук. Итого из 100 % защищенных диссертаций 93,68 % составили кандидатские диссертации и 6,32 % – докторские (см. табл. 7). Процентное соотношение выполненных диссертаций в зависимости от сферы юридической деятельности показано на диаграмме (рис. 7).

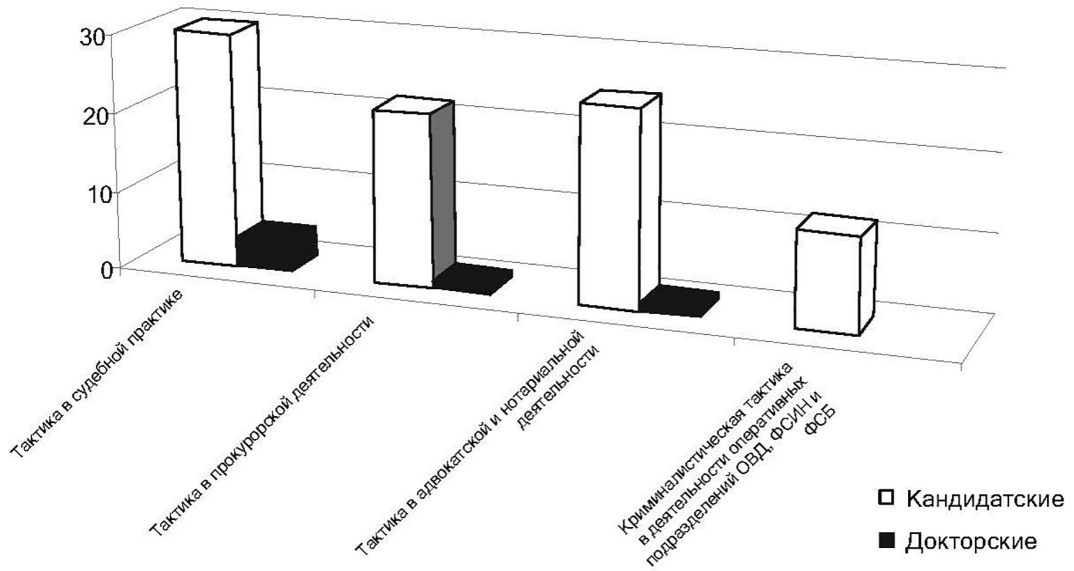


Рис. 7. Соотношение кандидатских и докторских диссертаций, защищенных по вопросам применения положений криминалистики в иных сферах юридической деятельности

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что настоящая работа имеет своей целью не только восполнить пробел в области наукометрии исследований по вопросам криминалистики, но и показать динамику развития как криминалистики в целом, так и отдельных ее направлений. Наглядные материалы (таблицы, графики и диаграммы) демонстрируют степень внимания ученых к той или иной научной проблеме и уровень квалификационных научных работ, им посвященных (кандидатские и докторские).

Список литературы

1. Винберг А.И. Криминалистическая экспертиза письма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1938. 257 с.

2. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрид. изд-во, 1946. 248 с.

3. Зицер Е.У. Возникновение и основные этапы развития буржуазной криминалистики: дис. ... канд. юрид. наук. [Б.м.], 1938. 115 с.

4. Кривицкий С.Г. Основные вопросы тактики допроса в стадии предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. [Б.м.], 1941. 190 с.

5. Маннс Г.Ю. Криминалистика, как прикладная дисциплина и предмет преподавания // Труды профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел I – науки гуманитарные. Иркутск: Госиздат, 1921. С. 139–164.

6. Митричев С.П. Основные теоретические вопросы советской криминалистики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1954. 515 с.

7. Рахлевский В.А., Борисов К.Г. Библиографический справочник диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук. Душанбе: Ирфон, 1965. 541 с.

8. Шавер Б.М. Предмет и метод советской криминалистики и применение ее к расследованию отдельных видов преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1938. 777 с.

9. Якимов И.Н. Наука раскрытия преступлений (методологический очерк) // Рабоче-крестьянская милиция. 1923. № 2-3.

10. Якимов И.Н. Следственный осмотр: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1947. 387 с.

References

1. Vinberg, A.I. (1938) Kriminalisticheskaya ekspertiza pis'ma [Forensic examination of the writing]. Ph. D. thesis. Moscow, 257 p. (In Russ.).

2. Vyshinskiy, A.Ya. (1946) Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave [The theory of judicial evidence in Soviet law]. 2nd ed. Moscow, 248 p. (In Russ.).

3. Zitser, E.U. (1938) Vozniknovenie i osnovnye etapy razvitiya burzhuaznoy kriminalistiki [The emergence and main stages of the development of bourgeois criminalistics]. Ph. D. thesis. 115 p. (In Russ.).

4. Krivitskiy, S.G. (1941) Osnovnye voprosy taktiki doprosa v stadii predvaritel'nogo sledstviya [The main issues of interrogation tactics at the stage of preliminary investigation]. Ph. D. thesis. 190 p. (In Russ.).

5. Manns, G.Yu. (1921) Kriminalistika, kak prikladnaya distsiplina i predmet prepodavaniya [Criminalistics as an applied discipline and subject of teaching]. In: *Trudy professorov i prepodavateley Gosudarstvennogo Irkutskogo Universiteta. Otdel I – nauki gumanitarnye*. Irkutsk, Gosizdat, pp. 139–164. (In Russ.).

6. Mitrichev, S.P. (1954) Osnovnye teoreticheskie voprosy sovetskoy kriminalistiki [The main theoretical issues of Soviet criminalistics]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 515 p. (In Russ.).

7. Rakhlevskiy, V.A. & Borisov, K.G. (1965) Bibliograficheskiy spravochnik dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata i doktora yuridicheskikh nauk [Bibliographic reference of dissertations for the degree of candidate and doctor of law]. Dushanbe, Irfon, 541 p. (In Russ.).

8. Shaver, B.M. (1938) Predmet i metod sovetskoy kriminalistiki i primenenie ee k rassledovaniyu otdel'nykh vidov prestupleniy [The subject and method of Soviet criminalistics and its application to the investigation of certain types of crimes]. Ph. D. thesis. Moscow, 777 p. (In Russ.).

9. Yakimov, I.N. (1923) Nauka raskrytiya prestupleniy (metodologicheskiy ocherk) [The science of crime detection (methodological essay)]. *Raboche-krest'yanskaya militsiya*, no. 2-3. (In Russ.).

10. Yakimov, I.N. (1947) Sledstvennyy osmotr [Investigative inspection]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 387 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В.И. Елинский – заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российского технологического университета, доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник Следственного комитета Российской Федерации;
Д.С. Хижняк – профессор кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

V.I. Elinsky – Head of the Department of State and Legal Disciplines of the MIREA – Russian Technological University, Doctor of Law, Professor, Honorary Employee of the Investigative Committee of the Russian Federation;
D.S. Khizhnyak – Professor of the Criminalistics Department of the Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 145—150.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 145–150.

УДК 343.985.7:343.7
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.016

NIION: 2015-0064-04/24-262
MOSURED: 77/27-009-2024-04-461

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности доказывания легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем

Кирилл Константинович Клевцов[1], Станислав Вячеславович Фидельский[2]
[1]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, klevtsov001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2918-175X
[2]Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия, west1980stas@outlook.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые сложности в доказывании, возникающие при расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. На конкретном примере приводятся трудности в установлении факта получения имущества, являющегося предметом легализации, а также в подтверждении соответствующими доказательствами осознания виновным (mens rea), что имущество получено именно преступным путем. Авторами особо делается акцент на описании в процессуальных документах с соответствующей мотивировкой действий обвиняемых, которые имели цель придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению имуществом, полученным преступным путем.

Ключевые слова: легализация, отмывание, мошенничество, предикатные преступления, финансовые операции.

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Клевцов К.К., Фидельский С.В. Особенности доказывания легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 145—150. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.016.

Features of proving the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means

Kirill K. Klevtsov[1], Stanislav V. Fidelsky[2]
[1]HSE University, Moscow, Russia, klevtsov001@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-2918-175X
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, west1980stas@outlook.com

Abstract. The article examines some difficulties in proving that arise during the investigation of criminal cases on crimes related to the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means. A specific example is given of the difficulties in establishing the fact of obtaining property that is the subject of legalization, as well as in confirming with appropriate evidence the awareness of the guilty party (mens rea) that the property was obtained by criminal means. The authors place particular emphasis on the description in procedural documents with the corresponding motivation of the actions of the accused, which had the goal of giving a legal appearance to the ownership, use and disposal of property obtained by criminal means.

Keywords: legalization, money laundering, fraud, predicate crimes, financial transactions.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Klevtsov, K.K. & Fidelsky, S.V. (2024) Features of proving the legalization (laundering) of money or other property acquired by criminal means. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 145—150. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.016.

© Клевцов К.К., Фидельский С.В., 2024

Под *легализацией (отмыванием)*[1] *преступных доходов*, по общему правилу, понимается преступление международного характера, которое состоит в сокрытии источников происхождения и вовлечении таких доходов в легальный экономический оборот[2]. В Российской Федерации уголовно-правовые нормы об ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества формировались под влиянием соответствующих международных договоров. В качестве основных следует выделить:

(i) *Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 года*[3];

(ii) *Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 года*[4];

(iii) *Договор государств — участников Содружества Независимых Государств о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения от 15 октября 2021 года*[5].

В российском уголовном законодательстве предусмотрены две статьи, которые направлены на противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов. Статья 174 УК РФ предусматривает ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных *другими лицами* преступным путем. В то же время статья 174.1 УК РФ криминализирует легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных *злоумышленником* в результате совершения *им* преступления[6].

В силу ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[7] легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, представляет собой придание правомерного вида владению, пользованию или распоряжению средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления. Иными словами, происходит манипуляция с преступными доходами, которая маскируется под законные финансовые операции и сделки. В этой связи российские суды исходят из того, что привлечение лиц к уголовной ответственности за «легализацию» возможно лишь при точном установлении факта, что такое имущество имеет преступное происхождение, то есть получено в результате учинения общественно опасного деяния любого вида[8].

По меткому наблюдению О.Н. Тисен, «в соответствии с концепцией „трехфазной модели“ легализация преступных доходов включает в себя следующие стадии (фазы):

- размещение (*placement*) — размещение средств на счетах в банках, кредитных организациях, превращение их в финансовые инструменты, товары, драгоценные металлы и т. п.;
- расслоение (*layering*) — осуществление финансовых операций и сделок в целях сокрытия их преступного происхождения, в том числе смешивание легальных и преступных доходов;
- интеграция (*integration*) — придание преступным доходам видимости законных и их введение в легальный экономический оборот»[9].

Содержание признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, более подробно раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретен-

[1] Термины «легализация» и «отмывание» рассматриваются как синонимы в контексте российской правовой системы.

[2] См.: Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М., 2010. С. 328; Black's law dictionary / by Henry Campbell Black. 6th ed. St. Paul, Minn., 1990. P. 884.

[3] Бюллетень международных договоров. 2023. № 3. С. 14—46.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 8, ст. 1091.

[5] Единый реестр правовых актов и других документов СНГ // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств: [офиц. сайт]. URL: https://cis.minsk.by/reestrv2 (дата обращения: 01.10.2024).

[6] Причем подобная дуалистическая криминализация предусмотрена не во всех правопорядках. Например, см.: Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. С. 363—367 (§ 261).

[7] Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33, ч. 1, ст. 3418.

[8] См. определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2009 года № 55-Д09-4.

[9] Тисен О.Н. Особенности доказывания преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: монография. М., 2022. С. 48. В дальнейшем некоторые ссылки на решения судов будут приведены из данной работы с предварительным анализом авторами настоящей статьи их содержания.

ных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»[10], из анализа которого, в свою очередь, делается вывод, что ответственность за данное преступление наступает в том случае, когда злоумышленник совершает финансовые операции[11] или другие сделки[12] с денежными средствами или иным имуществом, осознавая, что они получены в результате совершения преступления (с точки зрения *mens rea* — прямой умысел), и преследуя *speciale* цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению такими денежными средствами или имуществом. С ракурса международных стандартов требуются доказательства совершения предикатного преступления и финансовых операций или схем, организованных с целью сокрытия или маскировки незаконного происхождения активов, их владельца или контроля над ними[13].

В приказе Генпрокуратуры России от 8 февраля 2017 года № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма»[14] отмечается, что при изучении уголовных дел о преступлениях, связанных с легализацией преступного дохода, особое внимание необходимо уделять достаточности собранных доказательств, подтверждающих направленность умысла подозреваемого (обвиняемого) на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, приобретенными преступным путем (абз. 3 п. 1.11).

Отсюда следует, что лишь сам факт совершения тех или иных финансовых операций или сделок с имуществом, полученным преступным путем, еще не свидетельствует об отмывании, поскольку должна быть зафиксирована также осведомленность лица[15]. В то же время распоряжение денежными средствами, полученными преступным путем, также не образует состав легализации, поскольку следует доказать и описанную выше конкретизированную цель[16].

Так, по итогам одного из судебных разбирательств, приведенного из личного архива авторов, был постановлен обвинительный приговор, согласно которому некий Г. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, из анализа которого усматривалось, что «Г., Д. и неустановленное лицо в период <...>, действуя в составе организованной группы лиц, под видом строительства многоквартирного жилого дома, совершили обманным путем систематическое безвозмездное противоправное изъятие и обращение в свою пользу денежных средств неопределенного круга граждан, желающих приобрести в собственность на этапе строительства недвижимое имущество на сумму <...>, распорядившись похищенным по своему усмотрению, чем причинили дольщикам ущерб в особо крупном размере, а также фактически лишили возможности последних реализовать свое право владения, пользования и распоряжения имуществом.

Преступные действия Г. выразились в том, что он, выступающий соинвестором, передал в качестве вклада в инвестиционный проект право аренды земельного участка, что фактически не соответствовало действительности, а делалось с целью обмана граждан и привлечения их денежных средств для строительства, без намерения выполнить взятые на себя обязательства по окончанию строительства жилого комплекса <...>. Поступающие от граждан денежные средства были затрачены на строительство объектов долевого участия, однако, по версии следствия и суда, такие действия были осуществлены в целях создания видимости гражданско-правовых отношений, следовательно, являлись обманом, который Г. и иные лица использовали для привлечения как можно большего количества граждан, в целях последующего хищения денежных средств».

В связи с чем данные лица, заведомо зная, что указанные денежные средства добыты ими преступным путем, для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению ими, действуя из корыстных побуждений, решили систематически, на протяжении длительного времени, в зависимости от поступления денежных средств граждан на расчетные счета подконтроль-

[10] Российская газета. 2015. № 151.

[11] *Финансовые операции* — любые операции с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и т. п.).

[12] *Сделки* — действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, а равно на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей.

[13] Asset recovery handbook: a guide for practitioners / J.-P. Brun, L. Gray, C. Scott, K. Stephenson. Washington: World Bank, 2011. P. 67.

[14] Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: https://consultant.ru (дата обращения: 01.10.2024).

[15] См. апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2015 года № 82-АПУ14-31.

ных им организаций ООО <...>, генеральным директором которого являлось неустановленное лицо, и ООО <...>, директором которого являлся Д., а также внесения средств в кассу указанных обществ, совершать сделки с различными субъектами коммерческой и предпринимательской деятельности с целью поставки строительных материалов, оборудования, выполнения работ, оказания услуг на строящемся объекте гостиницы <...>, предоставленном Г. в аренду на основании постановления заместителя главы администрации муниципального образования <...>. При этом данные лица, действуя группой лиц, предварительно распределили между собой преступные роли, согласно которым Г. и Д. подыскивали физических и юридических лиц, которые по роду своей деятельности осуществляют поставки строительных материалов, оборудования, выполнения работ, оказания услуг, вели с ними переговоры, согласовывали условия, а неустановленное лицо, выступая генеральным директором ООО <...>, наряду с Д. — директором ООО <...> непосредственно осуществляли переводы данным физическим и юридическим лицам денежных средств в счет оплаты, придавая правомерный вид владению, пользованию и распоряжению ими.

Авторы настоящей статьи не берутся судить о качестве данного приговора, пусть этот вопрос определяют вышестоящие судебные инстанции. Между тем стоит привести ряд процессуальных моментов, в том числе вынуждающих, как представляется, задуматься относительно вопросов уголовно-процессуального доказывания по делам названной категории. Так, анализ материалов уголовного дела свидетельствовал о том, что в них было скопировано описание предикатного преступления и добавлен абстрактный вывод о наличии признаков легализации преступного дохода. В частности, не было указано, в чем конкретно выразились преступные действия обвиняемого Г. при совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами, в материалах дела не конкретизированы сведения о том, что такие средства были направлены на строительство гостиницы и прямым образом связаны с предикатным преступлением. В описательно-мотивировочной части обвинительного заключения и приговора отсутствовало описание признаков объективной и субъективной стороны. В частности, не было указано, какие именно действия Г. совершил для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным доходом и имуществом. Такие факты обусловлены распространенной практикой копирования правоохранительными органами в обвинительном заключении фабулы обвинения по предикатному преступлению для описания обстоятельств совершения легализации без фактического описания необходимых признаков преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ[17].

Как отмечается специалистами, отсутствие доказательств наличия любого из вышеперечисленных условий исключает привлечение лица к уголовной ответственности за легализацию преступных доходов. Факт отсутствия легальных доходов на момент приобретения имущества лицом, изобличенным в совершении преступлений в последующем, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, не может рассматриваться как признак легализации преступных доходов. В связи с этим как в обвинительном заключении, так и в приговоре должны быть описаны все признаки объективной и субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ[18]. При этом должен быть отражен факт получения имущества, являющегося предметом легализации, преступным путем и описание преступления, предикатного к легализации[19]. Осведомленность обвиняемого Г. о том, что денежные средства или иное имущество, с которыми он осуществил финансовые операции или сделки, получены преступным путем, не была подтверждена имеющимися в уголовном деле доказательствами[20].

Наличие цели придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению преступным доходом у обвиняемого Г., исходя из анализа материалов уголовного дела, не было подтверждено не только конкретными доказательствами, но не усматривалась и совокупность обстоятельств, указывающих на характер совершенных финансовых операций или сделок, на-

[16] См. кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2020 года № 77-226/2020.

[17] Повторим, что установление факта распоряжения денежными средствами, полученными в результате совершения преступления, не свидетельствует о легализации (отмывании). См. надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 марта 2014 года № 41-Д14-3.

[18] Подробнее см.: Тисен О.Н. Указ. соч. С. 235—252.

[19] См. кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2021 года № 36-УД20-7-К2.

[20] См. апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 года № 67-АПУ15-30.

правленных на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности его введения в легальный экономический оборот. Формулировка, указанная в приговоре, что *«полученные от граждан денежные средства Г. и Д., а также иные члены организованной группы планировали обращать в свою пользу, путем получения наличными либо снятия их с расчетного счета коммерческих организаций, выступающих застройщиком или генподрядчиком»*, не была подтверждена соответствующими доказательствами. Подобный факт может лишь вероятно свидетельствовать о распоряжении денежными средствами, но не о легализации (отмывании) преступных доходов, поскольку в описательно-мотивировочной части приговора не усматривается, какие именно действия были совершены обвиняемым для придания правомерности владению денежными средствами, приобретенными в результате совершения мошенничества[21].

Тот факт, что обвиняемый Г. принимал участие в строительстве гостиницы в тот же период времени, когда строился жилой комплекс, не может свидетельствовать о признаках легализации денежных средств, полученных преступным путем, поскольку это не подтверждено соответствующими доказательствами. Кроме того, гостиница была поставлена на кадастровый учет в определенный срок. Подобное свидетельствует, что процесс строительства уже близился к завершению, соответственно, были задействованы иные денежные средства. Отсутствие финансовых обязательств, подтвержденных долговой распиской между Г. и Д., которую суд не принял во внимание, также не может свидетельствовать о легализации (отмывании) денежных средств в их причинно-следственной связи.

В этой связи сделать однозначный вывод о наличии криминообразующих признаков преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, вряд ли представляется возможным, по нашему мнению, ввиду следующего.

Во-первых, не установлен факт получения имущества, являющегося предметом легализации, преступным путем, а соответственно, и предмет легализации, которым может быть именно то имущество, которое получено в результате конкретного предикатного преступления. Здание отеля могло быть построено обвиняемым не за счет средств дольщиков жилого комплекса, а за личные средства. Данный факт не был рассмотрен судом, в том числе не дана оценка, что им были привлечены значительные денежные средства в иностранной валюте его родственников, а также были задействованы кредитные средства.

Во-вторых, не было подтверждено доказательствами и не мотивировано в процессуальных документах осознание обвиняемым факта приобретения имущества, являющегося предметом легализации, преступным путем.

Наконец, в-третьих, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не описаны и не мотивированы действия обвиняемого, которые имели цель придать правомерный вид владению, пользованию и распоряжению денежными средствами. Напротив, им совершались сделки с различными субъектами коммерческой и предпринимательской деятельности с целью поставки строительных материалов, оборудования, выполнения работ, оказания услуг на строящемся объекте гостиницы. Отсутствие финансовых обязательств, подтвержденных долговой распиской между обвиняемыми, которую суд не принял во внимание, также не может свидетельствовать о легализации (отмывании) денежных средств в их причинно-следственной связи.

Изложенное позволяет сделать вывод, что правоприменителям следует уделять особое внимание *quid probandum* по делам о преступлениях, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных в результате совершения преступления, в частности установлению *factum probandum* получения имущества, являющегося предметом легализации; осознанию обвиняемым факта приобретения имущества, полученного преступным путем; *speciale* цели, заключающейся в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению таким имуществом.

Список литературы

1. Борисов А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.

2. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия — Strafgesetzbuch (StGB): научно-практический комментарий и перевод текста закона. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2021. 489 с.

3. Тисен О.Н. Особенности доказывания преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 311 с.

[21] Например, см. надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 октября 2013 года № 41-Д13-35.

4. Asset recovery handbook: a guide for practitioners / J.-P. Brun, L. Gray, C. Scott, K. Stephenson. Washington: World Bank, 2011. xiv, 264 p.

5. Black's law dictionary / by Henry Campbell Black. 6th ed. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1990. xiv, 1657 p.

References

1. Borisov, A.B. (2010) Bol'shoy yuridicheskiy slovar' [Large Law Dictionary]. Moscow, Knizhnyy mir, 838 p. (In Russ.).

2. Golovnenkov, P.V. (2021) Ugolovnoe ulozhenie Federativnoy Respubliki Germaniya [Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB)]. Potsdam, University of Potsdam, 489 p. (In Russ.).

3. Tisen, O.N. (2022) Osobennosti dokazyvaniya prestupleniy, svyazannykh s legalizatsiey (otmyvaniem) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem [Peculiarities of proving crimes related to the legalization (laundering) of proceeds from crime]. Moscow, UNITY-DANA, 311 p. (In Russ.).

4. Brun, J.-P., Gray, L., Scott, C. & Stephenson, K. (2011) Asset recovery handbook: a guide for practitioners. Washington, World Bank, xiv, 264 p.

5. Black, H.C. (1990) Black's law dictionary. 6th ed. St. Paul, Minn., West Publishing Co., xiv, 1657 p.

Информация об авторах

К.К. Клевцов — доцент Департамента уголовного права, процесса и криминалистики НИУ «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент;
С.В. Фидельский — доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the authors

K.K. Klevtsov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics of the HSE University, Candidate of Law, Associate Professor;
S.V. Fidelsky – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Муниципальное право России. 13-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф УМО по юридическому образованию вузов РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Б.С. Эбзеева, Г.А. Гаджиева, А.М. Осавелюка, Н.М. Чепурновой, Л.Т. Чихладзе. 559 с.

ISBN: 978-5-238-03848-3

Изложены основные теории местного самоуправления, рассмотрена история возникновения и развития самоуправления в России. Показаны современные подходы к пониманию местного самоуправления, главные направления государственной политики России в этой области. Представлены предмет, метод, система и источники муниципального права. С учетом комплексного характера определено особое место муниципального права в системе российского права. Рассмотрены формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и его участия в нем. Описаны структура органов местного самоуправления и различные модели ее организации.

Для студентов (курсантов), аспирантов (адъюнктов) и преподавателей высших юридических образовательных учреждений, органов и должностных лиц местного самоуправления. Может быть использован в учебном процессе по дистанционным образовательным технологиям.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 151—158.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 151–158.

УДК 343.982.4
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.017

NIION: 2015-0064-04/24-263
MOSURED: 77/27-009-2024-04-462

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовая регламентация использования электронных документов и возможности их криминалистического исследования

Алексей Федорович Купин
Главное управление криминалистики (Криминалистический центр)
Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, alexcrim@rambler.ru

Аннотация. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов, регулирующих оборот документов, описаны возможности использования электронных документов в доказывании при установлении обстоятельств совершения преступлений и правонарушений.

Исходя из условий, причин и механизма создания электронных документов, выделены их признаки и отличительные особенности, а также предложен алгоритм криминалистического исследования таких документов, позволяющий устанавливать некоторые обстоятельства их создания, а также иные значимые факты. Рассмотрена компетенция лиц, обладающих специальными знаниями, которые могут привлекаться к решению задач в отношении электронных (цифровых) документов как объектов судебных экспертиз, обозначен круг вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертами. Определена очередность (последовательность) применения криминалистических методов и средств в процессе проводимых исследований документов, в том числе возможностей программных продуктов, используемых для установления обстоятельств изготовления электронных (цифровых) документов и внесения в них в последующем изменений.

Основываясь на результатах проявления признаков, которые находят отображение в процессе создания документов, автор дает рекомендации по установлению соответствия содержания электронного (цифрового) документа и документа на бумажном носителе.

Ключевые слова: электронный документ, электронный образ документа, судебная экспертиза, компетенция эксперта.

Для цитирования: Купин А.Ф. Правовая регламентация использования электронных документов и возможности их криминалистического исследования // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 151—158. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.017.

Legal regulation of the use of electronic documents and the possibilities of their forensic research

Alexey F. Kupin
Main Criminalistics Directorate (Criminalistics Center) of the Investigative Committee
of the Russian Federation, Moscow, Russia, alexcrim@rambler.ru

Abstract. Based on the analysis of normative legal acts governing the circulation of documents, the article describes the possibilities of using electronic (digital) documents in proving the circumstances of crimes and offenses.

Based on the conditions, reasons and mechanism for creating electronic (digital) documents, their signs and distinctive features are highlighted, and the algorithm of forensic investigation of such documents is proposed, which allows to establish the circumstances of creation, as well as other significant facts. The competence of persons with special knowledge who can be involved in solving problems in relation to electronic (digital) documents as objects of forensic examinations is considered; a list of questions that can be posed to experts is formulated and proposed. The sequence of the application of forensic methods and means in the process of conducting research of documents is determined, including the capabilities of software products used to establish the circumstances of the production of electronic (digital) documents and make subsequent changes to them.

Based on the results of the manifestation of features that are reflected in documents of different types, the author gives recommendations to establish compliance of the contents of an electronic (digital) document and a paper document.

Keywords: electronic document, electronic image of the document, forensic examination, expert competence.

For citation: Kupin, A.F. (2024) Legal regulation of the use of electronic documents and the possibilities of their forensic research. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 151—158. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.017.

© Купин А.Ф., 2024

Введение. Активно внедряемая в правоприменительную практику последних лет концепция «цифрового правосудия», под которым понимается форма правоприменительной деятельности судебной власти с применением информационно-коммуникационных технологий на всех стадиях судопроизводства[1], предполагает использование электронного документооборота.

Электронный документооборот возможно рассматривать в виде процесса, в основу которого положено создание, подписание, использование и хранение участниками электронного взаимодействия документов, связанных с их практической деятельностью, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе[2]. Его несомненными преимуществами являются мобильность, доступность и удешевление процесса передачи данных, что позволяет существенно оптимизировать значительную часть общественных отношений. Как следствие, он все активнее заменяет традиционный способ закрепления и передачи информации, позволяя оперативно вносить поправки в юридические документы, согласовывать различные условия договоров, урегулировать разногласия между сторонами и т. п.[3] В научном сообществе мнение, что электронный документ как способ современной фиксации информации легитимен как доказательство наравне с бумажным, активно поддерживается[4]. В этой связи вопросы, касающиеся правовой регламентации и возможностей криминалистического исследования документов, оформляемых в электронном виде, приобретают все большую актуальность и значимость. Остановимся на некоторых из них более подробно.

Основная часть

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее — ФЗ № 149) дается понятие электронного документа как документированной информации, представленной в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах[5]. В статьях 11 и 11.1 ФЗ № 149 упоминается возможность применения электронных форм документов вместо бумажных, в том числе в сфере государственного управления. Некоторые особенности правового режима применения таких документов обозначены в материалах судебной практики. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[6] зафиксировано, что электронный документ — это документ в электронной форме, созданный без предварительного документирования на бумажном носителе, заверенный в установленном законом порядке электронной подписью.

Анализируя порядок использования таких документов в ходе судебного и досудебного производства, необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства. В статьях 474.1. и 474.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[7] (далее — УПК РФ) установлен перечень документов, которые могут быть поданы прокурору, следователю, руководителю следственного органа, в орган дознания, дознавателю, а также в суд в порядке и сроки, которые установлены УПК РФ, в форме электронного документа. Данные документы подписываются лицом, подавшим такой документ, усиленной

[1] Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография / Институт государства и права Российской академии наук. М., 2022. С. 244.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря (№ 256).
[3] Ларичев В.Д. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи: монография. М., 2021. С. 3.
[4] См., например: Электронное правосудие: монография / под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М., 2021. С. 108—122; Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М., 2023. С. 102—111; Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 61—68.
[5] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля (№ 4131).
[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».
[7] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗРФ. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921.

квалифицированной электронной подписью, а в определенных случаях и простой электронной подписью и направляются адресату с соблюдением правил, установленных УПК РФ. Кроме этого, в ч. 3.1 статьи 222 УПК РФ, регламентирующей направление уголовного дела в суд, определено, что по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего и при наличии технической возможности им может быть вручена копия обвинительного заключения с приложениями, не содержащими сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности, изготовленная в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, в установленном порядке. В виде электронных документов могут направляться не только документы, которые образуются в процессе доказывания обстоятельств совершенных преступлений, расследования и рассмотрения уголовных дел, но и иные документы, которые необходимы для обеспечения выполнения судебных решений, что следует из положений, закрепленных в ч. 2 ст. 393 УПК РФ.

В гражданском праве, несмотря на то, что документ традиционно понимается как письменное доказательство, также допускается возможность использования электронных документов для подтверждения наступления фактов, событий или обстоятельств. Например, в статье 160 Гражданского кодекса Российской Федерации[8] разъясняется, что сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами. Уточняется, что письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизводить на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Гражданский процессуальный кодекс[9] допускает использование цифровых доказательств, к которым относятся и электронные документы, разъясняя при этом в ч. 5 ст. 67, что при оценке документов или иных письменных доказательств суд обязан с учетом других доказательств убедиться в том, что такие документ или иное письменное доказательство исходят от органа или лица, уполномоченного представлять данный вид доказательств; подписаны лицом, имеющим право скреплять документ подписью; содержат все другие неотъемлемые реквизиты данного доказательства.

От электронного документа следует отличать электронный образ документа. Электронный образ документа, или по-другому электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе, — это переведенная в электронную форму с помощью средств сканирования копия документа, изготовленного на бумажном носителе, заверенная электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации[10]. Особенности криминалистического исследования электронных образов документов описаны в ряде работ, в связи с чем мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Назначая судебные экспертизы в отношении электронных документов, следует разграничивать компетенцию экспертов, которые могут привлекаться к их производству. В зависимости от носителя изображения, обстоятельств изготовления и поставленных вопросов электронные документы могут быть объектом ряда судебных экспертиз: компьютерной (далее — СКТЭ), фотовидеотехнической (далее — ФВТЭ), технико-криминалистической (далее — ТКЭД), почерковедческой, — каждая из которых решает свои задачи[11]. Напри-

[8] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // СЗРФ.1994. № 32, ст. 3301.

[9] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗРФ. 2002. № 46, ст. 4532.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 57.

[11] В соответствии с приказом СК России № 77 от 24 июля 2020 г. в Судебно-экспертном центре Следственного комитета Российской Федерации» утверждены: экспертная специальность «Исследование цифровых видеограмм и фотоснимков, технических средств и условий их изготовления» и вид судебной экспертизы — фотовидеотехническая экспертиза, экспертная специальность «Исследование цифровой информации и компьютерных средств» и вид судебной экспертизы — компьютерно-техническая экспертиза, экспертная специальность «Исследование почерка и подписей» и вид судебной экспертизы — почерковедческая экспертиза, экспертная специальность «Исследование документов и их реквизитов, технических средств, использованных для их изготовления» и вид экспертизы — технико-криминалистическая экспертиза документов.

мер, эксперт в области ФВТЭ компетентен в решении вопросов, связанных с обнаружением признаков монтажа изображения, видеозаписи в электронной форме; в ходе выполнения СКТЭ, помимо непосредственного исследования изображения документов, возможно выявить следы файлов иных форматов, относящихся к изучаемому документу, установить устройства, на которых выполнялся монтаж, исследовать метаданные файла и определить другие важные обстоятельства; при выполнении ТКЭД решаются вопросы, связанные с установлением способа изготовления документа, определения средств выполнения его реквизитов и т. д. В процессе данных экспертиз можно выявить признаки, указывающие на определенный способ технической подделки, установить обстоятельства изготовления документов и внесения в них определенных изменений, имеющие значение для органов расследования преступлений и суда.

Определяя круг вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом, следователю, дознавателю, суду необходимо принять во внимание, что установление признаков технической подделки, в зависимости от предоставления в распоряжение эксперта оригинала либо копии электронного документа, является прерогативой эксперта в области судебной технико-криминалистической экспертизы документов, если на экспертизу поступила бумажная копия, а если на экспертизу поступают изображения, сохраненные в файлах различного формата на машинных носителях информации, то и эксперта в области СКТЭ. Говоря о порядке производства СКТЭ, следует уточнить условность обозначения данного вида экспертных исследований. Судебные экспертизы, объектом которых являются средства и устройства сферы информационных технологий, подразделяются на два вида: компьютерная экспертиза и компьютерно-техническая экспертиза. Первый вид — компьютерная экспертиза — производится на основании приказов МВД России и ФСБ России, тогда как производство компьютерно-технической экспертизы осуществляется на основании приказов Министерства юстиции Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации. На разночтения в названиях данного вида экспертных исследований и обусловленные этим трудности в части возможностей исследования определенных объектов, содержащих машиночитаемую информацию, неоднократно указывалось в научной литературе[12], в связи с чем, не вступая в дискуссию, мы будем употреблять аббревиатуру «СКТЭ» как соответствующую специфике исследований объектов, проводимых экспертами Следственного комитета Российской Федерации.

Переходя к возможностям экспертного исследования электронных документов, нужно обратить внимание на то, что некоторые из вопросов экспертного исследования электронных документов, в первую очередь касающиеся установления фактов единого источника происхождения нескольких электронных документов, а также фактов изготовления бумажных документов посредством распечатывания определенных электронных документов, недостаточно полно освещены в специальной литературе. Поэтому осветим эти вопросы более подробно.

Характеризуя возможности изучения электронных документов, а также их бумажных аналогов, отметим, что выделяют несколько ситуаций, в которых необходимо осуществить исследование с целью установления общего источника происхождения представленных документов: «документ на бумажном носителе — документ на бумажном носителе», «электронный документ — документ на бумажном носителе», «электронный документ — электронный документ», «документ на бумажном носителе — электронный документ»[13]. Порядок проведения сравнительного исследования при предоставлении двух или более бумажных документов описан в специальной литературе[14], что

[12] См., например: Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие / В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз, М.М. Долгиева, В.Н. Чаплыгина; под науч. ред. А.Г. Волеводза. М., 2023. С. 853—860; Мира К.А., Першин А.Н. Механизм хищений чужого имущества с использованием информационных технологий: монография. М., 2024. С. 126—141; Муженская Н.Е. Экспертиза в российском законодательстве: руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи. М., 2015. С. 166—167.

[13] Иванов Н.А. Теоретические и методические основы комплексной судебной компьютерно-технической экспертизы и судебно-технической экспертизы документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2005. С. 99.

[14] Исматова Т.И. Особенности диагностического исследования копий рукописных текстов, изготовленных способом цифрового монтажа // Судебная экспертиза. 2013. № 4 (36). С. 97—99; Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помощи копировально-множительной техники: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. С. 7—11; Плинатус А.А. Современные возможности технико-криминалистического исследования копий документов, изготовленных посредством монтажа // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: методические основы судебных экспертиз: материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе, 15—17 марта 2006 г.: в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 139—140.

позволяет не останавливаться подробно на этом вопросе. Исследование при установлении связи «электронный документ — электронный документ» предполагает сравнение данных хеш-сумм[15] этих документов, что также не вызывает больших затруднений при условии, что с электронными документами, подлежащими сравнению, либо одним из них не проводились действия, приводящие к изменению хеш-функций[16].

Значительно сложнее решается вопрос, когда необходимо установить связь «электронный документ — документ на бумажном носителе» либо «документ на бумажном носителе — электронный документ». В такой ситуации ставится вопрос: «Полностью или частично содержание реквизитов представленного документа соответствует содержанию реквизитов документа, содержащегося в файле [имя файла], имеющемся на представленном машинном носителе информации?»

Как правило, при установлении связи «электронный документ — документ на бумажном носителе» первоочередной задачей выступает поиск файла с необходимыми реквизитами документа, а также метаданными экспертом в области СКТЭ. Обнаруженный файл на машинном носителе информации совместно изучается экспертами разных специальностей, в обязательном порядке в целях сравнения с бумажным документом осуществляется экспертный эксперимент, в ходе которого данный документ выводится на печать и в последующем проводится сравнение подобных объектов на бумажных носителях.

Информацию, позволяющую устанавливать как соответствие по содержанию электронного документа и документа на бумажном носителе, так и исполнителей, участвующих в их создании, можно получить, изучив отдельные группы признаков, которые проявляются в электронных документах и в документах на бумажных носителях, выполненных машинописным способом. К таковым следует отнести две группы признаков:

- признаки, позволяющие установить автоматизированное рабочее место пользователя, которые подразделяются на признаки, формируемые шаблоном документа; другие настройки конкретного программного продукта; признаки, проявляющиеся в теле документа в результате воздействия аппаратной части компьютера;
- признаки, позволяющие установить исполнителя электронного документа, среди которых выделяют признаки, отражающие содержание и построение текстового документа, сформированное пользователем без использования шаблона; исполнительские признаки письменной речи; признаки, характеризующие навык владения компьютером у пользователя[17].

В рамках каждой из групп признаки принято разделять на подгруппы. В частности, подгруппу исполнительских признаков письменной речи составляют такие признаки, как акцентирование, наличие устойчивых ошибок, способы написания отдельных слов, дат, формат цифр, используемых для нумерации страниц документа[18]. Сравнение начинается с изучения общих признаков, затем изучаются частные. К общим признакам можно отнести, например, значение параметров страниц (верхнее, нижнее, левое, правое поля), расстановку переносов, варианты выравнивания (по левому или правому краям, по центру, по ширине), абзацные отступы, количество страниц и их содержание, текстовое содержание и шрифтовое оформление строк, построчное местоположение и др. К частным признакам можно отнести пропущенные буквы, отсутствие (наличие) пробелов, отсутствие (наличие) знаков препинания, орфографических ошибок и т. п.

При установлении связи «документ на бумажном носителе — электронный документ» возможен перевод бумажного документа в цифровой формат с последующим сравнением двух электронных документов. В рассматриваемой ситуации необходимо брать в расчет, что формат создаваемого файла зависит от вида информации, записанной на носитель информации, который используется в качестве прообраза для создания электронного документа. Исходя из функционального назначения выделяют две группы про-

[15] Хеш — числовой результат фиксированного размера, полученный посредством применения необратимой математической функции (алгоритма хеширования) к файлу. При изменении содержимого файла хеш изменяется.
[16] См., например: Основы обнаружения и изъятия цифровых следов: методические рекомендации / О.В. Тушканова, Т.Ю. Салихов, В.А. Смехнов [и др.]. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2002. С. 25; Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С.В. Зуева. М., 2019. С. 128—129.
[17] Практические основы компьютерно-технической экспертизы: учебно-методическое пособие / А.Б. Нехорошев, М.Н. Шухнин, И.Ю. Юрин, А.Н. Яковлев. Саратов, 2007. С. 91—96.
[18] Комаров И.М., Третьяков М.Ю. Идентификационные признаки исполнителя текстового электронного документа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 253—254.

граммного обеспечения, используемого для работы с изображениями: а) системы анализа и распознавания изображений криминалистических объектов; б) программное обеспечение по улучшению качества изображений[19]. Изображения всегда формируются в файлы графических форматов, текстовые документы на бумажных носителях могут преобразовываться как в графические файлы, так и в текстовые файлы с помощью специализированного программного обеспечения (например, такой программы, как FineReader). Преобразование производится с помощью устройств ввода информации: сканеров, цифровых фотоаппаратов или же встроенных в смартфоны камер. От настроек устройств ввода оптической информации сильно зависит качество изображений графических файлов. При сканировании изображений с низким уровнем разрешения невозможно создать качественный графический файл: мелкие детали изображения будут потеряны. В целях подавления шумов и устранения дефектов в изображении следует применять фильтры, выравнивающие яркость. Принцип работы данных фильтров состоит в сортировке значений яркостей на определённом участке изображения и подавлении самых высоких частот, т. е. элементов с максимально различающимися яркостями. При этом можно устранить отдельные мешающие детали изображения, не меняя контраста необходимых деталей. Учет обозначенных особенностей позволяет устанавливать факты соответствия по содержанию документов на разных носителях информации.

Заключение. В настоящее время документ рассматривается как любой источник информации, который удостоверяет или отрицает факт наступления определенного события, что позволяет относить к категории документов среди прочих и электронные документы. В нормативно-правовых актах и специальной литературе электронные документы упоминаются наравне с документами на бумажной основе как легитимный источник получения доказательственной информации, которая может использоваться в досудебном и судебном производстве. При этом необходимо учитывать, что внедрение современных электронных форм взаимодействия участников уголовного процесса, безусловно, повлекло ряд проблем, связанных с обеспечением права доступа к правосудию, открытостью судебных процессов, равноправием всех перед законом и судом, изменением порядка проведения уголовно-процессуальных действий и принятия решений по делу и т. д.[20] Разрешение этих затруднений в настоящее время осуществляется с разной степенью успешности. Одной из очевидных проблем современного документооборота является необходимость сопоставления документов, существующих в электронном и бумажном виде, поэтому приобретает важность вопрос установления соответствия либо несоответствия электронных документов и их бумажных аналогов. В подобных ситуациях знание признаков, которые указывают на механизм изготовления документов на различных носителях информации, признаков, которые отображаются в процессе использования документов, в том числе внесения в них изменений, позволяет производить сопоставление и устанавливать факты, имеющие доказательственное значение.

Список литературы

1. Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. 2019. № 6. С. 61—68.

2. Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. М.: Юрлитинформ, 2023. 216 с.

3. Зуев С.В., Каменев А.С. Собирание и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 160 с.

4. Иванов Н.А. Теоретические и методические основы комплексной судебной компьютерно-технической экспертизы и судебно-технической экспертизы документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2005. 188 с.

5. Исматова Т.И. Особенности диагностического исследования копий рукописных текстов, изготовленных способом цифрового монтажа // Судебная экспертиза. 2013. № 4 (36). С. 90—99.

6. Исследование изображений почерковых объектов в документах, выполненных при помо-

[19] Четверкин П.А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов / под ред. А.А. Проткина. М., 2009. С. 102.

[20] Зуев С.В., Каменев А.С. Собирание и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2024. С. 65.

щи копировально-множительной техники: методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2021. 40 с.

7. Комаров И.М., Третьяков М.Ю. Идентификационные признаки исполнителя текстового электронного документа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 251—256.

8. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие. Цифровой документ: монография / Институт государства и права Российской академии наук. М.: Проспект, 2022. 248 с.

9. Ларичев В.Д. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 160 с.

10. Мира К.А., Першин А.Н. Механизм хищений чужого имущества с использованием информационных технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2024. 184 с.

11. Муженская Н.Е. Экспертиза в российском законодательстве: руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи. М.: РГ-Пресс, 2015. 744 с.

12. Основы обнаружения и изъятия цифровых следов: методические рекомендации / О.В. Тушканова, Т.Ю. Салихов, В.А. Смехнов [и др.]. М.: Следственный комитет Российской Федерации, 2002. 150 с.

13. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С.В. Зуева. М.: Юрлитинформ, 2019. 400 с.

14. Плинатус А.А. Современные возможности технико-криминалистического исследования копий документов, изготовленных посредством монтажа // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: методические основы судебных экспертиз: материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе, 15—17 марта 2006 г.: в 2 т. Т. 2. М.: ЭКЦ МВД России, 2006. С. 139—146.

15. Практические основы компьютерно-технической экспертизы: учебно-методическое пособие / А.Б. Нехорошев, М.Н. Шухнин, И.Ю. Юрин, А.Н. Яковлев. Саратов: Научная книга, 2007. 266 с.

16. Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности: учебное пособие / В.Ф. Васюков, А.Г. Волеводз, М.М. Долгиева, В.Н. Чаплыгина; под науч. ред. А.Г. Волеводза. М.: Прометей, 2023. 1086 с.

17. Четверкин П.А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов / под ред. А.А. Проткина. М.: Юрлитинформ, 2009. 200 с.

18. Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной, С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. 344 с.

References

1. Bakhteev, D.V. & Smakhtin, E.V. (2019) Kriminalisticheskie osobennosti proizvodstva protsessual'nykh deystviy s tsifrovymi sledami [Forensic features of procedural actions with digital traces]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no. 6, pp. 61—68 (in Russ.).

2. Zuev, S.V. & Maslennikova, L.N. (eds.) (2023) Vysokotekhnologichnyy ugolovnyy protsess [High-tech criminal process]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 216 p. (in Russ.).

3. Zuev, S.V. & Kamenev, A.S. (2024) Sobiranie i proverka elektronnoy dokazatel'stvennoy informatsii storonoy zashchity v ugolovnom sudoproizvodstve [Collection and verification of electronic evidentiary information by the defense in criminal proceedings]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 160 p. (in Russ.).

4. Ivanov, N.A. (2005) Teoreticheskie i metodicheskie osnovy kompleksnoy sudebnoy komp'yuterno-tekhnicheskoy ekspertizy i sudebno-tekhnicheskoy ekspertizy dokumentov [Theoretical and methodological foundations of complex forensic computer-technical examination and forensic technical examination of documents]. Ph. D. thesis. Moscow, 188 p. (in Russ.).

5. Ismatova, T.I. (2013) Osobennosti diagnosticheskogo issledovaniya kopiy rukopisnykh tekstov, izgotovlennykh sposobom tsifrovogo montazha [Peculiarities of diagnostic examination of copies of handwritten texts made by means of digital editing]. *Sudebnaya ekspertiza*, no. 4 (36), pp. 90—99 (in Russ.).

6. Issledovanie izobrazheniy pocherkovykh ob"ektov v dokumentakh, vypolnennykh pri pomoshchi kopiroval'no-mnozhitel'noy tekhniki [Research of images of handwriting objects in documents made with the help of copying and multiplying equipment]. Methodological recommendations. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, 40 p. (in Russ.).

7. Komarov, I.M. & Tretyakov, M.Yu. (2013) Identifikatsionnye priznaki ispolnitelya tekstovogo elektronnogo dokumenta [Identification of signs of contractor text electronic document]. *Belgorod State*

University Scientific bulletin. Philosophy. Sociology. Law, no. 9 (152), pp. 251–256 (in Russ.).

8. Laptev, V.A. & Solovyanenko, N.I. (2022) Tsifrovoe pravosudie. Tsifrovoy dokument [Digital justice. Digital document]. Monograph. Moscow, Prospekt, 248 p. (in Russ.).

9. Larichev, V.D. (2021) Protivodeystvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem usilennoy kvalifitsirovannoy elektronnoy podpisi [Combating crimes committed using an enhanced qualified electronic signature]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 160 p. (in Russ.).

10. Mira, K.A. & Pershin, A.N. (2024) Mekhanizm khishcheniy chuzhogo imushchestva s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologiy [The mechanism of theft of other people's property using information technology]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 184 p. (in Russ.).

11. Muzhenskaya, N.E. (2015) Ekspertiza v rossiyskom zakonodatel'stve [Expertise in Russian legislation]. Handbook for the investigator, inquirer, judge. Moscow, RG-Press, 744 p. (in Russ.).

12. Tushkanova, O.V., Salikhov, T.Yu. & Smekhnov, V.A. et al. (2002) Osnovy obnaruzheniya i iz''yatiya tsifrovykh sledov [Fundamentals of detection and removal of digital traces]. Methodological recommendations. Moscow, Investigative Committee of the Russian Federation, 150 p. (in Russ.).

13. Zuev, S.V. (ed.) (2019) Osnovy teorii elektronnykh dokazatel'stv [Fundamentals of the theory of electronic evidence]. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 400 p. (in Russ.).

14. Plinatus, A.A. (2006) Sovremennye vozmozhnosti tekhniko-kriminalisticheskogo issledovaniya kopiy dokumentov, izgotovlennykh posredstvom montazha [Modern possibilities of technical and forensic examination of copies of documents made by mounting]. In: *Kriminalisticheskie sredstva i metody v raskrytii i rassledovanii prestupleniy: metodicheskie osnovy sudebnykh ekspertiz. Materialy 3 Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii po kriminalistike i sudebnoy ekspertize, March 15–17, 2006.* Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 139–146 (in Russ.).

15. Nekhoroshev, A.B., Shukhnin, M.N., Yurin, I.Yu. & Yakovlev, A.N. (2007) Prakticheskie osnovy komp'yuterno-tekhnicheskoy ekspertizy [Practical foundations of computer technical expertise]. Educational and methodological manual. Saratov, Nauchnaya kniga, 266 p. (in Russ.).

16. Vasyukov, V.F., Volevodz, A.G., Dolgieva, M.M. & Chaplygina, V.N. (2023) Prestupleniya v sfere vysokikh tekhnologiy i informatsionnoy bezopasnosti [Crimes in the field of high technologies and information security]. Textbook. Moscow, Prometey, 1086 p. (in Russ.).

17. Chetverkin, P.A. (2009) Metody tsifrovoy obrabotki slabovidimykh izobrazheniy pri tekhniko-kriminalisticheskom issledovanii dokumentov [Methods of digital processing of low-visibility images in technical and forensic research of documents]. Moscow, Yurlitinform, 200 p. (in Russ.).

18. Burdina, E.V. & Zuev, S.V. (eds.) (2021) Elektronnoe pravosudie [Electronic justice]. Monograph. Moscow, Russian State University of Justice, 344 p. (in Russ.).

Информация об авторе

А.Ф. Купин — старший инспектор отдела исследования проблем технико-криминалистического и экспертного сопровождения расследования преступлений управления научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.F. Kupin – Senior inspector of the Department of Scientific Research (Research Institute of Criminalistics), Main Criminalistics Directorate (Criminalistics Center), Investigative Committee of the Russian Federation; Candidate of Law, Associate Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 159—168.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 159–168.

УДК 343.98
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.018

NIION: 2015-0064-04/24-264
MOSURED: 77/27-009-2024-04-463

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Профессор А.Ф. Волынский: настоящее и будущее российской криминалистики

Ирина Павловна Можаева[1], Инна Валериевна Тишутина[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия, mirina-crim@yandex.ru
[2]Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, inna_tishutina@mail.ru

Аннотация. В статье с опорой на результаты фундаментальных и прикладных исследований ведущего отечественного ученого-криминалиста профессора Александра Фомича Волынского представлена ретроспектива проблем, идей, концепций и мировоззренческих позиций, которые способствовали непрерывному процессу формирования и развития общей теории криминалистики. Рассмотрены частные криминалистические теории и учения, вопросы судебно-экспертной деятельности, а также аспекты оперативно-разыскной деятельности. Особое внимание уделяется значительному вкладу профессора А.Ф. Волынского в развитие теоретических основ криминалистических учений, связанных с обеспечением раскрытия и расследования преступлений, а также организацией их расследования. Подчеркивается, что поднятые ведущим ученым дискуссионные вопросы, изложенные в многочисленных трудах, являются источником ценных идей для современных исследований и служат ориентиром для дальнейших научно-прикладных разработок.

Ключевые слова: Александр Фомич Волынский, общая теория криминалистики, частная криминалистическая теория, раскрытие и расследование преступлений, практика деятельности правоохранительных органов, криминалистическое обеспечение, организация, противодействие расследованию, преодоление.

Для цитирования: Можаева И.П., Тишутина И.В. Профессор А.Ф. Волынский: настоящее и будущее российской криминалистики // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 159—168. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.018.

Professor A.F. Volynsky: the present and future of Russian forensic science

Irina P. Mozhaeva[1], Inna V. Tishutina[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mirina-crim@yandex.ru
[2]Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, inna_tishutina@mail.ru

Abstract. Based on the results of fundamental and applied research by the leading Russian forensic scientist Professor Alexander Fomich Volynsky, the article presents a retrospective of problems, ideas, concepts and ideological positions that contributed to the continuous process of formation and development of the general theory of forensic science. Specific forensic theories and doctrines, issues of forensic activity, as well as aspects of operational-search activities are considered. Particular attention is paid to the significant contribution of Professor A.F. Volynsky to the development of the theoretical foundations of forensic doctrines related to ensuring the detection and investigation of crimes, as well as the organization of their investigation. It is emphasized that the controversial issues raised by the leading scientist, set out in numerous works, are a source of valuable ideas for modern research and serve as a guide for further scientific and applied developments.

Keywords: Alexander Fomich Volynsky, general theory of forensic science, specific forensic theory, detection and investigation of crimes, practice of law enforcement agencies, forensic support, organization, counteraction to investigation, overcoming.

For citation: Mozhaeva, I.P. & Tishutina, I.V. (2024) Professor A.F. Volynsky: the present and future of Russian forensic science. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 159—168. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.018.

© Можаева И.П., Тишутина И.В., 2024

2024 год в криминалистической науке богат на юбилейные даты! Научная криминалистическая общественность вспоминала родоначальников криминалистической науки: 175 лет со дня рождения Евгения Федоровича Буринского, 155 лет со дня рождения Николая Сергеевича Бокариуса, Владимира Иустиновича Громова, 140 лет со дня рождения Ивана Николаевича Якимова, 100-летие со дня рождения Игоря Евсеевича Быховского, Леонида Яковлевича Драпкина, Андрея Васильевича Дулова, Льва Львовича Каневского, 95-летие со дня рождения Игоря Александровича Возгрина, Степана Петровича Митричева, Евгения Ивановича Зуева, Бориса Ивановича Шевченко, 90-летие со дня рождения Владимира Васильевича Степанова и др. Эти исторические личности внесли неоценимый вклад в развитие криминалистики, судебно-экспертной деятельности, уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной и правоохранительной деятельности, оставив наследие, на основе которого продолжается совершенствование научного знания и профессиональной практики.

Один из достойных продолжателей идей выдающихся криминалистов, которого научное сообщество с особым почтением чествует, — это заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Александр Фомич Волынский. Его труды получили широкое признание как среди криминалистов и ученых в области уголовного права, так и среди практиков не только в России, но и за рубежом. Александр Фомич отметил в 2024 году свой 85-летний юбилей, дав прекрасный повод коллегам в очередной раз обратить внимание на роль его научных трудов и идей в развитии криминалистической теории и практики. И это крайне важно, поскольку позволяет студентам и соискателям ученых степеней понять, что их научные изыскания имеют возможность появиться благодаря громадному вкладу и заслугам величайших умов криминалистики, создавших фундаментальную базу для последующих научно-прикладных поисков.

Еще в прошлом веке А.Ф. Волынского привело в науку стремление оценить реальные возможности науки и техники в совершенствовании следственной практики и внести свой вклад в расширение таких возможностей. Колоссальный практический и управленческий опыт позволили Александру Фомичу предложить множество перспективных идей на этом направлении. В частности, это:

- дифференциация оперативно-разыскных методов и мероприятий;
- законодательное определение заключения специалиста в качестве доказательства наряду с судебной экспертизой;
- дифференциация организационно-правовых форм криминалистических знаний в расследовании;
- структурно-содержательный анализ криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений;
- научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства, а также многие другие.

Это лишь часть из многочисленных идей, которые с легкой руки Александра Фомича были заявлены как требующие не просто научной разработки, а междисциплинарного познания и, как следствие, выработки конкретных резолюций по их эффективной реализации в нормотворческой и правоприменительной деятельности, так как это и есть конечная и главная цель научных изысканий.

Сфера научных интересов Александра Фомича неограниченна, однако те направления, которым он уделил более пристальное внимание, нашли отражение в монографических работах, среди которых особое значение имеют такие, как: «Криминалистическая экспертиза в странах социалистического содружества» (1976); «Профилактика преступлений» (1979); «Расследование провокаций взятки и коммерческого подкупа» (2010); «Расследование подкупа участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов» (2011); «Судебно-экономическая экспертиза в гражданском и арбитражном процессе» (2012, 2018); «Судебно-экономическая экспертиза в уголовном процессе» (2010, 2018); «Судебно-кадастровая экспертиза» (2013, 2018); «Юридическая защита прав и законных интересов потребителей товаров и услуг: особенности современной парадигмы» (2014); «Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» (2016); «Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению» (2017); «Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное» (2019); «Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты „традиционной“ и цифровой экономики» (2020); «От уголовной регистрации к компьютерной криминалистике. Избранное» (2023). Под редакцией А.Ф. Волынского выпускались различные издания учебника по криминалистике, в том числе учебник под совместной

редакцией с В.П. Лавровым, прошедший много переизданий с 2008 года и изданный в редакции для правоохранительных органов Республики Таджикистан.

В рамках одной статьи вряд ли удастся охватить все научные достижения Александра Фомича, разработке и последующему обоснованию внедрения в практику которых он посвятил без малого полвека. В этой связи коснемся основных, принципиально важных, на наш взгляд, направлений, которые нашли отражение не только в науке и практике, но и в учебной программе преподавания курса криминалистики. Они представляются заслуживающими первостепенного внимания, поскольку, в том числе по мнению Александра Фомича, именно обучение лежит в основе подготовки высококвалифицированного кадрового состава сотрудников правоохранительных органов, которым и предстоит претворять в жизнь научные разработки в целях повышения эффективности их деятельности.

В числе таких направлений, получивших фундаментальное развитие в трудах А.Ф. Волынского, вопросы:

- преодоления противодействия расследованию преступлений, с особым акцентом на правонарушения в сфере экономики;
- криминалистического обеспечения процессов выявления, раскрытия и расследования преступлений;
- организации раскрытия и расследования преступлений как задачи междисциплинарного синтеза.

Эти вопросы будут рассмотрены в рамках данной научной статьи.

1. Становление научных основ *частной криминалистической теории преодоления противодействия расследованию* неразрывно связано с трудами профессора А.Ф. Волынского, его соратников и учеников. Именно в учебник, подготовленный под его редакцией, впервые была включена самостоятельная глава, посвященная рассмотрению вопросов оказания противодействия со стороны лиц, стремящихся избежать ответственности за совершенное преступление, и его преодоления, автором которой стал Р.С. Белкин[1]. В последующем данная глава была интегрирована в новый учебник, созданный в соавторстве с коллегой и соратником, профессором Владимиром Петровичем Лавровым[2]. В указанных научных трудах акцентируется внимание на интегративном междисциплинарном подходе к исследованию природы и содержания противодействия расследованию преступлений. Особое значение придается разработке эффективных методов и инструментов для выявления и преодоления различных форм противодействия. Такой подход основывается на необходимости комплексного учета криминалистической теории, которая охватывает не только аспекты уголовного права и процесса, но и ключевые положения оперативно-разыскной деятельности.

На конференции «Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации», проведенной в 1996 году в г. Рузе на базе Московского областного филиала Юридического института МВД России, впервые детально рассматривались вопросы выявления и преодоления действий, направленных на создание препятствий, возникающих при раскрытии и расследовании преступлений. Обсуждались различные теоретические и практические подходы к пониманию сущности и характеристик этого явления. Ключевая цель конференции заключалась в инициировании нового подхода к осмыслению организованного противодействия уголовному судопроизводству и разработке взвешенных предложений по его нейтрализации, что было достигнуто. Особое внимание вызвал совместный доклад А.Ф. Волынского и В.П. Лаврова, в котором была представлена авторская концепция и комплексная оценка данного явления, а также предложен набор конкретных мер для его эффективного устранения.

Кафедра криминалистики Юридического института МВД России под руководством А.Ф. Волынского в тот период активно осуществляла кафедральное исследование, посвященное теме «Современные методы противодействия расследованию и криминалистические способы их преодоления». В ходе работы над этой проблематикой исследователи углубляли идеи Волынского, анализируя ключевые аспекты предстоящей теории преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Итогом исследования стали значимые выводы, акцентировавшие необходимость четко разграничивать два уровня противодействия — затрагивающее дея-

[1] См.: Белкин Р.С. Глава 12. Противодействие расследованию и пути его преодоления // Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 1999.

[2] См.: Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2008.

тельность правоохранительных органов в целом и нацеленное на препятствование расследованию конкретных уголовных дел. Особое внимание было уделено социальному контексту противодействия, которое в условиях коммерциализации и широкомасштабной коррупции стало также очень масштабным явлением, что многократно подчеркивал А.Ф. Волынский[3]. Проблематика противодействия процессу расследования и меры его нейтрализации стали предметом углубленных теоретических и практических исследований, проведенных ведущими российскими специалистами.

Александр Фомич справедливо констатирует, что изучение противодействия расследованию преступлений важно для создания системы выявления и нейтрализации такого сопротивления. Его разработки в этой области стали частью криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности. Он обосновал значимость комплексного подхода к преодолению противодействия в рамках криминалистики, неоднократно акцентировал внимание на том, что вопросы противодействия расследованию, его выявления и устранения должны рассматриваться как многогранная междисциплинарная задача. Для ее решения необходимо привлекать не только криминалистические методы, но и достижения других наук уголовно-правового цикла, прежде всего уголовного права, уголовного процесса, а также теории оперативно-разыскной деятельности. В данном контексте следует различать два аспекта: с одной стороны, это общие меры (политические, социальные, правовые, организационные), которые определяют уголовно-правовую политику государства и направлены на нейтрализацию соответствующего социального явления, а с другой стороны — меры, направленные на совершенствование практики расследования преступлений, выявление и устранение противодействия расследованию, в том числе с помощью средств, приемов и методов цифровизации. Именно эти аспекты должны быть в центре внимания криминалистической науки.

Криминалистическая наука находится в постоянном развитии с момента своего зарождения. Динамика этого процесса предопределяется, с одной стороны, интенсивностью развития научно-технического прогресса, а с другой — постоянно меняющимися потребностями практики борьбы с преступностью. Частная криминалистическая теория преодоления противодействия расследованию практически сразу с момента своего возникновения вступила в период интенсивного развития под влиянием глобальных процессов ускоряющегося научно-технического и общественного прогресса и всеобщей цифровой трансформации.

Очевидно, что в настоящее время меняются формы, способы, приемы и в целом механизм противодействия расследованию, поскольку преступная среда активно использует современные компьютерные, телекоммуникационные технологии и возможности цифрового пространства. Это требует совершенствования системы криминалистических рекомендаций по его предупреждению, выявлению и преодолению, и безусловно, с акцентом на новые возможности информатизации и цифровизации, на что неоднократно обращал внимание Александр Фомич, отмечая необходимость создания современного криминалистического инструментария[4].

2. Профессор А.Ф. Волынский развил научные основы криминалистического обеспечения расследования преступлений, опираясь на труды В.Г. Коломацкого[5] и Р.С. Белкина[6]. Им предложено понятие «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» с анализом его содержания, структуры и направлений развития. Александр Фомич не только уточнил важнейшие принципы, но и сформировал концептуальные основы, послужившие базой для дальнейших исследований и разработки отдельных проблемных аспектов криминалистической практики. Его работы дали научному миру четкое понимание системно-структурной характеристики криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, что стало импульсом для развития и расширения научных исследований в указанной области, обеспечив формирование новых подходов к раскрытию и расследованию преступлений.

---

[3] См.: Волынский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание. М., 2019; Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М., 2017.

[4] См., например: Волынский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание. М., 2019.

[5] Криминалистика: в 3 т. Т. 1: История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. М., 1995. С. 63. (Автор главы 5 — В.Г. Коломацкий.)

[6] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997.

Впервые в комплексном виде идеи криминалистического обеспечения были изложены в докторской диссертации А.Ф. Волынского «Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений» (1999 г.), впоследствии они были развиты в многочисленных трудах автора и его учеников по этой тематике. Одним из важнейших достижений в контексте развития теории криминалистического обеспечения расследования преступлений стало утверждение примерной программы одноименного учебного курса в образовательных учреждениях системы МВД России, что послужило важным шагом в интеграции научных исследований в образовательную сферу и профессиональную подготовку кадров правоохранительных органов[7].

В настоящее время совокупность имеющихся научных изысканий по данной тематике позволяет констатировать сформированность частной теории криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений.

В ее основе лежит понимание криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений как многогранной и многоуровневой деятельности, которая направлена на обеспечение постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов в практике расследования преступлений[8]. Особое внимание уделяется тому, что любые методы, средства и рекомендации не должны быть только результатом научных изысканий, но требуют тщательной и системной апробации в реальных условиях. По этой причине крайне важным представляется выделение тесной связи между теорией криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, выработанными в её рамках рекомендациями и условиями их применения, с темпами и направлениями научно-технического прогресса. Этот аспект является неотъемлемой частью теоретических построений, в рамках которых такая взаимосвязь находит наиболее яркое и закономерное отражение.

Александр Фомич одним из первых исследовал влияние цифровизации на криминалистику и предложил новые практические рекомендации[9]. Он утверждает, что адаптация информационно-телекоммуникационных разработок и моделей для следствия на основе аналогии с другими науками дает временные результаты, и требуются инновационные подходы к работе с типовой информацией. Для этого необходим интегрированный фундамент, обеспечивающий эффективные инструменты в борьбе с преступностью. Также отмечается растущее несоответствие научно-технического обеспечения судопроизводства современным требованиям и прогрессу[10].

В условиях стремительного технологического развития становится очевидным, что действующая структура взаимодействия в правоохранительных органах, кадровая политика и применяемые технологические решения значительно отстают от реальных потребностей. В качестве одного из ключевых факторов научно-технического прогресса развитие информационно-коммуникационных технологий привело к значительным изменениям в формах и методах преступной деятельности, что, в свою очередь, потребовало кардинальной модернизации криминалистического обеспечения расследования преступлений. В частности, даже базовые версии таких технологий, как искусственный интеллект, например ChatGPT, выдвигают на первый план угрозы, связанные с применением новейших технологий преступными структурами, и акцентируют необходимость оснащения правоохранительных органов специализированными знаниями и современными средствами для эффективной борьбы с данными угрозами.

Глобальные изменения в научной и инновационной деятельности существенно влияют на прогресс криминалистики и внедрение ее достижений в раскрытие преступлений. Основные факторы включают: интеграцию научных областей, рост объема информации, сложность организации исследований, совершенствование инструментов и повышение требований к квалификации ученых. Эти изменения отражены в Стра-

[7] Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2013. С. 55.

[8] Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

[9] Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М., 2020.

[10] Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4. С. 22—28.

тегии научно-технологического развития Российской Федерации[11], которая ставит целью создание передовых технологий для противодействия современным угрозам. Отмечается, что одним из решающих факторов для обеспечения устойчивого научно-технологического прогресса является создание эффективной модели взаимодействия между научной сферой, технологическим развитием и производственным сектором. Данный механизм взаимодействия представляет собой критически важный элемент, который способствует реализации стратегических целей в области научно-технологического прогресса. В то же время для успешной интеграции высокотехнологичных и наукоемких решений необходимо формирование соответствующей инфраструктуры и создание благоприятных условий для проведения научных исследований и разработок. Эти условия должны отвечать современным стандартам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности, основываясь на интеграции лучших российских и мировых практик.

Нельзя не признать обоснованность утверждения, высказанного Александром Фомичом, о том, что «невозможно успешно использовать в борьбе с современной преступностью достижения науки и техники XXI века в организационно-правовых формах XIX века»[12]. Этот тезис продолжает оставаться актуальным и находит свое отражение в научных и практических дискуссиях, что подтвердил проведенный в мае текущего года в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя Всероссийский научно-практический форум «Криминалистика: наука, практика, опыт». Мероприятие, приуроченное к юбилею А.Ф. Волынского, стало важным этапом в осмыслении актуальных вызовов, стоящих перед наукой в условиях стремительных технологических изменений.

Александр Фомич акцентирует внимание научного сообщества на значении формирования системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, которая должна не только учитывать актуальные потребности практики, но и эффективно интегрировать новейшие достижения в области науки и техники. Предложенная им модель организации данной системы представляет собой трехуровневую структуру, где каждый уровень обладает независимостью, но в то же время все они логически взаимосвязаны и взаимозависимы, что способствует эффективному функционированию всей системы в целом.

Первый уровень включает в себя криминалистов, чье участие в следственно-оперативной деятельности необходимо для обеспечения научно-технической поддержки на всех этапах расследования. В этой связи Александр Фомич сформулировал не только структуру кадров, но и специфику требований к их подготовке, что должно быть детально проработано с целью достижения высокого уровня квалификации специалистов.

На втором уровне находятся эксперты-криминалисты, чья работа ориентирована на использование опыта экспертных подразделений органов внутренних дел. Их задача заключается в интеграции функций по сбору доказательств и их предварительному экспертному анализу, при этом результаты этих исследований должны быть признаны допустимыми в уголовном процессе. Важно отметить, что эксперты должны обладать соответствующим сертификатом, подтверждающим их право на проведение криминалистических экспертиз, что включает как поисковые, так и аналитические исследования. Результаты их работы могут быть признаны доказательствами в суде при соблюдении установленных законодательных норм. Этот уровень выполняет роль связующего звена между первым и третьим, создавая возможности для взаимодополнения и сотрудничества.

Третий уровень составляют судебные эксперты, чья деятельность ограничена исключительно проведением экспертиз. В условиях быстрого развития цифровых технологий становится очевидным, что для эффективного решения организационно-правовых вопросов судебно-экспертной деятельности необходимо внедрение новых подходов, соответствующих специфике каждого дела. Это требует разработки более гибкой системы регулирования, способной адаптироваться к современным вызовам[13].

Как и любая инновационная идея, предложенная Александром Фомичом концепция вы-

[11] Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 29.11.2024).

[12] Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2013. № 2. С. 18—20.

[13] Волынский А.Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: от привычных проблем к реалиям практики // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 1 (99). С. 54—55.

зывает дискуссии среди специалистов, что требует дальнейшего анализа и научного осмысления. Важно подчеркнуть, что активное обсуждение способствует более глубокому пониманию сути проблемы, решение которой должно стать объектом комплексных исследований и дальнейшего теоретического и практического изучения.

3. Основные идеи А.Ф. Волынского, неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные с направлениями организации раскрытия и расследования преступлений, стали фундаментом для формирования и развития криминалистического учения и способствовали интеграции ряда положений в теорию организации правоохранительной деятельности. В 1994 году он совместно с А.Г. Филипповым и В.М. Плескачевским предложил учебную программу по криминалистике, включающую пять разделов — введение, криминалистическая техника, тактика, организация раскрытия и расследования преступлений, а также методика. В 1996 году эта программа стала основой курса по многоуровневому обучению[14]. В 1997 году в Саратовской академии права разработали аналогичную программу под руководством В.В. Степанова, добавив раздел по организации расследования и предупреждения преступлений[15].

В 1999 году в докторской диссертации А.Ф. Волынского и ряде его основных трудов были изложены концептуальные основы криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Особое внимание уделено организационному обеспечению, которое реализует правовые предписания для внедрения и эффективного использования криминалистических средств и рекомендаций в этой сфере. Этот вклад стал важным этапом в развитии теоретических и практических аспектов криминалистической деятельности, а также в обеспечении ее интеграции с правовыми механизмами правосудия.

Необходимо обратить внимание на исследования Александра Фомича, в которых рассматривается концепция и сущность организации расследования преступлений[16]. В ряде работ проводится подробный анализ этимологии данного термина, выявляется его многозначность и изменчивость. В частности, внимание уделяется тому, что «организация» зачастую понимается как внутренняя упорядоченность и согласованность взаимодействия различных, иногда значительно различающихся и автономных компонентов системы, что обусловлено её структурными особенностями; совокупность взаимосвязанных процессов и действий, направленных на оптимизацию взаимодействия частей целого; а также объединение индивидуумов, совместно стремящихся к достижению общей цели или задачи и действующих скоординированно в рамках заранее определённых процедур и нормативных актов[17].

Александр Фомич справедливо констатирует, что только изучение организации расследования как единого целого со всей совокупностью ее неотъемлемых структурных элементов позволит познать ее сущность и содержание, которые обусловлены: во-первых, совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных организационно-управленческих функций, пронизывающих все элементы деятельности; во-вторых, иерархической, многоуровневой системой организации и функционирования соответствующих органов, организаций и подразделений; в-третьих, зако-

[14] См. например: Криминалистика. Т. 3: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. Практикум: учебник / под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова. М.; Омск, 1996; Криминалистика: учебник для юридических высших учебных заведений / под ред. А.Г. Филиппова, А.Ф. Волынского. М., 1998; Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2007.

[15] Программа по курсу «Криминалистика»: учебно-методическое пособие / под общ. ред. В.В. Степанова. Саратов, 1997; Степанов В.В. Проблемы организации расследования преступлений // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (г. Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 31—38.

[16] См. например: Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: понятие, содержание, современное состояние // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 9—15; Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений — комплексная, межнаучная категория // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 10—13; Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7—11.

[17] Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: понятие, содержание, современное состояние // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014. С. 10—11.

номерностями правоохранительной деятельности, требующей организации; в-четвертых, совокупностью устойчивых взаимообусловленных элементов (субъектов управления, объектов управления, разноуровневых целей, средств, приемов, методов и результатов); в-пятых, потребностями упорядочения собственной индивидуальной деятельности субъекта управления (руководителя), упорядочения деятельности объектов управления (соответствующих органов, организаций, подразделений и их сотрудников) и др.

Будучи основанными на междисциплинарных научных знаниях, исследования Александра Фомича богаты на идеи, направленные на разработку и интеграцию теоретико-прикладных достижений в области организации расследования применительно к различным видам деятельности в сфере уголовного судопроизводства. В их числе трансформация с учетом современных информационно-телекоммуникационных моделей организации деятельности следователя, экспертной, оперативно-разыскной деятельности, организации прокурорского надзора, организации судебной деятельности и др.[18]

Междисциплинарные связи и ключевые аспекты организации расследования преступлений продолжают оставаться объектом глубокого научного осмысления в ряде работ А.Ф. Волынского, его соавторов и учеников, а также в рамках крупных научных и научно-практических мероприятий, способствующих дальнейшему развитию инновационных идей, формированию научных проблем и выработке консолидированных подходов по их разрешению в данной области[19].

Совершенно справедливо Александр Фомич акцентирует внимание научного сообщества на актуальной потребности современного цифрового государства и общества, выраженной в незамедлительной консолидации всех правоохранительных органов и их реализуемых функций в целях противодействия вызовам и угрозам национальной безопасности.

Вклад выдающего ученого, практика, руководителя, педагога, профессора Александра Фомича Волынского в формирование и развитие междисциплинарных научных знаний в сфере многоаспектной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью многогранен и направлен на внедрение инновационных подходов, позволяющих решать как тактические, так и стратегические задачи в сложный для нашего государства исторический период.

А.Ф. Волынский, признанный авторитет в различных направлениях юридической отрасли, развивая научную криминалистическую школу, делает ключевой вывод о том, что дальнейшее улучшение модели работы правоохранительных органов возможно исключительно в контексте значительных изменений в области информационных технологий и интеграции теоретико-прикладных достижений в деятельность правоохранительных органов.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2: Частные криминалистические теории. М., 1997. 464 с.

2. Волынский А.Ф. Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное: научное издание. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 425 с.

3. Волынский А.Ф. Криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 4. С. 22—28.

4. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 196 с.

5. Волынский А.Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. С. 55.

6. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений — комплексная, межнаучная категория // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 10—13.

7. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: понятие, содержание, современное состояние // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика,

[18] Волынский А.Ф. Эффективность как принцип организации судебно-экспертных и технико-криминалистических видов деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 10—13.

[19] Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (г. Москва, 25 марта 2014 г.). М., 2014.

опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (г. Москва, 25 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 9—15.

8. Волынский А.Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7—11.

9. Волынский А.Ф. Эффективность как принцип организации судебно-экспертных и технико-криминалистических видов деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 10—13.

10. Волынский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики: монография. М.: Экономика, 2020. 476 с.

11. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского. М.: Закон и право: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 615 с.

12. Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М.: Высшее образование, 2007. 441 с.

13. Криминалистика: учебник для юридических высших учебных заведений / под ред. А.Г. Филиппова, А.Ф. Волынского. М.: Спарк, 1998. 543 с.

14. Криминалистика: в 3 т. Т. 1: История, общая и частные теории / под ред. Р.С. Белкина, В.Г. Коломацкого, И.М. Лузгина. М., 1995. 280 с.

15. Криминалистика. Т. 3: Техника, тактика, организация и методика расследования преступлений. Практикум: учебник / под ред. А.Г. Филиппова, А.А. Кузнецова. М.; Омск: Изд-во Омского юридического института МВД России, 1996. 312 с.

16. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 943 с.

17. Программа по курсу «Криминалистика»: учебно-методическое пособие / под общ. ред. В.В. Степанова. Саратов, 1997. 50 с.

18. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б.Я. Гаврилова, В.П. Лаврова. М.: Юрайт, 2017. 205 с.

19. Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (г. Москва, 25 марта 2014 г.) / отв. ред. А.Ф. Волынский, Б.Я. Гаврилов, Е.П. Ищенко, И.П. Можаева. М.: Юрлитинформ, 2014. 240 с.

20. Степанов В.В. Проблемы организации расследования преступлений // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: материалы межвузовского научно-практического семинара на тему «Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и практическая реализация» (г. Москва, 25 марта 2014 г.). М.: Юрлитинформ, 2014. С. 31—38.

References

1. Belkin, R.S. (1997) Kurs kriminalistiki [Forensic science course]. In 3 volumes. Vol. 2. Chastnye kriminalisticheskie teorii [Private forensic theories]. Moscow, 464 p. (In Russ.).

2. Volynsky, A.F. (2019) Kriminalistika i kriminalisticheskaya deyatel'nost'. Izbrannoe [Forensic science and forensic activity. Selected]. Moscow, UNITY-DANA, Zakon i pravo, 425 p. (In Russ.).

3. Volynsky, A.F. (2022) Kriminalisticheskaya deyatel'nost' v sisteme nauchno-tekhnicheskogo obespecheniya ugolovnogo sudoproizvodstva [Forensic activity in the system of scientific and technical support of criminal proceedings]. *Yurist''-Pravoved''*, no. 4, pp. 22–28. (In Russ.).

4. Volynsky, A.F. (2016) Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Forensic support for the detection and investigation of crimes]. Textbook. Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 196 p. (In Russ.).

5. Volynsky, A.F. (2013) Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy [Forensic support for the detection and investigation of crimes]. In: Volynsky, A.F. & Lavrov, V.P. (eds.) *Kriminalistika [Forensic science]. Textbook*. Moscow, UNITY-DANA, Zakon i pravo, p. 55. (In Russ.).

6. Volynsky, A.F. (2015) Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy – kompleksnaya, mezhnauchnaya kategoriya [Organization of detection and investigation of crimes: complex, interscience category]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 10, pp. 10–13. (In Russ.).

7. Volynsky, A.F. (2014) Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: ponyatie, soderzhanie, sovremennoe sostoyanie [Organization of crime detection and investigation: concept, content, current state]. In: *Raskrytie i rassledovanie prestupleniy: nauka,*

praktika, opyt. Materialy mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara na temu "Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy: formirovanie i prakticheskaya realizatsiya", March 25, 2014. Moscow, Yurlitinform, pp. 9–15. (In Russ.).

8. Volynsky, A.F. (2016) Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy: problemy i puti resheniya [Organizing detection and investigation of crimes: problems and ways of their solution]. *Rossiyskiy sledovatel'*, no. 1, pp. 7–11. (In Russ.).

9. Volynsky, A.F. (2017) Effektivnost' kak printsip organizatsii sudebno-ekspertnykh i tekhniko-kriminalisticheskikh vidov deyatel'nosti [Efficiency as a principle of organizing forensic expert and technical forensic activities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2, pp. 10–13. (In Russ.).

10. Volynsky, A.F. & Prorvich, V.A. (2020) Komp'yuternaya kriminalistika v sisteme ugolovno-pravovoy zashchity "traditsionnoy" i tsifrovoy ekonomiki [Computer forensics in the system of criminal-legal protection of the "traditional" and digital economy]. Monograph. Moscow, Ekonomika, 476 p. (In Russ.).

11. Volynsky, A.F. (ed.) (1999) Kriminalistika [Forensic science]. Textbook. Moscow, Zakon i pravo, UNITY-DANA, 615 p. (In Russ.).

12. Filippov, A.G. (ed.) (2007) Kriminalistika [Forensic science]. Textbook. Moscow, Vysshee obrazovanie, 441 p. (In Russ.).

13. Filippov, A.G. & Volynsky, A.F. (eds.) (1998) Kriminalistika [Forensic science]. Textbook. Moscow, Spark, 543 p. (In Russ.).

14. Belkin, R.S., Kolomatsky, V.G. & Luzgin, I.M. (eds.) (1995) Kriminalistika [Forensic science]. In 3 volumes. Vol. 1. Istoriya, obshchaya i chastnye teorii [History, general and specific theories]. Moscow, 280 p. (In Russ.).

15. Filippov, A.G. & Kuznetsov, A.A. (eds.) (1996) Kriminalistika [Forensic science]. Vol. 3. Tekhnika, taktika, organizatsiya i metodika rassledovaniya prestupleniy. Praktikum [Technique, tactics, organization and methods of crime investigation. Workshop]. Textbook. Moscow, Omsk, Omsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 312 p. (In Russ.).

16. Volynsky, A.F. & Lavrov, V.P. (eds.) (2008) Kriminalistika [Forensic science]. Textbook. Moscow, UNITY-DANA, Zakon i pravo, 943 p. (In Russ.).

17. Stepanov, V.V. (ed.) (1997) Programma po kursu "Kriminalistika" [Program for the course "Forensic science"]. Teaching aid. Saratov, 50 p. (In Russ.).

18. Gavrilov, B.Ya. & Lavrov, V.P. (eds.) (2017) Protivodeystvie rassledovaniyu prestupleniy i mery po ego preodoleniyu [Counteraction to the investigation of crimes and measures to overcome it]. Textbook. Moscow, Urait, 205 p. (In Russ.).

19. Volynsky, A.F., Gavrilov, B.Ya., Ishchenko, E.P. & Mozhaeva, I.P. (eds.) (2014) Raskrytie i rassledovanie prestupleniy: nauka, praktika, opyt. Materialy mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara na temu "Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy: formirovanie i prakticheskaya realizatsiya" [Detection and investigation of crimes: science, practice, experience. Proceedings of the interuniversity scientific and practical seminar "Forensic science on the organization of crime investigation: formation and practical implementation"]. Moscow, March 25, 2014. Moscow, Yurlitinform, 240 p. (In Russ.).

20. Stepanov, V.V. (2014) Problemy organizatsii rassledovaniya prestupleniy [Problems of organizing crime investigations]. In: *Raskrytie i rassledovanie prestupleniy: nauka, praktika, opyt. Materialy mezhvuzovskogo nauchno-prakticheskogo seminara na temu "Kriminalisticheskoe uchenie ob organizatsii rassledovaniya prestupleniy: formirovanie i prakticheskaya realizatsiya", March 25, 2014.* Moscow, Yurlitinform, pp. 31–38. (In Russ.).

Информация об авторах

И.П. Можаева — профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;
И.В. Тишутина — профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

I.P. Mozhaeva – Professor of the Department of organization of the activities of internal affairs bodies of the Center for command and staff training exercise of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor;
I.V. Tishutina – Professor of the Department of Criminalistics of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 169—174.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 169–174.

УДК 343.982.3
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.019

NIION: 2015-0064-04/24-265
MOSURED: 77/27-009-2024-04-464

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Представления студентов о понятии «след»

Феликс Константинович Свободный
Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,
sfk_felix@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8010-8756

Аннотация. Сформированные в процессе профессионального обучения неадекватные мировоззренческие шаблоны могут негативно влиять на качество решения научных и практических задач профессиональной деятельности.

С целью изучения специфики представлений о понятии «след» проведено исследование интернет-сайтов и анкетирование студентов юридических и неюридических специальностей. Результаты обрабатывались методом контент-анализа с процедурой оценки частот.

Выявлено наличие в современном мировоззрении явной тенденции понимания термина «след», прежде всего, как носителя характеристик «оказавшей воздействие» материи, в котором игнорируются характеристики «принявшей воздействие» материи.

Доказывается необходимость понимания термина «след» в первую очередь как носителя характеристик «принимающей воздействие» материи. Дается авторское определение понятия «след».

Ключевые слова: материя, отражение, след, мировоззрение.

Для цитирования: Свободный Ф.К. Представления студентов о понятии «след» // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 169—174. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.019.

Students' ideas about the concept of trace

Felix K. Svobodniy
Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow,
Russia, sfk_felix@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-8010-8756

Abstract. Inadequate ideological patterns formed in the process of vocational training can negatively affect the quality of solving scientific and practical tasks of professional activity.

In order to study the specifics of ideas about the concept of trace, a study of Internet sites and a survey of students of legal and non-legal specialties was conducted. The results were processed by a content analysis method with a frequency estimation procedure.

The presence of a clear tendency in the modern worldview to understand the term "trace", first of all, as a carrier of the characteristics of the "impacting" matter, in which the characteristics of the "impacted" matter are ignored.

The necessity of understanding the term "trace" is proved, first, as a carrier of the characteristics of the "impacted" matter. The author defines the concept of trace.

Keywords: matter, reflection, trace, worldview.

For citation: Svobodniy, F.K. (2024) Students' ideas about the concept of trace. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 169—174. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.019.

Введение

Мировоззрение человека во многом определяет его поведение по отношению к окружающему миру и самому себе[1], а научное мировоззрение выполняет роль парадигмы познания[2], существенно влияя на вычленение, описание и объяснение явлений реальности. Находясь в постоянной динамике, мировоззрение наполняется в том числе и новыми научными данными и новыми

[1] Тетенков Н.Б. Мировоззрение человека как способ адаптации к усложнению социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 122.

[2] Козиков И.А. В.И. Вернадский о роли научного мировоззрения в научном познании // PolitBook. 2018. № 3. С. 23.

© Свободный Ф.К., 2024

проблемами, что может привести к смене научной парадигмы, подразумевающей либо полный отказ от старых воззрений, либо органическое их включение в новую парадигму в качестве частных случаев[3].

В формировании мировоззрения огромную роль играет профессиональное обучение. Как подчеркивает А.Е. Половникова, «формирование мировоззренческих концепций» является одной из функций высшего образования[4]. По мнению А.В. Торкунова, высшее образование позволяет возвести обыденное мышление «на уровень научного стиля мышления»[5]. И хотя мировоззрение личности в процессе развития испытывает на себе влияние большого количества разнообразных факторов, именно образование (закладывающее основы научного познания) остается главным фактором — «мировоззренческим по своей сути»[6].

Понятие «след» знакомо наверняка каждому человеку и часто и в науке, и в практике, и в быту трактуется именно как след воздействия чего-либо (кого-либо), как «отпечаток»[7], содержащий характеристики того, что воздействовало (*чей-то след, следы чего-то/кого-то и т. д.*).

При этом акцент в понимании следа делается именно на характеристики «воздействующей» материи (*след кого-то/чего-то*), часто игнорируются характеристики «принимающей воздействие» материи (*след где-то / в чем-то*).

Такой акцент, на наш взгляд, может в процессе профессионального обучения негативно сказываться на формировании адекватной мировоззренческой картины объективной реальности, что в последующем может привести к затруднениям при решении специалистами научных и прикладных задач профессиональной деятельности.

[3] Кун Т. Структура научных революций. М., 2020.

[4] Половникова А.Е. Роль высшего профессионального образования в формировании профессионального мировоззрения личности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 11. С. 308.

[5] Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 10.

[6] Раицкая Л.К. Особенности развития личности студента в Интернете // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 6. С. 77—80.

[7] Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. Т. 3: П — Р. М., 1999.

Основная часть

С целью изучения специфики представлений о следах в мировоззрении студентов автором было проведено исследование, состоящее из трех этапов.

На первом этапе формировался массив данных через интернет-ресурсы: Словарь ассоциаций[8], MakeWord[9], Картаслов.ру (Карта слов и выражений русского языка)[10], Wordsonline[11]. На указанных сайтах осуществлялся подбор словосочетаний со словами: следы, след, следов, следа, следу, следам.

На втором этапе двум группам респондентов (студенты-юристы и студенты-психологи) было предложено составить по десять любых словосочетаний со словом «след/следы» с любым падежным окончанием. В исследовании приняли участие студенты 4-го курса, обучающиеся по специальности «Юриспруденция» (86 человек), и студенты 4-го курса, обучающиеся по специальности «Психология» (74 человека).

На третьем этапе полученный массив данных обрабатывался при помощи метода контент-анализа с процедурой оценки частот[12]. Подсчитывалась частота встречаемости словосочетаний со словом «след», обозначающих различные характеристики воздействующей (*следы кого-то/чего-то/чьи-то и т. д.*) и принимающей воздействие (*следы где-то / в чем-то / на чем-то и т. д.*) материи[13]. Результаты представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что наиболее часто употребляемые (в том числе и существующие в мировоззрении) словосочетания со словом «след/следы» относятся к категории «*след (следы) кого-то/чего-то/чьи-то*» и описывают характеристики воздействующей (оставившей след) материи. Эти словосочетания представлены широким спектром, включающим следы объектов/предметов (следы человека, животных, рук, пальцев, ног, копыт, шин, метеорита и т. д.) и следы процессов/явлений (следы борьбы, взлома, пожара, торможения, разочарования, дождя, наводнения и т. д.). В интернет-источниках доля таких словосочетаний составила 64 % от общего количества полученных словосочетаний, а в группах студентов — 50,3 % (юристы) и 47 % (психологи).

[8] URL: https://wordassociation.ru (дата обращения: 14.08.2024).

[9] URL: https://makeword.ru (дата обращения: 14.08.2024).

[10] URL: https://kartaslov.ru (дата обращения: 14.08.2024).

[11] URL: wordsonline.ru (дата обращения: 14.08.2024).

[12] См.: Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М., 2004.

[13] Дублирующие словосочетания были исключены из массива анализируемых данных.

Таблица 1

	Источник данных		
	Интернет-ресурсы	*Студенты-юристы*	*Студенты-психологи*
Общее количество словосочетаний со словом «след»	581	149	102
След (следы) кого-то/чего-то/чьи-то	372 (64 %)	75 (50,3 %)	48 (47 %)
След какой-то / какие-то следы	158 (27,2 %)	39 (26,2 %)	27 (26,5 %)
След (следы) где-то / в чем-то / на чем-то	51 (8,8 %)	24 (16,1 %)	19 (18,6 %)
След (следы) чего-то/кого-то в чем-то / где-то / на чем-то (ком-то)	—	11 (7,4 %)	8 (7,9 %)

На втором месте по частоте встречаемости находится такое понимание следа, где акцент делается на характеристики самого следа (*какой-то след*): «четкий/нечеткий след»; «новый/старый след»; «грязный/чистый след»; «видимый/невидимый (заметный/незаметный) след»; «частые следы», «глубокий/поверхностный след», «маленький/большой след» и т. д. Представленность данной группы словосочетаний в исследуемых выборках составила 27,2 % (интернет-ресурсы), 26,2 % (студенты-юристы) и 26,5 % (студенты-психологи). Можно убедиться, что в этих описаниях также чаще представлены характеристики оказывающей воздействие материи (*след чего-то*), нежели характеристики принимающей воздействие материи (*след где-то, след в чем-то*): «большой след» оставлен чем-то большим, а «маленький» — чем-то маленьким и т. д.

Гораздо реже встречается понимание следа/следов только как изменений в самой материи, принимающей воздействие (*след где-то, след в чем-то / на чем-то*). При этом больше и чаще встречаются словосочетания слова «след» с конкретными объектами (*след на камнях, на песке, в воде, на земле, на полу, на снегу, на предмете, на теле, на лице, на коже*), нежели с абстрактными понятиями (*след в душе, в памяти, в истории, след на Земле, астральный след, материальный след* — след в материи — и *идеальный след* — след в психике, в памяти, в сознании). Доля словосочетаний со словом «след», описывающих характеристики принимающей воздействие (запечатлевающей след) материи, составляет менее одной пятой части выявленных словосочетаний, а конкретнее в выборке из интернет-ресурсов составляет всего 8,8 %, в группе студентов-юристов 16,1 %, в группе студентов-психологов 18,6 %.

Еще реже встречается такой вариант понимания (описания) следа, когда вначале указывается на характеристики оказывающей воздействие материи (*след чего-то/кого-то*), а во вторую очередь указываются характеристики материи, принимающей воздействие (*след где-то / в чем-то / на чем-то*). Например, «следы ног на песке», «след самолета в небе» и т. д. Возможно, это следствие недочетов в организации исследования, связанных с техническими параметрами поискового запроса в Интернет, а также с неочевидными установками в инструкции респондентам.

Тем не менее результаты эмпирического исследования вполне наглядно продемонстрировали наличие в мировоззрении современных студентов явной тенденции понимания термина «след», прежде всего, как носителя характеристик оказавшей воздействие материи, в котором характеристики принявшей воздействие материи представлены слабо.

Очевидно, что такое смещение акцентов в понимании следа обусловлено практическими задачами познания характеристик оказывающей воздействие материи в тех ситуациях, когда она недоступна для непосредственного изучения, но имеются изменения (следы) в принимающей воздействие материи, образовавшиеся в ходе ее взаимодействия с оказывающей воздействие материей.

Вышеуказанные задачи часто входят в компетенцию криминалистики, поэтому неслучайно в этой науке разработана подробная классификация именно таких следов (следов, содержащих характеристики воздействующей материи), в которой выделяются, в частности, следы чело-

века, следы животных, следы транспорта и т. п., а также следы механического воздействия, следы термического воздействия и т. д.[14]

Тем не менее хочется еще раз подчеркнуть, что след — это результат взаимодействия материи, поэтому в нем обязательно присутствуют характеристики как оказывающей воздействие материи, так и принимающей воздействие материи. Об этом, в частности, писал Р.С. Белкин: «Действительно, если рассматривать след как конечный результат процесса отражения, то нельзя игнорировать механизм отражения, то есть те факторы, которые влияют на полноту, форму, особенности отражения в следе признаков внешнего строения объекта и определяют содержание и степень искажения отражения по сравнению с оригиналом»[15]. Очевидно, что характеристики принимающей воздействие материи относятся к факторам, существенно влияющим «на полноту, форму, особенности отражения».

Проиллюстрируем это следующим примером взаимодействия материи. Если в стену кинуть (не очень сильно) шарик из мягкого пластилина (организовать взаимодействие стены и пластилинового шарика), то шарик деформируется — на одной из его частей образуется небольшой участок плоскости. Можно сказать, что эта плоскость на шарике — это след, возникший в результате удара шарика о стену, который свидетельствует о том, что стена плоская. Однако образование плоскости на шарике также свидетельствует и о мягкости пластилинового шарика. Поэтому можно сказать, что плоскость на шарике — это изменения в материальной системе «пластилиновый шарик», возникшие при ее взаимодействии с материальной системой «плоская стена» и воспроизводящие некоторые характеристики обеих взаимодействующих материальных систем.

В свою очередь, на стене после удара пластилинового шарика может остаться темное пятно (из микрочастичек мягкого пластилина) округлой формы — и это будет след, свидетельствующий о том, что в стену ударился шарообразный объект, содержащий пластилин. При этом данный след также будет свидетельствовать и о характеристиках самой стены, например, о такой характеристике поверхности стены, как возможность удерживать на себе микрочастицы пластилина. Поэтому можно сказать, что темное пятно (из микрочастичек мягкого пластилина) округлой формы — это изменения в материальной системе «поверхность стены», возникшие при ее взаимодействии с материальной системой «пластилиновый шарик» и воспроизводящие некоторые характеристики обеих взаимодействующих материальных систем.

Таким образом, понятие «след» должно нести в себе определение носителя некоторых характеристик обеих взаимодействующих материальных систем.

По нашему мнению, необходимо пойти в рассуждениях еще дальше и сместить акцент в понимании следа на тот факт, что след — это, прежде всего, изменения в принимающей воздействие материи, и поэтому в первую очередь эти изменения будут детерминированы именно характеристиками принимающей воздействие материи и лишь во вторую очередь — характеристиками оказывающей воздействие материи.

Напомним, что отражение — это именно возможность одних образований материи воспроизводить характеристики других образований материи в процессе взаимодействия друг с другом[16]. Возможность не есть обязательность. При взаимодействии материальных систем отражение присутствует как возможность, которая может быть реализована, а может и не реализоваться. И реализация отражения в первую очередь зависит от характеристик того образования материи, которое это отражение осуществляет (может осуществить).

Возвращаясь к примеру про пластилиновый шарик и стену, можно сказать, что образование в результате удара шарика о стену плоскости на шарике, прежде всего, обусловлено характеристиками пластилинового шарика, а конкретнее — его мягкостью. При броске стального шарика в стену плоскость на шарике не образуется.

Кстати, если стальной и пластилиновый шарики попытаться надрезать, например, газовым резаком, то следы на стальном и пластилиновом шарике будут совершенно разными: на стальном шарике образуется окалина, а пластилиновый шарик просто расплавится. Такая разница в следах, отражающих одну и ту же характеристику оказывающей воздействие материи (высокую температуру пламени газового резака), очевидно, обусловлена именно свойствами принимающей воздействие материи.

Можно сказать, что принимающая воздействие материя своими характеристиками допус-

[14] Криминалистическая техника. М.: МПСИ, 2006.

[15] Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 26—27.

[16] Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2: Н — Я. М., 2000.

кает воздействие на себя, разрешает следообразование. След не сможет образоваться там, где характеристики принимающей воздействие материи не допускают реализации отражения — воспроизведения характеристик материи, оказывающей воздействие.

Поэтому след в первую очередь будет содержать характеристики принимающей воздействие материи и лишь во вторую очередь нести (воспроизводить) характеристики оказывающей воздействие материи. Или, проще говоря, любой «след чего-то/кого-то» — это, прежде всего, «след где-то» (след в чем-то, след на чем-то и т. д.).

В связи с этим предлагается определить понятие «след» как *результат процесса образования изменений в принимающей воздействие материи, возникший при ее взаимодействии с оказывающей воздействие материей и воспроизводящий в первую очередь некоторые характеристики принимающей воздействие материи и во вторую очередь — некоторые характеристики оказывающей воздействие материи*.

Заключение

Понимание следа как изменений в принимающей воздействие материи, обусловленных, прежде всего, ее собственными характеристиками, приводит к важному выводу: для адекватного познания характеристик оказывающей воздействие материи по изменениям (следам), возникшим в принимающей воздействие материи, в первую очередь необходима диагностика именно тех свойств и особенностей принимающей воздействие материи, благодаря которым процесс образования этих изменений (следов) стал принципиально возможным.

Это положение будет особенно актуально при анализе так называемых идеальных следов (следов памяти, психических следов и т. д.), в образовании которых характеристики принимающей воздействие живой материи (от клетки до личности) играют ведущую (а иногда и единственную) роль.

Список литературы

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. Т. 2. М., 2001. С. 26—27.

2. Козиков И.А. В.И. Вернадский о роли научного мировоззрения в научном познании // PolitBook. 2018. № 3. С. 22—34.

3. Криминалистическая техника. М.: МПСИ, 2006. 520 с.

4. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2020. 320 с.

5. Половникова А.Е. Роль высшего профессионального образования в формировании профессионального мировоззрения личности // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 11. С. 305—309.

6. Раицкая Л.К. Особенности развития личности студента в Интернете // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 6. С. 77—80.

7. Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров. Кн. 2: Н — Я. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 2015 с.

8. Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. Т. 3: П — Р. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. 749 с.

9. Тетенков Н.Б. Мировоззрение человека как способ адаптации к усложнению социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 121—123.

10. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 7—11.

11. Шалак В.И. Современный контент-анализ. Приложения в области: политологии, психологии, социологии, культурологии, экономики, рекламы. М.: Омега-Л, 2004. 270 с.

References

1. Belkin, R.S. (2001) Kurs kriminalistiki [Course of criminalistics]. Textbook. Vol. 2. Moscow, pp. 26–27. (In Russ.).

2. Kozikov, I.A. (2018) V.I. Vernadskiy o roli nauchnogo mirovozzreniya v nauchnom poznanii [Vladimir Vernadsky on the role of scientific worldview in the scientific cognition]. *PolitBook*, no. 3, pp. 22–34. (In Russ.).

3. Kriminalisticheskaya tekhnika [Forensic technology]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute, 2006, 520 p. (In Russ.).

4. Kun, T. (2020) Struktura nauchnykh revolyutsiy [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST, 320 p. (In Russ.).

5. Polovnikova, A.E. (2014) Rol' vysshego professional'nogo obrazovaniya v formirovanii professional'nogo mirovozzreniya lichnosti [The role of higher professional education in the formation of a professional worldview of a person]. *Vestnik*

Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya), no. 11, pp. 305–309. (In Russ.).

6. Raitskaya, L.K. (2011) Osobennosti razvitiya lichnosti studenta v Internete [Peculiarities of development of student personality in Internet]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyy universitet upravleniya)*, no. 6, pp. 77–80. (In Russ.).

7. Prokhorov, A.M. (ed.) (2000) Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Russian Encyclopedic Dictionary]. Vol. 2. Moscow, Great Russian Encyclopedia, 2015 p. (In Russ.).

8. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. 4th ed. Vol. 3. Moscow, Russkiy yazyk, Poligrafresursy, 1999, 749 p. (In Russ.).

9. Tetenkov, N.B. (2023) Mirovozzrenie cheloveka kak sposob adaptatsii k uslozhneniyu sotsial'noy real'nosti [A person's worldview as a way of adapting to the complexity of social reality]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 7, pp. 121–123. (In Russ.).

10. Torkunov, A.V. (2013) Sozdanie universitetov mirovogo urovnya: novye tendentsii v rossiyskom vysshem obrazovanii [Starting up a world class university: new trends in Russian higher education]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2, pp. 7–11. (In Russ.).

11. Shalak, V.I. (2004) Sovremennyy kontent-analiz. Prilozheniya v oblasti: politologii, psikhologii, sotsiologii, kul'turologii, ekonomiki, reklamy [Modern content analysis. Applications in the field of political science, psychology, sociology, cultural studies, economics, advertising]. Moscow, Omega-L, 270 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ф.К. Свободный — доцент кафедры управления и психологии следственной деятельности (Высшие академические курсы) Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the author

F.K. Svobodniy – Associate Professor of the Department of Management and Psychology of Investigative Activity (Higher Academic Courses) of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Социальная конфликтология: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / под науч. ред. И.В. Грошева, А.Н. Сухова; под общ. ред. И.И. Аминова. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. — 303 с.

ISBN 978-5-238-03933-6

В учебнике раскрываются понятие и структура конфликта, его динамика, стадии развития, функции и классификация. Особое внимание уделяется освещению истории развития как западной, так и отечественной социальной конфликтологии. Излагается социально-психологический подход к пониманию различных видов конфликта.

Содержатся не только теоретические, но и прикладные аспекты реальной практики урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Анализируются различные технологии их превенции.

Для студентов-бакалавров и магистрантов, обучающихся по гуманитарным специальностям, в том числе психологов, социологов, политологов, социальных работников, юристов, экономистов, преподавателей, менеджеров, политиков и госслужащих.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 175—187.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 175–187.

УДК 343.148
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.020

NIION: 2015-0064-04/24-266
MOSURED: 77/27-009-2024-04-465

Научная специальность: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Правовая экспертиза материалов, содержащих фейковую и дискредитирующую информацию об использовании Вооруженных Сил РФ и органах государственной власти РФ[1]

Владимир Дмитриевич Никишин[1], Тигран Артёмович Сааков[2]
[1, 2]Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия
[1]vdnikishin@msal.ru
[2]Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, saak-93_93@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и методологические аспекты правовой экспертизы (оценки) материалов, содержащих фейковую и дискредитирующую информацию об использовании Вооруженных Сил России или исполнении государственной властью Российской Федерации своих полномочий за ее пределами в целях защиты граждан РФ, поддержания международного мира и безопасности. На основе исследования авторы обоснованно приходят к выводу, что диспозиция п. 3 ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» нуждается в корректировке, позволяющей привести ее содержание в соответствие с уголовным и административным законодательством.

Обоснован тезис, что для объективного принятия решения о наличии/отсутствии в информационном материале признаков противоправности, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», и о внесудебной блокировке того или иного ресурса необходим комплекс лингвоюридических знаний, составляющих основу методологии такого исследования.

На основе анализа внесудебной и судебной практики ограничения доступа к информации, фейковизирующей или дискредитирующей использование Вооруженных Сил России / исполнение органами государственной власти Российской Федерации своих полномочий за ее пределами в целях защиты граждан РФ, поддержания международного мира и безопасности, авторами предлагаются диагностические комплексы, составляющие основу методологии исследования таких информационных материалов.

Ключевые слова: правовая экспертиза, внесудебная экспертиза, информационные материалы, экстремистские речевые действия, лингвоюридические знания, диагностические комплексы, медиабезопасность, Вооруженные Силы России, государственная власть Российской Федерации.

Вклад авторов: Никишин В.Д. — анализ полученных данных, написание текста, концептуальные предложения и правки; Сааков Т.А. — концепция, сбор и обработка материалов, написание текста.

Для цитирования: Никишин В.Д., Сааков Т.А. Правовая экспертиза материалов, содержащих фейковую и дискредитирующую информацию об использовании Вооруженных Сил РФ и органах государственной власти РФ // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 175—187. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.020.

Legal examination of materials containing fake and discrediting information about the usage of the Armed Forces and state authorities of the Russian Federation

Vladimir D. Nikishin[1], Tigran A. Saakov[2]
[1, 2]Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia
[1]vdnikishin@msal.ru
[2]Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Moscow, Russia, saak-93_93@mail.ru

[1] Исследование выполнено в рамках Программы развития Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в целях реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

© Никишин В.Д., Сааков Т.А., 2024

Abstract. The article examines the legal and methodological aspects of the legal examination of materials containing fake and discrediting information about the usage of the Armed Forces of Russia / Russian state authorities exercising their powers outside Russian borders in order to protect citizens of the Russian Federation, maintain international peace and security. The authors conclude that the disposition of paragraph 3, Part 1 of Article 15.3 of the Federal Law on Information, Information Technologies and Information Protection needs a revision that allows bringing its content in line with criminal and administrative legislation in this area.

The authors substantiate that a complex of legal and linguistic knowledge is necessary for an objective decision on the presence or absence of signs of illegality in the information material (signs provided for in paragraph 3, Part 1 of Article 15.3 of the Federal Law on Information, Information Technologies and Information Protection) and making subsequent extrajudicial blocking of a particular web-resource.

Having analyzed the extra-judicial and judicial practice of restricting access to information that fakes or discredits the usage of the Russian Armed Forces / Russian state authorities exercising their powers outside Russian borders in order to protect citizens of the Russian Federation, maintain international peace and security, the authors propose diagnostic complexes that form the methodological basis of examination of such information.

Keywords: legal examination, extrajudicial expertise, information materials, extremist speech actions, linguistic and legal knowledge, diagnostic complexes, media security, the Armed Forces of Russia, the state power of the Russian Federation.

Contribution of the authors: Nikishin V.D. — data analysis, text writing, conceptual proposals and edits; Saakov T.A. — research concept, collection and processing of material, text writing.

For citation: Nikishin, V.D. & Saakov, T.A. (2024) Legal examination of materials containing fake and discrediting information about the usage of the Armed Forces and state authorities of the Russian Federation. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 175—187. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.020.

Геополитические события, произошедшие в феврале 2022 года, связанные с необходимостью со стороны Российской Федерации принятия решения о начале специальной военной операции (далее — СВО) в целях защиты жителей Донецкой и Луганской народных республик, способствовали обострению ряда общественно-политических проблем, в том числе противоречивого восприятия межгосударственных процессов[2]. Ввиду происходящих событий галопирующими темпами в сети Интернет стали распространяться ложные (фейковые) сведения о целях использования Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС России, ВС РФ) и исполнении государственными органами Российской Федерации (далее — РФ) своих полномочий за ее пределами в целях защиты граждан РФ и поддержания международного мира и безопасности, а также сведения, дискредитирующие[3] их действия. Указанные геополитические реалии предопределили необходимость безотлагательного принятия мер со стороны органов государственной власти РФ, направленных на защиту граждан РФ от влияния деструктивной информации, искажающей объективность восприятия происходящих внешнеполитических событий. В этой связи был принят Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в результате чего Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) был дополнен двумя новыми составами — ст. 207.3 и 280.3, которые несколько позже претерпели ряд изменений путем дополнения их диспозиций рядом положений (редак-

[2] Антонов О.Ю., Сааков Т.А. Тактика назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 УК РФ (на основе обобщения следственной, судебной и экспертной практики): методические рекомендации. М., 2023. С. 4.

[3] До настоящего времени понятие «дискредитация» в УК РФ, КоАП РФ и Федеральном законе «Об информации» отсутствовало. В судебной практике с дискредитацией соотносятся правонарушения, связанные с защитой чести, достоинства и деловой репутации, то есть с такими составами, как клевета и оскорбление, предусмотренными ст. 128, 298, 319 УК РФ, ст. 5.61 КоАП РФ. (См.: Информационное письмо МВД России от 30.03.2022 № 1/3201 «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан».)

Полагаем, что ввиду отсутствия нормативно-правового определения понятия «дискредитация» наиболее приемлемым представляется раскрывать лексическое значение данного термина посредством использования словарей. В целом дискредитировать означает «*подорвать (подрывать) доверие к кому-чему-н., умалить (-лять) чей-н. авторитет*». (См., например: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2006. С. 167.)

ции федеральных законов от 25.03.2022 № 63-ФЗ, от 18.03.2023 № 58-ФЗ, от 25.12.2023 № 641-ФЗ).

В свою очередь, изменения в ст. 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (далее — ФЗ об информации), внесенные Федеральным законом от 02.11.2023 № 526-ФЗ, охватили редакцию указанных диспозиций ст. 207.3, 280.3 УК РФ по состоянию на 25.03.2022. Таким образом, в п. 3 ч. 1 ст. 15.3 не нашли отражение такие принципиально важные элементы содержания, закрепленные в диспозиции последних редакций вышеуказанных статей УК РФ, как *добровольческие формирования, организации или лица, оказывающие содействие в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации*.

Следует констатировать, что столь существенное упущение ныне действующей редакции п. 3. ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, не охватывающей обозначенных выше категорий, никак нельзя признать нормальным, поскольку вышеуказанные редакции ст. 207.3, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ были вызваны, с одной стороны, геополитической реальностью, обусловливающей высокую значимость добровольческих формирований, организаций, отдельных лиц, оказывающих содействие в решении задач, поставленных перед ВС России, а также войсками национальной гвардии Российской Федерации[4], с другой стороны, недопущением распространения об указанных субъектах ложных сообщений (фейков) и информации, которая бы дискредитировала их действия. Таким образом, налицо несоответствие объема понятий, соответствующих одному и тому же виду запрещенной к распространению информации, в уголовном, административном и информационном законодательстве. То есть уголовное и административное преследование за распространение фейковой и дискредитирующей информации об использовании ВС РФ, об исполнении государственными органами РФ своих полномочий осуществляется в отношении большего круга деяний — за распространение большего количества «подвидов» информационных материалов, чем подлежит внесудебной блокировке Роскомнадзором по требованию прокурора на основании п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации.

С учетом массовости и скорости распространения деструктивной информации с крайне высокой степенью общественной опасности касаемо ВС России и иных субъектов, перечисленных в диспозициях ст. 207.3, 280.3 УК РФ (20.3.3 КоАП РФ), в социальных сетях и мессенджерах, а также на различных контент-сайтах представляется крайне противоречивой ситуация, при которой за распространение информации законом предусмотрена уголовная или административная ответственность, однако при этом блокировка такого контента не может быть осуществлена на основании п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации (например, если распространяется ложная информация об организациях, оказывающих содействие ВС России в ходе выполнения возложенных на них задач).

Исходя из вышеизложенного, деятельность Роскомнадзора, имеющего первоочередное значение в решении задач, связанных с ограничением граждан РФ от запрещенной законом информации путем ее оперативной блокировки в сети Интернет, не может быть в полной мере реализована с ныне действующей редакцией диспозиции п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации. Формально у Роскомнадзора отсутствуют основания для внесудебного ограничения доступа к тому или иному ресурсу, содержащему криминогенную информацию о вышеперечисленных субъектах, оказывающих содействие в выполнении задач, возложенных на ВС России, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, что никоим образом не согласуется с уголовно-правовым (административным) законодательством Российской Федерации, относящим публичное распространение такого рода информации к преступлениям против общественной безопасности (глава 24 УК РФ) и основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ).

Очевидно, что объемы распространения в сети Интернет рассматриваемой деструктивной информации сильно превышают объемы выявленных в ходе расследования уголовных и административных правонарушений случаев распространения такой информации и ее блокировки в рамках уже судебного разбирательства.

Более того, в целях ограничения граждан Российской Федерации от оказывающей деструктив-

[4] См, например: Путин заявил о равноправном положении всех участников СВО // Известия. URL: https://iz.ru/1527787/2023-06-13/putin-zaiavil-o-ravnopravnom-polozhenii-vsekh-uchastnikov-svo (дата обращения: 14.10.2024); Путин оценил действия Росгвардии в зоне СВО // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20230327/rosgvardiya-1860797978.html (дата обращения: 14.10.2024).

ное воздействие в условиях СВО информации существенное значение приобретает, как было указано выше, именно оперативное принятие решения об ограничении доступа к тому или иному ресурсу и уже последующее информирование компетентных органов власти Российской Федерации со стороны Роскомнадзора[5] о целесообразности проведения процессуальной проверки на наличие/отсутствие признаков уголовных и административных правонарушений.

Таким образом, анализ вышеизложенного позволяет прийти к выводу, что назрела объективная необходимость в оперативной редакции п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, содержание которого целесообразно дополнить аналогично содержанию диспозиций ст. 207.3, 280.3 УК РФ (20.3.3 КоАП РФ) в их последней редакции, т. е. после слов «*под видом достоверных сообщений недостоверная информация <...> в указанных целях*» и слов «*или информация, направленная на дискредитацию использования <...> в указанных целях*» дополнить в двух местах следующими словами: «*а равно содержащая данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации*».

При этом с методологической точки зрения не менее важной проблемой, коррелирующей с исследованием в рамках правовой внесудебной экспертизы (оценки) материалов на предмет наличия/отсутствия в них признаков противоправности, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, будет иметь раскрытие некоторых из указанных выше субъектов, таких как «*добровольческие формирования*», «*организации и лица, оказывающие содействие...*», поскольку в ходе исследования информационных материалов принципиально важное значение приобретает четкое понимание со стороны эксперта, относится ли субъект, в отношении которого в исследуемом материале присутствуют те или иные высказывания, к субъекту, распространение ложной или дискредитирующей информации о котором запрещено законом.

На сегодня в УК РФ и КоАП РФ отсутствуют какие-либо примечания к упомянутым выше статьям, где раскрывались бы рассматриваемые термины, что усложняет задачу эксперту, осуществляющему производство внесудебной правовой экспертизы материалов на предмет наличия/отсутствия в них признаков противоправности, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации. При этом специфика исследования противоправного контента, содержащего информацию, распространение которой запрещено п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, предполагает, что субъект, осуществляющий производство такого исследования, должен обладать комплексом юридических и лингвистических (лингвоправовых) знаний, определяющих методологию такого исследования, направленного на установление смысловой направленности информационных материалов и соответствия или несоответствия выявленных «смыслов» критериям противоправности контента. При этом, учитывая, что распространение одних и тех же информационных материалов может и образовывать объективную сторону преступления (правонарушения), и подпадать под внесудебную блокировку, логично утверждать, что критерии противоправности контента должны быть универсальны независимо от вида юрисдикционной деятельности, в рамках которой происходит правовая оценка информационных материалов. Учитывая, что в рамках судебной лингвистической экспертизы выработаны и апробированы подходы к исследованию диффамационных материалов, а заключения экспертов-лингвистов выступают основой для правовой оценки деяния правоприменителем, во внесудебной правовой экспертизе рассматриваемого вида запрещенной к распространению информации необходимо учитывать криминалистические подходы судебной лингвистической экспертизы.

Важно отметить, что диспозиция п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации включает в себя два неэквивалентных друг другу подхода к исследованию с позиций методологического инструментария, выработанного в судебной лингвистической экспертизе. В случае с исследованием фейковой (ложной) информации о субъектах, перечисленных в п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, закономерным и вполне логичным выглядит устоявшийся на практике в рамках производства судебной лингвистической экспертизы подход, связанный с исследованием диффамационных материалов[6], заключающийся в установлении фор-

[5] См., например: Соглашение о взаимодействии Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: утв. МВД России, Роскомнадзором 23.08.2017.

[6] См., например: Земскова С.И. Теоретические и правовые аспекты судебной экспертизы диффамационных материалов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / [А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и др.]. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

мы высказываний (утверждение, оценка, мнение или предположение). Однако важно понимать, что если в рамках судебной лингвистической экспертизы устанавливается форма того или иного высказывания, а решение о наличии/отсутствии юридических признаков определенного состава правонарушения принимается правоприменителем (дознавателем, следователем, судом и др.), то в рамках производства внесудебной правовой экспертизы выводы эксперта должны охватывать, как было указано выше, всю совокупность признаков, устанавливаемых на основе применения комплекса лингвоправовых знаний, в противном случае принять объективное решение об ограничении доступа к тому или иному ресурсу не представляется возможным. Иной подход предполагает исследование материалов, дискредитирующих действия перечисленных в п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации субъектов. В данном случае вполне логичным выглядит устоявшийся в лингвистической экспертизе подход, связанный с исследованием экстремистских материалов и подразумевающий выявление компонентов значения речевого продукта: предмет речи + отношение + речевая цель[7].

Полагаем, что основу методологии исследования рассматриваемых нами материалов, распространение которых запрещено п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, целесообразно выстраивать, опираясь на разработанные в судебной лингвистической экспертизе диагностические комплексы признаков (далее — ДК) для исследования диффамационных и экстремистских материалов.

Модификация вышеуказанных ДК с учетом специфики внесудебной правовой экспертизы информационных материалов, распространение которых запрещено п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, представляется нам следующим образом.

Таблица 1

Диагностический комплекс[8]

«распространяемой под видом достоверных сообщений недостоверной информации, содержащей данные об использовании ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а равно содержащей данные об исполнении государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ в указанных целях»

Компонент информационных материалов	Признаки
Тематика	а) Вооруженные Силы Российской Федерации; б) государственная власть Российской Федерации. *Сообщаемая информация:* цели использования ВС РФ / исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ **не соответствуют целям защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности**.
Преподнесение информации под видом достоверной	1. Информационный характер сообщаемого. 2. Совершенность (действие произошло в прошлом или происходит в настоящее время). 3. Верифицируемость, то есть возможность проверить информацию на ее соответствие действительности (сообщается информация о конкретных наблюдаемых, т. е. описывающих события и признаки физической сферы, действиях).
Недостоверность информации	Противоречие излагаемой информации реально имевшим/имеющим место событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям).

[7] См., например: Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: монография / под ред. Е.И. Галяшиной. М., 2019; Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

[8] В основу разработки диагностического комплекса признаков публичного распространения запрещенной информации, предусмотренной п. 3 ч. 1 ст. 15.3, был положен диагностический комплекс признаков «утверждение о фактах и событиях», разработанный РФЦСЭ при Минюсте России. (См.: Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / [А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и др.]. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.)

Детализируем признаки компонента информационных материалов «Тематика».

Вооруженные Силы Российской Федерации, согласно ст. 10 Федерального закона от 31.05.1996 «Об обороне», — это государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации[9]. ВС России могут быть обозначены в том числе имплицитно (неочевидно), для этого могут быть использованы различные номинации. Примерные обозначения ВС России (неочевидные), которые наиболее часто встречаются в криминогенных речевых продуктах в следственно-судебной практике, — «рашисты», «освободители», «фашисты», «zигизты», «орки» и другие.

Важно пояснить, что в данный момент негативный контент связан преимущественно с использованием ВС России в рамках проведения специальной военной операции, однако использование ВС России в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности следует рассматривать шире, чем только в ходе СВО. Например, к запрещенной п. 3 ч. 1 ст. 15.3. ФЗ об информации может быть отнесена недостоверная информация об использовании ВС России на территориях стран Африканского континента.

В диспозиции п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации также указаны ***органы государственной власти Российской Федерации***, под которыми обычно понимают «организации (учреждения) государственной власти, предназначенные для управления государством на разных уровнях»[10]. Согласно ст. 11 Конституции Российской Федерации к субъектам, ***наделенным государственной властью в Российской Федерации,*** относятся: «*Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации*»[11].

Таким образом, понятие «***государственная власть РФ»*** выступает в аспекте настоящего исследования собирательным и охватывает ***органы государственной власти РФ.***

Важно отметить, что нередко для обозначения органов государственной власти РФ в информационных материалах авторами используется такой литературный прием (троп), как метонимия[12]. Например, «Кремль принял решение...», «Москва совершила...», «власти РФ отдали приказ...» и т. п.

Следует также отметить, что, как показывает практика, зачастую криминогенные речевые продукты, где осуществляется распространение фейковой (недостоверной) информации по п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, связаны с осуществлением деятельности федеральных органов исполнительной власти, поскольку деятельность указанных органов, руководство которыми осуществляется Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, в условиях СВО напрямую связана с обеспечением защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Таким образом, в неочевидных случаях, если в ходе анализа информационных материалов возникает сомнение по поводу отнесения того или иного субъекта к субъектам, обладающим полномочиями, делегированными субъектами государственной власти, то представляется целесообразным обратиться к Указу Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»[13].

Далее дадим краткую характеристику признакам компонента информационных материалов «Преподнесение информации под видом достоверной».

1. Информационный характер сообщаемого

Следует отметить, что информационное сообщение — это «сообщение, содержащее сведения, информацию о каких-то фактах или событиях»[14]. Иными словами, информация должна предполагать ***фактологический характер***. Принципиально важное значение здесь приобретает

---

[9] Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] См., например: Хуснутдинов Ф.Г. Государственный орган и орган государственной власти: соотношение понятий // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 20.

[11] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Метони́мия (греч. *metonymia* — переименование) — вид тропа; перенос названия с предмета на предмет на основе их объективной близости, логической связи. (См.: Литература и язык: [энциклопедия] / [О.С. Асписова, А.М. Борисов, Н.А. Донская и др.]. М., 2007.)

[13] Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Северская О.И. Информативный или информационный? // Русский язык. 2009. № 7 (583). С. 47.

изложение информации в виде «действования» определенных субъектов (ВС России, государственной власти и др.) путем использования глаголов настоящего (например, *разрушают, уничтожают, бомбят и т. д.*) и прошедшего времени (*уничтожили, разрушили, разбомбили и т. д.*) в изъявительном наклонении, что указывает на ***информационный характер сообщения***, который предполагает также возможность верифицирования (т. е. удостоверения, проверки на соответствие действительности такой информации).

2. Совершенность (действие произошло в прошлом или происходит в настоящее время)

Указанный признак коррелирует с характером сообщаемой информации и предполагает ***только*** наличие глаголов ***настоящего*** и ***прошедшего*** времени изъявительного наклонения, что указывает на фактологический характер излагаемой информации.

Важно отметить, что нельзя проверить информацию на наличие в ней противоречия реально существующим событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям), если эти события еще не наступили (например, *ВС России будут бомбить мирное население в Харькове через 5 дней* — данная информация является криминогенной, но ее блокировка может быть осуществлена по другому основанию — как ***дискредитация*** действий ВС России). Однако если, например, распространяется информация, что *отдан приказ бомбить мирное население в Харькове через 5 дней,* то блокировка контента может быть осуществлена как фейковой информации об использовании ВС России, так как дача приказа относится к прошедшему времени.

3. Верифицируемость

Данный признак предполагает, что действия должны быть описаны или упомянуты в тексте, описываемые события могут быть зафиксированы в результате ***внешнего наблюдения***. Таким образом, данный признак отражает ***возможность проверки*** излагаемой в речевом продукте информации ***на соответствие действительности***.

Далее дадим краткую характеристику признаку компонента значения информационных материалов «Недостоверность информации», который заключается в **противоречии излагаемой информации реально имевшим/имеющим место событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям)**.

Установление вышеуказанного признака предполагает сравнение выявленной в речевом продукте информации с информацией, исходящей от официальных источников, функционирующих в Российской Федерации. Выбор того или иного источника для сравнительного анализа выявленной в анализируемом речевом продукте информации на предмет ее противоречия реально имевшим/имеющим место событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям) напрямую зависит от тематики.

В качестве основных источников могут выступать все информационные ресурсы, находящиеся в ведении Российской Федерации (например, официальный сайт Министерства обороны, официальные сайты российских государственных мультимедийных онлайн-платформ, к примеру «Смотрим», сайты общероссийских федеральных каналов — «Первый канал», «Россия», «Россия 24» и иные).

В ходе анализа информации в речевом продукте на соответствие признаку противоречия реально имевшим/имеющим место событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям) возможны две ситуации.

1. Описываемые в исследуемом речевом продукте факты нашли отражение (возможно, посредством ***опровержения***) в СМИ, находящихся в ведении Российской Федерации, в заявлениях официальных представителей власти.

2. Вторая ситуация предполагает, что описываемые в исследуемом речевом продукте факты не нашли своего отражения в СМИ Российской Федерации (*такая ситуация возможна, например, если инфоповод еще не успел найти отражение в СМИ*). В таком случае эксперт приходит к выводу о невозможности установления наличия/отсутствия компонента информационных материалов «Недостоверность информации» и, как следствие, итоговому выводу в виде «не представляется возможным ответить на вопрос наличия/отсутствия в речевом продукте признаков противоправности (запрещенной законом) информации в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации (в части распространения **фейковой информации**)». Однако блокировка негативного контента может быть осуществлена по иному основанию, указанному в диспозиции п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, а именно связанному с ***дискредитацией использования ВС России / исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий,*** диагностические комплексы для данного основания будут представлены ниже.

Сравнительная таблица

Сравнение излагаемой в речевом продукте информации на предмет наличия/отсутствия в ней противоречия реально имевшим/имеющим место событиям объективной действительности (наблюдаемым событиям)	
Излагаемая в исследуемом речевом продукте информация о конкретных фактах (событиях)	**Информация о фактах (событиях), исходящая от официальных представителей власти**
*«<...> Погибших хоронят прямо во дворах, в братских могилах. Более 1500 мирных жителей погибло. Еще на днях российские фашисты **додумались разбомбить роддом**».* *Опубликовано **12.03.2022** в сообществе « ****" народный омбудсмен» в социальной сети «ВКонтакте»*	Официальное заявление Министерства обороны Российской Федерации: *«Заявления украинской стороны о якобы нанесенном ударе российской авиацией по **родильному дому в Мариуполе не соответствуют действительности**. Это полностью срежиссированная провокация»[15] (выпуск новостей от **10 марта 2022 года**).*

Таким образом, по результатам исследования информационного материала на предмет наличия/отсутствия в нем признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации (фейковой информации), эксперт может прийти к **следующим выводам**:

- **положительный вывод** о наличии в исследуемом речевом продукте признаков противоправности, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, если выявленные в ходе исследования речевого продукта признаки соответствуют всем трем компонентам значений информационных материалов: «Тематика» + «Преподнесение информации под видом достоверной» + «Недостоверность информации»;
- **отрицательный вывод** о наличии в исследуемом речевом продукте признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, если выявленные в речевом продукте признаки не соответствуют одному и/или более компонентам, обозначенным в ДК, например: «Тематика» + «Преподнесение информации под видом достоверной» — «Недостоверность информации»;
- **не представляется возможным ответить на поставленный вопрос**, если выявленных признаков недостаточно, чтобы установить компоненты информационных материалов, или отсутствует внутренняя убежденность эксперта на стадии сравнения выявленных признаков в исследуемом речевом продукте с указанными в ДК (равно как и на любой другой стадии оценки информационных материалов). В данном случае эксперт вправе указать в заключении на невозможность прийти к какому-либо выводу для установления наличия/отсутствия в исследуемом речевом продукте признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, в связи с чем необходимо проведение лингвистического (или психолого-лингвистического) исследования.

[15] Выпуск новостей от 10 марта 2022 года // Официальный сайт АО «Первый канал». URL: https://www.1tv.ru (дата обращения: 15.06.2024).

Таблица 2

Диагностический комплекс[16]
«Побуждение к противодействию функционированию ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или противодействию исполнению государственными органами РФ своих полномочий в указанных целях»

Компонент информационных материалов	Признаки
Тематика	а) ВС России; б) государственная власть Российской Федерации. *Сообщаемая информация:* сообщается о необходимости воспрепятствования (недопущения)использованию ВС России в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.
Отношение	Выражена оценка действий, связанных с **недопущением** (противодействием, препятствованием) **использования ВС России** в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, **автор считает их необходимыми, целесообразными для адресата**.
Цель	Побуждение **к действиям по недопущению использования ВС России** в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (побудить к действиям, чтобы не допустить использование)

Таблица 3

Диагностический комплекс
«Убеждение в негативном характере целей использования ВС России (дискредитация)»

Компонент информационных материалов	Признаки
Тематика	Использование ВС России. *Сообщаемая информация*: сообщается, что ВС России совершили определенные действия / государственная власть РФ совершила определенные действия, связанные с использованием ВС России.
Отношение	Цели использования ВС России **оцениваются как не соответствующие целям** защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, что может быть выражено номинациями (обозначениями): *«военная агрессия», «захватническая война», «фашистская война», «рашистская война» и пр.* **При этом необходимо разграничивать негативную оценку целей (т. е. дискредитацию) от оценки самого факта использования ВС России (например, *«Нет войне!»*) и способов такого использования (утверждения о фактах — фейковые сообщения).**
Цель	Выражена (в том числе неявно) в убеждении, т. е. побуждении к измене нию мнения, в том, что цели использования ВС России не соответствуют обозначенным.

[16] В основу разработки диагностических комплексов признаков, отраженных в таблицах 2—4, были положены диагностические комплексы, разработанные РФЦСЭ при Минюсте России: методические письма РФЦСЭ при Минюсте России «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации» и «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации», утвержденные Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол № 2 от 17 июня 2022 года).

Таблица 4

Диагностический комплекс признаков
«Убеждение в негативном характере целей исполнения государственными органами РФ своих полномочий (дискредитация)»

Компонент информационных материалов	Признаки
Тематика	Исполнение государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ. *Сообщаемая информация:* сообщается, что государственные органы РФ совершили определенные действия за пределами территории Российской Федерации.
Отношение	Цели исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ **оцениваются как не соответствующие целям** защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности.
Цель	Выражена (в том числе неявно) в убеждении, т. е. побуждении к изменению мнения, в том, что цели исполнения государственными органами РФ своих полномочий за пределами территории РФ не соответствуют обозначенным.

Таким образом, по результатам исследования информационного материала на предмет наличия/отсутствия в нем признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации (дискредитирующей информации), эксперт может прийти к **следующим выводам**:

- **положительный вывод** о наличии в исследуемом речевом продукте признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, если выявленные в ходе исследования речевого продукта признаки соответствуют всем трем компонентам значений информационных материалов: «Тематика» + «Отношение» + «Цель»;
- **отрицательный вывод** о наличии в исследуемом речевом продукте признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, если выявленные в речевом продукте признаки не соответствуют одному и/или более компонентам, обозначенным в ДК, например: «Тематика» — «Отношение» — «Цель»;
- **не представляется возможным ответить на поставленный вопрос**, если выявленных признаков недостаточно, чтобы установить компоненты информационных материалов, или отсутствует внутренняя убежденность эксперта на стадии сравнения выявленных признаков в исследуемом речевом продукте с указанными в ДК (равно как и на любой другой стадии оценки информационных материалов). В данном случае эксперт вправе указать в заключении на невозможность прийти к какому-либо выводу для установления наличия/отсутствия в исследуемом речевом продукте признаков противоправности (нарушения закона), предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, в связи с чем необходимо проведение лингвистической (или психолого-лингвистической) экспертизы.

Рассмотрим один из вышеприведенных ДК на примере побуждения (в том числе в форме призыва) к противодействию функционированию ВС России.

«Нужно противостоять всеми силами агрессии „освободителей", которые бомбят мирное население Украины!!!

Просыпаетесь, русские, нужно остановить этих орков, вам уже итак не отмыть этот стыд будет годами...»[17]

Опубликовано 14.03.2022 на личной странице ID «******» в социальной сети «ВКонтакте»

Тематика: в вышеприведенном речевом продукте связана с использованием ВС России, на это указывают различные варианты их негативно-оценочной номинации (обозначения) в контексте: «орки» и «освободители», которые осуществляют действия («*<...> бомбят мирное население Украины <...>*»), а также обращение автора (адресанта) к народу России (адресату) с призывом остановить ВС России («*Просыпаетесь, русские, нужно остановить этих орков, вам уже итак не отмыть этот стыд будет годами...»).* Наряду с этим на тематику также указывает невербальный компонент (находящийся в неразрывной взаимосвязи с вербальным компонентом) в виде фотоизображения женщины и пяти человек (предположительно мужчин), трое из которых одеты в военную форму и имеют при себе соответствующее снаряжение (бронежилет и/или автомат), а также нашивку (эмблему) и синюю ленту на левой руке. Четверо человек переносят на носилках беременную женщину, имеющую различные ссадины и повреждения, указанное действие происходит на фоне частично разрушенного дымящегося здания.

Отношение: автор считает необходимыми (нужным) и целесообразным для адресата осуществить определенные действия, чтобы не допустить (воспрепятствовать) использование ВС России в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, что достигается за счет таких глаголов, как «противостоять», «остановить» («*Нужно противостоять всеми силами агрессии „освободителей", которые бомбят мирное население Украины!!!*», «*Просыпаетесь, русские, нужно остановить этих орков*»).

Цель: выражена в побуждении адресата (*в контексте — народ России*) к осуществлению каких-либо действий, направленных на недопущение (воспрепятствование) использования ВС России в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, что достигается путем призывов, обращенных к народу Российской Федерации: «*Просыпаетесь, русские, нужно остановить этих орков, вам уже итак не отмыть этот стыд будет годами...*»

Исходя из вышеизложенного, в информационном материале были выявлены признаки, соответствующие всем трем компонентам значения информационных материалов, указанным в ДК: «Тематика» + «Отношение» + «Цель».

Выводы: в представленном на исследование информационном материале содержится инфор-

[17] Орфография и пунктуация сохранены.

мация, побуждающая адресата к противодействию функционированию ВС России.

Таким образом, в представленном на исследование информационном материале содержится информация, направленная на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности (п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации), т. е. информация, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Важно отметить, что в одном речевом продукте могут присутствовать признаки информационных материалов сразу нескольких ДК.

В приведенном выше примере содержится как ***недостоверная*** информация, преподносимая под видом достоверных сообщений об использовании ВС России / исполнении органами государственной власти Российской Федерации своих полномочий за ее пределами в целях защиты интересов РФ и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, так и информация, ***дискредитирующая*** деятельность указанных субъектов, заключающаяся в призыве к воспрепятствованию их деятельности.

Для принятия решения о наличии в речевом продукте противоправной (запрещенной законом) информации, предусмотренной п. 3 ч. 1 ст. 15.3 ФЗ об информации, достаточно, чтобы выявленные в нем признаки соответствовали компонентам значения информационных материалов одного из рассмотренных выше ДК.

Предельно важным является анализ всех вышеупомянутых компонентов в совокупности, так как игнорирование хотя бы одного из них приводит к серьезным ошибкам: закон не запрещает говорить о чем-либо, не устанавливает цензуру на какие-либо тематики выступлений (например, на обсуждения боевых действий, которые осуществляются в ходе СВО, и сопряженных с ними событий и др.); он запрещает такие речевые действия, в которых ***тематика*** сопряжена с определенным ***отношением*** *(либо спецификой преподнесения такой информации, применительно к ДК № 1)* **автора и преследуемой им *целью*** (*либо недостоверностью распространяемой информации, применительно к ДК № 1*).

Список литературы

1. Антонов О.Ю., Сааков Т.А. Тактика назначения судебной лингвистической экспертизы в ходе расследования преступлений, предусмотренных ст. 207.3, 280.3 УК РФ (на основе обобщения следственной, судебной и экспертной практики): методические рекомендации. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. 47 с.

2. Земскова С.И. Теоретические и правовые аспекты судебной экспертизы диффамационных материалов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 27 с.

3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.

4. Литература и язык: [энциклопедия] / [О.С. Асписова, А.М. Борисов, Н.А. Донская и др.]. М.: РОСМЭН, 2007. 583 с. (Современная иллюстрированная энциклопедия).

5. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика: монография / под ред. Е.И. Галяшиной. М.: Проспект, 2019. 239 с.

6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 944 с.

7. Северская О.И. Информативный или информационный? // Русский язык. 2009. № 7 (583). С. 47.

8. Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе: методическое пособие / [А.М. Плотникова, В.О. Кузнецов, И.И. Саженин и др.]; Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018. 136 с.

9. Хуснутдинов Ф.Г. Государственный орган и орган государственной власти: соотношение понятий // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 10. С. 20—24. doi: 10.18572/1813-1247-2021-10-20-24.

References

1. Antonov, O.Yu. & Saakov, T.A. (2023) Taktika naznacheniya sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy v khode rassledovaniya prestupleniy, predusmotrennykh st. 207.3, 280.3 UK RF [Tactics of appointment of a forensic linguistic examination during the investigation of crimes provided for in Articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Methodological recommendations. Moscow, Mos-

cow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 47 p. (In Russ.).

2. Zemskova, S.I. (2013) Teoreticheskie i pravovye aspekty sudebnoy ekspertizy diffamatsionnykh materialov [Theoretical and legal aspects of judicial examination of defamation materials]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 27 p. (In Russ.).

3. Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A. & Sekerazh, T.N. (2014) Metodika provedeniya sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i terrorizmu [Methods of conducting a forensic psychological and linguistic examination of materials on cases related to countering extremism and terrorism]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 98 p. (In Russ.).

4. Aspisova, O.S., Borisov, A.M. & Donskaya, N.A. et al. (2007) Literatura i yazyk [Literature and language]. Encyclopedia. Moscow, ROSMAN, 583 p. (In Russ.).

5. Nikishin, V.D. (2019) Slovesnyy religioznyy ekstremizm. Pravovaya kvalifikatsiya. Ekspertiza. Sudebnaya praktika [Verbal religious extremism. Legal qualification. Expertise. Judicial practice]. Monograph. Moscow, Prospekt, 239 p. (In Russ.).

6. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, A TEMP, 944 p. (In Russ.).

7. Severskaya, O.I. (2009) Informativnyy ili informatsionnyy? [Informative or informational?] *Russkiy yazyk*, no. 7 (583), p. 47. (In Russ.).

8. Plotnikova, A.M., Kuznetsov, V.O. & Sazhenin, I.I. et al. (2018) Semanticheskie issledovaniya v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize [Semantic research in forensic linguistic expertise]. Methodological manual. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Expertise under the Ministry of Justice of the Russian Federation, 136 p. (In Russ.).

9. Khusnutdinov, F.G. (2021) Gosudarstvennyy organ i organ gosudarstvennoy vlasti: sootnoshenie ponyatiy [A state authority and a government authority: the correlation of concepts]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, no. 10, pp. 20–24. (In Russ.). doi: 10.18572/1813-1247-2021-10-20-24.

Информация об авторах

В.Д. Никишин — доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, директор Института информационной и медиабезопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;
Т.А. Сааков — старший научный сотрудник Института информационной и медиабезопасности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший преподаватель кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Information about the authors

V.D. Nikishin – Associate Professor of the Information Law and Digital Technologies Department, Director of the Information and Media Security Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law;
T.A. Saakov – Senior Researcher of the Information and Media Security Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Senior Lecturer of the Department of Forensic Expert and Operational Investigative Activities of the Sukharev Moscow academy of the Investigative Committee, Candidate of Law, Senior Lieutenant of Justice.

Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 188—194.
Investigation of Crimes: problems and solution, 2024, no. 4, pp. 188–194.

УДК 343.982.43
doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.021

NIION: 2015-0064-04/24-267
MOSURED: 77/27-009-2024-04-466

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Экспериментальное исследование динамического стереотипа при производстве почерковедческих экспертиз подписей, выполненных от имени других лиц

Ольга Евгеньевна Рослова
Академия управления МВД России, Москва,
Россия, roslovaolga1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам исследования подписей, выполненных от имени других лиц, при невозможности определения их подлинности. На основе проведенного анкетирования экспертов судебно-экспертных учреждений (подразделений), а также собственного эмпирического опыта автора приведены проблемы, с которыми они сталкиваются при производстве почерковедческих экспертиз, объектами исследования которых являются подписи, выполненные от имени других лиц.

Предложена и обоснована идея о целесообразности проведения экспертного эксперимента с целью изучения динамического стереотипа предполагаемого исполнителя, реализуемого через его письменно-двигательный навык, что позволит дать обоснованную оценку выявленным совпадающим и различающимся признакам. Сформулированы цели, задачи и этапы проведения экспертного эксперимента, а также даны рекомендации по оценке выявленных совпадающих и различающихся признаков при исследовании рассматриваемых объектов, что будет способствовать повышению эффективности судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: экспертный эксперимент, экспертная практика, динамический стереотип, методика экспертного эксперимента, подпись от имени другого лица, двухэтапность исследования подписи, психофизиология, биометрические планшеты, идентификационная значимость признака, оценка результатов почерковедческого исследования.

Научный руководитель: В.Ю. Владимиров, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Для цитирования: Рослова О.Е. Экспериментальное исследование динамического стереотипа при производстве почерковедческих экспертиз подписей, выполненных от имени других лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2024. № 4. С. 188—194. doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.021.

An experimental study of a dynamic stereotype in the production of handwriting examinations of signatures made on behalf of other persons

Olga E. Roslova
Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow,
Russia, roslovaolga1@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of signatures executed on behalf of other persons, if it is impossible to determine their authenticity. Based on the conducted survey of experts from forensic expert institutions (departments), as well as the author's empirical experience, the problems they face in the production of handwriting examinations, the objects of research of which are signatures made on behalf of other persons.

The idea of the expediency of conducting an expert experiment in order to study the dynamic stereotype of the alleged performer, implemented through his writing and motor skills, is proposed and substantiated, which will allow to give a reasonable assessment of the identified coincident and differing signs. The goals, objectives

© Рослова О.Е., 2024

and stages of the expert experiment are formulated, as well as recommendations for evaluating the identified matching and differing features in the study of the objects under consideration, which will contribute to improving the effectiveness of forensic expertise.

Keywords: expert experiment, expert practice, dynamic stereotype, expert experiment methodology, signature on behalf of another person, two-stage signature research, psychophysiology, biometric tablets, identification significance of the trait, evaluation of the results of handwriting research.

Research supervisor: V.Yu. Vladimirov, Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the MIA of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

For citation: Roslova, O.E. (2024) An experimental study of a dynamic stereotype in the production of handwriting examinations of signatures made on behalf of other persons. *Investigation of Crimes: problems and solution*, no. 4, pp. 188–194. (In Russ.). doi: 10.54217/2411-1627.2024.46.4.021.

В современной практике производства судебно-почерковедческих экспертиз одной из актуальных и одновременно наиболее сложных задач является исследование подписей, выполненных от имени других лиц в условиях невозможности определения их подлинности[1]. Для выявления основных проблем, возникающих при исследовании объектов такого рода, было проанкетировано 200 экспертов судебно-экспертных учреждений (подразделений). По результатам анкетирования установлено, что при исследовании рассматриваемых объектов экспертам не всегда удается ответить на поставленные вопросы по следующим причинам:

- недостаточный объем информации в спорных подписях, обусловленный их краткостью и простотой строения;
- несопоставимость сравниваемых подписей по транскрипции;
- наличие в исследуемых подписях признаков необычного выполнения[2];
- недостаточное количество и качество предоставленного сравнительного почеркового материала предполагаемых исполнителей.

Кроме того, при решении данной задачи основные трудности у экспертов вызывает оценка выявленных ими совпадающих и различающихся признаков при отсутствии образцов подписей лиц, от имени которых выполнены спорные подписи. В ряде случаев экспертам сложно однозначно оценить выявленные ими признаки не с точки зрения того, что их недостаточно, а в связи с тем, что им не удается до конца оценить механизм реализации динамического стереотипа письменно-двигательного навыка исполнителя[3] (далее — ДС ПДН исполнителя). При производстве почерковедческой экспертизы подписей, выполненных от имени других лиц, идентификационную значимость признаков сложно определить только по частоте их встречаемости в почерках разных лиц, так как по сравнению с почерком данные объекты исследования в большинстве случаев краткие, имеют безбуквенные или смешанные транскрипции, соответственно, требуют индивидуального подхода к каждому объекту исследования и оценке выявленных признаков. Для решения обозначенной проблемы по аналогии с другими видами экспертиз (например, трасологической, где идентификационная значимость признаков определяется не на основе частоты их встречаемости, а на основе проведенного экспертного эксперимента) при производстве почерковедческой экспертизы также представля-

[1] Подлинная подпись — подпись, выполненная тем лицом, от имени которого она значится.

[2] Вопросы, связанные с исследованием подписей, выполненных от имени других лиц, не содержащих признаков необычного выполнения, а также содержащих признаки необычного выполнения, были рассмотрены ранее. См.: Рослова О.Е. О возможности установления исполнителя спорной подписи, не содержащей признаков необычного выполнения, из числа предполагаемых лиц при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится // Экспертная практика. 2023. № 94. С. 20—26; Рослова О.Е. Некоторые вопросы исследования подписей, выполненных от имени других лиц, содержащих признаки необычного выполнения // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 24 мая 2024 года): в 2 ч. Ч. 2. М., 2024. С. 105—109.

[3] Рослова О.Е., Владимиров В.Ю. Актуальные вопросы, связанные с возможностью установления исполнителя исследуемой подписи из числа предполагаемых исполнителей при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года. СПб, 2023. С. 278.

ется целесообразным проведение **экспертного эксперимента**, позволяющего определить относительную устойчивость того или иного признака. Профессор Т.В. Аверьянова относит экспертный эксперимент к методам эмпирического исследования[4]. Придерживаясь этой позиции, полагаем, что при производстве почерковедческой экспертизы путем такого практического наблюдения за динамическим стереотипом предполагаемого исполнителя у эксперта будет возможность исследовать его механизм, реализуемый через письменно-двигательный навык при определенных условиях выполнения.

Целью получения экспериментальных образцов следователем в порядке ч. 3 ст. 202 УПК РФ с привлечением специалиста, как правило, является фактический объем, рекомендованный для производства почерковедческой экспертизы[5]. Традиционно при производстве почерковедческой экспертизы эксперт изучает лишь *результат* реализации письменно-двигательного навыка в статике, сравнивая спорную подпись, выполненную от имени другого лица, с подписями (подписным почерком) предполагаемого исполнителя в образцах, в том числе выполненных с разрывом во времени, но по статичным объектам, в которых не всегда удается однозначно оценить истинную природу выявленных признаков. Главным преимуществом экспертного эксперимента, проводимого экспертом, будет возможность наблюдать сам *процесс* реализации ДС через ПДН конкретного исполнителя в заданных условиях, которые эксперт может менять в процессе его проведения. Среди актуальных проблем, требующих специального рассмотрения, обозначены следующие:

- определение фактического и информационного объемов в спорной подписи и в представленном сравнительном материале предполагаемых исполнителей;
- определение в процессе экспертного эксперимента идентификационной значимости выявленных совпадающих и различающихся признаков, а также их оценка.

Для решения первой задачи эксперту необходимо определить пригодность спорной подписи и достаточность ее информационного объема[6] для производства идентификационного исследования. Спорная подпись, содержащая крайне малый информационный объем, может быть признана непригодной для проведения идентификационного исследования. К таким объектам, как правило, относятся подписи, состоящие из нескольких штрихов, не связанных в определенную систему; подписи, состоящие из 1—2 букв и/или элементов, не образующих букв, выполненных маловыработанными движениями; подписи, в которых имеются значительные повреждения их фрагментов, и пр. В таком случае отпадает необходимость в проведении экспертного эксперимента и получении дополнительных сравнительных образцов предполагаемых исполнителей.

Учитывая, что применение общепринятой методики исследования подписей[7] малоэффективно при исследовании объектов такого рода, в качестве решения второй обозначенной проблемы, в случае если у эксперта возникнут затруднения, представляется целесообразным проведение экспертного эксперимента (см. рис. 1).

---

[4] Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006. С. 238.

[5] Практикой выработано, что эксперту для исследования необходимо предоставить, как правило, не менее 5—10 листов свободных и столько же экспериментальных образцов, а также условно-свободные образцы подписей и почерка каждого предполагаемого исполнителя.

[6] Информационный объем подписи напрямую зависит от ее транскрипции, конструктивной сложности, степени выработанности, а также от характера и степени влияния «сбивающих» факторов *(при их наличии)*.

[7] Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД РСФСР/ под ред. Р.С. Белкина. Волгоград, 1977; Коршиков А.П. Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей и подписей. Ч. 1: Методические рекомендации по определению технологических параметров выполнения рукописных записей. М., 2005; Методика исследования подписей: методическое пособие для экспертов / под ред. В.Ф. Орловой. М.: РФЦСЭ, 1997; Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2015; Идентификационное исследование подписи / И.И. Рубцова, С.В. Волкова, А.П. Коршиков, П.В. Бондаренко, Л.А. Сысоева // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общая редакция В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 300—309; Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы / под ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006; Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / под науч. ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

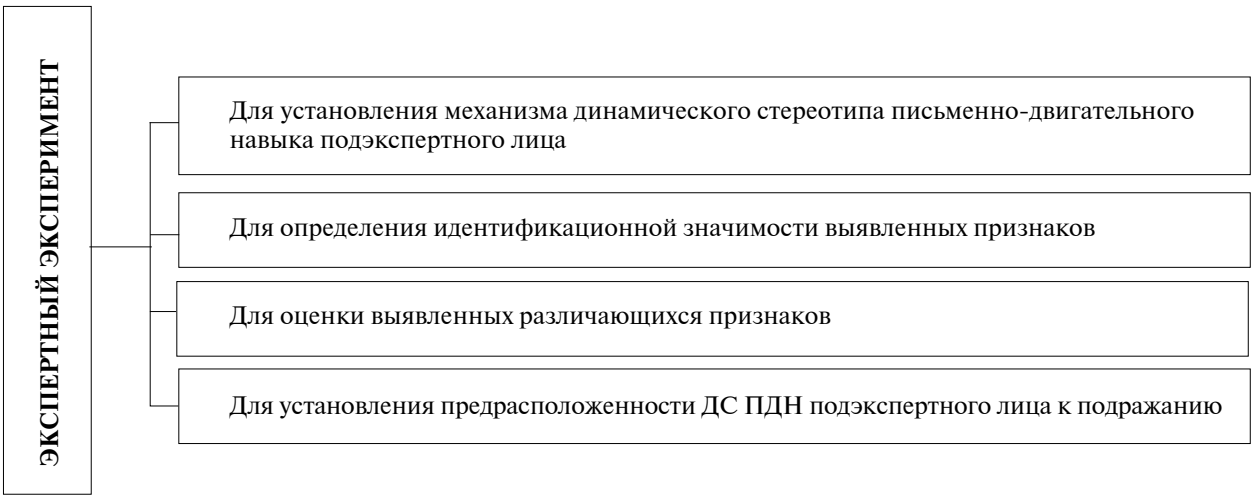


Рис. 1. Цели экспертного эксперимента при производстве почерковедческих экспертиз

Проведение экспертного эксперимента необходимо для изучения динамического стереотипа, реализуемого через письменно-двигательный навык исполнителя, и выявления в рассматриваемых объектах наличия взаимообусловленных связей между общими и частными признаками, определения идентификационной значимости выявленных признаков, а также оценки выявленных различающихся признаков. При этом для объективизации процесса исследования необходимо изучить вопросы взаимозависимости признаков почерка в однотипно выполняемых элементах, в том числе разноименных букв, с учетом их соединения с предыдущими и последующими элементами опираясь на принцип *блочного* строения почерка. Названный принцип заключается в том, что письменно-двигательный навык каждого исполнителя реализуется как совокупность определенного числа разнохарактерных движений — *блоков*, определенные сочетания которых и образуют все возможные почерковые реализации[8]. Этот принцип является эффективным при исследовании рассматриваемых объектов почерковедческой экспертизы, так как позволяет найти общие проявления письменно-двигательного навыка, которые характеризуют почерк (подпись) в целом.

В криминалистической литературе выделяют три основных этапа экспертного эксперимента:

§ подготовительный;
§ осуществление эксперимента;
§ оценка результатов эксперимента[9].

Применительно к почерковедческой экспертизе подписей, выполненных от имени других лиц, в условиях невозможности определения их подлинности предлагаем следующую схему проведения экспертного эксперимента (см. рис. 2).

Целью проводимого экспертного эксперимента будет познание механизма реализации динамического стереотипа через письменно-двигательный навык подэкспертного лица посредством его *динамического* наблюдения. Для достижения поставленной цели эксперту необходимо создать условия, в которых, согласно обстоятельствам дела или выдвинутым версиям, была выполнена спорная подпись. Условия, порядок, способы и технические средства обеспечения проведения эксперимента определяются экспертом в зависимости от поставленных задач. К числу таких технических средств на современном этапе можно отнести *устройства для контроля динамики психофизического состояния человека, биометрические планшеты и пр.* Очевидным преимуществом экспертного эксперимента перед отбором образцов, проводимым следователем или в суде, является возможность изучения динамической природы отображаемых признаков, а это существенно расширит возможности аналитической оценки эксперта. Кроме того, в дан-

[8] Окромешко Н.Г., Савельева О.А. Психофизиологические и информационные аспекты блочного строения почерка // Актуальные вопросы судебно-почерковедческой экспертизы: сборник научных трудов. М., 1985. С. 127.

[9] Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М., 1964. С. 5.

ном случае реализуется возможность контроля за процессом получения специальных экспериментальных образцов в случае, если подэкспертное лицо попытается изменить свой ПДН. Ход и результаты экспертного эксперимента должны быть отражены в заключении эксперта, что, в свою очередь, даст возможность более объективной оценки заключения эксперта[10].

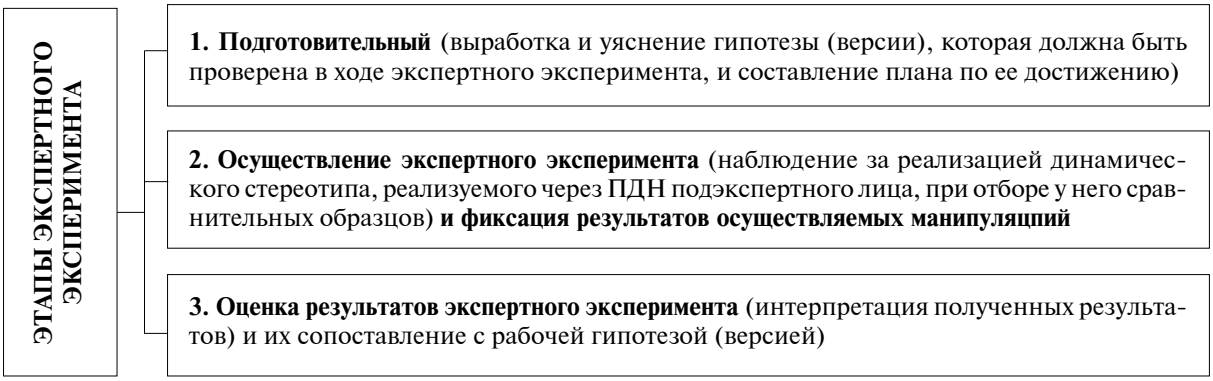


Рис. 2. Этапы проведения экспертного эксперимента при производстве почерковедческих экспертиз

В процессе проводимого экспертного эксперимента эксперту необходимо наблюдать за тем, как при выполнении *специальных экспериментальных* образцов в заданных и контролируемых им условиях изменяется или приспосабливается ДС ПДН каждого исполнителя, сопровождающийся изменением отображающихся в образцах признаков. Известно, что лица, обладающие высоковыработанными почерками и совершенной системой движений, обладают более гибким ПДН, соответственно, бóльшими возможностями для подражания. Это объясняется тем, что их навык легче поддается волевому контролю. При этом лица, имеющие высокую степень выработанности ПДН, могут выполнять подписи от имени других лиц с диагностическими признаками, что может свидетельствовать об их достаточно косном ПДН, соответственно, меньших способностях к подражанию[11]. Если при выполнении подписей от имени других лиц у подэкспертных лиц отсутствуют диагностические признаки, то это свидетельствует о том, что все эти изменения происходят в пределах навыковых возможностей подписных почерков исполнителей, обладающих достаточной динамичностью при сохранении устойчивых характеристик. Особенно важно это учитывать при наличии нескольких проверяемых лиц, обладающих схожими почерками высокой степени выработанности. Отдельные признаки в спорной подписи, выполненной от имени другого лица, связаны между собой через динамический стереотип конкретного исполнителя. Соответственно, появление любого признака не является случайным, а обусловлено возможностями и приспособляемостью письменно-двигательного навыка исполнителя, которые можно наглядно увидеть в процессе проведения экспертного эксперимента.

Подводя итоги, можно сказать, что в ходе проведения экспертного эксперимента у эксперта появляется возможность дать обоснованную оценку выявленным совпадениям и различиям общих и частных признаков, что в ряде случаев невозможно при изучении только *результата* ДС ПДН исполнителя, отображенного в представленном сравнительном материале. Эксперт при этом изучает ПДН с точки зрения его *динамичности* и *стереотипности*, где *динамичность* определяет пределы вариационности ПДН, а *стереотипность* — устойчивость выявленных признаков, что обеспечивает идентификационную

[10] Согласно ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также ст. 204 УПК РФ материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью. Документы, фиксирующие ход, условия и результаты исследований, хранятся в государственном судебно-экспертном учреждении.

[11] Дифференциация высоковыработанных почерков по степени совершенства системы движений: методическое письмо / сост.: И.А. Славуцкая, Л.Р. Семина, Т.Г. Злобина. М.: ВНИИСЭ, 1975. С. 6.

значимость конкретного признака. Кроме того, по характеру отображения признаков в ряде случаев удается определить условия выполнения спорной подписи, а также выявить совокупность признаков, свидетельствующих о намеренном искажении экспериментального материала.

Список литературы

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М.: Норма, 2006. 480 с.

2. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Юридическая литература, 1964. 223 с.

3. Винберг Л.А., Шванкова М.В. Почерковедческая экспертиза: учебник для вузов МВД РСФСР/ под ред. Р.С. Белкина. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР, 1977. 208 с.

4. Дифференциация высоковыработанных почерков по степени совершенства системы движений: методическое письмо / сост.: И.А. Славуцкая, Л.Р. Семина, Т.Г. Злобина. М.: ВНИИСЭ, 1975. 16 с.

5. Идентификационное исследование подписи / И.И. Рубцова, С.В. Волкова, А.П. Коршиков, П.В. Бондаренко, Л.А. Сысоева // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общая редакция В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 300—309.

6. Коршиков А.П. Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей и подписей. Ч. 1: Методические рекомендации по определению технологических параметров выполнения рукописных записей. М., 2005. 238 с.

7. Методика исследования подписей: методическое пособие для экспертов / под ред. В.Ф. Орловой. М.: РФЦСЭ, 1997. 238 с.

8. Окромешко Н.Г., Савельева О.А. Психофизиологические и информационные аспекты блочного строения почерка // Актуальные вопросы судебно-почерковедческой экспертизы: сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1985. С. 127—147.

9. Почерковедение и почерковедческая экспертиза: учебник / под ред. В.В. Серегина. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2015. 340 с.

10. Рослова О.Е. Некоторые вопросы исследования подписей, выполненных от имени других лиц, содержащих признаки необычного выполнения // Криминалистическое обеспечение безопасности Российской Федерации в финансовой сфере (65-е ежегодные Криминалистические чтения): сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 24 мая 2024 года): в 2 ч. Ч. 2. М.: Академия управления МВД России, 2024. С. 105—109.

11. Рослова О.Е. О возможности установления исполнителя спорной подписи, не содержащей признаков необычного выполнения, из числа предполагаемых лиц при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится // Экспертная практика. 2023. № 94. С. 20—26.

12. Рослова О.Е., Владимиров В.Ю. Актуальные вопросы, связанные с возможностью установления исполнителя исследуемой подписи из числа предполагаемых исполнителей при отсутствии образцов подписей лица, от имени которого она значится // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 2 декабря 2022 года / сост.: А.Р. Акиев, Т.А. Бадзгарадзе. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 275—280.

13. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть. Теоретические и методические основы / под ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 2006. 544 с.

14. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / под науч. ред. В.Ф. Орловой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РФЦСЭ при Минюсте РФ, 2011. 538 с.

References

1. Averyanova, T.V. (2006) Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii [Forensic examination. The course of general theory]. Moscow, Norma, 480 p. (In Russ.).

2. Belkin, R.S. (1964) Eksperiment v sledstvennoy, sudebnoy i ekspertnoy praktike [Experiment in investigative, judicial and expert practice]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 223 p. (In Russ.).

3. Vinberg, L.A., Shvankova, M.V. & Belkin, R.S. (ed.) (1977) Pocherkovedcheskaya ekspertiza [Handwriting expertise]. Textbook. Volgograd, Higher Investigative School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 208 p. (In Russ.).

4. Slavutskaya, I.A., Semina, L.R. & Zlobina, T.G. (1975) Differentsiatsiya vysokovyrabotannykh pocherkov po stepeni sovershenstva sistemy dvizheniy [Differentiation of highly developed handwriting

according to the degree of perfection of the movement system]. Moscow, All-Union Scientific Research Institute of Forensic Examinations, 16 p. (In Russ.).

5. Rubtsova, I.I., Volkova, S.V., Korshikov, A.P., Bondarenko, P.V. & Sysoeva, L.A. (2010) Identifikatsionnoe issledovanie podpisi [Identification research of a signature]. In: Dil'din, Yu.M. & Martynov, V.V. (eds.) *Tipovye ekspertnye metodiki issledovaniya veshchestvennykh dokazatel'stv. Vol. 1.* Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, pp. 300–309. (In Russ.).

6. Korshikov, A.P. (2005) Obshchaya metodika provedeniya identifikatsionnykh pocherkovedcheskikh issledovaniy dlya ustanovleniya ispolniteley rukopisnykh zapisey i podpisey [A general methodology for conducting identification handwriting studies to identify the performers of handwritten notes and signatures]. Vol. 1. Metodicheskie rekomendatsii po opredeleniyu tekhnologicheskikh parametrov vypolneniya rukopisnykh zapisey [Methodological recommendations for determining the technological parameters of handwritten notes]. Moscow, 238 p. (In Russ.).

7. Orlova, V.F. (ed.) (1997) Metodika issledovaniya podpisey [Methods of signature research]. Methodological guide for experts. Moscow, Russian Federal Centre of Forensic Science, 238 p. (In Russ.).

8. Okromeshko, N.G. & Savel'eva, O.A. (1985) Psikhofiziologicheskie i informatsionnye aspekty blochnogo stroeniya pocherka [Psychophysiological and informational aspects of the block structure of handwriting]. In: *Aktual'nye voprosy sudebno-pocherkovedcheskoy ekspertizy. Collection of proceedings.* Moscow, All-Union Scientific Research Institute of Forensic Examinations, pp. 127–147. (In Russ.).

9. Seregin, V.V. (ed.) (2015) Pocherkovedenie i pocherkovedcheskaya ekspertiza [Handwriting and handwriting expertise]. Textbook. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 340 p. (In Russ.).

10. Roslova, O.E. (2024) Nekotorye voprosy issledovaniya podpisey, vypolnennykh ot imeni drugikh lits, soderzhashchikh priznaki neobychnogo vypolneniya [Some issues of the study of signatures executed on behalf of other persons containing signs of unusual execution]. In: *Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v finansovoy sfere (65-e ezhegodnye Kriminalisticheskie chteniya). Sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moscow, May 24, 2024. Vol. 2.* Moscow, Academy of Management of the MIA of Russia, pp. 105–109. (In Russ.).

11. Roslova, O.E. (2023) O vozmozhnosti ustanovleniya ispolnitelya spornoy podpisi, ne soderzhashchey priznakov neobychnogo vypolneniya, iz chisla predpolagaemykh lits pri otsutstvii obraztsov podpisey litsa, ot imeni kotorogo ona znachitsya [On the possibility of establishing the executor of the disputed signature, which does not contain signs of unusual execution, from among the alleged persons in the absence of samples of signatures of the person on whose behalf it appears]. *Ekspertnaya praktika*, no. 94, pp. 20–26. (In Russ.).

12. Roslova, O.E. & Vladimirov, V.Yu. (2023) Aktual'nye voprosy, svyazannye s vozmozhnost'yu ustanovleniya ispolnitelya issleduemoy podpisi iz chisla predpolagaemykh ispolniteley pri otsutstvii obraztsov podpisey litsa, ot imeni kotorogo ona znachitsya [Topical issues related to the possibility of establishing the executor of the signature under study from among the alleged perpetrators in the absence of signature samples of the person on whose behalf it is listed]. In: *Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii. Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Saint Petersburg, December 2, 2022.* Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 275–280. (In Russ.).

13. Orlova, V.F. (ed.) (2006) Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza. Obshchaya chast'. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy [Forensic handwriting examination. The general part. Theoretical and methodological foundations]. 2nd ed. Moscow, Nauka, 544 p. (In Russ.).

14. Orlova, V.F. (ed.) (2011) Sudebno-pocherkovedcheskaya ekspertiza. Osobennaya chast'. Issledovanie maloob"emnykh pocherkovykh ob"ektov [Forensic handwriting examination. The special part. The study of low-volume handwriting objects]. 2nd ed. Moscow, Russian Federal Centre of Forensic Science, 538 p. (In Russ.).

Информация об авторе

О.Е. Рослова – адъюнкт 3 факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России.

Information about the author

O.E. Roslova – Postgraduate student of the 3rd Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia.